

КАРЕЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

ПАМЯТНИКИ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА ВОДЛОЗЕРЬЯ

СКАЗКИ Водлозерья

Составитель А. С. Лызлова

Петрозаводск
ИП Барбашина Е. А.
2013

ББК 82.3(2=411.2)-442 +
82.3(2Рос.Кар)-442
УДК 398
С 42

*Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке
Министерства культуры Республики Карелия*

Рецензенты:

д. ф. н., профессор Е. М. Неёлов, к. ф. н. В. П. Кузнецова

Научный редактор:

Е. М. Неёлов

*Рекомендовано к печати Ученым советом Института языка,
литературы и истории Карельского научного центра РАН*

ISBN 978-5-905699-07-8

© А. С. Лызлова, составление

© ИП Барбашина Е. А., издательство BAREA

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Более десяти лет назад, в 1997 г., в Петрозаводске в свет вышла небольшая книга «Предания и былички». Составитель сборника, научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (ИЯЛИ КарНЦ РАН), В. П. Кузнецова во вступительном слове отметила, что издание «открывает серию “Памятники русского фольклора Водлозерья”»¹. Однако по многим причинам до настоящего времени указанный сборник был первым и единственным в этой серии.

Предлагаемое читателю издание может считаться продолжением начатого пятнадцать лет назад дела. В нем представлены девяносто текстов сказочного содержания, записанных на территории Водлозерья сотрудниками ИЯЛИ КарНЦ РАН, в 30—40-е, 70-е и 90-е гг. XX в. Эти материалы хранятся в Научном архиве КарНЦ РАН и Фонограммархиве ИЯЛИ КарНЦ РАН.

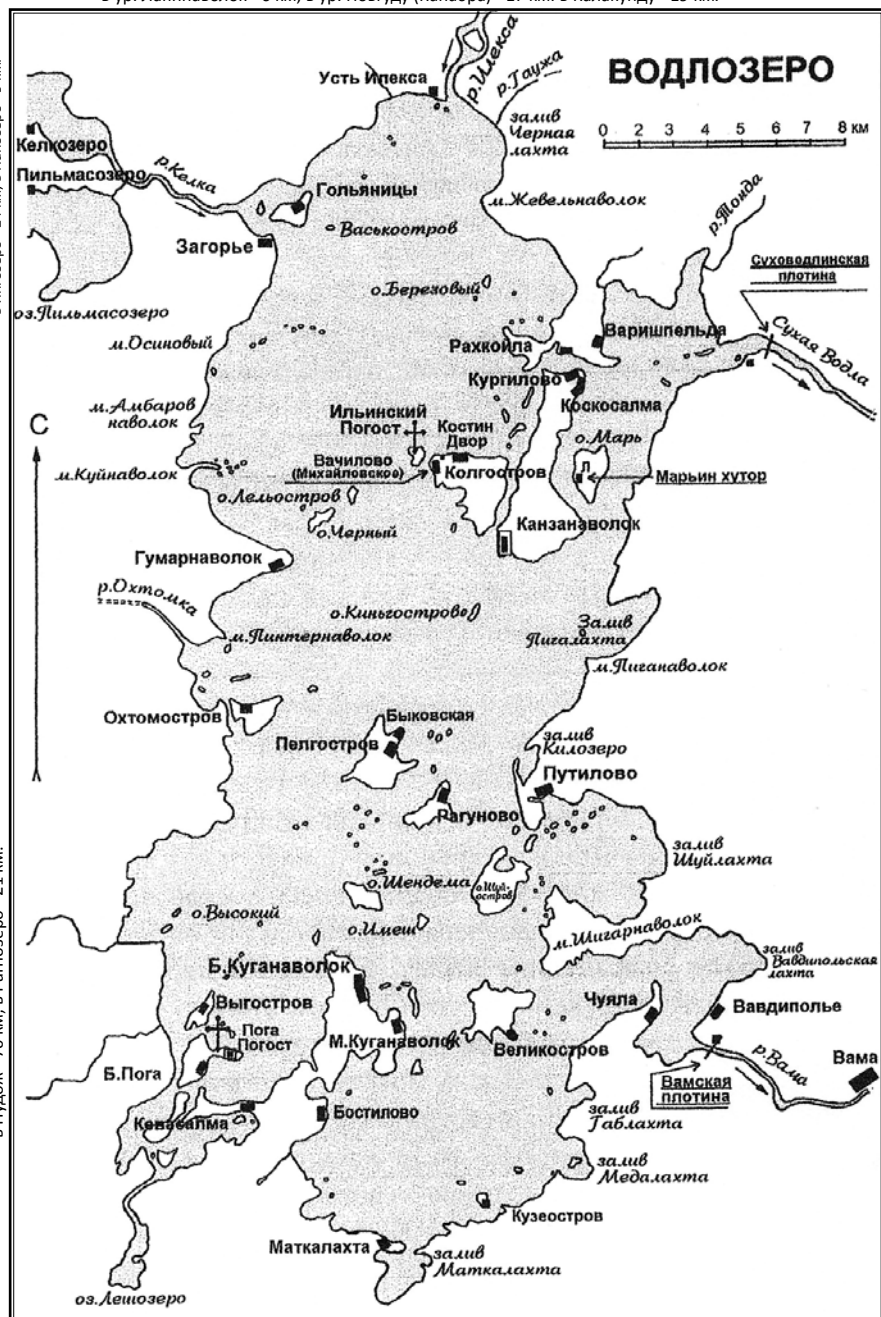
Географический принцип, лежащий в основе сборника, обусловил расположение материала: сказки группируются по населенным пунктам, которые даются в алфавитном порядке. Внутри населенных пунктов тексты публикуются по исполнителям, тоже в алфавитном порядке. Внутри рубрики, посвященной отдельному исполнителю, сказки располагаются в хронологическом порядке (по времени записи).

Все сказки озаглавлены. Названия, данные собирателями или составителем сборника, помещены в квадратные скобки. В текстах ремарки исполнителей заключены в круглые скобки и выделены курсивом, уточнения и дополнения собирателей — в квадратных скобках, курсив.

При подготовке сказок к публикации сохранены диалектные особенности. В сборнике имеется вступительная статья, даются примечания к текстам, прилагаются список исполнителей сказок, сюжетоуказатель и словарь местных слов.

¹ Памятники русского фольклора Водлозерья: Предания и былички / Изд. подгот. В. П. Кузнецова. Петрозаводск, 1997. С. 5.

в Пулуж - 70 км: в Рагнозеро - 21 км.

в Ануфриевскую - 12 км; в Верх. Половину - 15 км; в Ниж. Половину - 18 км.

О СКАЗОЧНОЙ ТРАДИЦИИ ВОДЛОЗЕРЬЯ

Озеро Водлозеро расположено в Пудожском районе Карелии и относится к числу крупных водоемов республики. Прилегающая к нему территория является местом компактного проживания особой этнолокальной группы русских, именуемой водлозерями, которая исследована в работах К. К. Логинова². Этот район известен с древнейших времен: водлозерские поселения упоминаются в новгородской берестяной грамоте № 2, относящейся по времени возникновения ко второй половине XIV века. В данном источнике представлена роспись пушного оброка³; здесь фигурируют три населенных пункта Водлозерья: «игугморо наволоки» (Гумарнаволоки), «воликомо острове» (Великостров), «у гостили» (Бóстилово, которое в «Писцовой книге Обонежской пятины» за 1563 г. обозначается как «деревня на Гостилове наволоке»⁴).

В старину по этой территории проходил один из торговых путей в Поморье, но «после переноса столицы в Петербург <...> вод-

² Логинов К. К. Этнолокальная группа русских Водлозерья. М. Наука, 2006; Логинов К. К. Традиционный жизненный цикл русских Водлозерья: обряды, обычаи и конфликты. М., 2010.

³ Арциховский А. В., Тихомиров М. Н. Новгородские грамоты на бересте. М., 1953. С. 21—25; <http://gramoty.ru/index.php?no=2&act=full&key=bb>.

⁴ Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930. С. 176.

лозёры оказались в совершенном захолустье»⁵. В конце 20-х гг. XX в. известный фольклорист Б. М. Соколов писал об этом крае: «Далекое глухое Водлозеро. „Загнано место“, как выражаются сами водлозёры. Около 70 километров от Пудожя.

Кругом леса. Колесная дорога, и то сравнительно недавняя, только от Пудожя <...>.

Кругом же колесных дорог нет, только лесные тропы. Люди ходят пешком или ездят верхом на мешках. Кладь везут на волокушах, на полозьях или просто кольях, колеса там не нужны.

Это кругом озера, а вся жизнь водлозерских селений сосредоточена на нем, на самом этом „озерушке“.

Тридцать деревень разместились на его бесчисленных островах.

Население им сделало учет: „их столько и малых и больших, сколько дней в году, да еще один“.

Сообщаются только на лодках, других сообщений нет. Островная культура»⁶.

В 1973 г. участники одной из фольклорных экспедиций Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР (ныне ИЯЛИ КарНЦ РАН) так характеризовали эту территорию: «Водлозерский куст (деревень. — А. Л.) <...> трудно доступен в транспортном отношении. Летом туда можно попасть только на самолете через Онежское озеро и Водлозеро. По берегам Водлозера расположено несколько населенных пунктов. Участники экспедиции посетили следующие деревни: Куганаволок, Погу, Бостилово, Пёлгостров, Канзанаволок. Когда-то эти деревни жили полнокровной жизнью, общались между собой, имели свои традиции, весь уклад их жизни был специфичен для

⁵ Логинов К. К. Этнолокальная группа... С. 6.

⁶ Соколов Б. Поэзия Водлозера. Из записок исследователя // Памятники русского фольклора Водлозерья: Предания и былички. Петрозаводск, 1997. С. 142.

этих мест. В настоящее время в жизни населения произошли существенные изменения. Своеобразным центром Водлозерского куста стал Куганаволок, где расположены административные и культурно-просветительские учреждения: сельский совет, правление колхоза (рыболовецкого), рыбный завод, молочная ферма, 8-летняя школа с интернатом, почта и телеграф, столовая, клуб, детский сад и ясли, медицинский пункт.

Другие населенные пункты в настоящее время практически лишены торгового и культурно-бытового обслуживания. Большинство населения приозерных деревень стремится перебраться в более удобные для жизни места, покидают свои дома и переезжают или в Куганаволок, или в другие населенные пункты Пудожского района.

Сообщение с Водлозером в основном воздушное (гидросамолет: Петрозаводск — Куганаволок — Пудож), а между деревнями — летом преимущественно водное (моторные лодки), санный путь зимой»⁷.

И сейчас, во втором десятилетии XXI в., эта территория удалена от центральных дорог, обособлена и труднодоступна. С 1991 г. она является частью Национального парка «Водлозерский».

Особая изолированность края способствовала сохранению здесь богатой фольклорной традиции⁸, о чем стало известно уже в 70-е гг. XIX в. В 1871 г. в Водлозерье побывал профессор Петербургского университета А. Ф. Гильфердинг, которому удалось записать более двадцати былин. Позднее, в 1887 г., богатый фольклорный материал, включающий предания, бы-

⁷ Отчет об экспедиции в Пудожский район сотрудников сектора фольклора и этнографии Института ЯЛИ КФ АН СССР // НА КарНЦ Ф. 1, оп. 1., кол. 133. Л. 1—2.

⁸ См. подробно: Кузнецова В. П. Исследования фольклористов на Водлозере // Природное и культурное наследие Водлозерского национального парка. Петрозаводск, 1995. С. 211—216.

лички, заговоры, был собран здесь этнографами братом и сестрой Н. Н. и В. Н. Харузиными. Летом 1928 г. на Водлозере работали участники экспедиции «По следам Рыбникова и Гильфердинга», сосредоточившие внимание на изучении эпической традиции. Между тем, один из руководителей указанной экспедиции Ю. М. Соколов в своих «Заметках», посвященных поездке, писал о том, что «<...> соблазн уклониться в сторону был чрезвычайно большой, так как в Онежском крае в полном расцвете разные фольклорные жанры, в том числе и сказочное творчество»⁹.

Первые единичные записи сказок Водлозерья, хранящиеся в Научном архиве КарНЦ РАН¹⁰, относятся к 30—40-м гг. XX столетия и имеют рукописный характер. Так, в 1938 г. сотрудник Карельского научно-исследовательского института культуры (КНИИК, ныне ИЯЛИ КарНЦ РАН) В. Р. Дмитриченко записал одну сказку-анекдот от 65-летнего неграмотного жителя д. Вама Г. И. Коренева.

В 1940 г. в экспедиции в Пудожском районе побывали Б. Е. Марголис (Чистова) и К. В. Чистов. В д. Рагнозеро им удалось зафиксировать сказку от неграмотной М. Е. Болтушкиной 72 лет, переехавшей сюда тремя годами ранее из д. Колгостров, расположенной на Водлозере.

В 1945 г. сотрудник КНИИК А. В. Белованова записала девять сказок от четырех жителей разных населенных пунктов Водлозерья. Четыре текста были рассказаны грамотным П. Я. Леонтьевым (1893 г. р.) в д. Гумарнаволок. По две сказки собирательница зафиксировала от неграмотной А. Г. Митрофановой (1882 г. р.) в д. Чуяла и от 80-летней жительницы д. Куганаволок М. П. Кузне-

⁹ Соколов Ю. М. Заметки о фольклорной экспедиции 1926—1928 гг. // Онежские былины. М., 1948. С. 4—5. (Летописи Гос. лит. музея. Кн. 13).

¹⁰ Далее в тексте — НА КарНЦ РАН.

цовой. Одно произведение сказочного жанра А. В. Белованова записала в д. Нижняя Половина от 58-летней М. В. Петровой.

Таким образом, к середине XX в. в НА КарНЦ РАН было всего 11 сказок с территории Водлозерья. Они входят в состав 2, 8 и 16 коллекций архива. При этом несколько из упомянутых носителей фольклора имели в своем репертуаре достаточно большое количество произведений, что отмечено в материалах собирателей. Так, например, Г. И. Коренев «сказки выслушал в лесу, так как работал лесничим, знает их не очень много (около 15—20), все — короткие»¹¹, А. Г. Митрофанова «сказки слышала у своей матери, от неё научилась. Знает 10—12 сказок»¹², П. Я. Леонтьев «слыхал больше всего сказки в армии (около 50 сказок)»¹³. Сложившаяся ситуация, связанная с небольшим количеством сказок, обусловлена тем, что в 1930—40-е гг. процесс сбора фольклорного материала был очень трудоемким, поскольку записи делались от руки.

После экспедиции 1945 г. собирательская работа на Водлозере не велась почти тридцать лет. Возобновилась она лишь в 70-е гг. XX века. В это время состоялось три поездки работников ИЯЛИ КарНЦ РАН в интересующий нас район.

Летом 1973 г. сотрудники сектора фольклора и этнографии А. П. Разумова, Т. А. Коски, Е. И. Русакова и студентка ПетрГУ Е. М. Гин записали 28 сказок от восьми жителей деревень Колгостров, Куганаволок, Пёлгостров, Пога. От четырех носительниц фольклора — Т. Г. Фофановой (1898 г. р.) из д. Куганаволок, 71-летней М. М. Ушковой из д. Колгостров, 35-летней А. П. Белой и 80-летней Е. П. Белой в д. Пёлгостров — удалось зафиксировать

¹¹ Носители фольклорных традиций (Пудожский район Карелии) / Сост. Т. С. Курец. Петрозаводск, 2003. С. 138.

¹² Там же. С. 180.

¹³ Там же. С. 163.

Степан Петрович и Татьяна Григорьевна Фофановы

по одной сказке. Еще по одному тексту рассказали две девочки: 12-летняя Г. Минина в д. Куганаволок и 11-летняя жительница д. Пога Н. Лёвина. Три сказки анекдотического содержания собиратели зафиксировали от 80-летнего жителя д. Куганаволок С. П. Фофанова.

Итак, большинство из упомянутых носителей фольклора рассказали сотрудникам ИЯЛИ КарНЦ РАН от одной до трех сказок. В то же время от двух сказочниц удалось записать большее количество текстов. Так, от 73-летней М. И. Пименовой в д. Пёлгостров было зафиксировано 8 сказок. А неграмотная жительница д. Пога Е. М. Лёвина (1895 г. р.) рассказала собирателям одиннадцать сказок. При этом внучка Лёвиной (Надежда) сообщила участникам экспедиции, «что бабушка знает 50 сказок»¹⁴. Через

¹⁴ Отчет об экспедиции... // НА КарНЦ РАН Ф. 1, оп. 1, кол. 133, л. 6.

Мария Павловна Егорова

год сотрудники ИЯЛИ КарНЦ РАН снова приехали на Водлозеро.

Летом 1974 г. Е. И. Русакова и студентки ПетрГУ М. Нигметова и О. Устинская зафиксировали от Лёвиной 43 сказки, включая десять повторных записей.

В тот же выезд участники экспедиции (к ним присоединилась В. П. Кузнецова) посетили д. Канзанаволок, где от 62-летней М. П. Егоровой было записано 14 сказок.

В д. Куганаволок тогда же были записаны произведения сказочного жанра от восьми жителей. По одной сказке рассказали 6-летняя С. Бобкова и 11-летняя О. Крюкова¹⁵, а также 72-летняя Е. Ф. Лещёва и А. А. Соловьева (1910 г. р.). По две сказки были зафиксированы от 68-летней А. И. Рахмановой, 59-летней

¹⁵ Эти две девочки являются внучками О. А. Крюковой, от которой также производились записи сказок.

Елизавета Федоровна Лещёва

Ольга Акимовна Крюкова

О. А. Крюковой и 68-летней А. В. Елисеевой. Шесть сказок удалось записать от А. Д. Егоровой, 1900 г. р.

Спустя три года, в июне 1977 г., сотрудники сектора фольклора вновь отправились в Водлозерье. На этот раз Т. И. Сенькина и Т. С. Курец посетили д. Куганаволок, где повторно записали сказки о животных от упоминаемых выше А. И. Рахмановой (2) и А. А. Соловьевой (1). Тогда же собирательницы зафиксировали фольклорные произведения от трех жительниц д. Бóстилово: девять сказок сообщила Е. И. Ладзянова (1919 г. р.), шесть текстов сказочного содержания были записаны от А. И. Яшовой, три сказки рассказала Ю. М. Вершинина (1926 г. р.)

Записанные в 1973, 1974 и 1977 гг. сказки Водлозерья вошли в состав 133, 73 и 184 коллекций НА КарНЦ РАН, соответственно.

Таким образом, в 70-е гг. XX в. сотрудникам ИЯЛИ КарНЦ РАН удалось зафиксировать около 130 сказок на территории Водлозерья. Это стало возможно благодаря пришедшей на помощь собирателям технике; все записи были сделаны на магнитофон.

**Ювеналия Михайловна
Вершинина**

В августе 1993 г. состоялась еще одна экспедиция в Водлозерье, в которой приняли участие фольклорист В. П. Кузнецова, музыковед Т. В. Краснопольская и этнограф А. В. Окунев. Во время этой поездки было записано 17 сказок и присказок. В д. Куганаволок Л. Н. Сухова (1920 г. р.) рассказала собирателям девять текстов сказочного содержания разного объема. От жительницы того же населенного пункта А. С. Никифоровой было записано четыре сказки. По две сказки сообщили А. И. Пименова (1932 г. р.) в д. Кугана-

волок и О. С. Данилина в д. Кочनावолок¹⁶.

В 1996—97 гг. в Водлозерье проводились экспедиции, во время которых В. П. Кузнецовой, С. В. Куликовым и А. А. Лапиным были произведены видеозаписи исполнения традиционного фольклора. В д. Куганаволок подобным способом удалось зафиксировать сказки от уже упоминаемых ранее А. И. Пименовой (3) и Л. Н. Суховой (1).

Итак, история собирания сказок сотрудниками ИЯЛИ КарНЦ РАН в Водлозерье четко распадается на три периода: 1) 1930—1940-е гг., 2) 1970-е гг. и 3) 1990-е гг., которые отличаются не только характером записи, но и количеством текстов. В первый период на данной территории было собрано всего 11 сказок, что обусловлено сложностью фиксации текстов от руки. Во второй период участники экспедиций стали пользоваться магнитофонами, поэтому количество записанных сказочных текстов увеличилось и составило около 130 единиц. При этом почти половина из

¹⁶ Название северной части д. Куганаволок.

Анна Степановна Никифорова

них (более 70 сказочных произведений) зафиксирована в 1974 г. В третий период было собрано 20 сказок и присказок, что свидетельствует об угасании бытования рассматриваемого жанра в интересующем нас районе.

Таким образом, сотрудниками ИЯЛИ КарНЦ РАН в разные годы были записаны свыше 150 водлозерских сказок. Они сосредоточены во 2, 8, 16, 73, 133, 184 и 201 коллекциях НА КарНЦ РАН и видеокассетах №№ 10, 11 Фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН.

Лишь некоторые тексты сказочного содержания с территории Водлозерья публиковались ранее в фольклорных сборниках. Сказка «Про богатырей», записанная от М. Е. Болтушкиной в 1940 г., вошла в состав научно-популярного издания «Перстенок — двенадцать ставешков», подготовленного к печати К. В. Чи-

Ольга Семеновна Данилина

стовым¹⁷. При этом текст был подвергнут значительной правке. В 1982 г. появился сборник «Русские народные сказки Пудожского края», составленный сотрудниками ИЯЛИ КарНЦ РАН А. П. Разумовой и Т. И. Сенькиной. В нем помещена лишь одна водлозерская сказка — «Про Филиста», зафиксированная в 1973 г. от М. М. Ушковой¹⁸. В оригинале, хранящемся в НА КарНЦ, герой сказки носит имя *Фифилист*, которое было изменено составителями на *Филист*. В этом издании имеется «Опись коллекций текстов сказок Пудожского района Карельской АССР из Архива Карельского филиала АН СССР», где учтены записи,

¹⁷ Перстенок — двенадцать ставешков (Избранные русские сказки Карелии). Петрозаводск, 1958. С. 162—167.

¹⁸ Русские народные сказки Пудожского края. Петрозаводск, 1982. С. 139—144 (№ 21).

Анастасия Ивановна Пименова

произведенные до 1976 г., в том числе и с территории Водлозерья. Две короткие докучные сказки, рассказанные А. Н. Елисеевой, были опубликованы в сборнике «Русский детский фольклор Карелии», подготовленном С. М. Лойтер¹⁹. В 2011 г. две сказки из репертуара Е. М. Лёвиной были напечатаны на страницах журнала «Живая старина»²⁰.

Сказочная традиция Водлозерья представлена всеми жанровыми разновидностями. К сожалению, до настоящего времени в сказковедении²¹ не существует единого мнения по поводу

¹⁹ Русский детский фольклор Карелии. Петрозаводск, 1991. С. 84 (№ 225), с. 86 (№ 236).

²⁰ Лызлова А. С. Сказки Водлозерья: Репертуар Евдокии Макаровны Лёвиной (д. Пога) // Живая старина. 2011. № 2. С. 9—11.

²¹ «Выделившаяся из фольклористики специальная дисциплина, предметом которой стала сказка во всем ее жанровом многообразии» — Барг Л. Г.

Лидия Николаевна Сухова

классификации данного фольклорного жанра. Многие ученые делят сказки на три большие группы: волшебные, о животных и бытовые (которые именуются также новеллистическими или реалистическими). В «Сравнительном указателе сюжетов» восточнославянских сказок (далее — СУС) представлена более детальная классификация: I. Сказки о животных, II. Собственно сказки, включающие четыре раздела: А. Волшебные сказки, В. Легендарные сказки, С. Новеллистические сказки и D. Сказки об одураченном черте, III. Анекдоты, к которым примыкают также сказки кумулятивные (цепные) и докучные.

Особенно распространены в Водлозерье волшебные сказки, которые составляют почти половину от всех зафиксирован-

ных текстов (около 80 записей). При этом здесь представлены как широко известные, так и редко встречающиеся сюжеты. Большим количеством записанных в указанном районе текстов характеризуется сказка о чудесном супруге (СУС 425А *Амур и Психея*, 432 *Финист ясный сокол*). Несколькими вариантами представлены также сказки о чудесной супруге (СУС 402 *Царевна-лягушка*), о добывании невесты (СУС 530А *Сивко-бурко*), о борьбе с фантастическим противником (СУС 302₁ *Смерть Кощея в яйце*), о путешествии в иной мир за диковинками (СУС 531 *Конек-горбунок*), о гонимой падчерице (СУС 480 *Мачеха и падчерица*), о браке с почитаемым животным (СУС 311 *Медведь и три сестры*), о возвращении из иного мира (СУС 313А, В, С *Чудесное бегство*) и др. Характерно, что популярные в русской сказочной традиции сюжеты змееборческого типа в Водлозерье практически не встречаются: сюжетный тип СУС 300А *Победитель змея* представлен единичными записями, а сказки на чрезвычайно распространенный по всей территории России сюжетный тип СУС 301А, В *Три подземных царства* вообще отсутствуют. Вместе с тем в Водлозерье зафиксированы достаточно редкие сюжеты. Так, например, от Е. М. Лёвиной в 1974 г. удалось записать сказку «Про Семёна» (имеющей, по словам исполнительницы, более точное «заглавие — „Как отец с трема сыновьямы болота обсушал, да дорогу [делал], лес обсекал да мосты стлал, человеческой труд облегчил”») [см. № 82]. В СУС сюжет подобной сказки зафиксирован под номером 665 *Скорый гонец*, в Указателе учтены всего пять вариантов сказок на этот сюжетный тип. В общей сложности в Водлозерье задействованы почти 50 волшебносказочных сюжетов.

Гораздо меньшим количеством представлены сказки о животных. Это сказки на достаточно распространенные сюжеты, персонажами которых оказываются домашние и дикие живот-

ные: СУС 1 *Лиса крадет рыбу с воза (саней)*, 2 *Волк у проруби*, 3 *Лиса обмазывает голову тестом (сметаной)*, 4 «*Битый небитого везет*», 15 *Лиса-повитуха*, 61В *Кот, петух и лиса*, 103 (103А и 103А*) *Кот и дикие животные*, 154 *Мужик, медведь и лиса* и др. Кроме того, в Водлозерье зафиксированы и редчайшие сюжеты данной жанровой разновидности. Так, например, в репертуаре Е. М. Лёвиной представлена сказка на сюжет СУС 298А *Спор мороза с морозом* [см. № 87]. В Указателе отмечены лишь два варианта. В 1974 г. Анна Игнатьевна Рахманова из д. Куганаволок сообщила собирателям сказку на сюжет СУС 36 *Лис и волчиха (заяц и лиса)* [см. № 51], которая известна одним опубликованным вариантом в составе сборника «Русские заветные сказки», подготовленного А. Н. Афанасьевым.

Отметим, что составителями СУС в разряд сказок о животных отнесены многие тексты, отличающиеся своеобразной структурой, построенной на повторении эпизодов, которые именуются некоторыми учеными кумулятивными (цепными) сказками. По мнению В. Я. Проппа, такие тексты нужно считать особой разновидностью рассматриваемого фольклорного жанра²². В Водлозерье чрезвычайно распространены сказки подобного типа. Несколькими записанными здесь вариантами представлены сюжеты: СУС 158 *Звери в саях у лисы (старушки)*, 163 *Пение волка (реже — медведя)*, 170 «*За скалочку — гусочку*». Часть кумулятивных сюжетов отнесена составителями Указателя к анекдотам, некоторые из них бытовали и в Водлозерье: СУС 2021А *Смерть петушка*, 2025 *Колобок*, 2028 *Глиняный Иванушка (Пыхтелка)*, 2044 *Репка*.

Интересно, что от четырех носителей фольклорной традиции записана так называемая «Сказка-помазка», которая тоже является кумулятивной сказкой (СУС 2016*, 2018 *Кумулятивные*

²² Пропп В. Я. Указ. соч. С. 292.

(цепные) сказки разного рода). Записанные варианты свидетельствуют о ее широком бытовании в устной фольклорной традиции Водлозерья. По словам А. И. Никифорова, такие тексты, скорее всего, являются присказками; он считает, что «мы имеем дело здесь с особым жанром или *песенной сказки*, или вообще *песни (стиха) на тему о сказке*»²³. И. И. Набокова отмечает, что «в народе их именовали „сказочками“»²⁴. Происхождение подобных текстов, по мнению С. М. Лойтер, скорее всего, связано с зимней обрядовой поэзией, с обрядами колядования²⁵. Их варианты записывались в Пудоже²⁶, известны они и в соседней Архангельской области, на территории граничащего с Водлозерьем Кенозерья²⁷.

Несколькими записями (немногим более 15 текстов) представлены в Водлозерье сказки-анекдоты о хитрых и умных людях, дураках, попах, глупых и ленивых женах (СУС 1380 *Неверная жена и муж, притворившийся ослепшим (Никола Дупленский)*, 1525К* *Кому должна достаться шуба (корона, кубок)*, 1535 *Дорогая кожа*, 1540А* *Мужик выпрашивает у барыни свинью в гости и др.*). Здесь их рассказывали как мужчины, так и женщины. К этой жанровой разновидности примыкают докучные сказки, зафиксированные в рассматриваемом районе (про гуся, про попа и его собаку); все они объединяют-

²³ Никифоров А. И. Русская докучная сказка // Никифоров А. И. Сказка и сказочник. М., 2008. С. 180.

²⁴ Набокова И. И. Поэзия пестования Водлозерского края // Кижский вестник. Вып. 12. Петрозаводск, 2009. С. 127.

²⁵ Лойтер С. М. Русский детский фольклор и детская мифология. Петрозаводск, 2001. С. 34.

²⁶ Русский детский фольклор Карелии... С. 76. № 193, № 194.

²⁷ Архангельские сказки. Из материалов лаборатории фольклора Поморского университета / сост. и отв. ред. Н. В. Дранникова. Архангельск, 2002. № 78, № 79, № 82.

ся в один сюжетный тип СУС 2300=АА *2020 *Докучные сказки*.

Незначительным количеством текстов характеризуются сказки на новеллистические сюжеты, повествующие о мудрых девушках (СУС 875 *Семилетка (Мудрая девушка)*, 921 *Невестины (мальчика, мудрой девы Февронии) загадки*), а также о ворах и разбойниках (СУС 955 *Жених-разбойник*). Единичными записями представлены в Водлозерье также сказочные тексты об одураченном черте (СУС 1003 *Пахота с собакой*, 1120 *Хозяйка (поп) сброшена в воду*, 1164 *Злая жена в яме (Бельфагор)*) и имеющие религиозное содержание легендарные сказки (СУС 813А=АА *813А *Проклятая дочь*). По-видимому, минимальное количество этих сказок обусловлено определенными причинами, по которым носители фольклора неохотно включали их в свой репертуар. По словам И. А. Разумовой, «в послереволюционное время легендарная сказка могла остаться незафиксированной по мотивам идеологического порядка: фольклористы не очень стремились записывать, а тем более публиковать, а исполнители отказывались рассказывать»²⁸.

Таким образом, в сказочной традиции Водлозерья задействованы почти 100 сюжетов всех жанровых разновидностей²⁹. Особенно широкое распространение получили здесь волшебные сказки. Меньшим количеством представлены сказки о животных и тексты на кумулятивные (цепные) сюжеты. Минимальны записи новеллистических сказок, текстов анекдотического содержания и докучных сказок; практически не представлены на данной территории легендарные сказки и об одураченном черте. Тексты в целом соответствуют севернорусской сказочной традиции. Вместе с тем для них характерны особенности,

²⁸ Разумова И. А. Сказочная традиция в Заонежье (К проблеме регионального изучения сказки) // Рябининские чтения'95. Петрозаводск, 1997. С. 99.

²⁹ См. Указатель сюжетных типов.

связанные с упоминанием о различных явлениях, отражающих реальную жизнь крестьянина на данной территории, о многих приметах современности, а также употребление местных диалектных слов и форм.

В конце 20-х гг. XX в. известный фольклорист Б. М. Соколов дал следующую характеристику этому краю: «<...> вся жизнь водлозерских селений сосредоточена на нем, на этом самом „озерушке“»³⁰. В сказках, записанных здесь, нечасто, но всё-таки упоминается озеро. Например, в одном из текстов [см. № 29] старшие братья хотят утопить младшего – дурака – за то, что он их жестоко обманул: *«А теперь они говорят:*

— А теперь мы тебя завяжем в мешок и утопим в озере. На кой черт ты нам нужен? Ты нас разорил, всё. Мы утопим тебя.

Взяли, в мешок завязали его. До проруби довели, посадили. Нечем затолкать в прорубь. Тогда что делать?

— Давай поедem домой за палками да затолкаем его в прорубь, чтоб он нам не надоедал. Всё разорил у нас!

Пошли за палками».

Далее дурак с помощью хитрости сажает вместо себя в мешок барина; приезжает на его лошадах к братьям и уверяет, что добыл их под водой; топит барина и родственников в проруби. Вдовы братьев решают избавиться от него: *«— Теперь-то мы тебя убьем. Закачаем.*

Взяли, веревку привязали, доску сделали на веревку, положили его и давай качать. Качают, да никак не закачают. Не помрут.

— Давай мы принесем сейчас эти палки и убьем его.

Побежали. (Это раньше называли вальки, белье колотить на озере.) Побежали за этими вальками, убить его».

Как видно, в приведенном примере упоминается особый

³⁰ Соколов Б. М. Поэзия Водлозера. Из записок исследователя... С. 142.

атрибут, используемый при стирке белья в водоеме, в озере, — так называемые *вальки*.

Ситуация, связанная с желанием утопить героя в проруби, представлена и в другой сказке [см. № 48], записанной на Водлозере почти через 20 лет после ранее упоминаемого текста: *«Жил бедный мужик. Он кругом был опять-таки должен всем. Ну, его за долги (верно, оброку не на что было ему платить), и надо его судить. Судить: завязали в мешок. Ну и что:*

— Мы тебя, — говорят, — судить и рядить пошлем.

Ну, и мешок притянули на пролубу, на озеро. Что надо этого мужика (у его нечем рассчитаться), надо мужика потопить».

Характерно, что здесь используется диалектная форма слова «прорубь» — «пролуба». В этом же тексте упоминается еще одна деталь, повествующая о создании освобожденной ото льда части озера: *«А теи (мужчины, желающие утопить героя — А. Л.) пришли да пролубу распешали больше»*, то есть они расширили продолбленную во льду прорубь при помощи специального приспособления, именуемого пешней.

Помимо озера, игравшего и играющего по сей день большую роль в жизни местного населения, в сказочных произведениях фигурируют и другие элементы ландшафта. Так, в «Сказке про пастуха» [№ 3] речь снова идет о том, что противники героя хотят избавиться от него путем утопления в реке: *«— А как вот мы, старуха, переведем?»*

— *Справимсе куда-ни как. Будем уходить куда-ни и возьмём ёго. И приедем, пойдем там в каком-ни, у какой-ни реки, у обрыва, там поедим, попьём да и еще его как-ни вином напоим, да потом его повалим на край, а ты свалиссе в середку, а я на эту сторону свалюсь. А он розоспится, а ты его толни в воду».*

Итак, «хозяйственная деятельность здешних жителей тес-

но связана с озером»³¹, что было отмечено еще побывавшим в этих краях в конце 80-х гг. XIX в. этнографом Н. Н. Харузиным. Важное значение, кроме того, имеет и лес. Как отмечают составители сборника «Русские народные сказки Пудожского края» Т. И. Сенькина и А. П. Разумова, «лес для пудожанина был всем, „он кормил и поил“, его возили и сплавляли по найму, заготавливали для личных нужд, в лесу добывали пушнину и птицу, брали грибы и ягоды, лес „секли“, расчищая почву для посевов»³². Всё это в той или иной степени относится и к жителям Водлозерья и находит отражение в сказках. Так, в текстах упоминается охотничий промысел, осуществляемый в лесу: *«Ну вот, жил-был купец-царь. И он ходил охотилсе все, охотилсе ходил с дядей. С дядей охотилсе ходил. Ходили, ходили оны в лисях и вышли в каку-то деревнюшку там»; «Но, а дядя этот пошел полесовать»* [см. № 15]. Во втором случае используется глагол, обозначающий занятие охотой. В одной из водлозерских сказок речь идет об осушении болот и подсечном хозяйстве. *«Ну вот, жил-был старик. У его было три сына. Стёпан старший, Фёдор средний, а младший — Семён. Ну вот. А это, ёны это болото, лес, этого, сэкли. Обсэкли сначала лес, потом канаву выкопали, обсушили болото и настлали мосты, выселки, что народ стал дивиться, что кто это выделал»* [см. № 82]. В текстах упоминаются и другие виды деятельности крестьянина, например, пахота: *«Ну, ладно. Поехал Иван в поле. Поехал. Пашет, собачка бега-ет. Бегала да была, Ивану пристало: что за беда? Нет, он до обеда пахал все. Он тут намучалсе, но все-таки пахал. Но, с обеда поехал пахать и пашет, а собачка-то бегат и бегат»* [см. № 3]; *«Она этого паренька завертела там в пеленочки и*

³¹ Кузнецова В. П. Былички Водлозерья // Памятники русского фольклора Водлозерья... С. 10.

³² Разумова А. П., Сенькина Т. И. О сказочной традиции Пудожского края // Русские народные сказки Пудожского края... С. 13.

повалила, муж идет. Приехал поздненько с пашни» [см. № 75]. В некоторых сказках имеются сведения и о других работах крестьянского цикла (выращивании хлеба, жатве): «Жил-был мужик да баба. И вели свое хозяйство: посеяна рожь, он взял. А така была баба ленивая. Пришло время рожь убирать, жать. (Жали раньше серпом.) Ну вот. Хозяин тут занимался такими делами, а всё это было женская работа — жать серпом» [см. № 56]; «Вот хлеб сеем-сеем. То засохнёт, засуша возьмёт. То позябнёт, дак вот не можем, много зёрна раскидам, а хлеба мало видам» [см. № 82]. В сказке «Сын-медведь» [см. № 21] царь предлагает герою, заколдованному в медведя и претендующему стать мужем его дочери, выполнить задание, включающее полный комплекс работ, то есть вспахать землю, посеять хлеб, сжать и испечь: «— Ну вот, тогда я тебе задание дам. Вот он пусть вспашет, пусть с моего двора вывозит весь навоз на поля, раскидает. Потом вспашет, посеет, сожнет, и пока я буду спать, чтоб калач горячий на столе был у меня, с этого, с его хлеба».

В текстах есть также упоминания и о других видах выпечки и блюдах, характерных для деревенского стола: «Печку затопила маленько, замешала колобов таких ржанных ему, напекла. Он поел, лёг» [см. № 88]; «Пришел еще какой-то там праздник, постный. Ну, говорит (старуха. — А. Л.):

— Старичок, сходи-ко, нарви репки сегодня, мы, — говорит, — пары напарим и репников напекем» [см. № 70].

Здесь «пара» — это пареная в горшке в печке репа, «репник» — закрытый пирог с начинкой из рубленой репы.

В другой сказке речь идет об особом супе, который готовят на Водлозере, именуемом «мясники»: «Она также посмотрела в печки. Тоже там мясники сидят» [см. № 72].

В одном из текстов упоминается необычное растение, которое не совсем понятно и самой сказочнице: «В одно время четыре

парня пошли на морковник, этого, в лес, туды морковника собирать. Морковника какого-то собирать» [см. № 88]. В сказке сообщается, каким образом происходит сбор морковника: *«Ну и пришли на это, на морковник. Там пришли, парня привели. Ну, стали рвать, это.*

— Димка, рви, это, какой тебе, морковник.

— Не буду! Рвите мне наготово! Мамка мне говорила, что тебе наготово нарвут.

Ну, парни себе по пучку нарвали, мальчики, и ему пучок нарвали. Вот».

Для обозначения собранного морковника носителем фольклорной традиции используется диалектное слово, бытующее в Водлозерье: *«А пареньки идут. И морковник несут с собой на плечах. Но, по тухачку».* «Тухáч» или «тухач» — это связка, охапка.

Помимо незначительных упоминаний о хозяйственной деятельности в водлозерских сказках имеются сведения о досуге молодежи: *«Аниточка ходила на вечер. Вечорки там были. Клуб. Собиралосе там много людей тоже. И вот приходил откуда-то один парень. Такой нарядно одетый, хорошенькой. Ну вот, она с ним тут познакомиласе. <...> Ну, там повечеровали, потанцевали. Всего поделали»* [см. № 72]. Здесь идет речь о вечерках, которые вместе с тем происходят в сельском доме культуры — клубе, появление которого связано с современной действительностью. В сказках Водлозерья очень часто встречаются многие приметы современности. Например, невестки царя, получив от него задание испечь хлеб в сказке о царевне-лягушке, приобретают необходимые продукты: *«Сходили муки первосортной купили, первокачественной белой, там дрожжей и всего»* [см. № 74]. В другом тексте, где герой все получает по щучьему велению, упоминаются органы правопорядка: *«И дрова сами порубились, и сами наклались на дров-*

ни опять. Иде по деревне, дак вся милиция сбежалась, что всех народ в сторону да в другу разбрасыват, что самы дровни бежали дак» [см. № 7]. В нескольких сказках речь идет о снимках, получаемых при помощи фотоаппарата: «Ну вот, всех дочерей отдали, а сына потом после дочерей родила. И сына... Эти фотографии, все они фотографировались, что за кем дочери их-ные замужем, да всё» [см. № 68]; «В армию взяли, она в армии отслужиласе, нафотографироваласе и приехала с армии, в тот город, где муж» [см. № 15]. В сказках упоминаются, кроме того, автомобили, наручные часы; царь приглашает всех не на пир, а на празднование своего дня рождения, а герой планирует получить премию, если убьет встреченного на пути волка.

Итак, богатая сказочная традиция Водлозерья является частью общерусского, вернее севернорусского, фольклорного наследия. Записанные здесь тексты чрезвычайно интересны для изучения. Они, безусловно, могут служить прекрасным материалом для получения дополнительных сведений о быте и языке представителей особой этнолокальной группы водлозер.

Фиксация произведений сказочного жанра осуществлялась в десяти населенных пунктах, расположенных на берегах и островах Водлозера от 31 носителя фольклорной традиции³³. В зависимости от половой принадлежности и отнесенности к разным возрастным категориям исполнителей сказок в интересующем районе можно разделить на три неравномерные группы. Первую, самую многочисленную группу, составляют женщины: произведения рассматриваемого фольклорного жанра сообщили 24 жительницы Водлозерья. Во вторую группу входят, соответственно, мужчины. При этом собирателям удалось записать сказки лишь от трех мужчин. Подобная ситуация обусловлена

³³ См. список исполнителей сказок на территории Водлозерья..

сокращением мужского населения в годы войн и репрессий. В то же время еще «по наблюдениям И. В. Карнауховой, (записывавшей фольклор на Русском Севере в 1920—1930-е гг. — А. Л.) почти каждая женщина рассказывает сказки, среди мужчин рассказывает не каждый»³⁴.

Тексты сказочного характера фиксировались преимущественно от людей пожилого возраста (старше 60 лет), единичные записи сделаны от более молодых носителей традиции: так, например, П. Я. Леонтьеву из д. Гумарнаволоков в момент записи было около 52 лет, а жительнице д. Пёлгостров А. П. Белой всего 35 лет. Вместе с тем, в Водлозерье зафиксирована детская сказочная традиция. И третью группу исполнителей сказок составляют четыре девочки 6—12 лет. При этом в трех случаях мы имеем дело с усвоением произведений сказочного жанра представителями младшего поколения, свидетельствующим о передаче фольклорной традиции: выше уже отмечалось, что С. Бобкова и О. Крюкова являются внучками О. А. Крюковой, а Н. Лёвина — внучка Е. М. Лёвиной. По словам И. А. Разумовой, «во всем северно-русском регионе детская (сказочная. — А. Л.) традиция отмечена в нескольких местностях: на Мезени, Пинеге и в Карельском Поморье»³⁵. Фиксация сказок от четырех девочек на территории Водлозерья может дополнить этот список.

Помимо объединения сказочников Водлозерья в группы по половому и возрастному признакам, возможно выделение их типов по другим принципам, к числу которых относятся репертуар того или иного исполнителя, манера рассказывания, использование характерных черт сказочной обрядности (т. е. различных формул), а также состав слушателей. Как отмечает Т. И. Сенькина, «проблема определения типов сказочников в

³⁴ Пропп В. Я. Русская сказка. Л., 1984. С. 331.

³⁵ Разумова И. А. Указ. соч. С. 100.

русской фольклористике имеет целую историю. К сожалению, до последнего времени не выработаны четкие критерии для ее решения»³⁶. К этому вопросу обращались многие фольклористы (например, братья Б. М. и Ю. М. Соколовы³⁷, М. К. Азадовский³⁸, И. В. Карнаухова³⁹, А. Н. Нечаев⁴⁰, Р. П. Матвеева⁴¹), о чем достаточно подробно пишет Т. И. Сенькина в главе «Типы русских сказочников Карелии» своей монографии. Добавим, что проблема выявления типов сказочников интересовала и В. Я. Проппа⁴².

Сама Т. И. Сенькина делит исполнителей сказок в Карелии на 3 группы: 1) эпики, репертуар которых состоит в основном из длинных волшебных сказок; 2) балагуры, предпочитающие бытовые сказки и анекдоты, и 3) детские сказочники, репертуар которых рассчитан на аудиторию определенного возраста. При этом исследовательница замечает, что названные типы «взаимопроницаемы и отнесение того или иного сказочника к одному из них в известной мере **условно**»⁴³ (выделено мной. — А. Л.). Среди сказочников Водлозерья представлены все отмеченные типы, что мы попытаемся продемонстрировать на конкретных примерах.

³⁶ Сенькина Т. И. Русская сказка Карелии. Петрозаводск, 1988. С. 52.

³⁷ Соколовы Б. М. и Ю. М. Сказочники и их сказки // Сказки и песни Белозерского края. СПб., 1999. Кн. 1. С. 92—136.

³⁸ Азадовский М. К. Русские сказочники // Азадовский М. К. Статьи о литературе и фольклоре. М., Л., 1960. С. 15—79.

³⁹ Карнаухова И. В. Сказочники и сказка в Заонежье // Крестьянское искусство в СССР: Искусство Севера. М., Л., 1927. Вып. 1. С. 104—120.

⁴⁰ Нечаев А. Н. М. М. Коргуев и его сказки // Сказки Карельского Беломорья. Т. I: Сказки М. М. Коргуева. Петрозаводск, 1939.

⁴¹ Матвеева Р. П. Типологии творчества сибирских сказочников // Проблемы нравственно-психологического содержания в литературе и фольклоре Восточной Сибири. Иркутск, 1982.

⁴² Пропп В. Я. Указ. соч. С. 326—328.

⁴³ Сенькина Т. И. Указ. соч. С. 54.

К сказочникам-эпикам, по наблюдениям Т. И. Сенькиной, обычно относятся мужчины среднего и старшего возраста. Для исполнителей «этого типа характерно строго приуроченное, точное использование художественной поэтики: наличие зачинов и концовок, сказочных формул, троекратность действия и т. д.»⁴⁴ Манера исполнения у подобных сказочников отличается спокойной размеренной речью, отсутствием жестикуляции. В качестве примера такого типа Т. И. Сенькина приводит помора М. М. Коргуева, а также отца и сына О. И. и М. О. Дмитриевых из Пудожского района Карелии. К сказочникам-эпикам с территории Водлозерья можно отнести Марфу Макаровну Ушкову. Примечательно, что в 1973 г. от нее удалось записать лишь одну сказку «Про Фифилиста» [см. № 31]. В отчете собирателей об экспедиции отмечается: «В Колгостров мы ехали для встречи с Ушковой М. М. Это пожилая женщина, ей 71 год. Живет с мужем в своем доме буквально последние дни, т. к. уже полностью подготовилась к переезду под Ленинград, где живут её дочери. Из-за отсутствия транспорта мы не имели возможности задержаться на острове более двух часов. За этот весьма и весьма ограниченный отрезок времени Марфа Макаровна рассказала нам одну балладу, спела 7 песен, исполнила около десятка причетей. От неё удалось записать сказку про Финиста ясна сокола (Фифилиста). Прослушав эту сказку, по тому, как она начала и закончила сказку, по тому, как украшала текст общими местами <...>, мы пришли к выводу, что Ушкова — умелая рассказчица. И очень сожалели, что не могли поработать с ней подольше»⁴⁵. Сказка, записанная от данной носительницы фольклора, насыщена различными формулами. Так, М. М. Ушкова использует распространенную в севернорусской сказочной традиции присказку: «Не в

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Отчет об экспедиции в Пудожский район... Л 5.

котором царстве, не в котором государстве, именно в том, в котором мы живем, на гладком месте, как на бороне, верст за двести в стороне — это не сказка, а присказка, а сказка будет в субботу после обеда, когда поедим мягкого хлеба» [ср.: № 14]. Эпизод пути героини в иное царство и встреча с одной из трех старушек изображаются следующим образом: «Лапти обула, клюку взяла, ну и пошла, куды голова понесет. Шла-шла, близко ли далёко, низко ли высоко. Скоро сказка скажется, по своим успехам дело деется. Пришла, стоит избушка на курьих пятках, на собачьей лапке, на кошачьем хвосту.

— Избушка, избушка, повернись туды лицом, а сюды крыльцом!

Избушка повернулась.

— Пособи, Господи, зайти и выйти!

Пришла, сидит старуха на стуле, мотат желтые пули.

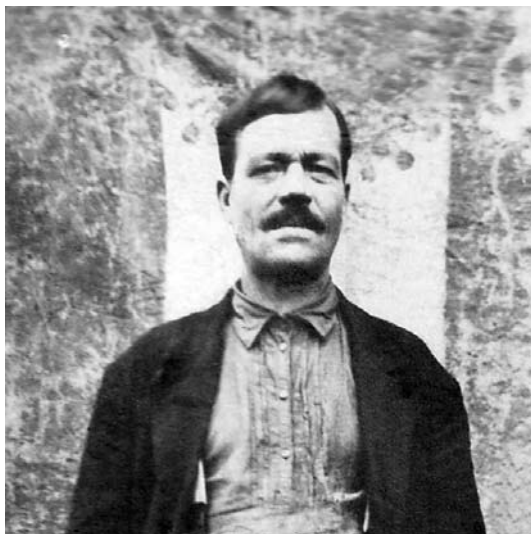
— Фу-фу-фу, русской дух, слыхом не слыхано, видом не видно, в очи копает, из избы вон пихает. Чего ты, дитя, идешь?»

Сказка заканчивается известной формулой, своеобразно обыгранной исполнительницей: «*И я там была, пиво пила, в рот не попало, и жопу-то всю раскопало*».

Второй тип исполнителей, выделенный Т. И. Сенькиной (так называемые балагуры), объединяет тех носителей сказочной традиции, которые отдают предпочтение бытовым сказкам и анекдотам. «Они стремятся разыгрывать сказочные события, в качестве иллюстрирующего материала используют жесты, мимику, интонации голоса. По всей вероятности, эволюционно это более поздний тип сказочников по сравнению с эпиками»⁴⁶. По словам Т. И. Сенькиной, такие носители фольклорной традиции «восходят к скоморошьей культуре средневековья»⁴⁷. Чаше

⁴⁶ Сенькина Т. И. Указ. соч. С. 60.

⁴⁷ Там же.

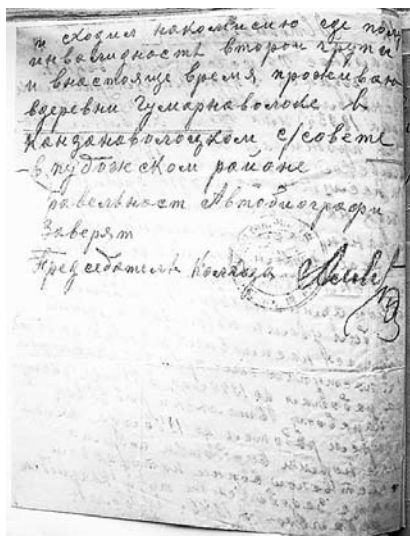
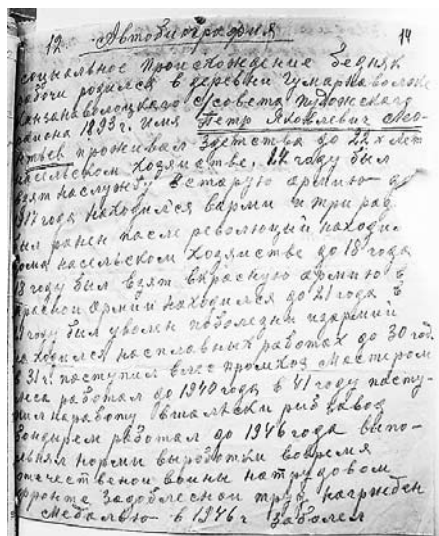

Петр Яковлевич Леонтьев

сказочниками-балагурами оказываются мужчины, но встречаются среди них и женщины. В их репертуаре нередко присутствуют сказки эротического содержания. Сказочники-балагуры предпочитают сказочные произведения новеллистического, бытового содержания, анекдоты. «Предметом осмеяния в этих сказках является представитель социальных „верхов”: глупый барин, жадный поп, а в качестве героя всегда выступает смелый работник, солдат»⁴⁸.

К числу сказочников-балагуров Водлозерья можно отнести Петра Яковлевича Леонтьева из д. Гумарнаволоок. Главным героем записанных от него произведений оказывается хитрый и ловкий солдат, способный «обвести вокруг пальца» помещика и царя [см. № 17] или добиться руки дочери германского царя [см. № 19]. Эти сказки пронизаны специфической военной лексикой и терминологией. Самого исполнителя по праву можно считать

⁴⁸ Сенькина Т. И. Указ. соч. С. 62.

Автобиография П. Я. Леонтьева

знатоком солдатской сказки. Ранее уже отмечалось, что П. Я. Леонтьев большинство произведений своего репертуара усвоил во время службы в армии.

К сожалению, собирательнице А. В. Беловановой не удалось записать все сказки исполнителя. Между тем она составила краткую биографическую справку об этом носителе фольклорной традиции, где даются сведения о грамотности Леонтьева, его службе в армии, участии в войне, ранениях, основных занятиях⁴⁹. Здесь же приводятся слова самого сказочника о формировании репертуара: «В общем так, свое мнение, жил кое-где, слышал от людей. Память у меня хорошая — услышал, как записал»⁵⁰. В НА КарНЦ РАН имеется также автобиография П. Я. Леонтьева, написанная, по-видимому, в конце 40-х гг. и за-

⁴⁹ Носители... С. 162.

⁵⁰ Там же. С. 163.

П. Я. Леонтьев с семьей

веренная председателем колхоза⁵¹. Из нее выясняется, что Пётр Яковлевич служил в армии в общей сложности около восьми лет, откуда был уволен по болезни. Затем он трудился в лесу (на сплавах, мастером леса). Во время войны работал бондарем⁵², позднее получил медаль за доблестный труд, а в 1946 г. вышел на пенсию по инвалидности.

П. Я. Леонтьев был известным на всю округу сказочником, о чем свидетельствуют слова его жены Парасковьи, записанные А. В. Беловановой: «Столько [людей. — А. Л.] наберется, не пройти, полна изба. Кто придет, все идут, слушают. Были мужики, дак с избы не выходили»⁵³. Это подтвердила в октябре

⁵¹ НА КарНЦ РАН, фонд 1, опись 2, кол. 155, ед. хр. 4, л. 14 = Носители... С. 162.

⁵² Специалист по изготовлению бочек.

⁵³ Носители... С. 162.

2010 г. и бывшая жительница д. Гумарнаволока, проживающая в Куганаволоке, Анна Степановна Лукина, 1933 г. р. Она рассказала, что люди, проезжающие мимо Гумарнаволока из более отдаленных населенных пунктов (Загорья, Пильмасозера) нередко останавливались у Леонтьевых ночевать, чтобы послушать сказки Петра Яковлевича. Вспомнила А. С. Лукина и манеру сказывания:

Анна Петровна Семихина

«— Он тут станет на средину комнаты или там кухни.

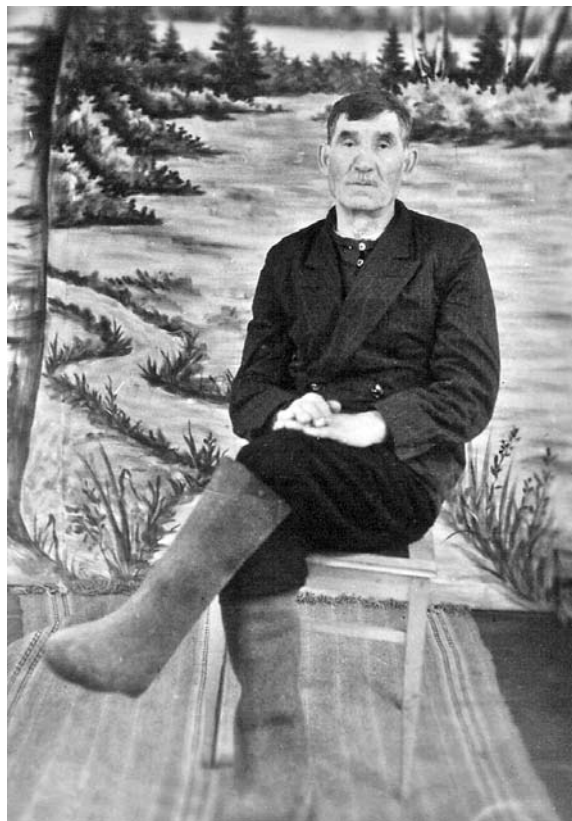
Росказывает. У его получается интересно, что он всё тут показывает.

— То есть он не сидел?

— Большинство стоя. К ему заезжали специально».

В июне 2011 г. дочь Леонтьева Анна Петровна Семихина (1927 г. р.), поведала о том, как отец рассказывал сказки:

«— Ак сказки он росказывал. Придѣ молодежь, и до войны. Парни взрослые да придут, его заставят. Дак он сказку. Что-не делает, сетку вяжет или что-не: „Да тут я опять с вами займусь” — „Но, да давай, дядя Петя, да давай”. Но он заведет, сказку роскаже, а потом и другу роскажет. И потом уж оны сваятсе все на пол. На пол сваятсе, лежа всё слушают. И так и после войны. Поедѣ туды в деревню, там у ёго сестра в Загорье была. Поедѣт туда в гости, там на 7 ноября. Он как туды только придѣт, оны там придут с деревни, все парни, все придут к ему слухать сказки. Он перво отпирается, а потом...»

Степан Петрович Фофанов

По воспоминаниям А. П. Семихиной, в доме у Леонтьевых почти всё время кто-то гостил; творчество отца записывали несколько раз. Анна Петровна рассказала интересный факт: одной из любимых сказок отца была «Сказка про знаменитого купца» на сюжет СУС 567 *Чудесная птица* [см. № 18]. Главными действующими лицами в тексте являются два брата Петенька и Коленька; этими именами Пётр Яковлевич назвал своих внуков.

Умер Петр Яковлевич в возрасте 65 лет и похоронен в Гумарнаволоке.

Еще одним сказочником-балагуром на территории Водлозерья является Степан Петрович Фофанов. От этого 80-летнего жителя д. Куганаволок в 1973 г. были зафиксированы три сказки. Два записанных текста являются анекдотами о попах: в одном из них мужик неоднократно обманывает глупого попа [см. № 61], во втором героем оказывается солдат-барабанщик, который, ночуя в чужой бане, становится свидетелем отношений попа и жены барина, а потом выводит их «на чистую воду», рассказывая в гостях у барина о том, что видел [см. № 62]. Третья сказка повествует о том, как мужик, жена которого оказалась в яме с чертом, спасает последнего от ее общества [см. № 60].

В материалах, записанных от С. П. Фофанова, упоминается один из сказочников Водлозерья: «Там Хлыстов был, дак он <...> зачнет сказку, дак из слова в слово выговорит. Только в армии был. На словесности дак ничего не помнит. Сказку только где услышит, всю из слова в слово чисто»⁵⁴.

Сам С. П. Фофанов родился и долгое время жил в Кенозерье (д. Ряпусово) и переехал в Пудожский район практически перед самой войной; он был отменным бондарем, за что даже получил бронь⁵⁵. Эти сведения сообщили в июле 2011 г. проживающие в д. Куганаволок сын Фофанова Виктор Степанович (1940 г. р.), и невестка (жена сына) Антонина Ивановна (1942 г. р.)

К числу сказочников-балагуров можно отнести и Анну Игнатьевну Рахманову из д. Куганаволок, сообщившую собирателям в 1974 г. всего две сказки. Первая из них имеет эротическое содержание и повествует о том, как заяц обесчестил лису, застрывшую между деревьями [см. № 51]. Во втором тексте лиса бегством спасается от собак в норе, спрашивает разные части

⁵⁴ Носители... С. 310.

⁵⁵ Освобождение от службы в армии.

Мария Ильинична Пименова

своего тела, что они делали; высывает хвост из норы за то, что он мешал, и погибает [см. № 52].

Третий тип исполнителей, выделенный Т. И. Сенькиной, объединяет сказочников, репертуар которых рассчитан на детскую аудиторию. По наблюдениям исследовательницы, обычно детскими сказочниками являются женщины среднего и старшего возраста. Они «отличаются особой манерой исполнения, в которой сочетаются

эпические и балагурные черты, спокойный тон перемежается с инсценированием действия, подражанием голосам действующих лиц»⁵⁶. В их репертуаре представлены различные сюжеты, предпочтение отдается сказкам о животных и волшебным, обладающим воспитательной функцией. Большинство исполнителей (вернее, исполнительниц) сказок в Водлозерье принадлежит к этому типу. Рассказать обо всех этих женщинах не представляется возможным, остановимся лишь на некоторых именах.

В 1973 г. участники очередной фольклорной экспедиции на Водлозеро записали восемь сказок от 73-летней жительницы д. Пёлгостров Марии Ильиничны Пименовой, семь из них представлены в настоящем издании [см. №№ 67—73]. Половина зафиксированных от этой исполнительницы произведений принадлежат к числу волшебных сказок, два текста являются кумулятивными конструкциями, одна сказка имеет новеллистическое наполнение, последняя относится к сказкам о животных.

В материалах собирателей сохранились некоторые биогра-

⁵⁶ Сенькина Т. И. Указ. соч. С. 63.

фические сведения носительницы фольклорной традиции. С молодости М. И. Пименова работала в колхозе, «сначала на сельском, а потом на рыбацком. Сеянья было много: семеро детей растила. Сначала с отцом растили, а потом одна с нима осталась. Самая старшая была — 14-годовая осталась. А тут потом все меньше. А самая младшая в животе еще осталась. Вот пришлось так растить в те годы. Всяко приходилось»⁵⁷. После войны

Вера Андреевна Данилина

М. И. Пименова была награждена грамотой и медалью. Пришлось ей пережить и смерть одного из детей: «У меня сыновья Алексей да Сашенька. Сашенька погиб. В Петрозаводске работал на мотоботе, авария получилась. Там и похоронен — на кладбище в Песках»⁵⁸.

В январе 2011 г. дополнительные сведения о М. И. Пименовой сообщила ее дочь Вера Андреевна Данилина (1930 г. р.), проживающая в Куганаволоке. Прежде всего, выяснилось, что в архиве указано ошибочное отчество исполнительницы — *Ивановна*. Родилась она в д. Маткалахта на Водлозере. Муж Андрей Федорович был старше М. И. Пименовой на пять лет, его репрессировали по чьему-то доносу и расстреляли в феврале 1938 г. В результате этого женщине пришлось самой поднимать детей. Всю жизнь она работала рыбачкой. После выхода на пенсию помогала нянчить внуков. М. И. Пименова была неграмотной, но очень любила слушать радиопередачи, осо-

⁵⁷ Носители... С. 220—221.

⁵⁸ Там же. С. 221.

бенно поэтические. Умерла она в возрасте восьмидесяти лет в 1979 г. и похоронена в Куганаволоке.

Летом 1974 г. участники фольклорной экспедиции посетили д. Канзанаволок, где от 62-летней Марии Павловны Егоровой было записано одиннадцать волшебных сказок и три сказки-анекдота, десять текстов помещены в настоящем сборнике [см. №№ 20—29]. Исполнительница родилась и большую часть своей жизни прожила в Казахстане, в Карелию приехала в 1949 г., после выхода на пенсию в начале 60-х гг. стала жить в Канзанаволоке. Большинство сказок она усвоила еще на родине, часть репертуара сформировалась под влиянием книжной традиции: «девочкой Мария Павловна жила в няньках, в школе не училась, грамоту постигла самостоятельно. Сказки слышала от взрослых, но большую их часть помнит из прочитанных книг, и это наложило в известной мере отпечаток на ее тексты»⁵⁹.

В июне 1977 г. в д. Бóстилово были записаны девять текстов сказочного содержания от 58-летней Елены Ивановны Ладзяновой: две сказки о животных, шесть волшебных и одна докучная «Про попа и собаку» [см. №№ 4—12]. По словам исполнительницы, сказки она усвоила от своего отца: «— Эти сказки от батюшка покойного. — Он много знал? — Ой, он много знал покойный у нас всяких сказок. Но, он эти пушкинские сказки все знал. Он любил слушать книги. Эти книги читали, а он выслушат, а потом нам <рассказывает>. Во-о-о-й, он вечерамы сидел, слушал. Грамотные люди читают, а он не умел читать, а подписываться подписывался немножко так на попутях. А памятный такой был — ужас! И он эти все знал до одного слова. Он бы вам наговорил, дак о-о-о-й! — Имя, отчество его, фамилия как? — Хлыстов»⁶⁰

⁵⁹ Носители... С. 66.

⁶⁰ В материалах Архива фамилия расшифрована так: Кустов. (Это ошибочно. — А. Л.)

Евдокия Макаровна Лёвина с мужем

Иван Анисимович. <...> Он ночи насквозь просиживал, слушал эти всяки книги интересные. И память у его была очень хороша, у отца. — Потом пересказывал? — Потом пересказывал, да еще прибавлял. Он еще, как сказка есть, он еще там хулиганского наговорит дак, а мужики хохочу, а им интересно, что старик манит. Он и назывался, что „сказки врет и все”. Что думаешь? Вот так мы и слушали. А ведь мы хоть и ребята были, дак все понимали. Вот и наслухались этих всяких таких»⁶¹. Сама Е. И. Ладзянова рассказывала сказки своим детям, которых у нее было восемь.

Наибольшее количество текстов сказочного характера на данной территории (треть от общего числа) было зафиксировано от жительницы д. Пога Евдокии Макаровны Лёвиной. Сотрудники ИЯЛИ КарНЦ РАН встречались с ней трижды. В 1973 и 1974 гг. от Е. М. Лёвиной удалось записать 54 сказки, включая 10 повторных записей. Последняя встреча собирателей с этой уникальной исполнительницей состоялась в 1977 г., во время которой «из-за

⁶¹ Носители... С. 154—155.

преклонного возраста рассказчицы не удалось записать никаких дополнительных сведений о ее творческой биографии и о бытовании сказки»⁶².

Весь репертуар Е. М. Лёвиной ориентирован на детскую аудиторию. По собственному признанию носительницы фольклорной традиции, сказки она рассказывала только своим детям. Вместе с тем Е. М. Лёвина охотно сообщила все свои сказки участникам экспедиций. «Рассказывала она при аудитории в 7 человек. Кроме собирателей присутствовали ее дочь, внучка и две подруги внучки. Евдокия Макаровна более охотно рассказывает, когда аудитория активна, поддакивают ей, смеются, сочувствуют положительным героям»⁶³. В репертуаре исполнительницы преобладают сказки на волшебные сюжеты, среди которых есть как широко известные, так и редко встречающиеся. Всего от Е. М. Лёвиной удалось записать 28 волшебных сказок. Гораздо меньшим числом (7) представлены в репертуаре Евдокии Макаровны сказки о животных, которые она «считает более низкими по качеству»⁶⁴. Помимо волшебных и сказок о животных, от Е. М. Лёвиной были записаны и сказки-анекдоты, а также кумулятивные (цепные) сказки, построенные на повторении эпизодов, сказки новеллистического содержания. Всего в репертуаре Евдокии Макаровны оказываются задействованными более 50 сказочных сюжетов⁶⁵. То количество сказок, которое удалось записать от Лёвиной, — довольно редкий, почти исключительный случай. Зафиксированные от нее материалы вполне могут стать содержанием отдельного сборника. В настоящем издании пред-

⁶² Сенькина Т. И. Указ. соч. С. 35.

⁶³ Носители... С. 161.

⁶⁴ Носители... С. 161.

⁶⁵ Более подробно об исполнительнице см.: Лызлова А. С. Указ. соч. С. 8—11.

ставлены всего пятнадцать сказок из репертуара этой уникальной исполнительницы [см. №№ 74—88].

В материалах собирателей представлены сведения, касающиеся биографии Е. М. Лёвиной. Она родилась в 1895 г. в д. Велюкостров Куганаволокского сельсовета, где жила до замужества. В двадцать с небольшим лет вышла замуж и переехала в д. Погу того же сельсовета, где прожила практически безвыездно всю оставшуюся жизнь. Лёвина никогда не была в крупных городах (Ленинграде и Москве), только «за мукой там ездила на Медгору⁶⁶ да, туды в Повенец⁶⁷ да, вот туда езжала. Только не жить, не на жительство»⁶⁸.

Евдокия Макаровна не была обучена грамоте, о причине этого упущения она сообщила следующее: «Мама меня не спустила: „Надо престь да вязать, да пряжа скать, да сетки вязать. Не-е-е, не пойдешь“. А школа за три версты дак, там в Чуяле. Товды ведь девок не учили. Одны парни учились, а у нас в Велюкострове сколько девок было, а никака не выучилась»⁶⁹. Неграмотность не помешала Евдокии Макаровне стать хорошей сказочницей с богатым репертуаром. Большинство сказок Лёвина усвоила еще в молодости, о чем сообщила собирателям: «У нас, я еще девкой была, там у нас в Поге была женщина замужем, дак мы все к ей ходили, она все сказки рассказывала. <...> Её звали Марья Ивановна Яковлева. Ей давно живой нету. <...> А тут на Выгострове был Иван Хлыстов. <...> Тот сказки рассказывал. Дак я тоже много сразу поняла. <...> Ён веревки там у мужика вил да

⁶⁶ Город Медвежьегорск, районный центр в Карелии; до 1938 г. именовался «Медвежья Гора».

⁶⁷ Поселок городского типа, расположенный в 25 км от Медвежьегорска.

⁶⁸ Носители... С. 166.

⁶⁹ Носители... С. 161.

жил. Ну, ак мы придем вечером, дак ён сказки росказывал»⁷⁰. В последние годы жизни Лёвина пополнила свой репертуар за счет сказок, которые из книг читала ей вслух внучка. Так, например, после фиксирования сказки «Про Семёна» [см. № 82] собиратели поинтересовались: «Евдокия Макаровна, откуда вы знаете эту сказку про Семёна? — «Про Семёна? А мне Надюшка в книжке читала. — И вы так хорошо запомнили? — Она мне прочитала, я всю сказку сразу запомнила»⁷¹.

Валентина Федоровна
Данилина

Отметим, что в пожилом возрасте Е. М. Лёвина полностью потеряла зрение, но несмотря на это была очень общительным человеком.

В октябре 2010 г. дополнительные сведения удалось выяснить у дочери исполнительницы Валентины Федоровны Данилиной (1932 г. р.), проживающей в д. Куганаволок, которая рассказала, как участники экспедиций 1970-х гг. записывали Е. М. Лёвину:

«— Ой, она что знала! Ой! Тут и девушки тоже ходили сколько раз. Я помню, как сейчас. Оны потом уехали. И оны ей таку послали посылку, гостинец, там чай и, в общем, конфеты, всего. Там было письмо написано благодарное. Она им в каждый год и всяких сказок, и стихов, и чего только... У ей память была золотая. У нас теперь такой памяти нету».

Также В. Ф. Данилина сообщила, что мама умерла в 1977 г. в возрасте 82 лет и похоронена в г. Пудоже.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ НА КарНЦ РАН. Ф. 1, оп. 1, кол. 73, № 21, л. 68.

Главными слушателями сказок, записанных от 24 женщин, проживающих в Водлозерье, были дети и внуки. Тексты, помимо определенного сюжетного состава, характеризуются языковыми особенностями, среди которых значительное место принадлежит употреблению уменьшительно-ласкательных суффиксов: *«Кощеюшко ты Бессмертный, скажи ты про свою смерётушку»* [Пименова М. И., см: № 68], *«Дедушка да бабушка, давайте мне овечку»* [Крюкова О. А., см.: № 40], *«Не живе моя курушка с курушкамы. А моя курушка живе с петушкам»* [Соловьева А. А., см.: № 53] и др.

Итак, среди исполнителей сказок на территории Водлозерья встречаются три типа (эпики, балагуры и детские сказочники). В количественном отношении преобладает последняя разновидность, что в целом характерно для русской сказочной традиции конца XX в., когда данный фольклорный жанр полностью перешел в детскую аудиторию.

Каждый из 31 жителя Водлозерья, от которого произведены записи сказок, является носителем устной фольклорной традиции. Все они внесли свой вклад в сохранение русского народного творчества и благодаря зафиксированным от них текстам останутся в памяти будущих поколений.

А. С. Лызлова

БОСТИЛОВО

ЮВЕНАЛИЯ МИХАЙЛОВНА ВЕРШИННИНА

1. [ПОСУЛЁНЫШ]

[Начало сказки не записалось из-за проблем с магнитофоном.]

Ну, и вот жона и говорит, вечером с мужем сидят и говорит:

— Вот, муж, если бы я уж принесла бы как, но, родила бы дочь, дак уж только кто бы посватал, уж за того бы сразу отдала бы.

Ну, ладно, и вправду забеременела жена и дочку родила. Родила, и вот живут-поживают. Дочь уже выросла больша, уж невестой. Но, и вдруг колотитце вечером. Колотитце, а жена-то вышла да и говорит:

— Кто там?

— А отдайте посулёно.

А она и говорит:

— Како же посулёно? Не знаю. Даже и не могу узнать. Но.

И стояло, стояло, и уехали те. Уехали, она и пришла домой да и гот:

— Вот, мужик, чё же мы посулили с тобой, что приезжае? Приехал кто-то за посулёно.

Но, и так ночь прошла, день прошёл. Опять на второй день, опять колотитце. Она опять, опять мужик вышел на крыльцё. Вышел:

— Кого вам надо-то?

— А отдайте посулёно.

Но, она опять, оны опять, мужик зашел, гот:

— Не знаю, — вот сидят и розгадывают, — не знаю, како посулёно просит, просят у нас.

А потом думали-подумали, говорит:

— А что посулёно? Мы, — говорит, — заранее дочь-то уж за муж отдали, что посулили, еще не было дочери, а мы посулили.

Но, ладно. Что? Делать нечего. На третью ночь поколотилосе. Они дочку справили, на крыльцё вывели, а кто-то схватил да в сани, да и увезли. Ну, ладно. И оны не знают, горюют, бедуют, куда дочь увезли. А ю привезли, и вот там, и вот как ю добивали-се ночью, так и ей там. Утром встанет: никого не видит. Слышит, как говорит, но. В хозяйстве курицы там ходят, поют тут петушки, тут народ ходит. Она никого не видит. Только ей там покушать на стол всё собрано. Она поест, попьет, день живет и опять никого не видит. А вечером уже уходит спать, вот там ей свет, вот светильце тако дают, что она пойдет, пойдет вот женщина со светильцем, она никого не видит, только это видит и в спальню. Свалитце, и к ей придет мужчина. И вот она спит, а его она не видит. Но, ладно. День живет так, второй живет, им говорит:

— Что за беда? Выйду я на улицу, может быть, я кого-ни не увижу ли. И, но, раньше были бабушки, жили, дак, верно, задворенками называли: бабушка-задворенка. Она пришла и говорит:

— Вот, бабушка, живу уже второй день, никого не вижу, а и не

знаю, жених-то у меня хороший ли, плохой, али какой? Не знаю, что? Жених али что? Толком не могу розобратце.

А уж той-то понятно, что «вроде как жених, а не знаю».

— Ну, ладно. Ты, — говорит, — не горюй, еще тебе одна ночь, и ты потом всё уже увидишь. Оны добивалисе три дня до тебя ночью. Также и ты три дня до него добиватце будешь, тогда ты ёго увидишь только.

Но, ладно. Она гот:

— Как бы мне поглядеть?

— Ты знаешь, он такой хороший. У него одна, — гот, — волосинка золота, друга серебряна на головы. И он такой красивый. Но уж ты до времени не гляди.

— Нет уж, бабушка, охота посмотреть его.

— Но, дак возьми спички чирни, посмотри — он будет спать, а только, — говорит, — этого не делай: хоть не сожги или там чё-ни.

— Да нет, бабушка, только охота посмотреть.

— Но, ладно. Охота дак охота.

И вот взяла спички. Приходит:

— Но уж сёдня-то я уж погляжу.

Покушала, поужинала и спать. Но, и он пришел, свалилсе, розоспалсе. И она спичку-то чирнет, как посмотрит — такой красивый! Но, и действительно: одна волосинка золота, друга серебряна: такой волос на головы. И спичку-то сронила, да и сожгла волосинку-то. Ну и всё. И ей только ответило:

— Я, — гот, — до тебя три дня добивалсе, а ты до меня будешь три года добиватце.

И всё: и утром встала, и никем никого, и ничем ничего, и ни слуху ни духу, и всё решила. Но, и пошла опять к этой бабушке.

— Вот, бабушка, дело-то я наделала. Вот так и так.

— Вот я тебе говорила, что еще бы одна ночь и ты бы утром

уже всё увидела и узнала, и всё бы. А вот теперь, — говорит, — трудно тебе доставать. Он за тридевять земель у одной там, у Бабы Яги, у одной. Ну, ёна забрала ёго.

Ну что делать? Горевала.

— Но, давай теперь возьми, — говорит, — сходи в кузью три просфиры, чтобы тебе сковали трои лапти, сделали три посоха. Три просфиры и трои лапти, и вот ты пойдешь. Три года ты пойдешь его искать, если тебе уж надо.

Ну, бабушка, уж как сказала.

— И дам тебе клубочки.

Но, дала клубочки.

— И вот иди. Вот год пройдешь, ты эту просфиру удержишь.

(Вот эдак: просфира — это ись что-то тако, а посох — это идти подпиратьце, а лапти — это на ногах.)

И вот она шла-шла, и вдруг это всё придержалосе. Подходит: избушка. Избушка, там живет старушка. И избушка вертитце во всё кругом. Но, она:

— Избушка, избушка, стань ко мне крыльцём, а назад сенцом. Мне бы зайти как-нибудь.

Но, ладно. Она зашла. Старуха сидит, через грядку мотки кидат.

— Фу-фу-фу, русский дух! Слыхом не слыхано, видом не вида-но, какой-то человек пришёл.

Но, бабушка стала расспрашивать.

— Бабушка, не расспрашивай. Накорми, напой, а потом уж я те всё расскажу.

Но, ладно. Старуха накормила, напоила и стала расспрашивать. Но, вот она рассказала.

— Но, вот трудной тебе путь. А вот, — гот, — мой племянник, вот и он попал в крепкие руки к Бабы-Яге. Можешь ли, нет достать? Ну, ладно, поможем. Но, вот я тебе дам како-то вот зо-

лотое, ну, вот торелочка и яичко тако золотое. Но, и ты вот пойдешь, это возмёшь с собой, ёно те пригодитце. Но, вот иди! Вот там еще у меня сёстра будет, и еще три сестры. В общем, как год пройдешь, так сёстры найдешь.

Ну, и ёна дальше пошла. Пошла. Опять так же год идёт. И вот опять эта просфира приеласе, лапти придержалисе, посох тоже сдержался. Опять подходит к старушке.

(Ой, не рассказала еще одно. Ну, ладно, ко второй расскажу, как у той-то рассказывала, у первой-то была.)

Опять приходит также к старушке, и вот это всё она также стала спрашивать.

Эта девушка гот:

— Накорми, напой, а потом спрашивай.

Но, она её накормила, напоила, спать повалила, а утром байну стопила и говорит:

— Вымой-ко моих детей, — старуха-то.

(Вот у первой-то я забыла сказать.)

Но, девушка байну стопила:

— Ну, давай, где у тебя дети?

Она корзину принесла, вторую: там лягухи, гадовья — ну, всяка вот эта такая тварь.

— Вот это, говорит, мои дети.

Ну, что? Делать нечего, раз надо до мужа добиватце, дак надо делать всё. Ну, ёна их напарила, нажарила, вновь принесла домой. Ну, и старуха обрадовалась да видит, что уж хороша, верно, женщина. И вот там, где перва-то дала путь, так и втора-то также и дала ей веретешечко серебряное.

— Ну вот, возьми, оно пригодитце.

Ну, и вот приходе третий год, третий год подходит. Подходит до третьей сестры. Это всё приелосе, просфира приеласе, лапти придержалисе и посох придержалсе. Приходит к третьей сестры, и вот там живет и ейный муж. Но, ладно.

(Последнее в конце-то ведь похабно там.)

Но, ладно. И вот она приходит к этой сестры, к старушке. Опять старушка также:

— Фу-фу-фу, русский дух! Слыхом не слыхано, видом не видано, какой-то чёловек пришел.

— Но, бабушка, уж пришла, уж прими, накорми, напой.

Ну, ладно. Накормила, напоила и росспросила всё.

— Ну вот, ты дошла теперь до места, как еще добьёмся до его. Он, — гот, — мой племянник. Но попал он в крепкие, можем ли, нет вырвать. Но, ладно, попробуем.

Вот она тоже сделала, этих дитей-то ейных намыла в байне и всё это, всё, как и у первой. Но, ладно.

— Вот ты, я тебе дам прялочку, — говорит, — серебряную, и ты будешь прясть. И вот у этой у Бабы-Яги есть дети, оны будут бегать и увидят тебя.

Ну вот, девушка сидит, а эти слуги идут, этой ведьмы-то, и бегают за водой, и мимо-то идут, приходят домой и говорит:

— Ой, у тёти у нашей, у твоей *(она будет тетей этой ведьмы-то)*, дак така красива девушка сидит прядёт, дак серебряная прялочка и золотой перстенёк-то этот, но. Ну вот, она чё-то ей так зло говорит, уж чтобы у ей всё было дак, и это надо отобрать.

— Вы, — гот, — скажите ей, что она запросит, чтобы отдала этот веретешечко-то серебрено.

А ей старуха-то и научила, тётка-то, что «ты скажи, что»:

— Пусть на ночь даёт Финиса ясного сокола ночевать.

Ну, ладно. Вот они и прибежали, слуги-то и говорят:

— Вот она так сказала, за это она отдаёт, а если больше ни за что не отдаст, ничё ей боле не надо.

Ну, ладно. И вот она ёго напоила пьяного и в эту горницу отвела. И он там заспал, и она это веретешечко ей принесла золото:

— Ну, иди туда, к ему.

Она пришла и вертелась, вертелась, но она уж его тут видит и всё. Его щипала и кусала, и на все концы. И он так напоен, что он не мог проснутьце, и так ночь прошла безо всего. [*Смеется.*] (*Ну вот, теперь похабно.*) Но, вот выходит эта ведьма-то и говорит:

— Стуки-бряки по синям, ступай, бл..., вон, бл..., ночевала, ни-что не взяла.

Она знает, что она с его ничего не получила. Ну, ладно. Опять, опять сидит прядет. Но уж теперь веретешечко отдано, дак прялочка.

— Но, спросите, — (*опять слуги бежат*) — девушка-то сидит опять, прядет, дак спросите вы, что она за прялочку спросит. А что спросит, дак пусть отдаст, я с ей рассчитаюсь.

Ну, она опеть — ей, вишь, тетка научила — что вот так и так: ты только спроси это, чтобы она ночь дала ночевать.

Но, ладно. Опять также ночь. Она эту прялочку принесла, его напоила, туды в спальню отвела. Она пришла, а что толку? Всё также получилось: щипала, кусала и ничё не могла добитьце. Ну, ладно. И вот этот племянник-то пришёл к этой тетке вот, у которой девушка-то. Она его обрядила, не показыват, говорит:

— Тетушка, знаешь что: втору ночь сплю, дак проснутце не могу, и до того кто-то дощиплет, докусает, и никак проснутце не могу. Не знаю, что такое творитце у меня: засплю, дак даже не чувствую ничёго.

— А вот, — говорит, — вот на эту ночь она тя будет поить, жена, ты не напивайся и ты узнаешь, что это тебе тут-о-ка есь.

Но, ладно. Он так и сделал. Она его поит, напаиват, чтобы как-ни опять. А эта девушка-то ище вышла на крылечко, дак этими, торелочка золота да яичко-то, как вроде играе. И вот эти слуги-то, опеть. Ведьма-то выманила за эту за ночь-то.

— Ну, ладно, пусть идёт, только пусть отдават это.

Ну, и вот девушка пришла. Он не напился пьяный, но притворился такой, как раньше, и она его повалила, что пусть: всё равно ничего не будет. Но, ладно. Она пришла тоже к ёму. Только его дотронула, он проснулсе, проснулсе и видит, что она, жена-то, но и схватилсе тут: миловались тут с этой женой-то.

Но, ладно. Утро приходит, ну уж оны тут вместе, тут уж больше не розольёшь водой. Раз уж она добиваласе, добиласе. Вот эта и выходит, ведьма-то, опять.

— Стуки-бряки по синям, ступай, бл..., вон, бл..., ночь ночевала, ничто, бл..., и взяла.

А он говорит:

— Ты ей скажи, что: «а хоть ты бл..., хоть я бл...»

Ну, и она сказала:

— А хоть ты бл..., а хоть я бл...

Ну, как она заходила. Та, верно, добиласе. Знает, что добиласе, тут вышла вся. Но, он вышел и говорит:

— Ну, ладно. Давай, давай спокойнее, что-то будет. Пусть она будет у нас прислужой, а мы с тобой будем кататьце, розъезжать, да всё. Пусть она у нас роботат в роботницах.

2. [МОЛОДИЛЬНЫЕ ЯБЛОКИ]

Вот жил отец с сыновьямы. Верно, мать *[далее не записалось из-за неисправного магнитофона]*. Ну вот, постарел и говорит *[не записалось из-за проблем с магнитофоном]*.

Василий был, да Петр, да Иван. Но, Иван всё дурачок дак уж.

— Съездите за молодильными ягодами, за живой и мёртвой водой. Вот где-то она должна быть.

Но, отправил первого сына. Перво дал лошадь хорошу, и поехал. Приехал в чисто поле, и три столба стоит: «вот в эту доро-

гу ехать — сам будешь живой, лошадь мёртва; в эту дорогу поедешь — лошадь мёртва, сам живой будешь; а в третью дорогу поедешь — с девицей спать».

— Но, сын уж Петр поехал, дак разве я поеду в эту дорогу?! Я уж с девицей спать поеду.

Но, и поехал. Приехал. Девица уже выскочила, уже встречает. Но, и он рад-радёшенек, что приехал с девицей спать. Ну, она это накормила, напоила, но и:

— В горницу спать пойдем.

В горницу привела, да он розделся.

Гот:

— Вались, потом я свалюсь.

А он свалился на кровать, а кровать кверху дном, да он в подпольё улетел. Всё. Живи. Как туда сунулсе, а там мужиков полно подпольё. Но, раз с девицей спать охочё дак.

Но, ладно. Второй поехал брат. Поехал, и у второго така же манера:

— С девицей уж я поеду спать.

Но, ладно. Тоже так же получилось: с девицей спать осталсе там.

Но, отец и говорит:

— Но, уж ты, Иван, уж толку у тя никакого нету, а хоть бы, может быть, чем-ни. Эти уехали куды-то концём.

Но, и он справилсе. Приехал опять в чисто поле и вот эти три дороги, и не знат, в каку ехать. *(Дак вот только этого не знаю, в котору он поехал, что вот где сам жив или где лошадь жива. Вот это уж ни скажу точно, но их этих в котору-то поехал.)*

Поехал, ехал, ехал, стоит дом. Он приезжат к этому дому, там мужчина один и говорит:

— Далёко ли ты, молодец, справилсе?

— А вот так и так. Поехал. Отец, — гот, — сказал, что за жи-

вой ли, за мертвой водой, а братья куда-то уехали, не знаю, по какой дороге уехали, а не вернулись, а я поехал, тоже, може, не вернусь.

— Ну, ладно, едешь ты правильно, только, — гот, — тебе на одной лошади на своей не доехать. Бери мою лошадь, а свою оставляй.

И вот ко второму опять подъезжает и опять у второго же так. Тоже, говорит, все так же получилось, как у первого:

— Вот лошадь меняй и поезжай дальше, на своей на этой лошади на одной не доехать.

Но, и приеждает он до третьего. Приеждает, и там говорит этот мужчина:

— Но, вот ты теперь доехал до этого города. Надо ждать, вот в такой-то день в этом городе все будут спать. И этот город будет там, ну, все часовые и все, все. Но, и в городе, там, ты можешь эту достать воду, вот. Но только в этот город попасть — такие стены, что крепко уж надо лошади тут перескочить эты стены. Ну, ладно, я вот свою лошадь тебе дам. И вот ты, как в этот город зайдешь, вот достанешь эты молодильные ягоды и живу, и мертву воду.

Вот рассказал там место: где и как.

— И там будет царевна спать, — гот, — до пояса платье на вороту, ты с её ничё не шевели. Если ты ю дотронешь, обратно лошадь не перездынет тебя. И если и перездынет, дак все равно за стены задене.

Ну, ладно. Но, Иван поехал, перескочил через эту стену, заехал в город: всё, как мёртвы, бери хоть что хошь. Но, и зачём он поехал, только то бери. Всё это взял, до царевны доехал, но три раза поцеловал, а, бывает, там было чё-ни еще. Но, и обратно как махнёт через забор, а лошадь копытами о стены. А как только о стены задела, сразу всё везде зазвенело, все колокола,

как будто какой-не, как сигнализация, всё это. И сразу в городе выскочили. Все:

— Ну, кто-то был у нас!

Значит, уже так получилось, и он:

— Надо погоню сейчас.

И он на этой лошади доскакал до этого дядьки опять. Этот дядька лошадь он переменял свою, он дальше и дальше, и все-таки он уехал. Уехал и сбавилсе от этой беды. Сбавилсе и говорит:

— Что? Домой ехать ли мне с этим со всем или заехать к этой, где девица-то спит. Наверно, мои братья там уж. Поглядеть, что там, как?

А верно уж глупый, а толку уж побольше было. Вот заехал, девица встречает его и всё. И вот он попил, накормила-напоила:

— Но, уж теперь, Иван, мы в спальне пойдем спать.

Подводит к кровати:

— Но, — гот, — раздевайсе и вались, потом я буду.

А он розделсе и сам не валитце, а — раз — схватил ю да бросил на кровать. Бросил, а кровать-то кверху дном, да она туда. Но. Всё это там братья мои. Но, розыскал там ключи ейны, все. Как открыл подвал, дак там кого и нету. Еще в том числе и она. *(Все смеются.)* Братьев выпустил, всех выпустил. Но, и домой-то ехать, но, и домой-то ехать: дак он-то перемучался весь, а братья-то в подвале сидели — не мучились. И вот говорит:

— Братья, отдохнѐмте маленько, я не могу ничѐго.

Ну, а братья тоже, верно, бедного дурака всё обдуют. Свалилсе где-то на поле спать на лужку, Иван захрапел со всей силы. А оны что? Оны не намучились, как он. И его взяли да бросили куда-то. Он в подземелье куды-то укатилсе. А самы забрали всё да к батюшку всё и привезли: как будто оны и привезли. А Ивана решили. Но Иван катилсе да катилсе, да куды-то подкатилсе, в

земельное царство в како-то попал. Ну, в какой-то город там. И вот в этом городе он живет. Зашёл там у какого-то тут мужчины, ну, остановился, а он, этот говорит:

— Наняться бы куды-ни в работники.

Ну, теперь уж не знат, как выбратце и что?

— А в работники вот, — гот, — у нас пастуха надо бы в деревню, да. Не беда пасти, а там тоже вот баба этака кака-то есть, вот ейны, верно, поля. Да вот как корова только на полё зайдёт, и сразу она убиват тую корову. Уж и никак нельзя. Даже не могут и пасти, что всё равно скот-то прет туды ей в огород.

— Но, ладно, давай я займусь.

И пошел.

— Только дайте мне вина да корыто.

Но, ладно. Он к этому полю положил корыто да вина налил туды, и сидит. Сидит. Коровы пошли, верно, зашли маленько. И вот этой Бабы-Яги дочь идёт, едет. Едет:

— Что такое? Опять на наше полё запустили скот. Все покорешили, сичас всех перебью и всё.

Да до этого корыта-то дошла, да увидела — пить, верно, захотела — и давай лакать это вино-то. Напиласе да и пала. Пала, а он ей убил.

Ну, ладно. Коровушек всех пригнал, все целы, здоровы. Народ радуется, что хоть пастух хорош. Ну, на второй день опять так же. Опять так же. Но, тая уже еще, верно, уж старее, эта сёстра — дочь этой Бабы-Яги. Но, опять это летит-то, летит.

— Что такое? На наше поле всех коров выпустили, все у меня покорешили.

И опять к этому же корыту-то придет с вином-то. Напилась, и тая так же. И он тую убил. Ну, ладно. Ну, убил. Что теперь делать? Теперь уж приходитце на третий день уж самой Бабы-Яги ехать расплачиватце. Так же подъезжат туда, к полю-то:

— Но, и, но, сейчас моих дочерей убили и всё у меня покоренили, и сейчас кто тут такой есть? Сейчас убью.

Но, и к корыту-то подъезжат, дак вертитце во все стороны: пить-то охота, ды всё злитце-то, чтобы ей как-не уж надо его покоренить. А он всё не показываетце. Она все окол корыта. Этак за скотину не бьётце, а к корыту. Но, и так же. Тоже давай пить. Пила, пила, пила, дак и вот падет на бок и опять выстанет, рот обтирёт. И она так же напилась, и тую решил. Тоже голову отрубил и всё. Но, и привел, пришёл в деревню и гот:

— Ну, теперь можете спокойно спускаться. Всех перевел.

Но, и там в деревне-то обрадовались, народ-то весь и говорит:

— Чем бы тебе расплатитце за такое добро?

А он гот:

— Мне ничё не надо, только бы миня подняли бы наверх, на свет туда бы.

Да оны думали, думали всё-то и говорят:

— Как же бы нам его? А у нас есть птица багуль кака-то такая. Только она может тя поднять.

И вот така, наверно, уж птица больша, что он сел на эту птицу. Ей дали, клали барана, теленка — это что она пока летит, ей всё мясо давать. Он отрезывает, ей мясо в рот туды суёт. И она все кверху поднимаетце. Но, и где бы долететь маленько ище доверху — свет показался, а мяса боле нету. Она говорит:

— Знаешь что: отрежь от ноги этой мякоти, сунь мне — так мне не долететь. А наверху я тебе выплуну, и обратно у тебя также будет на ноге.

Но, будто так. Вишь, сказка, дак уж. Но, ладно. Вот сел на эту птицу и полетел. И вот только долетат доверху-то, ну, она и говорит тут. Это всё он дал ей, это отрезал, дал ей в рот, и она его подняла. Подняла, он выстал. Выстал, а она обратно вниз спу-

стилась. Но, поблагодарил да и пошел домой. Приходит домой, братья дома все. Ну, а уж глупый Иван дак, верно, уж не отмщат ничего так. Ну, ладно.

Время-то уж ведь много прошло, уже три года прошло, уж три года прошло. Вдруг приезжат царевна в этот город. На поли она раскрыла шатер, ковёр туды до самой деревни прослала [*далее не записалось, сломался магнитофон*]. У ей уже три сына родилось, сыновья уже бегают.

— Хто? — отец говорит, — пусть приезжат сюда ко мне.

Но, ладно. Были ли нет в деревне всяки-ни мужики, а, верно, уж опять ком выпал на этих братьев. Но, первый опять Петр поехал.

— Но, уж моя уж царевна да сыновья уж моей.

Но, накрутился на кони да приеде, не смие на ты на ковры-то ступить. А ребята и выскочили.

— Вой, мама, наш папа еде!

— Нет, — гот, — ребята, это не папа ваш, а ваш дядя иде.

Но, он приехал, да тут, да то и другое.

— Нет, ты, — гот, — не отец этим ребятам. Посылай своего брата, нашего отца.

Ну, а оны вывечат ничё. Ну, ладно. Второй поехал Василий.

— Что делать? Но, уж тебя-то не взяла, что я-то уж до царевны добьюсь.

Также поехал. Она, опять ребята кричат:

— Мама, папа наш еде!

— Нет, это не папа ваш, а это, — гот, — дядя ваш едё.

Он приехал, она его также обратно. Он и уехал. Уехал.

— Но, кого? — отец говорит. — Ванька, ты-то издил долго, хоть ты где-ни чё-ни не натворил где? Поди-ко, давай съезди, уж не отступаете, дак съезди. Там уж не ты, дак ничто.

Но, Ванька тот не крутилсе, не рядился, вышел с печи грязной,

дровни назёмны запряг и по этим коврам стелет туды прямо в шатер. А робята выскочили, бегали:

— Мама, какой-то чёрт еде бегом в шатер.

3. [СКАЗКА ПРО ПАСТУХА]

Ну, ладно. Нанялся он в работники. Нанялся в работники. Ну, вот.

— Поедешь ты, — гот, — Иван, пахать. Я тебе дам собачку, и вот эта пока собачка бегат [*не записалось из-за неисправного магнитофона*], ты пообедашь. Она побежит, ты опять будешь пахать. И вот как она пойдет, домой побежит, и ты поедешь.

Ну, ладно. Поехал Иван в поле. Поехал. Пашет, собачка бегаёт. Бегала да была, Ивану пристало: что за беда? Нет, он до обеда пахал все. Он тут намучался, но все-таки пахал. Но, с обеда поехал пахать и пашет, а собачка-то бегат и бегат. Он и пристал: что за беда? Розогнал лошадь, собаку-то схватил: до то ей додул, и собака-то бегом домой, и он на лошади домой. Приехал, а хозяин выскакивает:

— Почему, — гот, — Иван, рано приехал?

— Собачка домой, и я домой. Как приказано.

— Да что такое с собакой случилось, что она прибежала рано домой? Ну, ладно. Завтра я те вторую работу дам. Пойдешь коров пасти. Коров, — гот, — пойдешь пасти, чтобы всё было в порядке.

— Ну, ладно, коров дак коров.

Вот он и пошёл, погнал. Погнал коров в полё, выгнал, но и:

— Что, — говорит, — делать?

Пропас день, обратно, как-то он и медведя поймал, и вот

за место быка медведя в этот, во хлев сунул. Коров пригнал, а этот медведь-то там всех коров-то и передавил. Он еще, правда, (*медведь-то бежит*), гонит медведя-то, а старуха говорит:

— Ой, старик, пастух-то у нас медведя пригнал домой.

— Да ты, — гот, — что, с ума сошла?

А медведь-то зашел во хлев с коровамы-то да всех там передавил.

— Вот, — гот, — на работника-то мы попали! Что мы теперь, старуха, с ним будем делать?

И вот сидят, говорят вечером. (*Спать он свалился.*)

— Как-ни нам его надо перевести. Ведь так он нас.

— А как вот мы, старуха, переведем?

— Справимся куда-ни как. Будем уходить куда-ни и возьмём ёго. И приедем, пойдем там в каком-ни, у какой-ни реки, у обрыва, там поедим, попьём да и еще его как-ни вином напоим, да потом его повалим на край, а ты свалиссе в середку, а я на эту сторону свалюсь. А он розоспится, а ты его толни в воду.

Ну, ладно. Вот он, а он это все выслушал. Ну, ладно, неудивительно. Пошли:

— Но, Иван, мы, — гот, — пойдем, но, куда-то, уж тебя не оставим, пойдем тоже.

Но, ладно.

— Ну, ак пойдем, дак пойдем.

Ну и пришли оны с котомкамы, со всем, пришли тут к обрыву-то да у реки-то покушали, поили да еще Ивана угостили. Ну, а ён пьёт уж: в рот не льёт, а мимо все льёт. Но, а он-то маленько и выпил, верно, уж хозяин-то. Знат, што будет на кряжу лежать, а Иван под кряжом дак. Но, и свалилсе.

— Но, ты, Иванушко, ты вались о край, а тут старуха: что хоть бы не пала в воду или что, а я тут.

— Но, давай, давай, давай.

Но, только маленько розоспались, Иван взял этого хозяина на край клал, а сам на ту сторону свалился. Старуха спала да была, да спросонья-то спомнила, да как пихнет-то туда. Как глаза откроет, а пихнула-то старика, Иван-то на земле остался.

— Вой, теперь старика сбыла, а Иван всё равно живой.

Но, что делать? А эта старуха-то:

— Ну, дак уж, Иван, как будем жить?

— Как будем жить? Тебя еще решу, а потом все заберу и к отцю с богатством приеду.

Старуха дрожит дрожмя.

— А, — гот, — дрожи, не дрожи.

Схватил да и туды тую в реку. А сам домой прикатил: богач богачом. Отця туды перевёл в это хозяйство и стали жить.

Вот и сказка вся. Недолга.

ЕЛЕНА ИВАНОВНА ЛАДЗЯНОВА

4. СЕМЕРО ОВЕЦ

Ну, жил-был старик да старуха. У старика да у старухи было семеро овец, соломенный хлевец. К ним часто ходил медведь. Ну, вот пришел медведь и кричит:

— Старик да старуха, парень да девка, семеро овец, соломенный хлевец, дайте-ко овечку съись.

Старик кинул овечку. Съел медведь овечку. Долго ли коротко прошло время, опять иде, кричит.

Опять второй день приходит, опять медведь идет:

— Старик да старуха, парень да девка, семеро овец, соломенный хлевец, дай-ко овечку съись!

И опять кинули овечку. Выкидал старик всех этих семерых овечек. Приходит очередь парня да девку. Дедко говорит:

— Нет, девку бросим.

Эта бабка гот:

— Нет, парня бросим впереди.

Вот корялись, корялись, медведь кричал, что:

— Дайте девку.

Пришлось кинуть девку перву. Кинули. Медведь девку съел. Опять несколько времени прошло, пришел медведь: бросили парня. Старик больш-у-у-у-ю корзину сплёл и сел в эту корзину. Привязали к потолку и сидят. Пришел медведь в избу, кричал-кричал, ворота выломил — никого нету. Старик как со старухой крикнули, медведь упал, и оны медведя зарезали. Зарезали медведя топором, вышла девка, вышел парень. *(Прямо, смешные сказки такие, робячы дак.)* Да, стали опять жить-поживать да и теперь, да Вас переживут. Я там была, мёд-пиво пила, по губам текло, а в рот не попало.

5. [СКАЗКА О ЗОЛОТОЙ РЫБКЕ]

Жил-был старик со старухой. Жили оны у синего моря. Старуха все пряла пряжу, сидела в розном корыте. Была у них избенка плохая. Пошел дед рыбачить. Затянул дед невод — ницёго не попало. Второй раз затянул — ёму попала золотая рыбка. Стала эта рыбка молитце, что «дедушка, спусти, я тебе пригожусь». Ну, и он напугалсе, что эта рыбка золотая, он веки не видал и отпустил. Пришел домой, бабка стала его бранить:

— Почему же ты, — говорит, — без рыбы пришел?

— Ой, бабка, всю жизнь прожил, не видал, чтобы рыба говорила чёловеческим голосом.

— Вот, глупый простофиля, нету у меня ни избы, в розном корыте. Ты хоть бы, — говорит, — корыто-то мне ново бы заказал.

И до того она его бранила, что пошёл дед обратно к морю, стал плакать. Вышла рыбка:

— Что, дедушко, ты запечалилсе?

— Ой, дорогая рыбка, мне бабка не дает покою. Говорит: «до того дожила в розном корыте, хоть бы ты мне дала бы хороше корыто бабке».

— Иди, дедушко, не печалься.

Приходит дед домой, уже стоит избушка, и бабка прядёт пряжу и — без корыта. Что корыта уже нету, а уже хата нова. Бабка еще пуще заворчала:

— Дурной ты, дед, был, взял, — говорит, — избу, а не хочу я тут здесь сидеть у рыбки, я хочу, чтобы быть богатой да хорошо жить.

Ну, вот дед пошел опять плакать. Нигде никак дедку покою. Пришлосе дедку идти к морю. Смолилсе он опять золотой рыбке, что:

— Не хоче бабка сидеть в пустой хате, а хочет, чтобы быть в этом в царстве да в хороших условиях жить.

— Но, иди, дед, не печалься.

И пошел дед опять домой. Приходит. Бабка сидит уже на при-столе, уже в царских палатах, старику покою не дае.

— Уходи прочь, невежа, что я тебя теперь уже не люблю, я царица.

Но, сидела долго ли коротко. Он там в конюшне жил: его вы-гонила, ись не давала старику. Старик стал плакать. Ну, плачь — не плачь, а старуха нажилась и руководить не умеет. Старуха опять стала старика ругать:

— Позовите, не хочу, быть царицей, а хочу морской владычи-цей быть.

Вот пошел старик опять к морю со слезамы. Пришел и плаче:

— Ну, чего, дед, плачешь?

— Не хочет моя старуха жить царицей, а хочет морской вла-дычицей.

— Ну, иди, дед, — говорит, — домой. Раз не хочет, дак пусть будет по-ейному.

Приходит дед к дому, сидит старуха у старой опять своей хаты и в розном корыте. И остались оны при своих интересах, что не дала рыбка больше ей таких условий, чтобы она жила. *(Ну, боль-ше не знаю как.)*

6. [СИВКО-БУРКО]

Жил-был старик со старухой, у них было три сына. Одного зва-ли Степанушком, другого звали Ондриюшком, а третьего звали Иванушком — его все звали запеченником. Вот два было сына женатых, а третий был холостой. Вот жили-поживали, дед был у

их уже старенькой. Баба впереди, наверно, померла. Вот дед и говорит:

— Вот что, сыновья, как помру, Вы меня посторожите (*раньше часовни были*) в часовне все по ночке.

— Ну, дак уж, батюшко, (*раз три ночи не хоронят*), будто не посторожим.

Ну, вот и пришло время, что дед помер. А старший сын и говорит:

— Вот что, Ванька, я боюсь идти, сторожить, а ты поди посторожи отца. А я тебе, скажу невестке, дак она блинов напекет, тебя накормит.

— А мне все равно.

И пошел.

(*Эта длинна сказка, девки.*)

Ну, вот пошел Иванушко сторожить в часовню. В 12-ть часов приходит, дед встават:

— Стёпанушко, ты?

— Нет, не я, батюшко.

— Ондриюшко, ты?

— Нет, не я, батюшко.

— Иванушко, ты?

— Я.

— Ну, бог тя благословит.

Опять все в порядке. А он сидел, читал книгу. Ночь просторожил, пришел домой, на печку свалилсе, там покушал чё. Опять и походит на вторую ночь. Вторую ночь уже Ондриюшко. Ондрюха опять сватат:

— Ой, я боюсь, — говорит, — поди, Ванька, посторожи, а уж всяко ты невестка накормит да напоит, да все равно ты на печи пролежишь.

— А мне все равно.

Да и пошел. Пошел. Опеть 12 часов. Читал да был книгу там.
И встает отець.

— Ондриюшко, ты?

— Нет, не я, батюшко.

— Стёпанушко, ты?

— Нет, не я, батюшко.

— Иванушко, ты?

— Я.

— Ну. Бог тя благословит.

Опять он проспал ночь. Приходит домой, опять спать лег. На третью ночь самому идти надо. Пошёл Иван сам. Ночь проходит до 12 часов. Он опять и встават:

— Ондриюшко, ты?

— Нет, не я, батюшко.

— Степанушко, ты?

— Нет, не я, батюшко.

— Иванушко, ты?

— Я.

— Ну, Иванушко, раз, — говорит, — ты меня просторожил все три ночи, так тогда пойдем в чистое полё.

Пошел в чистое полё, крикнул, свистнул, прибегает лошадь. Прибегает лошадь, вот он и говорит:

— Вот что, как ты мне, вороной конь, служил, так послужи моему сыну.

Взял там что-то крикнул, свиснул ему да из ушка в ушко вышел, и сделалсе таким молодцом Иван, покатылсе на лошади.

— Вот, вот тебе, — говорит, — и лошадь, вот живи, а сейчас меня, завтра похороните.

(Конечно, сказка сказываетце, дак это не правда.)

Вот прошло, похоронили. А пришел когда домой, ище до похорон, братья:

— Ну, Ванька, наверно, тебе отец чё-ни отказал?

— Да, глупы вы, отец помер. Дак како отказал, — говорит, — отец?

Но, все-таки ничё не сказал. Похоронили отца. Но, вдруг тут царь задумал женить или замуж выдават дочку.

— Вот кто на девятое, — говорит, — бревно доскочит на лошади, значит, кольцо подарит дочь. Ну, и за того замуж пойдё.

Ну, братья поехали. Лошадей там каких-то своих взяли двое, а Иван уже без лошади осталсе на печке. Лежал да был и захотелось ему, говорит:

— Пойду-ко я в полё. Отец мне наказывал так, а, може быть, лошадь-то прибежит?

Пришёл в поле, крикнул, свиснул: лошадь прибежала. Он также сделал, как отец ему велел, и поехал. Приехал туда и не доскочил двух брёвен. И обратно опять приехал, лошадь спустил — и на печку. Но, братья приехали, дак:

— Ой, Иван, как сёдня приезжал такой богатырь к нам, туда в царство, дак два бревна токо не доскочил.

Но, а он еще подсмеяться:

— Не я ли был?

— Ой, запечельник! Тебе бывать там!

Вроде его и посмеялись над этим Иваном. Ну, а так все и обошлосе. На второй день опять надо ехать. Братья опять собираются, опять едут. *(Конечно, им не доскочить, а просто посмотреть. Как оны женаты, да тут уже им не надо такой невесты.)* Вот он опять лежал, встал ночью. Лошадь опять эту выкричал, сел и поехал, и доскочил. И как раз ему кольцо на руку ёна надела. Положила кольцо на руку, он пришел, лошадь спустил. А кольцо-то золотое — свитлиет. *(А золото-то не тако, как сейчас, было, что посвитлее.)* Ну, вот и взял замазал его глиной, а сам на печку зашел. Зашел на печку, братья приехали, опять также хвалятце. Он смеётце, что:

— Не я ли?

— Ай, лёжи на печи!

Вот приходит то время, надо найти золото кольцо царю. Царь всех созвал: ни у кого кольца не могли найти. Пошел уже по дворам слуг искать. Ну, вот этого Ивана и привели: Иван грязный, необмытый — ницего, к царю. Ну, царевна стала розбирать:

— Что у тебя с пальцем?

— А у меня вот россичен палец.

— Нет, розвяжи!

Розвязала — кольцо тут.

— Ну, батюшко, раз кольцо тут, значит, мой жених.

— Но, твой жених, дак я, — гот, — тебя царства лишаю. Иди, тут есь еще у меня квартира вторая, живи в квартире. Я такого жениха не пущу в царство.

Ну, тые пошли. Куда денешься? Раз с мужем да любит мужа дак. Пошли в эту халупку спать, отправили их. Он поспал долго ли там коротко и ушел. Ушел ночью, пришел в полё свиснул, лошадка прибежала. Он сделалсе таким царёвичем: любо посмотреть. Лошадь привёл, привязал к крыльцу, сам спать свалилсе. Но, даже жена уже тут напугаласе, что с такого, такого царя увидела. Ну, царь утром приходит к лошади, уже не знает, как зайти, что откуда образовалась такая лошадь у них. Приходит в квартиру, дак он уже спит, дак ни в сказке сказать, а ни пером описать — такой красавец. Ну, уже царь пал на колени, что «извини миня и даваю те полцарства, только живи». Вот.

Я там была, мёд-пиво пила, в рот не попало и всё по губам текло.

7. [ПО ЩУЧЬЕМУ ВЕЛЕНИЮ]

Жило-было три брата. Вот не знаю, как их там: Ондриюшко звали, наверно, пусть буде а Фёдорушко и Иванушко. Вот эти братья поженились. А этот Иванушко всегда был, ой, не Иванушко — Емеля.

Ну, Емелюшка один жил неженатый. Вот братья поехали раз в город.

— Ты, Емеля, — говорит, — нам помоги, все невесткам делать, да мы тебе обновки привезем с города, все-таки надо скотину, дрова носить да вода, да все.

— Ну, да ладно, помогу.

А сам на печку заберетце да и все.

Ну, невестки стали уговаривать, как оны уехали. Ну, все-таки он и пошёл. Пришел за водой к пролуби. Пролубу распешил, черпанул одно ведро, второ ведро черпанул: попала ему щука. Щука попала и заговорила.

— Иванушко, отпусти меня, я тебе пригожусь.

Стоял, стоял Иван:

— А что делать? Давай отпущу.

Взял и отпустил эту щуку.

— А что ты прикажешь сделать? — говорит. — Что прикажешь, то и сделаю.

Отпустил щуку, думал, думал:

— А, — гот, — по щучьему велению, а по моему хотенью, подьте ведра самы домой!

Как ведра пошагали домой один за одним! Все в деревне выскочили: что ведра идут самы с водой. Иван до того воды наносил, хоть в угол лей. Ну, ладно, хорошо, что наносил: невестки не ругаютце. На второй день опять невестки его посылают дров рубить:

— Емеля, хоть бы ты пошёл дров нарубить, у нас дрова все.

— Ай, не охота!

— Ай, поди, поди! Братья тебе обновки привезут.

— Ну, давай.

Пошел во двор (*а раньше во дворах были сани, затаскивали же во двор*).

— Так лошадь-то запреги!

— А чё мне лошадью делать? По щучьему велению, по моему хотению, — гот, — идите-ко, сани, со двора.

Как сани пошли сами! Топор взял, да.

— Пилу надо взять, — невестки-то.

— Не надо никакой, нарубим дров мы.

Сел на дровни и по всей деревни как едё, только дай волю. Приехал в лес.

— А по щучьему велению, по моему хотению дак рубитесь-ко дрова!

И дрова сами порубились, и сами наклались на дровни опять. Иде по деревне, дак вся милиция сбежалась, что всех народ в сторону да в другу разбрасыват, что самы дровни бежали дак. Но:

— Емелю, — гот, — надо буде обсудить, раз Емеля так иде на дровнях.

Пока Емелю собирались судить, приехали братья. Но, а его на суд к царю. На суд к царю позвали, а он:

— По щучьему велению, — говорит, — дай-ко, дубинка, роботу.

Да дубинка как взяла царя лупить или хрястать ли, как повашему. (*Вот, девки, вам насмешу-то дак!*) Но, и отлупила царя, что не рад был, что его стали судить.

Ну, вот так Иван (*этот кой, Емеля*) так и прожил всю жизнь на щучьем велении.

8. [ЧУДЕСНЫЕ ДЕТИ]

Ну, пусть жили-были там царь, пусть будет, да царица, и было у ёго три девицы. Вот эти девицы пошли прясь. Пошли там в какой-то темнице прясь. Одна и сидит:

— Кабы я, — гот, — была цариця, так я б для батюшки-царя наткала бы полотна.

А вторая молвила, что:

— Если б я была цариця, я б для батюшки-царя родила богатыря.

А третья молвила девица, что:

— Если б я была царица, я на весь бы свет, как-то, мир наготовила бы пир.

Вот вдруг тут дверь отвориласе (*пусть, буду по-своему говорить*) и являетце царь.

— Вот, — говорит, — раз все вы желаете быть царицамы, поедете со мной.

Вот он забрал их с собой, увез в царство. Одна там варила у него, вторая ткала, а третья замуж за него вышла — молодая. Вот. Вышла замуж, а через год она должна уже была родить. И тут началась война. Мужа взяли у ей в армию. Она скучала, что мужа нету. А эты все завидовали, что все-таки она родит да не работает — цариця. Оны же были все сёстры. «А мы, — говорит, — работаем». Ну, все-таки она сидела и родила сына. Родила сына. Ну, тут у них ведь царские дак, сразу вдогонку царю туда, где часть ихня была, и послали, что жена родила сына. Эты сестры перехватили, напоили этого гонщика и ему подложили в сумку такую бумажку, что она родила не сына и не дочь, а просто не лягушку и неведому, мол, зверюшку. Ну, вот царь прочитал — он съехал туда — ну, все-таки царь написал, что никуда ни девайте, приеду и там разберусе. Оны опять эту

бумажку перехватили — сёстры. Когда он приехал, напоили его пьяного, конечно, и написали, что их в море спустить: жену и сына. Ну, а там оны ему сказали, что не сын был дак — спустили. Ну, конечно, было молодым этово — кто у них служил — жалко было спустить, но засмолили все-таки и спустили в морё. Эта лодка плывёт по морю. Близко ли далеко сын растёт не по дням, как говоря, не по дням, а по часам. Вырос уже большой, говорит:

— Вот, мама, нам бы сейчас на берег бы выпрыгнуть, дак хорошо бы как было бы окошко в бочке. Ну, он принатужилсе, принабралсе, и до берега лодка, эта какá, бочка доплыла. Он принатужилсе, выбил дно, и вышли оны на берёг. Вышли на берег. Ну, к пустому берегу. Что схватишь? Ничёго не схватишь. Вот он и говорит:

— Пойду, мама, я постреляю по берегу.

Вот пошёл стрелять по берегу. Плывет лебедь. Он только нацелилсе на лебедь и смотрит: перед лебедью коршун летит. И он этого коршуна убил. Убил коршуна.

— А, — гот, — все равно, никого больше не убил ись, а пусть коршуна хоть подстрелил.

Подстрелил коршуна и ушел домой. Ушел домой, матери говорит:

— Ничего не надобывал. Ничего не мог настрелять, коршуна одного подстрелил.

Вот на другой день опять пошёл. Пошёл на другой день, а ись нечёго. Приходит на берёг лебедь. Овяртываетце девушкой и говорит:

— Раз ты мой спаситель, ты меня спас, дак что хочешь, я то тебе и сделаю.

— А я, — гот, — ничё не хочу. Только бы хотел мать накормить да сам поись. Вот.

— А иди, — гот, — все будет хорошо.

Приходит он к матери, уже у их стол накрытый — все готово. Покушали, поели и спать свалились сытые. Приходит на второй день, с этой девушкой он познакомился. Но, девушка была заколдованная лебедь. На второй день подходит, опять и ходит по берегу, а она опять и спрашивают:

— Чёго, говорит, закручинилсе. Не знаю, как вас звать.

Но, она *(я даже забыла, как её там звали)*.

— А, — гот, — закручинилсе: хоть бы какой-нибудь домишко был ли что. А не знать, хожу, ночевать не где.

— Ни кручиньсе, — говорит, — все будет ладно. Сейчас.

Приходит домой: уже стоит цело царство.

— Сколько у меня, — гот, — братьев полно, будет все у тя в порядке.

Приходит — уже царство. И мать ходит и такая радая. И вот про это царство узнали за границей, ездили пароходы, узнали, что там царство построено.

Вот этот Салтан стал ездить в гости. Ну, ни он сам издил, конечно, а издили его сначала слуги на пароходах. Вот приезжают в евого царство этого сына. Он их принимает, угощает: поит-кормит. У его уже тут тако царство, что белка орешки грызет было, и тут все изумруды золотые ходят. *(Я ведь не знаю, я не знаю, что по книжке я не скажу вам, девки, правильно)*.

Ну, вот он уезжает туда обратно. Приходя:

— Ну, что за морем хорошо? — отец-то и спрашивает.

А слуги и говорят:

— О-о-о-о, за морем есть такое диво, что есь белка, орешки грызёт, да орешки не простые — скорлупки золотые.

Ну, а эты, все сестры-то, сестра-то была за ним. Вторая. Как уже она, когда их погубили, дак он пришел с войны-то дак взял уже, сестра как будто бы очудиласе, что тая была будто, или он

как там раньше было, бог их знат. (*Путают сийчас женщины, так и там.*) Ну, вот он жил с одной сестрой там.

— Но, — говорит, — если жив буду, дак навещу (*Гвидоном, кажетце, его звали*), у Гвидона погощу.

Но, вот.

— Ай, да, говорит, это не диво. Вот, — гот, — есь диво, как есь: в море сбушуетце, дак выйдет 33 богатыря. Вот тут дак диво.

Ну, поехали. Опеть корабль, опеть отправили в торговлю. По-ехали. Приезжают, и там оны увидели этих 33 богатыря-то. Приезжают снова к этому отцю. Опять и говорят, что:

— Вот так диво! Море сбушуетца как-то сварливо ли (*не назвать мне-ка*), выходит 33 богатыря.

— Ой, да это не диво!

— Вот как диво, — гот, — за морем, что есть красавица одна, дак во лбу звездочка горит, а как-то месяц под косой блестит. Вот тут дак диво.

— Но, он, — гот, — если я жив не буду, а буду жив, дак навещу Гвидона и у Гвидона погощу.

Ну, вот а этому хочетце, что съездить туда к отцю проведать, вот и запечалилсе. Лебедь выходит:

— В чём дело, Иван? — говорит. (*Или как ево там звали?!*)

— А, — гот, — хочетце мне, вот там отець за морем живет, мне хочетце съиздить.

— Ну, полетай сегодня, я тебя сверну комаром, а ты полетай.

Вот он и полетел вслед корабля комаром. Комаром прилетел, эты все рассказывают ему, что видли там красавицу, что под косой... (*забыла*) месяц блестит да во лбу звездышка горит.

А комар как одной впилсе, сел, зажужжал, а ёна как сказала:

— Тут не диво, необязательно ехать туда, може, там без тебя обойдетце.

Он ей влипилсе, комар-то, да в нос, и нос такую шишку набил

одной сестры, а второй в глаз, дак глаз спух. И сам обратно улетел. Его ловили да были, этого комара, да не могли поймать, улетел комар.

Ну, он все-таки справился этот Гвидон⁷². Справился. Поехал туды к ёму. Приехал. Там эти все у ёго, 33 богатыря встречали, и увидел белку, а как пришел в квартиру — или как — в царство, дак увидел невестку с этим золотым блесит и жену-то увидел. Ну, и эти уже напугались, потому что все-таки сестра-то жива осталасе, да сын живой. И он стал с этой женой жить да с сыном. А этих он спустил — не знаю, чем-ни наказал, а отпустил так, сын пожалел.

Вот на этим и конець.

9. [КУРОЧКУ ЗА УТОЧКУ]

Ну, жили-были старик со старухой. Старик рано помер, осталасе старуха. (*Ну, как я грешна.*) Корову продала, жить нечё и пошла. Взяла курочку с собой ды пошла. Шла да была, дошла до села, стала проситце ночевать.

— Ну, дак ночуй, куда старухе деватьце, раз приходит ночь дак.

(*Ведь раньше пешком же ходили.*)

— А мне бы курочку куды-ни класть?

— А положи с курицами, одна все равно. Неужто дратце?

— Не, не, моя курица живе, — гот, — с уточками.

— Ну, дак положи с уточками.

Старуха ночёвала. Накормили, напоили утром.

— Где-то моя была утиця?

⁷² Должно быть — Салтан (А. Л.).

— Да ты что? У тебя ведь была курица?!

— Не, не, утица была.

(Язык-то у меня.)

Ну, вот дали старухе утицу. Куда уж! Что там курицу ли утицу — одно и то же. Взяла, взяла уточку и пошла дальше. Шла да была, опять дошла до деревни. Деревни раньше были частые, а старуха старая, идти не может. Ну, и пришла опять, стала проситце ночевать.

— Ну, ночуй!

— Да у меня уточка есть, куда-ни положить?

— Да положи с уткам.

(А, може, и не было уток, а велели с утками.)

— Ой, не, она живе с овцами.

— Ну, ак унеси во хлев.

Ушла. Унесла во хлев эту утку. Опять накормили, напоили старуху. Проспала. Старуха утром встават:

— Ой, дитятки, а умня где-то овецька была взять.

— Да ты что, бабка? Ошалела али что? У тебя была, — гот, — утица.

— Нет, нет, в суд пойду и вас поведу, — говорит, — а давайте мне овцу.

Ну, судилисе, раньше ведь судилисе — боялись суда. Ну, и отдали овечку. Пошла старуха с овцей. Опять шла. Близко ли далеко, низко ли высоко, сказка сказывается скоро, а дело делается по успехам. Ну, вот опять дошла до деревни. Дошла до деревни, опять давайтце ночевать.

— Пустите-ко ночевать.

— Но, дак старого человека куды?

— Да у меня еще овечка есть.

— Не-е-е-т, она живет с бычками.

— Дак ведь, бабушка, забодает?!

— Ой, не забодает моей овцы. У меня быка овця.

Ну, и поклали с быками. Утром старуха ставает. Там больши и малы быки были.

— Где-то мой бычок был?

— Нет, бабушка, нету твоего быка, у тя овця.

— Нет, вот в суд пойду и вас поведу, давайте мне быка.

Ну, шумела, шумела старуха, отступились от глупых наших старух да и дали быка. Дали быка. Старуха поехала. Отошла, отвела далеко ли близко быка, стала просить дедка:

— Дедко, сделай-ко мне вот хомут да дровни, да вот я хоть седу, поеду — бык меня повезё.

Ну, дедко послушал там какой-то. Сделал ей хомут, сделал ей дровни, поехала бабка:

— Ну, шлюшни, бычок, яровой хвостичек!

Ехала да была, оглобля сломалась. (*Понимаете, что за оглобля?*) Сломалась оглобля, бабка пошла в лес рубить. Но, а ведь зимой дак! Пока там бабка чем рубила, а може наломала, долгогато было, верно, дело. Той порой медведь у ей быка съел. Съел быка, а шкуру оставил, верно, уж. (*Не знаю, как у ней шкура была поставлена стоя?*) Старуха пришла, оглоблю наладила.

— Но, шлюшни, бычок.

А бычок пал. Так старуха и от бычка сбыла, да и ото всего сбыла, и пошла старуха пешком. Пришла старуха до сельсовета и стала плакать, что:

— Хоть с голоду помирай, возьмите меня куды-ни.

Старуху в престарелый дом увезли. Да вот и сейчас живе, нас переживе.

10. [МАЧЕХА И ПАДЧЕРИЦА]

Ну, жили-были старик да старуха. Вот у старика старухе помёрла, а у другой старухи старик помёр. Ну, оны жили отдельно, а потом уже как-то бы помирились, стали жить вместе. У старика была девочка, и у старухи была девочка. Вот оны жили-поживали. Старуха свою дочку любила, а стариковой никак не слюбила. Не слюбила и говорит:

— Вот что, старик, ты бы куды-ни девку отвез, да все.

Ён гот:

— Как я отвезу, как моя дочка?

Ну, вот ту некуда девать. Поехал старик в город. Уехал старик в город, а они с дочерью договорились:

— Пошлём ю в лес. А она замерзне, да той поры и не буде девки.

Послали в лес дров рубить. А она говорит:

— Дров у вас и так есь.

Ну, что сделаешь? Мачеха посылат, приходитце идти. И пошла. Пошла в лес, стала рубить там дров. Такой мороз — ничё не нарубила и стоит у ёлки:

— Ой, Господи, дай мне, — говорит, — Господи, смерть. За-морозь меня, мороз.

Вдруг приходит Мороз-красный нос:

— Чё ты, девушка, скучаешь?

— А скучаю, хоть бы заморозил быстрее меня, — говорит, — а не то я мерзну. У мня мать неродная, а отец в город уехал.

— Нет, девушка, я тебя не заморожу, а даю тебе роботу. Сделай-ко, — говорит, — мне-ка к утру рукавички. Вот я тебе даю шерсть, шпици.

Ну, девушка взяла эты рукавици, стала плести. И сплела за ночь ему дельнички. Сплела дельнички. Мороз гот:

— Молодец, мастерица! И я тебя сейчас награжу.
Взял большой сундук ей добра свез на дорогу и дал шубу,
рукавички — всё: девку одел.

— Ты, — гот, — теперь на дороге не помрешь.

Вот приходит отец с города:

— Где девка?

— А не знаем, где девка. Ушла в лес.

— Да как ушла в лес? Чё она в лес ушла?

— А поезжай, — говорит. — Боди найдешь дак.

Поехал дед. Только на дорогу выехал, а девка стоит, что
кукла.

— Ой, да ты чёго здись? Я, — гот, — тебя и не узнал-то.

— А мне Дед Мороз, — гот, — надавал.

Взял дед привез девку домой. Взбесилась мачёха.

— О-о-о, завтра вези мою дочку, — говорит.

Напекла пирогов. Справила свою дочку, и увез дед. А та оста-
лase. Все стали звать, что богата девка да хороша. Она и так была
красива. А тая не очень красива была: така полная, толстущая.

Повез дочку. Увез. Девка осталась ночёвать, на пеньку ли, на
чём она там сидеть. Приехал домой. Приходит там у ней Дед
Мороз, у этой девки. Она пирожки ест.

— Чёво, девушка, здесь сидишь?

— Да меня, — говорит, — отец отправил. Да леший дал та-
кой мороз, дак заморозил, а подарков не везе.

— Да, — гот, — я тебе дам работы. Вышей-ко мне к утру во-
ротничек.

— О-о-о, такой мороз, стану тебе рубашку вышивать! Давно
ладила.

Взяла отбросила.

— Ну, ладно. Отбросила, дак, — гот, — дело свято. Ты думала
так подарки получать?

К утру свету как треснул мороз и заморозил эту девку. Замерзла девка, а бабка блины пекет, а собака лае:

— Тяф, тяф, дедову девку женихи сватают такую красивую, а бабкину собаки съели. Замерзла.

— Ой, не так тьявкаешь, — говорит.

Блина кинула, собака все равно тьявкает.

— Тьявай, тьявай, — говорит, — неправильно тьявкаешь.

Набила собаку, да. Нет, собака все равно свое твердит, что:

— Дедкову бабку посватают, девку посватают, а бабкину волки да медведи съели, как замерзла.

— Поезжай, поезжай, — говорит.

Поехал, быстренько привозит девку домой, а девка замерзла. Так бабка плакала дак, что девку свезла да похоронила. А эту ругала, ругала. Ну, что делать? Девка жива.

Узнал молодой молодец и стал посвататце на этой девушке. Вот эта девушка вышла за молодого парня замуж и стала жить да поживать, добра наживать. И ёна живет, нас переживет. И я там была, мед, пиво пила, по губам текло, а в рот не попало.

11. [ПРО ПОПА]

Жил-был поп.

У попа была собака, он её любил,

Она съела кусок мяса, он её убил.

Убил и надпись написал, что:

У попа была собака, он её любил,

Она съела кусок мяса, он её убил.

Ну, всё!

12. [ВОЛШЕБНОЕ ЗЕРКАЛЬЦЕ]

[Начало не записалось. Не работал магнитофон.]

Ну, и у него получилось несчастье: померла перва жона, и осталсе один ребенок. А он взял такую интеллигентську женщину, что у ей было придано только одно зеркальце. Она в это зеркальце всегда дивиласе красотой своей. А эта девочка росла не по дням, а по часам, падчерица. Но, она была краше ей. Она до тых пор дивиласе, что уже ей такая завись стала, что она хотела эту девочку избить. Зеркальце ей все время говорило, что все-таки ты красива, но крашче есть там дочка эта, растет, и она крашче тебя. И ёна отправила в лес эту девочку с одной женщиной. Она была прислужой. И ёна отправила её в лес. Ушла в лес, эту девочку она спустила. Правда, убить не убила. Она-то заставила её отравить. Но она не отравила, пожалела, спустила её. Эта девочка ходила по лесу. Шла да была и набрела на какой-то домик. И в этом домику, пришла — никого нету, она там убрала в домике все, легла на печку спать. Вдруг приезжает несколько мужчин. Она так напугаласе, но с печки не выходила. Оны говорят, что:

— Кто-то у нас там в доме побывал — все прибрал. Если, — говорит, — старая старушка, — будешь матушкой, — покажись. Если молодая, — будешь сестрой. А хочешь, дак будешь нашей молодой женой.

Ну, она и показаласе. Оны её угощали вином. Она вина пить не стала, она с ними там чего-то покушала. Ну, и так и жила с ними. Оны издили на охоту, как разбойники, или каки они там были. Ну, люди были вообще-то. А она в каждый день оставалась дома. Эта женщина россердилася было на зеркальце. Она его вроде бросила, сколько времени не смотрела. Ну, потом ей опять надумалось смотреть, что она крашче всех. Зеркальце взяла, зеркальце ей сказало, что, гот:

— Крашче, конечно, тебя, я не протестую, что нету, но все-таки там живет в лесу девица, крашче тебя при семи богатырях.

Ну, и она эту опять женщину стала ругать:

— Почему же ты её не отравила?

И послала, чтобы немедленно она её решила. Эта женщина пошла туда, взяла како-то заколдованное яблочко. Шла, шла по лесу, далеко, конечно, она шла. Дошла до берега до этого, собака ее встретила крепко. Ну, девочка была тая одна в лесу; ей тоже было скучно, она обрадовалась, что идёт старушка старенькая. Собаку успокоила, старушка эта зашла, дала ей яблочко, она ей дала хлеба. Ну, и ушла эта старушка. Девочка этого яблочка смотрела-смотрела и укусила. Укусила, — сидела пряла пряжу, — и померла. Ну, яблочко было отравлено. Девочка отравилась. Эти мужчины приходят — уже девочка лежит мертвая, а яблочко лежит на полу. *(Ну, как скажешь?!)* Собака была, видимо, умная. Эта собакахватила яблочко, съела, и собака померла. Ну, оны уже поняли, в чём дело, что отравил кто-то её. Оны взяли её в хрустальный гроб и закрыли — унесли в горы. Зарыть не зарыли, а в хрустальном гробу подвесили там. Ну. Не знаю, на что оны там подвесили. Ну вот, а у неё был жених уже Елисей там, Иван-царевич. Елисея фамилия или как его звали все.

(Ну вот, там этого, девки, будто дело делаю.)

Ну, про это узнал он, ходил спрашивал этот Иван-царевич месяца и солнца спрашивал, и ветра спрашивал. Конечно, я не могу рассказать точно. Ну, никто ему все-таки точно не говорил, но все-таки сказал ветер, по-моему последний. Он пришел на эту гору, на лошади приехал и стал, этот хрустальный гроб увидел.

Вот этот Елисей все-таки эту девушку нашел, её поцеловал, там принес, може, воды живой али как он её розживил. Розжи-

вил и потом поженился на ней и увёз её домой. Ну, потом привёз когда домой, уже она знала, где его царство. Привез к отцу, к матери. Уже эта мачеха, — ей делать было нечего, — она уже с тоски померла, что все равно она её красотой перебила.

АННА ИВАНОВНА ЯШОВА

13. [ЛИСА-ПЛАКАЛЬЩИЦА]

Померла [*старуха*]. Пошёл старик плакальницу называть.
Идет старик по лесу. Попадат ему волк:

- У-у-у, далёко ли, дедушка, пошёл?
- А старушка померла, плакальницу называть.
- Возьми меня.
- А как ты плачешь?
- У-у-у-у.

— Конця-края нет у тебя — не надо.

Идет старик опять. Зайка идёт, «три паўпа».

- Дедушко, возьми меня.
- Я плакальницу называть пошёл. А как ты плачешь?
- Три паўпа, три паўпа.
- Нет, такого не надо.

Вот идет дальше. Медведь идет.

- Оу, оу, оу, далеко ли, дедушка, пошёл?
- А старуха померла, надо плакальницу называть. А как ты плачешь?

— Оё-оё-оё.

— О-о-о, ты старуху разбудишь у меня.

Идет дальше. Лисовна идет:

- Далёко ли, дедушка, пошёл?
- А старушка помёрла, плакальницу называть.
- Возьми меня.
- А как ты плачешь?

— А хороша у старичка старушка была, больши просни пряла, туги клубки вила, своего старичка кормила.

— Ой, дородно, возьму. Но, вот еще спlachь-ко.

— Хороша у старика старушка была, больши просни пряла, туги клубки вила, своего старичка кормила.

— Пойдем.

Но, пошли. Там поплакала раз, другой. А старик говорит:

— Вот, Лисовна, у меня латка масла есь.

— Но, латка масла есь, дак хорошо, — гот, — я хоть полакомлюсь.

Но, посидела, там похоронили, там всё.

— Но, давай, Лисовна, поживи день другой, надоть обжиться мне маленько да всё.

А она заколотила там хвостом лисьим да.

— А вот там рóдила лисиця, дак обабить.

— Но, дак поди, поди, Лисовна, поди обабь.

Но, сходила, там в латке масла поела, пришла спокойна.

— Но, как там новорожденного-то зовут?

— А Зачинышок.

— Ну, Зачинышок — хорошее имя.

Ну, вот опять живет день, другой. Опять колотитце хвостом своим: захотелось лисы масла. Опять колотит.

— Но, давай поди, поди, уж. Там лисы уж рожают, дак тоже бабят, как у нас.

Но пошла, опять там пошла пол-латки съела.

— Но, как там, — дедко говорит, — новорожденного-то зовут?

— А Серёдышок.

— Тоже дородно имя — Серёдышок дак.

Но, вот опять день, другой живет.

— Да, Лисовна, поживи: тут я на лису в маленькой избушке, мне скучно да поживи еще — этого — обжиться-то.

— Но, давай, давай. *(Надо лисы масло доись уж.)*

Но, вот сходилa, масла поела там опять. Пришла.
 — Ну, а как третьего-то зовут?
 — А Оскрёбышок.
 — Зачинышок, Серёдышок и Оскрёбышок — хороши имена-то.
 Ну вот, опять старик:
 — Но, на прощанье давай сходим, я, — гот, — масла принесу
 да угощу тебя.
 Пришёл, а латка пуста.
 — Ты что, лисица, съела у меня масло?
 — Да что ты? Разве я масло съела?! Давай жопы жарить.
 Сковороды клали, а старик старый — задрёмал. Она ему всю
 жопу намазала. Клала сковороду к себе пустую, а ёму:
 — Гли-ко, дедко, у тебя, — гот, — не у меня.
 — А, наверно, я съел во снях.
 А уж куда?! Лисицу не омманешь ведь, ёна хитрой называ-
 етце.
 Но, вот и всё.

14. [ПРИСКАЗКА]

В некотором царстве, в некотором государстве, именно в том,
 в котором мы живем, по здешну сторону сосняку, по таму сторо-
 ну осинова камня, это не сказка, сказка вся впереди. Встамши
 до обеда, поедим теплого хлеба, похлебаем горячих щей, чтоб
 брюхо было товщей. [Смеется].

*(А дальше, тут вот дальше сказка, не скажу я, наверно,
 всей. Ну, давай, сколько скажу.)*

15. [СПОР О ВЕРНОСТИ ЖЕНЫ]

Ну вот, жил-был купец-царь. *[Дальше не записалось, часто ломался магнитофон.]* И он ходил охотилсе все, охотилсе ходил с дядей. С дядей охотилсе ходил. Ходили, ходили оны в лисях и вышли в каку-то деревнюшку там. Знали али не знали, а вышли ночевать. А у хозяйки много, много робят. А девка одна — Надей зовут. Така хороша девка. Богатому-то понравилась. Так понравилась, дак Господи. Ну, он ей предложил. Она говорит:

— Я рипшовата, да всё там. Но. Отступись от меня. Дитей столько, разве там мне одитьця против купцев до богатства да.

Он говорит:

— Я одену семью и возьму тебя все равно.

Ну вот, с этим дядей поговорил, а дяде не нравитце. Не нравитце дяде: нищу взять за богатство, да за купца да. Но, вот никак не нравитце.

Но, вот он женилсе, эту семью, всё, надал денег и всем по платьишку там да всё всем купил, всё, одел эту семью и потом женилсе на ней. Женилсе, но а этот дядя. *(Отец-то уж не помню: не заругался ли, не было отца — забыла тое.)* Но, а дядя этот пошел полесовать, и дядя говорит:

— Вот ты, — гот, — да племянник ты и хороший у мя да и богатый, а взял ты нищу. Хошь я, — гот, — достану платье вот шелково ей, подвенечно платье, и к нижней рубашке клин достану, если твоя жена честна.

А он гот:

— Бедненька да чесненька.

Он так сказал, муж-то. Вот.

Ну вот, он это диял дело. Дело идет.

— Там, — гот, — ты не спрашивай у меня, как достану, принесу тебе, что вот как твоя жена.

Ну вот, он полесовал, а там это дело делается — дядя уж раз зло понёс, дак там подкупил каких-то дак он монашин, чтобы оны ночевали с ей, да это платье купили, да во сне ли там, наяву, клин-то отсекали ли, что это все сделали. Ну вот, ему принесли. Принесли это платье ему, сорочку. Ну ак, уж если клин видит от нижней рубашки, дак чё кто там какой может сделать это.

А платье она ак:

— Мне дак, — гот, — не надо подвенечного.

Раз венчаласе дак. Продала да и всё. У богатой будет всё.

Ну вот, он пришёл домой, как темна темень и не глядит на ней. Она:

— Что ты там? *(Как? Вася ли, как его звали?)*

Нет. Он дак и глазом не глядит на ёй. Ни глазом, и ни спорит, и ни ругает, и ни бьёт, и ницёго. Но, сходил шофера подговорил, машину нажил, чтобы увести, чтобы конца краю не было, увести ее и все. Так любил, жалел — тут все. И спорить не стала. Ну вот, машину подкупил, её увезли. Везли, везли сперва по дорогам, потом по тропинкам, чтобы она не знала выйти. *(А раньше ведь по тропинкам — где мы ходили? Увезешь и не знаешь.)*

Ну вот, увезли её. Она ходила, ходила по лесу, вся оборваласе, все платья эти рваны. Ну вот, видит, что человек идет, взяла на деревину выцяпаласе. А он смотрит, видит, что не птиця — человек, дак не птиця. Ну вот, он говорит:

— Кто там выходит, то стрелять буду.

— Нет, не стреляй, добрый человек, — гот. — Я нага, у мня, вся была, прирвалася вся дак.

Ну, он разрезал нижнее там белье, ей дал.

— Ну, пойдём со мной.

Ну вот, и она пошла. Пошла в деревню с этим охотником и на-нялась там к богатым в просто в эти, прислуги. Ну вот, жила она в прислуги до армии. Потом она выхлопотала так, что в армию

идти без сосмотру, что женщина ли мужчина. Мужски платья дёржала, раз мужчиной в деревню приведена. Ну вот, она в этих платьях ходила до армии. В армию взяли, она в армии отслужиласе, нафотографироваласе и приехала с армии, этот патрет в тот город, где муж. Не знат, кака вина, что она сделала ему. И так любила, и так он все-таки одев ей всю да взял. Наверно, любил её, раз так сделал. Ну вот, патрет клала. Кто на этот патрет посмотрит, забирать тех. Вот идет первый муж:

— Ой, моя-то жонка была, как ей жалко, где она тут теперь?

Забрали. Ну вот, этих двух монашин забрали, этого шофера забрали. Раз смотрели. А больше идут, кто? Сам себе идешь, како тебе в патрете. Раньше ведь не смотрели. Ну вот. И потом суд иде. А она в мужски платьях все равно. Замуж не вышла, в мужских платьях. Ну вот. Ей и спрашивают:

— Как вот ты эту женщину знал?

— А женщина, — гот, — за мной была. Я замуж взял ю.

— Ну, а как, ты сейчас куды дел?

— А вот я шофера подговорил, что увёз, вот мне так дядя подделал, и я ю увез в лес и не бил, не мучил, а спустил и: «Иди, куда знашь. Я тебя жалел, и обул и одел, а ты так сделала, и всё».

Ну вот, стал судить дядю.

— А вот такого, — гот, — богатство у отца да все, а я не полюбил, что вот он таку бедну взял, да всё.

Но, и тому дали сразу смерть, всё этому дяде. Что, вишь, всем решил. Ну, а этих монашин тоже не помиловали: подкупать платья дак, надо-де знать.

Ну вот, этака сказка. Вот, а оны сошлись. Сошлись. Снова взял, сошлись. Вина её только в дяде в одном, и всё. Он здесь стал жить опять.

ВАМА

ГЕРАСИМ ИГНАТЬЕВИЧ КОРЕНЕВ

16. [СКАЗКА О ТУЛУПЕ]

Жил-был богатый человек и был у него под сохранением ено-товый тулуп и 300 рублей денег. Кто бы мог бы этот тулуп украсть — то искать бы не стал и в триста рублей пса оценил, что мог вещь его хранить. Держал его в погребку; на пса уверился. Ну-с, собрались три молодца в одно место: был Наум — воровать пришло на ум, был Антон — тот давно думал об том, был Влас — «я, говорит, добирался долго вас».

Ну, вот они про этого кобеля и суму узнали; дак как украсть? Обдумывают сами собой:

— У кого есть деньги, украдем сами собой.

Вот Влас и говорит

— Сходимте в трепальню, наберемте отреп, одного из трех в эти отрепы завернем так, чтобы собака не объела человека. А он е, е да и задавиться. А в это время не зевайте.

Как этого Власа навертели и бросили кобелю, кобель рвал, рвал, да и задавился, стал лапами во рти чистить, а эты два —

Наум и Антон — затоптали кобеля. Зашли, 300 рублей деньги взяли, по сотни разделили, а тулуп, обдумывают, продавать ли нести, «а то мы пропасть можем».

— Вот и давайте пойдём к посказителю барина, ён сказки сказывает. Вот я пойду этого посказителя собою со стула, — это Влас говорит.

Посказителя сбил со стула:

— Покуда я здесь, чтоб ты не противоречил.

Сидел, сидел на стуле Влас. Барин запокыркивал, спрашивает своего посказителя:

— Посказитель, давай сказку!

Влас на ответ и говорит:

— Да, у меня есть новенька, только, недоленька.

А в это время посказитель з́аспал.

— Ну дак вот, я спать хочу, сказывай!

Вот он и говорит:

— Был Наум — воровать пришло на ум, был Антон — тот давно думал об том, был Влас — «я, говорит, добирался долго да вас». Узнали они, что есть у барина в городе в погребку тулуп и 300 рублей денег, кобель сохраняет. Так вот оны собрались, деньги украли, розделили, да вот тулупа не могут разделить. Дак вот: кому тулуп?

А барин отвечает:

— Власу.

А Влас отвечает:

— Сколько я знал, столько я сказал.

Барин з́аспал. Влас посидел, посидел, услышал, что барин там захрапел. Захрапел, а он тихонешко вышел, а те под окном слышали.

— Ну, что, — говорит, — товарищи, слышали кому тулуп от-казали?

— Дак что ж, уж тебе отказан, ты и пользуйся.

Утром барин выстал, посылает прислугу:

— Снеси, кобеля покормить.

Она принесла чашку, а там кобель задавлен. Прибегает с досады, рассказывает барину. Он разозлился. А жена встала и говорит:

— Ты же сам отказал шубу Власу.

Барин спрашивает посказителя. Пришел, а в это время посказитель заспал. Спит.

— А ты, что, — говорит, — спишь?

— Ой, барин, какой-то ночесь ударил в щеку, а я, говорит, пал со стула и так зашибло, что проспал бы весь день.

Барин поверил, что были такие ребята. Тулуп не жалел, и деньги не жалел, а кобеля жалко. Такого кобеля ведь выучить надо.

ГУМАРНАВОЛОК

ПЕТР ЯКОВЛЕВИЧ ЛЕОНТЬЕВ

17. ПРО ЦАРЯ И СОЛДАТА

В одном городе стоял полк солдат. В том полку находилась кавалерия, в кавалерии служил солдат 25 лет. За 25 лет службы солдат не имел ни одного выговора и наряда вне очередь. По окончании своей военной службы призывает царь его к себе. Говорит:

— Хочу я вас наградить за 25 лет вашей службы. Что вы желаете получить за вашу службу, что вы служили честно и добросовестно? Наградить я вас желаю или крестами или медалями. Что вы пожелаете?

Солдат говорит:

— Ничего мне в награду не надо. Ни крестов и ни медалей и ни денег. Желаете меня одарить, то подарите старое седло, так как я кавалерист.

Царь сказал:

— На что вам старое? Поскольку у нас имеются новые седла, я могу вам подарить новое.

— Мне новое не нужно. А если хочешь подарить, то подари старое.

Царь сказал:

— Дурак солдат! Я считал его действительно как хорошего защитника. Ну, бери, чорт с тобой.

— Так послушай, царь, — говорит тот, — ты дай мне документ, чтоб я мог получить седло, под вашей подписью.

Царь дал документ, чтоб он мог получить старое седло. Солдат получил документ, собрал вещи, сел на поезд и поехал. Приезжает на хутор под названием Старое седло, где жил помещик, имел до 300 десятин земли. Приезжает солдат, отдает документ этому помещику.

— Вот, гражданин помещик, за 25 лет военной службы царь отдал мне этот хутор под названием Старое седло. Так будьте любезны через 24 часа очистить место.

Помещик упорствовать не стал — получил документ, подписанный царем. Сел на автомобиль, поехал сам к царю. Приезжает к царю с такой просьбой:

— Почему, ваше величество, вы прогневались на меня и отдали мой хутор под названием Старое седло солдату?

Царь остолпел и смотрит на помещика:

— Вот как? Так вот, помещик, садись, раздевайся. Ловко сделал солдат, но мы сделаем ловчее. В завтрашний день соберем Синод, обсудим и отберем хутор у солдата обратно.

Собрал царь на Синод всю свою царскую свиту, в том числе пригласил помещика. Стали мудрить и хитрить, как это сделать, чтобы отобрать у солдата Старое седло.

Царь тогда надумал и сказал:

— Мы сделаем так: в завтрашний день я со своей свитой поеду на хутор Старое седло. Заберу с собой водки, заберу подчиненных. Ты когда приедешь обратно к солдату, то скажи: «В за-

взрашний день придет к нам царь в гости, к тебе на новоселье, а ко мне на прощанье, и просил тебя, солдат, подготовиться для встречи с царской свитой».

Солдат на хуторе дал такой приказ своим подчиненным: для встречи царя и царской свиты подготовиться.

Царь садится в двенадцать томовилев со своей свитой, и поехали на хутор Старое седло. В пути царь сказал своей свиты:

— Когда приедем на хутор Старое седло, то я вас буду рас-
саживать сам за столы. Садить буду с нижнего краю всё выше
и выше, кругом стола. Помещика посажу на уголок, сам сяду на
второй, а солдата попрошу сесть в серёдки. А вас — первого с
краю — и заставлю разливать водку.

Приезжают на хутор. Солдат вышел, встречает всю царскую
свиту, в том числе и царя. Проводит в залo гостей, которых он
не ожидал. Солдат был парень ничего, умственный: «Для какой
цели, — думат, — приехал царь». Думат себе солдат.

Когда принял солдат гостей, приказал:

— Пожалуйста, ваше величество, присаживайтесь.

И за стол сажит гостей.

Царь сказал:

— Ладно, солдат, я сам посажу своих гостей.

Когда царь рассадил гостей, как ему было нужно, солдат сто-
ит кланяется:

— Кушайте, ваше высочество, и вся ваша царская свита.

Царь сказал:

— Зачем, солдат, вам кланяться, когда у меня есть подчинен-
ный, который разливает водку? Садитесь с нами.

Выходит царь в угол и сажит солдата меж себя с помещиком.
Дает приказ своему подчиненному:

— Наливай бокалы!

Тот начинает наливать. Налили по бокалу, выпили все. Царь

дал приказ налить по второму. Выпили по второму. Когда была сделка сделана такая с царем и царской свитой, когда выпили по третьему бокалу, то уговорились так: первому хлопнуть второго и так подряд. *(После пьянки сбились с панталыки.)*

Первый хлопнул второго, так пошло дальше. Хлопнули помещика, помещик и говорит:

— А меня хоть и хлопнули, так я солдата.

Помещик хлопнул солдата, приказ раз такой дан. Солдат встает, засучил рукава:

— А что, — говорит, — царская свита приехала драться сюда?

Солдат был очень здоровый, рослый:

— А, — говорит, — хоть хлопну царя!

Царь расширил глаза и смотрит на солдата: если такой солдат даст, то значит смерть.

Солдат видит, что царь спугался, держит кулак вверх и говорит:

— Вы знаете, царская свита, я расскажу вам рассказ, выслушайте меня. Бывало, — говорит, — мы с отцом сели в одну маленькую лодку, поехали через одну губу. Сходил сильный ветер, лодку у нас с отцом стало трепать туда и сюда. И мы не знаем, что делать? Видим: беда, погинем.

Царь выдержаться не мог на этом рассказе и говорит:

— Вы бы вернулись!

— А разве можно вернуться? — спрашивает солдат.

А царь и говорит:

— А как же!

Тогда солдат вернулся — хвось помещика по уху. *(Солдат здоровы был.)* А помещик опять обратно. И ушло это всё.

Царь видит, что солдат очень сильный человек, и догадался,

что всю он свиту царскую объегорил, в том числе и его. Сумел солдат сделать такую штуку, подает царь ему руку и говорит:

— Владей, солдат, этим хутором до самой своей смерти.

А помещику велел убратся в 24 часа.

(Солдат, зная, умен был, сумел так сделать.)

18. СКАЗКА ПРО ЗНАМЕНИТОГО КУПЦА

В одном городе жил знаменитый купец под названием Ремер. Имел он обширную торговлю. В одно прекрасное время вышли у него все товары, и купец стал собираться за границу, закупать товары. У него было два сына. Одного звали Петенька, а другого Коленька. Когда отец стал поезжать, дети стали просить:

— Папа, привези нам каку-нибудь заграничную игрушку.

Купец погрузил товары в судно, а про игрушку и забыл совершенно.

— Да, нужно вернуться и купить кака-нибудь загранична игрушка.

Заходит купец и смотрит разные заграничные игрушки. Выше, на третьей полке, золотая клетка, а в ней золотая утушка живая. Купец спрашивает:

— Сколько будет стоить эта вещь?

Ему сказали:

— Три тысячи рублей.

Так как купец любил детей, то он не пожалел денег, купил утушку для своих детей.

Приезжает купец обратно с товарами. Товары у него пошли хорошо, он всё продал. Дети спрашивают:

— Папа, привез ли ты нам игрушки?

— Привез, детки. Кормите эту утушку и ухаживайте за ней — в ней ваше счастье.

Дети за утушкой стали ухаживать как за ребенком, кормили и поили ее.

Товары у купца все вышли, он собирается ехать вторично. Когда второй раз купец уехал за товарами, застала его сильная буря, и он остался там на зимовку. В это время его жена нашла себе любовника и начала с ним жить, как полагается. Богатство купеческое пошло уже на самотёк, стало расхищаться этим дружкой.

Петеньки и Коленьки жизнь без отца стала плохая, мать перестала обращать на них внимание. Дети видят, что дело неладно. В один прекрасный день приходит к ней ее друг, напился водки. В это время вышла золотая утушка в комнату. Этот гражданин поймал утушку и начал рассматривать:

— Ай да утушка! Что за утушка, золотая!

Когда он обернул ее вверх брюхом, он увидел, там написано золотыми буквами: «Кто сердечко съест — тот будет золотыма плевать, а кто головку съест — тот царем на царство».

Тогда вдруг жены приказал зажарить эту утушку целиком. Жена купца сначала не соглашалась — ведь это детская игрушка.

Он сказал:

— Если хочешь быть моей и жить со мной, то изжарь. Если не изжаришь, то я бросаю тебя.

Тогда жена купца пошла к повару и приказала выщипать и изжарить эту утушку целиком. А любовник свалился отдыхать в обжидании жарка, а также и жена.

В это время приходят Коленька и Петенька из города. Есть им страшно захотелось, а матери будить не смеют, что она лежит с другом. Горнична ушедши тоже в город. Тогда Коля сказал:

— Давай, Петя, поищем чего-нибудь поесть.

Обшарили Петенька и Коленька все шкапы, нашли кое-какие корки, которые уже заплеснели. Тут они вспомнили своего отца

— Ах, если бы папа был теперь с нами, мы таких корок не ели бы. Петя, посмотри-ко в печки, нет ли чего скушать там?

Когда Петя посмотрел, видит, что утушка выжарена целиком.

— Коля, здесь жарко́, буде кушать, — сказал Петя меньшому брату.

— Боюсь, Петя, авось да мать узнает.

— Не бойся, Коля, давай скушаем, — решил старший.

Клади жарко́ на стол и начинают кушать. Когда Петя повернул утушку, он видит под крыльями надпись. Написано золотыми буквами: «Кто съест головушку, тот будет королем на царство, кто съест сердечко — будет золотыма плевать».

Петенька и Коленька долго не раздумывали:

— Так вот, Коля, ты, как младший, глотай сердечко, у тебя будут всегда деньги, а я скушаю головку.

Петя говорит Коли:

— Плюнь ко мни на долонь.

Когда Коля плюнул, выскочило восемь золотых брату на руку.

— Ну, брат, теперь твое счастье: что наб — ты получил.

Братья положили обратно жарко́ и пошли гулять на город. В это время просыпается друг купеческой жены, командует подать жарко́. Жена купца скомандовала горничну:

— Неси сюда жарко́.

Когда подали жарко́, друг повернул вилкой и видит: что ему наб — того нету. Взял и бросил со стола к порогу. И сказал:

— Кто съел? Ищи виновного.

Спрашивает барыня горничну:

— Вы не кушали?

— Нет.

Тогда друг сказал:

— Съели твои дети. Если они съели, то сегодня же убей их и принеси мне головку и сердечко — если хочешь жить со мной. Если не сделаешь — сегодня же бросаю тебя.

Приходят дети вечером из города. С хитростью и лестью приласкала мать детей и стала спрашивать:

— Колинька и Петинька, вы жарка не ели?

— Нет, мама, не видали.

Допытаться мать у детей ничего не могла. Друг одно говорит:

— Если не убьешь детей — уезжаю совершенно от вас.

Тогда купца жена, жалея друга, решила убить детей. Сходила на кухню к повару и подговорила убить детей, чтоб он привез головку и сердечко. Повар на это согласился, деньги с них получил:

— Лошадь я подготовлю, а ты подготовь детей.

Мать подошла с хитрой лаской:

— Колинька и Петенька, сегодня я хочу вас покатать по городу.

Дети отвечают:

— Эх, мама, когда был папа, ты нас ежедневно катала, и мы очень рады, что ты нас пожалела и хочешь покатать.

Дети с радостью одеваются и выходят на двор, где уже поданы лошади.

— Дяденька повар, эта лошадь приготовлена для нас?

— Да, деточки, для вас.

А у самого повара слеза так и катится, когда он посмотрел на этих прекрасных детей.

Петя спрашивает:

— Дядя повар, чего вы плачете?

— Так, дитятко, ничего. Садитесь, поедем.

И поехали. Прокатил повар детей по городу два раза, а потом направился за город, повез дальше. Дети спрашивают:

— Дядя повар, куда ты нас повез?

Повар молчит, а везет всё дальше. Наконец он свернул в лесной проселок и до тех пор вез, пока можно было ехать. Пошел сплошной лес. Тогда Петенька и Коленька спросили:

— Зачем ты нас привез в дикий лес?

Повар говорит:

— Ваша мать велела убить вас. Вы съели голову и сердечко утушки, их надо достать и привезти ее другу.

— Дяденька, оставь нас, мы больше не пойдем домой, а с тобой рассчитаемся: сколько тебе золота наб, столько и дадим.

Поворачивает дядя повар лошадь, Коля начинает плевать в карету и наплевал полную карету золота.

— Дяденька, теперь забирай деньги и не езди к нашей матери, а поезжай домой, где ты раньше жил.

Петенька и Коленька пошли путешествовать от своего города. Вот шли они несколько дней и пришли на большую дорогу. На большой дороге стоит столб с надписью: «Кто в праву дорогу пойдет — тот царем на царство будет, кто в леву дорогу пойдет — тот понесет много горя и бед».

Тогда Петенька сказал Коленьке:

— Ну, братец, нам нужно сейчас разойтись.

Сели братья, побеседовали. Судьба их расходитесь одному в одну дорогу, другому в другую.

— Ну, брат, выбирай любую. Вправо пойдешь или влево?

Коля сказал брату в ответ:

— Меньшой пойдет в дорогу, где понесет много горя и бед.
(Уж раз с деньгами дак!)

А Петя пошел в правую дорогу.

(Ну, будем продолжать Петю, а потом возьмем Колю.)

Вот, шел Петя близко ли далеко ли, шел десять лет. Пришел в одно государство. Видит, везде выкинута траурные флаги. Петя спрашивает первого человека:

— Почему у вас выкинута плачевные флаги?

Ему ответили:

— У нас умер царь, потому и выкинули траурные флаги.

Петя говорит:

— А куда эта публика вьется, что видимо-невидимо?

— А это идут в царство выбирать царя на царство.

— А как же его будут выбирать? — спрашивает Петя.

А старичок отвечает, что:

— Царем будет достоин тот, кто войдет в церковь, и загорятся свечи и зазвонят колокола. Тот будет достойным царем. Так вы желаете сходить? — спрашивает старичок.

— Можно, — отвечает Петя.

Они проходят к церкви. Приходит очередь пройти в церковь нашему Пети. Когда он зашел в церковь, сразу же загорелись свечи и зазвонили колокола. Вся публика закричала:

— Вот наш царь!

И тут наш Петя принял царство и стал руководить как самостоятельный царь.

(Будем продолжать меньшого брата Колю. Этого оставим, царем пусть так живет.)

Колинька шел 7,5 лет своей левой дорогой. Тоже приходит в большой город. Приходит в город, где ночевать будет. Выпросился к одному сапожнику:

— Можно будет ночевать?

Ночь переночевал и спрашивает у дедушки:

— Скажи-ка, дед, нельзя ли мне пристроиться на работу в вашем городе?

Сапожник говорит:

— Завтра я тебя пристрою. Есть у нас один миллионер.

Утром Колянька приходит к купцу, просится в продавцы. Купец с удовольствием взял продавца и поставил в бакалейный отдел. Утром в девять часов открывает молодой продавец магазин и начинает торговать. Публики набился целый магазин. Коля спрашивает:

— Кому чего? Кому чего?

Граждане говорят, что много чего и надо, да денег нет. Он и без денег дает. Что у купца навезено было товару, всё продал. Кому с деньгами, а кому и без денег.

Закрывает магазин в девять часов, начинает плевать золотом. Наплевал полны выручки, чтобы отчитаться. В это время дочь купца эту штуку высмотрела, что продавец плюет золотом. Когда прибыли они на квартиру купца, купец стал спрашивать:

— Ну, как торговали?

— Только на пять тысяч сделали доходу.

— А вы, Николай, сколько дали доходу?

— Точно не знаю, нужно весить или считать.

Купец не знат. Одевает пальто, идет в магазин принять отчет.
(Придет, так есть, чего посмотреть.)

— Ну, так что, купец, считать будете или весить? — говорит Николай купцу.

Купец посмотрел и чуть назад себя не упал.

— Без весу и без счету, — говорит.

Набили пятнадцать мешков золота. За это купец поблагодарил продавца и дал ему выходной. Один день продержал, и сразу выходной.

Когда приходят в купеческий дом, попили чаю. Купец сказал:

— Можете ехать сегодня в театр, если желаете.

Дочка говорит:

— Нет, папа, мы не поедem с Колей, а вы поезжайте с мамой. А нам надо поговорить кой об чем.

Когда купец уехал, то купеческая дочь приказала горничной приготовить закуску, вино и тому подобное. Пригласила молодого человека, продавца Николая в гости. Просит его пить водку. Сначала он отнекивался, ведь никогда не пил. Когда Коля напился, то его вырвало, и у него выпало сердечко. Она взяла, обмакнула в вино и проглотила. В это время сдернула его и закричала, что ее насильничает. Тогда слуги схватили Николая и отвели его в его комнату. Когда приезжает купец, ему долагают, какие происшествия. Купец сказал:

— Ладно, ничего, утром разберемся.

(Ночью волюнку не заводил, опытный был купец.)

Наутро Николай просыпается весь в блевоти. Ему так стало неудобно. Пришел умываться и плюнул. Тогда догадался, что потерял счастье.

Наутро купец вызывает обоих продавцов и дочь. Спрашивает купец Николая:

— Скажи, Николай, пивал ли ты раньше водку?

— Никак нет.

(Значит, по чистой совести признается.)

Дочь заявляет:

— Этот идиот напился вчера и пришел ко мне творить неприятности.

— Не помню, купец, может, и было что. Но если это так, то прошу рассчитать.

Купцу же жалко рассчитать такого продавца. Жалко, но пришлось расстаться. Не живет больше. Выходит Коля от купца, идет к сапожнику:

— Здравствуй, дедушко, пусти еще переночевать. Не хочу жить больше продавцом, возьми в сапожники.

Взял его сапожник. Шьют целую неделю, и мастер с него вышел очень хороший. Кончили работу в субботу, сходили в байну, выпили как следует. В воскресенье сапожник встает и говорит:

— Ну, Николай, поедem в церковь.

— Нет, я хоть сошью ботинки, заработаю на табак.

Хозяин с хозяйкой ушли в церковь. А он садится на табак шить ботинки. В это время хозяйская девочка начала подметать пол и заиграла с Николаем: ткнула ему комельком в спину. Он в это время берет шило: «хоть кончиком да ткну». Когда он ее ткнул, она превратилась в кобылу, начала бегать по комнате. Он испугался, берет второе шило: «дай-ко, что будет». Когда Николай ткнул, она стала по-старому. Он забирает эти шилья и сказал:

— Ну, я пойду в церковь.

А слух был, что этого купца дочь дает по пять рублей нищим, когда едет в церковь, а когда обратно, то по десять.

Николай догоняет одного седого старика:

— Дедушка, поменяем одеждami.

Старик остолпел:

— Что, — говорит, — смеешься?

— Никакого смеху, — говорит Николай, — а сменим одежду.

И сказал Николай:

— Иди, дед, домой. Больше ты нигде не получишь подаяния, как я тебе дам.

Надевает парик Николай и отправляется в церковь.

— Куда лезешь, старик, — говорят ему. — Иди назад,ждидай. Поедет купца дочь, а ты хочешь первый получить золотой. Ишь ты!

— Ну ладно, не шумите, я постою и сзади.

Так и сделал, ушел на задний план. Вдруг подъезжает купеческая дочь на тройке вороных коней. Няньки-мамки кто платье несет, кто так ведет — так идет красавица в церковь. Проходя в

церковь, купеческая дочь подает по пять рублей каждому стоящему. И Николаю дала пять рублей. Отошла обедня, публика повалила гурьбой. Царская свита идет позади, а также и купцы. *(Наш-то брат впереди, чтоб дорогу дать.)*

Ждет Николай, весь трясется, ждет, когда купеческая дочь пойдет. Когда купеческая дочь подходит к Николаю и хочет подать ему пять рублей, то в это время ткнул Николай ее шилом, и превратилась купеческая дочь в кобылу. Выскочила за город, скачет.

Видит купец: беда. Идет к военным частям, чтоб поймали дочь. Дали кавалерию, оцепили эту лошадь, поймали. Купец приезжает домой. Куда класть лошадь? Поставили в конюшню.

Говорит купец жене:

— Случилась у нас беда: с дочки стала кобыла. Надо принять меры.

Начал купец доставать врачей, профессоров. Собрались, но ничего они сделать не могут: с лошади девушки не сделаешь. Купец стал доставать колдунов и колдуней.

В это время наш Николай идет мимо купеческого дома, в этой же форме, стариком. Подходит к купеческому окошку, просит милостыньку. Купец спрашивает:

— Откуда, дедушко?

— Заграничный, — отвечает.

— Заходи на стакан чаю, — сказал купец.

— Спасибо, барин, — отвечает старик, — следовать надо дальше.

— Не можешь ли помочь, дедушка? У меня случилась беда: дочь сделалась кобылой. Что сто́ит — заплачу, только вылечи.

Не отказался Николай от лечения дочки, только сказал купцу:

— Что буду требовать, купец, то всё делай для меня.

— Всё сделаю.

— Так вот. Построй манеж на три километра, поставь в каждый угол печки-чугунки, насыпь песку в колено, скуй двенадцать прутьев медных, двенадцать железных, двенадцать оловянных. Натопи манеж, чтоб было жарко.

— Ну ладно.

— Завтра начнем лечить вашу дочь.

Отвели старику комнату, поят, кормят. Утром встает наш Николай раненько и говорит купцу:

— Ну, покажи, где стоит ваша дочь.

Приводят Николая к конюшни. Конюхи смеются:

— Ну, старик, мы боимся, овес сверху сыплем, она на двух ногах ходит.

Отвечает старик:

— Ничего, с ног не сронит. Не таких лошадей объезжал. И эту объеду.

Открывает конюшню на всю ширину, а затем закрывает.

— Когда я с ней управлюсь — крикну.

Увидела купеческая дочь, что это пришел Николай, заржала по-лошадиному, но не успела оглянуться, как Николай сидит верхом. И крикнул:

— Открывайте дверь!

Выехал старик на город на кобыле, расхлыстал двенадцать железных всех прутьев, подъезжает к манеже, но подъехать никак не может. Сделал еще два оборота, расхлестал еще двенадцать прутьев, подъезжает к манеже, заскочила. Пена клубьями валится, кровь ручьями льет у купеческой дочери. Скидываем в манеже Николай парик. Видит купеческая дочь, что это Николай, слезы у кобылы с глаз текут. Покурил Николай и скочил на кобылу. Начал гонять по манеже, по песку. Подогнал к бочке с водой и говорит:

— Пей!

Трясет кобыла головой, не пьет.

— Напьессе, — говорит Николай.

Подгоняет ко второй бочке и заставляет ее пить. С жадности выпила целую бочку купеческая дочь.

Снова взял переправу — еще гонять ее. Подогнал к третьей бочке: «отдать всё мое». Выпила и третью бочку. Выпила и начала рыгать. В это время выскочило сердечко. Николай сполоснул сердечко, проглотил и у него было всё. Вынул шило, ткнул, и сделалась барышня, вся избитая, высеченная.

Сообщил купцу немедленно:

— Давай носильщиков, санитаров, которые бы ухаживали за вашей дочкой, но не давайте ей спать.

Унесли и стали ухаживать.

Является наш старик к купцу за расчетом. Спрашивает купец:

— Чем я могу тебя наградить?

Говорит Николай:

— Ничего мне не надо, я сделал всё за мое добро.

Является Николай к сапожнику. Спрашивает сапожник:

— Где ты был?

— Пошел в церковь да встретил знакомых.

Положил шилья на место. Утром встает рассчитаться.

— Ухожу, — говорит, — совсем с вашего города.

Шел близко ли далеко ли, пришел в царство, где царствует его брат Петр. Подходит к дворцу, стоят часовые:

— Доложите, что приехал гражданин посмотреть царя.

Часовые доложили царю:

— Приехал гражданин Николай из деревни, охота посмотреть царя.

Царь удивился:

— Допустите, только осмотрите, нет ли у него чего подозрительного.

Осмотрели Николая и допустили. Когда он шел, он увидел генерала первого. Спрашивает Николая:

— Вот что: царь тебя наградит, ты мне отдай половину.

— Ладно, — сказал Коля.

Когда он поднялся выше, там стоял последний генерал, он сказал:

— Вас царь наградит, так ты мне всё отдашь.

Доходит до самого кабинета, там стоит часовой:

— Спросите, товарищ, разрешения у вашего царя, можно ли зайти? Приехал деревенский мужик посмотреть царя.

Солдат спросил разрешения, царь его дал — можно войти.

Входит Николай в кабинет царский, садится за стол. Царь спрашивает:

— Ты пришел царя смотреть?

— Так точно.

— Сейчас я выйду, поговорю с вами.

Выходит царь в простой защитной гимнастерке, без головного убора:

— Здравствуй, мужик, охота посмотреть царя? Ну, вот я, царь.

Отвечает Николай на вопросы царя:

— У нас в Москве и Ленинграде таких царей как собак на каждом шагу.

Царь тогда догадался:

— Обожди, мужик, я тогда снова выйду, поговорю с тобой.

Зашел, одел всю царскую форму на себя, заходит снова.

— Ну, вот, я теперь царь. Ну, что: посмотрели царя?

Николай отвечает:

— Да, посмотрел. Теперь хочу спросить вас: признали ли вы меня, кто я такой есть?

Царь кинул взор на мужика, смотрел долго и молча. Наконец сказал:

— Это не мой ли брат Николай?

— Да, точно, — отвечает Николай брату.

— Если брат, то плюнь мне на руку.

Когда плюнул Николай на руку, то полная горсть золота. Тогда Петя обнял своего брата и поцеловал:

— Прости, Коля, что я тебя забыл.

Угостил брата как следует, поговорили кое о чем с братом. Тогда Николай сказал:

— Брат, когда я шел к тебе, там стоял полный генерал, который сказал, что царь тебя наградит, так отдал бы половину, а второй генерал просил всё.

— Дак так, брат: дай первому генералу шесть розог, выбери покрепче, а второму двенадцать: тот просил всё.

Потребовал царь шесть здоровых солдат к себе в кабинет. Выходит Николай с солдатами из царского кабинета:

— Но, генерал, вы просили от меня всё, так получайте.

Приказали солдаты ложиться генералу и насыпали ему двенадцать розог.

— Покрепче, — говорит, — дайте: он просил всё.

Спустился Николай к первому генералу:

— Вы просили половину, так царь дал. Всыпьте покрепче.

Ну, и того наградил как следует.

Воротился Николай к брату в кабинет, переночевал. Говорит брату:

— Ну, — говорит, — собирайся, на родину поедem, отца посмотреть.

Собрался царь наутро и пошли на вокзал, сели на поезд и от-

правились в путь. В пути Николай говорит брату:

— Поедем к повару, который у нас тридцать лет служил и спас нас от смерти.

Царь в пути одел штатскую одежду, а внутри у него царская одежда. Приезжают в ту деревню, где у них повар, просятся ночевать:

— Можно?

Повар пригласил гостей, напоил, накормил, стал спрашивать: откуда и чьи вы люди?

Коля и Петя говорят:

— С Ленинграда едем в провинцию.

Задал вопрос старший брат Петя:

— Скажи-ко, дяденька, у вас в таком-то городе жил купец-миллионер. Как он сейчас проживает, жив ли еще или нет?

— Жив, — отвечает повар.

— А жена его жива, которая имела друга?

— Жива, — отвечает повар.

— А она живет с купцом или с этим другом, скажи-ко мне?

— Друг ее бросил. Она осталась обратно у купца.

— Имеет ли купец какую-нибудь торговлю или нет?

Отвечает повар:

— В купеческом доме имеются только деревенские вечера. У купца ни есть, ни пить — вот в каком он теперь положении находится.

Посмотрели братья друг на друга, получили нерадостную весть про отца.

— Дак вот, дядя повар, мы есть купеческие дети, Петя и Коля. В первую очередь мы заехали к тебе за твое добро. Сейчас просим: запряги лошадей и съездим к нашему отцу.

Приезжают братья с поваром к купцу. Подходят к дому своему, стали входить: стон, шум, гам, просто невыносимо.

Ахнул Николай:

— Ах, брат, хорошо же творится у нашего отца в доме!

Заходят в зало — полное набилось людей: где танцы, где в карты играют, где водку пьют, а где сказки рассказывают. Посмотрели брат на брата, покачали головой. Отец ихний сидит в грязной рубахе, лучина в руке — светит, что люди пляшут. А мать ихняя сидит прядет пряжу, только костица падет на сторону. Увидали, что вошли два человека в комнату, обращаются:

— Пожалуйста, можете потанцевать.

— Нет, спасибо, нам посмотреть хочется на вашу публику.

Подходят к отцу, садятся рядом:

— Здравствуй, дедушка! — сказали братья.

Отвечает старик:

— Здравствуйте, молодые люди!

Говорит царь:

— Как, дедушко, деньжонки зарабатываются? Сколько же тебе платят, интересно знать?

Заплакал старик, слезы градом полились. Отвечает на вопрос:

— Эх, дедушки, раньше я был купец-миллионер. Поехал за границу за товаром, застигнула меня зима. До навигации весенней я выбраться не мог. За это время вот эта ведьма (*показал рукой на жену*) произвела всё мое купеческое богатство.

В гневе сидят братья. Дальше рассказывает старик:

— Не жалко мне купеческого богатства. Были у меня два сына, которых она произвела неизвестно куда. Если бы вернулись мои дети, всё бы мое купеческое богатство нипочем. Но только это не мое счастье.

А сам заплакал как серый волк. Тогда братья выдержаться не могли:

— Так вот, папаша, мы есть твои сыновья и приехали проведать тебя, в каком ты находишься состоянии. Если хочешь знать, что мы твои сыновья — *(Николай попросил у отца руку и плюнул на долонь — полная горсть у старика в руке)*. — Благодарю, папаша, твое наследство получил я, а не друг нашей матери.

Публика смотрит: вот как нашлись сыновья. Интересно знать, что будет говорить второй сын.

Сын Петя говорит отцу:

— Ну, папаша, я есть старший сын Петя. Твое счастье получил я, а не друг нашей матери. *(Снимает пальто — и оказался в помещении царь.)*

Публика увидела и очистила помещение в один миг. Никого не стало, осталось четверо: два сына, отец и мать. Лихорадка трясла царя, когда он смотрел на мать. Так он на нее озлился. Не мог больше выдержаться:

— Что сделать с нашей матерью?

Отец сказал:

— Что хотите, то и делайте.

Тогда царь разорвал ее пополам и выбросил к чорту. Выдержаться не мог. Открыл чемодан, одел отца и повара, захватил и увез в свое государство, где правил. И жили оне там до самой смерти.

19. О ЦАРЕ И СОЛДАТЕ

В городе, раньше Петрограде, у нас стоял полк солдат под названием Новочеркасский полк. В этом полку, в пятой роте, служил солдат, по фамилии звали Коробов. Коробов военную службу знал хорошо.

В одно прекрасное время поставили товарища Коробова на

один почетный пост. Мимо этого поста в одно прекрасное время проходили три генерала. И вот вели между собой такую речь: генерал-майор говорит так:

— У германского царя есть дочь, Неписанная красота. Если мне ее увидеть, то я заплатил бы большие деньги, чтоб посмотреть бы ее.

Второй генерал перехватил:

— Да, действительно, есть такая красавица. Если бы мне ее поцеловать, я не пожалел бы своего генеральского чина, я бы все отдал за один поцелуй.

Полный генерал сказал так (*это третий*):

— Если бы мне ее увидеть до колен нагу, я продал бы все государство.

(*Вот изменщики где родины.*)

Солдат Коробов выслушал ихние вси слова, не мог выдержаться на своем посту, на котором ему рассуждать было нельзя, и назвал их просто нецензурными словами, просто скверно обозвал.

— Вы есть не генералы, а изменщики Родины. Я съездил бы в Германию и использовал бы эту красавицу и мимо этого — взял бы ее взамуж, а Родины продать не согласен.

Генералам это не понравилось. Обращаются в караульное помещение, вызывают дежурного офицера и разводящего:

— Как фамилия, стоит солдат на таком-то посту? — спрашивают дежурного офицера.

Дежурный офицер отвечает генералам:

— Коробов.

— Сейчас же снять его, заменить с поста, отправить на гауптвахту на семь суток!

Дежурный и разводящий приводят смену товарищу Коробову. Коробов говорит:

— Что так рано? Еще не время.

— Так нужно, — ответили разводящий и дежурный офицер.

Приводят Коробова в караульное помещение, где дали генералы семь суток аресту, где Коробов был отведен на гауптвахту.

Собрались за это время, за семь суток генералы вместо. Начали обсуждать, как бы за это оскорбление наказать товарища Коробова. Написали на товарища Коробова всяких бед, которых он даже не видал во сне, сложили в пакет, приносят командиру его роты этот пакет. Сказал командиру роты:

— Освободи Коробова из-под ареста и отправь с этим пакетом лично к самому царю (*допускали лично для царя солдат*), чтоб он лично вручил сам.

Так оне и сделали, освободили Коробова. Ротный командир подает ему пакет:

— Вот, товарищ Коробов, возьми пакет, сейчас же отправься к царю и вручи ему лично.

Коробов не долго думая оделся по формы, начистил сапоги, пуговицы, бляху у ремня, направился сам к царю с пакетом. Приходит в царский дворец, значит. Долагает часовому, который стоит у кабинета царского:

— Доложите царю: пришел такой-то солдат, такого-то полка с пакетом.

Часовой доложил царю, что явился солдат с пакетом, просит допустить его.

Когда царь дал разрешение допустить солдата Коробова с пакетом, Коробов входит в кабинет царя и вручил пакет лично царю. Царь принял пакет и начинает читать, а Коробову сказал:

— Присядьте.

Когда он прочитал пакет, сказал:

— Ты, Коробов, военную службу знаешь?

Солдат ответил:

— Так точно!

— Плохо знаете военную службу, — сказал царь.

— Никак нет!

— Вы стояли на одном почетном посту? — спрашивает.

— Так точно! — отвечает Коробов.

— На этом посту говорить нельзя. Вы службы не знали. Проходили мимо этого поста три генерала: генерал-майор, генерал-лейтенант и полный генерал, и вы их обругали нецензурными словами, где вам рассуждать совершенно нельзя было на этом посту.

— Простите, — говорит, — ваше величество меня, Коробова, не мог выдержаться.

Царь тогда сказал:

— В чем дело? Расскажи, почему не мог выдержаться.

— Когда шли три генерала мимо моего поста, то вели такую речь. Генерал-майор сказал так: «В Германии у царя есть дочь, Неписанная красота. Если бы мне ее посмотреть, я заплатил бы за нее большие деньги». Генерал-лейтенант сказал так: «Действительно, есть такая красавица. Если бы мне ее увидеть, я бы не пожалел своего генеральского чина и жалованья — всё отдал бы за один поцелуй». А полный генерал сказал иначе: «Если бы мне увидеть эту красавицу нагу, то я отдал бы государство». А я, царь, выдержаться не мог и обозвал их дураками: «Вы есть дураки как изменщики Родины. А я есть как защитник Родины, за это государство не отдам, а съезжу, так и использую, а как захочу — возьму замуж».

Царь выслушал слова Коробова, сказал Коробову:

— Мож ли сделать, Коробов, такую вещь: съездить в Германию, использовать германского короля дочь?

Коробов сказал в ответ царю:

— Могу сделать это, ваше величество. (*Берет на себя эту оварию.*)

— Какие для вас нужны преимущества? — царь сказал, — Я вам дам всё, в чем только вы нуждаетесь.

Коробов сказал царю:

— Во-первых, мне нужно 15 тысяч денег для содержания. Во вторую очередь дай документы такие, чтоб меня нигде не держали не сухопутным путем и не водным, чтобы я мог ехать без задержки. Сухим путем поеду — дай пять тысяч солдат, которые стали бы охранять меня. Морским путем поеду — дай мне 10 человек моряков. Срок дай двухмесячный, чтоб я мог всё обдумать.

На это царь был согласен и всё дал, что он требовал с царя.

Прощаясь с царем, явился к своему ротному командиру. Командир роты спрашивает:

— Товарищ Коробов, явились?

— Так точно, командир.

— Всё в порядке, — спрашивает.

— Так точно.

Показывает мандат, дан царем, освобождение на два месяца. Командир роты остолопел, глазами смотрит:

— Мы думали, что царь его казнит или отправит в дисциплинарный батальон, а вместо этого ему дали отпуск на два месяца.

Переночевал ночь товарищ Коробов в роты, утром выбирает пять молодцов из своей роты и говорит:

— Вот, ребята, поедem со мной.

Те спрашивают:

— Куда?

— В Германию.

— Зачем?

— А это дело мое, — говорит Коробов.

Отправляется в морской штаб к командиру штаба:

— По приказу царя дайте мне 10 матросов и военное судно морское.

Матросы спрашивают:

— Куда, товарищ Коробов, мы поедем?

Он отвечает:

— В Германию.

— Зачем?

— А это дело мое, — говорит Коробов.

Забирает своих солдат, идет в гавань, где стоит его военное судно, отданное ему царем. Спрашивает своих моряков, в том числе и капитана военного судна:

— Водку пьете?

Моряки отвечают:

— Пьем!

— Забирайте водки на два месяца сроком.

Дает им денег. Матросы забрали деньги. Погрузили водку и другие продукты, которые ему нужно. Коробов на этом судне полным хозяином. Сказал капитану:

— Все мои распоряжения должен выполнять.

На третий день товарищ Коробов отправился на военном судне в Германию. Обыкновенное время они плыли в пути. Когда по прибытию в Германию Коробов берет шлюпку, спускает с своего корабля, забирает двух матросов, выезжает на берег. *(Раньше было так: по приезде в Германию нужно было купить место, чтоб поставить военное судно.)* Скупили судно, поставили корабль, он собрал своих матросов вместо и дает им такой наказ:

— Вот, товарищи, если я через два месяца не вернусь на свое

судно обратно, то вы считайте, что меня нет в живых, отправляйтесь на своем судне, меня ждать нечего.

Еще дает наказ своим матросам такой:

— Водку пейте, гуляйте, сколько хотите, а меня встретите в городе — сумейте как поздороваться. Меж собой не деритесь. Выполняйте мой наказ. А барышень сумеем вам подыскать. Гуляйте, не протестую. *(Поскольку сам поехал на это.)*

Товарищ Коробов выезжает на берег города, крикнул извозчика легкового, спрашивает:

— Где вашего царя дворец? *(Поскольку он умел говорить по-немецки.)*

Легковой извозчик спрашивает:

— На что вам нужно?

— А это дело мое.

И дальше извозчик спрашивает извозчика легкового:

— А где у вас находится ресторан самый лучший, где помещаются купцы, генералы и вся царская свита?

Извозчик говорит:

— На такой-то улице.

— Везите меня туда.

Садится товарищ Коробов на извозчика и поехал. Приезжает товарищ Коробов в гостиницу, спрашивает заведующего ресторана:

— Скажите, пожалуйста, можно будет здесь поместиться?

Заведующий ресторана сказал:

— Почему не так? Номер есть еще один свободный, только стоит двадцать пять рублей золотом в сутки.

— Значит, номер будет занят мной.

Занял товарищ Коробов номер, живет в своем номере до 10 вечера, всё присматривается и прислушивается к германским

обычаем. В 10 часов вечера слышит, что кто-то в ресторан входит, очень большой человек, с которым здороваются в ресторане:

— Здравие желаем, ваше высокое превосходительство!

Когда все это успокоилось, товарищ Коробов нажимает кнопку, дает звонок со своего номера. К нему прибегает официант, спрашивает:

— Что нужно, русский солдат?

— Скажи, кто вот сейчас прошел? С кем здоровались и называли «Ваше высочество»?

Официант отвечает русскому солдату:

— Это нашего царя дочь.

Коробов спрашивает:

— Где она помещается, какой занимает номер?

А ответ официанта:

— А вот рядом с вами, за стеной.

— Скажи, товарищ, по совести: она очень красива?

— Да, действительно, — говорит официант, — если бы вы ее посмотрели, русский солдат, то вам не оторваться бы, так она красива.

— А скажи-ка ты мне, с кем она гуляет или нет?

— Гуляет она, русский солдат, с одним графом германским уже семь лет.

— Часто ли у них бывают свидания? — спрашивает Коробов у официанта.

— Ежедневно, — отвечает официант.

— Но, товарищ официант, — отвечает Коробов, — можете удаляться, спасибо.

По уходу официанта вдруг вскричали в ресторане опять:

— Здравия желаем, Ваше превосходительство.

Все это утихло. Русский солдат опять нажимает сквозь звонок, к нему является опять тот самый официант:

— Что нужно, русский солдат?

— А вот, молодой человек, присядь немножко, побеседуем. Вот скажи, кто сейчас вошел в ваш ресторан? Кому кричат «Ваше высокопревосходительство»?

— Вот это тот граф, который гуляет с царской дочкой.

— Послушай-ко, официант, сколько вы с меня возьмете, что сделаете в этой стенке маленькую дырочку, чтобы посмотреть вашу красавицу. Я вам заплачу, сколько вы возьмете.

— На что вам такая дырочка? — спрашивает официант.

— А мне посмотреть вашу красавицу и вашего графа. Я вам за то заплачу триста рублей золотом.

Официант на это согласился. За триста рублей золотом сделал ему дырочку. Заплатил официанту за его работу и сказал:

— Можете уходить.

Когда ушел официант из его номера, русский солдат Коробов посмотрел в дырочку. Сидит царская дочь с графом и угощается. На столи у них всякие возможности и водка. Красота в ней необыкновенная. Русского солдата всего затрясло, весь трясется, когда увидел такую красавицу:

— Да, действительно, есть за что отдать полному генералу государство! Действительно хороша! — повторил Коробов. Но задачу я должен выполнить во что бы то ни стало.

Наблюдает товарищ Коробов, как разговаривает граф с красавицей, достал блокнот и записывает некоторые их слова. Первое слово принца красавице:

— Эх, милая, семь лет я с вами гуляю, больше нет моих сил выносить, и нужно решить судьба с сегодняшнего дня здесь, в номере.

Солдат выслушал слова графа и записал себе в блокнот. Отвечает на вопрос принца красавица:

— Люблю и жалею всей душой вас, но судьбы в номере не намерена решать своей.

Русский солдат записал и эти слова красавицы себе в блокнот.

Граф всё настойчиво требует, добивается одной цели:

— Если хочешь — кончай, скажи решительно, и я бросаю тебя.

Призадумалась германского короля дочь. Семь лет гуляла с графом — бросить жалко. Посидела, подумала, сказала:

— Решаю сегодня свою судьбу, только не в номере, а в своих царских покоях, в своем кабинете. Отца сегодня у меня нет дома, уехал по государству. А мы сделаем так с тобой: в сегодняшний день, выходя отсюда из номера, зайдем к мастеру часовых дел, закажем часы. Чтоб ход часов был одинаковый, что у вас, то и у меня.

А русский солдат всё для себя пишет. Так она и решила. Накрывает лицо шалью, выходит из номера. Русский солдат Коровов надевает свою шинель, выходит за ними. Вот граф и царская дочь подходит к одному большому дому, где вывешена вывеска: «Часовых дел мастер».

А русский солдат наблюдает, когда они выйдут из этой мастерской. Прошло полчаса времени, выходят принц и королевна из этой мастерской. Крикнули извозчика. Подъезжает к ним извозчик, распрощался принц с королевной, поехал в сторону, а она в другую. Назначили свидание на другой день в два часа ночи. Принц подъедет ко дворцу, где с пятого этажа будет спущена подъемная машина для подъема принца.

Русский солдат видит, что они уехали, заходит в часовую мастерскую:

— Кто здесь заведующий мастерской?

— Вот здесь в кабинете помещается.

Постучался:

— Можно? — спросил русский солдат.

Заведующий отвечает:

— Можно. Заходите. Об чем вас интересует? — спрашивает заведующий.

— Нельзя ли мне будут сделать часы?

— А вам какие надо часы? Золотые или серебряные?

— А какие цены?

— Золотые 200, а серебряные 150 рублей. Вот сейчас заказывали граф и царская дочь часы золотые по 200 рублей.

— А какой ход они заказывали? — спрашивает русский солдат.

— Ход они заказывали такой: обыкновенно завести, чтоб они не отставали ни на одну минуту.

— А мне можно сделать такие часы? — спрашивает Коробов.

— Чтоб с вашей царской дочкой шли из минуты в минуту.

— Можно, — отвечает заведующий.

— Тогда я вам заплачу 500 рублей золотом, если будет верно. А можно ли будет сделать так, чтоб у принца часы остановились на два часа сзади?

— Можно, — отвечает заведующий.

— Так вам, товарищ заведующий, я даю еще 500 рублей золотом, только вы так сделайте, чтоб мои часы шли с вашей королевной точно, из минуты в минуту, а у принца на два часа позади.

Вынимает деньги 500 рублей на стол.

— К одиннадцати часам вечера будут готовы все ваши часы, можете получать.

Свалился русский солдат отдыхать до одиннадцати часов вечера.

Пришло время одиннадцать часов, пришло время покупать часы. Одевает русский солдат свою русскую простую шинель, направляется для покупки часов. Вдруг встречается с королевной и графом, которые тоже следуют для покупки часов. У царской дочки накинута черная шаль на лицо, не рассказывает, когда идет по городу. Вдруг откуда ни возьмись матросы его корабля идут по городу. Только сверкают ленточки на фуражках. Увидели своего хозяина Коробова и вдруг становятся во фронт и отдают честь, как генералу:

— Здравия желаем, ваше высокопревосходительство!

Товарищ Коробов отвечает:

— Вольно!

Шабронул в кармане, достал на водку и поблагодарил, что сумели с ним поздороваться. Германского графа удивило это дело, а также эту красавицу, что простой русский солдат, а матросы отдают честь, как полному генералу. Открыла шаль германского короля дочь, окинула взором солдата русского и призадумалась. И сказала шепотом своему графу:

— Я просто не понимаю, какой это человек.

Рассуждает с матросами солдат Коробов, а германского короля дочь и граф пошли для выкупки часов. Русский солдат Коробов наблюдает, когда выйдут принец и короля дочь из мастерской, всё толкует со своими солдатами.

Когда вышли из мастерской принец и короля дочь, разъехались в разные стороны. В это время русский солдат зашел в мастерскую для выкупа своих часов. Выкупил часы и спросил, что они сделали ли так, как он просил.

— Так точно, — ответили ему.

Посмотрел русский солдат на часы: действительно, одиннадцать часов. Судьба будет графа и короля дочери решаться в два часа ночи. Коробов думает: «Как мне попадать? Пока я попа-

даю, так будет поздно». Крикнул Коробов извозчика. Извозчик подъезжает и спрашивает:

— Куда велите ехать?

Коробов отвечает:

— Вези меня туда, где вашего короля дворец.

— Нас туда не допустят!

— Это неважно, вези до заставы.

Вот приехали к заставы. Больше ехать нельзя. Русский солдат рассчитался с ним, попросил обождать два часа у заставы. Извозчик на это согласился.

Вот русский солдат отправился на заставу. Спрашивает его начальник заставы:

— Вам что нужно?

— Дак вот, товарищ начальник заставы, дело такое. Я отправлен с своего государства снять план вашего государства и вашего дворца и привезти своему государю.

— Нельзя, — отвечает начальник заставы. — За это ты нас подведешь.

— Не бойтесь, товарищ, я вас не подведу. Я ползком попластунски поползу к дворцу. А вы же водку пьете, я с вами рассчитаюсь. Вы сами знаете военную службу и должны осознать это дело.

Поговорили немцы меж собою и согласились пропустить русского солдата выполнять его задание. Вынимает Коробов деньги и платит начальнику заставы за то, что тот дал ему разрешение пройти. Скидывает с себя шинель, оставляет на заставу. Поплыл попластунски от заставы ко дворцу, посмотрел на свои часы: время — половина второго. Когда подплыл ко дворцу, смотрит: спущена подъемная машина с пятого этажа. Посмотрел на часы — ровно два, дернул за машину, и сразу подняла германского короля дочь на пятый этаж. Когда Коробов очутился в кабинете,

стал требовать с красавицы достать огня. Короля дочь отказалась достать огонь в своем кабинете — донесут отцу, а отец за это ее накажет.

— Я прошу вас, раздевайтесь, — сама дрожит, как лист осинный.

Товарищ Коробов не долго думая стал раздеваться. Снял гимнастерку и остальное одеяние. В это время у товарища Коробова (как курил махорку) выпала банка из верхнего кармашка. Коробов сказал:

— Достань огонь, нужно найти портсигар.

Красавица его убедила:

— Завтра я найду и всё привезу в номер.

Дальше стал раздеваться — отлетела пуговица и зазвенела.

— Красавица, достань огонь: выпал перстень. Нужно найти его!

Германского короля дочь убедила:

— Я вам в номер всё возвращу.

Солдат Коробов долго не думал. Койка готовая — ну, и начал кончать свою судьбу.

Прошло время два часа и трапка была спущена обратно в окно. По окончании всего этого вдруг звонок. Германского короля дочь думает: «Неужели это русский солдат выслушал всё и пришел?» Коробов смотрит в окно: сидит у подъемной машины германский граф, разодетый.

— Эх, красавица, это приехал русский солдат. Чем бы его угостить? — спрашивает Коробов.

Обернулась королева:

— Нет ничего кроме как два фарфоровых горшка.

Берет один в руки и ударил прямо сверху германского графа и всего иссек осколками. Граф скочил на лошадь и поехал. Кровь ручьем льет из головы.

Спрашивает дочь германского короля:

— Ну что, угостил?

— Так точно. Как следует попало.

Покончил свое дело, распростился с красавицей, спустила она его обратно в окно. Коробов подходит к заставы. Спрашивает начальник заставы:

— Выполнил всё?

— Так точно. Большую отношу благодарность, товарищ начальник заставы.

Одевает свою шинель и подходит к извозчику, который его ожидал, спрашивает:

— Не видел ли чего, ведь ты здесь стоял?

— Видел: ехал какой-то граф, весь в крови, — отвечает извозчик.

«Хорошо я угостил, — думает русский солдат Коробов. — Это за то, что ты гулял с ней семь лет».

Приезжает русский солдат в свой ресторан. Спрашивает заведующий ресторанта:

— Русский солдат, целы ночки прогуливаете?

— Да, друг, попал на знакомых, выпил. Хотел, было, ночевать, да не решился.

Живет день русский солдат, ожидает вечера. С каким результатом явится в 10 часов дочь германского короля и возвратит ли вещи?

Время уже 10 часов вечера. Вдруг в ресторане вскричали:

— Здравия желаем, Ваше величество!

Явилась германского короля дочь. Проходит в свой номер, снимает шаль со своего лица. Русский солдат смотрит на красавицу. Клала ручку под щеку, сидит и думает, сама себе ропщет: вот как ловко! Солдат смотрит и всё любит. Доставает кра-

савица из кармана банку и солдатскую пуговицу (*всё нашла, не потеряла*). Посмотрела и убрала обратно к себе в карман.

Вдруг в ресторане закричали:

— Здравия желаем, Ваше превосходительство.

Явился принец на прощанье. Вся голова обверчена. Заходит в номер германского короля дочери, не говорит с ней ни слова, хлоп ее по уху, повернулся и ушел. По уходе сказал:

— Семь лет я гулял и это я получил.

Когда ушел, королевна сидит и думает: ловко сделано!

А солдат наблюдает, что будет дальше. Тогда королевна решила дать звонок со своего номера, и к ней прибегает барышня:

— Что вам нужно? — спрашивает.

— А вот что, красавица: сходи в этот номер и скажи русскому солдату: «Нашего царя дочь просит вас придти в номер».

Приходит барышня и стучится:

— Разрешите, русский солдат, зайти!

Открывает Коробов номер:

— Пожалуйста, красавица, проходите. Что вам надо, барышня?

— Выслушайте, русский солдат Коробов. Нашего царя дочь послала меня к вам и просила вас зайти к ней в номер.

— Скажите вашей королевны, то есть царской дочке, что у нас обычаи другие: если нужно меня, то придет сама.

Уходит официантка к германского короля дочке. Спрашивает царская дочь:

— Что ответил на это вам русский солдат?

— Солдат ответил: «Хочет меня видеть — придет и сама сюда».

Посидела, подумала, а идти придется. Выходит из своего номера, подходит к солдату, стучится:

— Разреши, товарищ Коробов, зайти к вам?

— Пожалуйста, красавица, — открывает дверь, запускает, подает стул. — Пожалуйста, присаживайтесь.

Молчит солдат Коробов. Ждет, чего пришла, чего скажет. Посидела германского короля дочь, помолчала минут двадцать, достает банку с махоркой, кладет на стол. Русский солдат садится за стол, берет банку с радостью: ах, давно не курил русской махорки! Закурил папиросу очень толстую:

— Вот сейчас, — говорит, — накурюсь.

Королева сидела, думала и наконец решилась сказать:

— Ну, русский солдат, сумел сделать со мной такую штуку и сумеи взять меня замуж.

Русский солдат дает ответ:

— Сумею.

Она повторила:

— А сумеешь ли?

А он ответил:

— Сумею! Так давай обсудим, красавица, как будет лучше.

Спрашивает солдата:

— Много ли ты имеешь денег? Скажи-ка мне.

Солдат отвечает:

— Имел сначала денег тридцать тысяч золотом, ну а теперь кое-куда израсходовал. В настоящее время имею пятнадцать.

— Мало, — отвечает королевна. — Мой совет такой. В завтрашний день посылаю я тебе сорок пять тысяч золота. И вы на эти деньги сумеите сделать вот что. В нашем городе есть три магазина, торгуют разными мехами, и вы сумеите купить эти магазины хотя на некоторое время. Сами купите себе костюм, превратитесь в купца.

Утром встает русский солдат часов в 12 дня. Приезжает один гражданин и спрашивает:

— Есть здесь русский солдат?

Отвечают:

— Есть.

— Доложите: я ему привез посылку.

Выходит солдат, встречает этого молодца, получает ящик. Крикнул извозчика. Подъехал извозчик:

— Куда ехать?

— На такую-то улицу, где купец торгует разными мехами. Мне надо ехать туда.

Забрал деньги и поехал. Приезжают.

— Здесь купец такой-то живет?

Отвечают:

— Здесь.

Заходит к купцу и спрашивает:

— Я слыхал, вы продаете магазин с мехами?

Купец открыл глаза и смотрит:

— Нет, я об этом не мыслю.

— Ну так вот. Хотя на время разрешите мне поторговать в вашем магазине. Сколько вы будете просить меня на двои сутки?

— 45 тысяч золотом.

— Что могу продать — продаю, а что не могу — останется ему.

Купец с удовольствием согласился на это.

Солдат срывает все германские вывески, наклеивает свои русские. Снимает всех продавцов немецких, набирает всех своих: какой первый попал — рваный, не рваный — становись продавцом и всё в порядке! Цены назначил так: который мех стоил 700—500 рублей, он ставит 40—35 рублей, не дороже. А хорошие меха отбирает для себя: где будет сам стоять в магазине. Сказал своим продавцам:

— У кого есть деньги — продавайте, а нет — отдавайте так, чтоб нам продать все меха.

Понесли меха везде. Дошел слух до всех генералов и даже царя о том, что приехал какой-то заграничный купец, продает меха совсем не за что. Царь германский этому не верил, что такие цены. Вызывает к себе дочь:

— Нужно съездить проверить это дело.

Запрягли тройку лошадей и поехали. Подъезжают к магазину — битва людей, всем нужно взять дешево. Но царю дорогу дали. Заходит в первый магазин с дочерью и смотрит: продавцы стоят — у кого сопли нет, у кого рубахи. Удивился царь, а они предлагают царю меха:

— Пожалуйста, Ваше величество!

Заходят во второй магазин — там еще чище. Царь улыбается и смотрит. Спрашивает царь:

— А где хозяин торгует?

Отвечает продавец:

— В следующем магазине.

Когда заходят они в магазин, где торгует сам товарищ Коробов, встает Коробов и предлагает:

— Ваше величество, пожалуйста. Каких мехов вам угодно?

Предлагает царю цены. А царь был жадный, так Коробов показал все, что было на полках.

— Так, Ваше величество, будет производить расчет или выпьем по стакану горячего?

Царь на это согласился. Заходят в комнату, где у солдата приготовлено для царя всё: и выпивка, и закуска, и всё. Приводит царя, сидит с дочкой и садится сам.

— Ну так вот, выпьем с новых покупок! А я выпью с продажи.

Налил царю, налил себе и налил дочке. Дочка ступает на ногу: подлеи, мол, покрепче для отца. Тот так германского короля угостил, что тот заговорил, сам не зная что. Вот говорит русскому купцу:

— Вы бы женились в Германии.

Коробов отвечает:

— Да, царь, я бы женился, да времени мало, барышни нет подходящей, а худой брать неохота.

— А если желаете, я могу за вас отдать свою дочь! Если она вам нравится.

— Послушайте, царь, — говорит Коробов, — если узнают в твоём государстве, что царь отдал дочь за купца, то засмеются.

— А если я даю приказ, — говорит царь, — кто будет смеяться — буду казнить, а вас произведу наследником?

— А если так, — сказал Коробов, — то я согласен.

И вот так они и сделали: честным пирком да и за свадебку. Посадил царь солдата на автомобиль и повез в свой дворец, где провел свадьбу.

Говорит Коробов своей жене после свадьбы:

— Вот, моя красавица, задача моя такая: я от своего государя взял задание, съездить в Германию, использовать вас, и пришлось мне взять вас замуж. Иди к своему отцу и проси разрешения ехать в Россию. У меня сроки кончаются.

Царь дает разрешение выехать в другое государство. Коробов сказал своей красавице:

— Оденьтесь поприличнее, чтобы вас люди видли: за чем я ездил и что достал.

Вот когда оделась его красавица, сели они в автомобиль и поехали к тому месту, где стояло его военное судно. Матросы ждали с большим нетерпением своего командира: сроки все подходят к концу. Когда увидели матросы своего командира, заметили его, то закричали все «ура!». Подняли командира с женой на руки и понесли на свое судно. Тогда дал приказ командиру пустить пароход на всю скорость, и поехали в Россию. В дороге дал телеграмму царю: «Еду, выполнил твое задание».

Царь встретил его со всеми военными частями, провез его в царский дворец, за его подвиги наградил его полным генералом, оставил служить при своем дворце. Дал право решить трех генералов, которые были решены Коробовым. Коробов тут жить остался и тут умер со своей красавицей.

КАНЗАНАВОЛОК

МАРИЯ ПАВЛОВНА ЕГОРОВА

20. ВОЛШЕБНАЯ ЛАМПА

Жили-были дед да баба. Он взял, дед, да и помер. А баба осталась одна только с парнем одним. Иваном. Ну, жили очень бедно, плохо. У их ни исть, ни пить, ничего не было. У матери остался один-единственный грош. Это раньше называлось пол-копейки. Она ему дала этот грош и говорит:

— Ступай, сыночек, на базар, купи хоть соли.

Вот он пошел на базар, ходил-ходил, соли маленечко взял. А чего больше возьмешь? Ничего. Взял маленечко соли и идет. Встречается ему навстречу мужчина, колдун, и говорит:

— Здравствуй, паренек.

Он говорит:

— Здравствуй, здравствуй, дяденька.

— Я твоего отца брат, — тот говорит.

— Я, — говорит, — мало помню отца. Он никогда не говорил, что у него брат есть.

— Ну, я его брат. Ну вот, пойдем со мной.

— Куда?

— Пойдем к твоей матери. Я у твоей матери тебя спрошу, с собой возьму. Я тебя буду держать очень хорошо, кормить, поить, одевать, обувать. Всё буду. Только пойдем со мной.

Ну, они приходят к матери. Он, значит, купил хлеба в магазине, всего, принесли они матери. Он и говорит:

— Вот, — говорит, — невестушка, я твоего мужа брат!

Она говорит:

— Я сколько с мужем жила — никогда не слышала, чтоб он сказал, что у его есть брат.

Он говорит:

— Тебе он не говорил, а я его брат.

Ну, раз брат — поели, попили.

— Ты мне отдай племянника. Я его буду держать хорошо, учить, кормить, поить, всё.

Она говорит:

— Ну что же. Сынок, пойдешь <или> нет к дяде?

Он говорит:

— Раз дядя берет, то я пойду. Дома худо жить, ничего у нас с тобой нету, не остается. Надо ехать жить.

Ну вот, он, значит, с этим дядей пошел. И шли и шли оне. И вдруг этот колдун сделал так, что земля раздвоилась. Он говорит:

— Лезь в эту щель. Туда будешь идти — ничего-ничего не бери. А оттудова будешь идти — возьми только ржавую-ржавую, на краю на самом, на правой стороне, лампу. Больше ничего не бери.

Ну вот, он шел-шел-шел, везде все прошел. И глядит: на стене висит кольцо, красивое-красивое. Он взял кольцо, в карман сунул. И взял эту ржавую лампу. А колдун не видал, что у его

кольцо в кармане есть. Ну вот, оне, значит, когда вышли наверх, он ему и говорит, что «давай мне лампу».

Он говорит:

— Я не дам!

— Давай, сказал, мне лампу! А то я тебя тут зажму насмерть.

Ну, он ему подал, колдуну этому, лампу. А кольцо оставил у себя в кармане. Ну, вылез оттуда, из щели он его вытащил. И пошли они. Шли-шли-шли и оне, значит, так далеко ушли, что он и сам не знает, куды вышли. Ну, и лягли отдыхать в лесу. А он взял у дяди-то лампу ржаву да чего-то так как толкнул, и вышли молодцы, 20 молодцов, таких ребят взрослых, больших. И говорят:

— Чего тебе, парень, нужно?

— Мне, — говорит, — нужно, чтоб вы меня к матери унесли.

— Пожалуйста!

И они его унесли к матери. Колдун остался ни при чем. Ну, приходит к матери. И вот, значит, когда лягли спать (*у их ни есть, ни пить, ничего нету*), он взял, опять эту лампу шоркнул. Опять вышли, повара и официантки всё.

— Что, паренек, нужно?

— Нам с матерью нужно покушать.

Ну, они тут всего нанесли, все сделали, накормили-напоили их.

Вот он и говорит:

— Ну, теперь, мама, иди к царю сватать дочь!

Она:

— Что ты, сыночек, да мы с тобой-таки плохо живем, да всё.

— Ничего, мамушка, и мы забогатеем.

Ну и вот, она, значит, пошла. Пошла, день просидела, не могла царю сказать, что «отдай ты за моего сына дочь». Не могла сказать.

Ну, он, <когда> пришла мать, он спрашивает:

— Мама, что тебе царь сказал?

— Я, сынок, ничего не сказала, я не смела.

Ну, потом, значит, на второй день опять послал. Она посидела-посидела, говорит:

— Царь-батюшка, меня сын послал к тебе, чтобы отдал свою дочку за моего сына замуж.

— Ой, ты что, — говорит, — бабка, с ума сошла? Пусть от он выстроит такой дом, как у меня, дворец, тогда я отдам замуж.

Ну, она пришла домой, да и говорит:

— Сынок-сынок, царь сказал, чтоб такой дворец был, как у его.

Он говорит:

— Это всё пустяк. Эта беда — не беда, мать. Будет беда впереди.

Ну вот, она, значит, так сказала. Лягли спать. Утром встали — такой красивый дворец! И до самого царского двора расстелены ковры. Он этой лампой шоркнул, и вышли эти молодцы, сделали дворец. Ну, сказка, дак есть сказка.

Ну вот, она приходит и говорит:

— Ну, царь-батюшка! Теперь-то отдашь за моего сына?

— Нет, — говорит, — пусть он сделает через эту реку такой мост, чтоб можно было пройти и проехать войском.

Ну, опять пришла ночь. Он опять шоркнул эту лампу, вышли эти молодцы, говорят:

— Что тебе нужно?

— Мне, — говорит, — нужно сделать мост до царя.

— Ой, парень, эта беда — не беда. Беда впереди.

Ну и вот, он сделал, значит, мост. Она опять пошла. Пошла свататься. Ну, а эта девушка не видала ишо его, какой он есть, жених-то. Ну и потом всё ж таки царю некуда было деться, и он

отдал дочку замуж за его. Они стали жить очень хорошо и согласно. И всё. И царь даже это был такой довольный своим зятем, что они стали сильно богато жить.

(Кольцо-то это в другой сказке).

21. СЫН-МЕДВЕДЬ

Жили-были муж с женой. У их не было детей. Вот они старенькие, кормить их некому. Он и говорит:

— Старуха, старуха, как мы будем жить на старость лет? У нас и сына даже нету.

Она и говорит:

— Пойди, старик, найди где-нибудь сыночка, хоть какого встречного-поперечного, всё равно найди.

Ну, он и пошел. Шел-шел-шел по лесу, встречается ему медведь лохматый.

— Дедушка, здравствуй, ты куда пошел?

— Я пошел сыночка себе искать.

— Возьми меня, я буду твоим сыном.

— Что ты, дитяtko, у меня и старуха тебя испугается.

Он был заколдованный царский сын. Надета была на его на 12 лет медвежья шкура. Ну вот, это раньше таки колдуны были, заколдовывали, да там то, да другое. А теперь-то уж нету никаких колдунов. Сами, как колдуны стали.

Ну, теперь это он, пошел с им домой. Приходит домой, говорит:

— Старуха, ты вот только не бойся, я заведу сына. Только не бойся, на ем надета медвежья шкура, потому что в лесу холодно. *(Он обманул, видишь, свою старуху).*

Ну, она:

— Ну ладно, ладно, всё равно будет сыночек. Заводи, заводи, старик!

Старик завел, он поздоровался:

— Здравствуй, мама!

— Здравствуй, сыночек, здравствуй! Давай, проходи, садись.

Наварено у ей тут. Накормила она их обоих, напоила.

— Мама, чего делать? Давай, я воду буду носить.

Ну, начал воду носить. Медведь так же ходит, как человек, одинаково. Наносил воды, всё тут сделал им. Они лягут спать, утром встанут — всё сварено, готово, наготовлено, всё сделано.

Ну, он жил-жил, да и говорит:

— Мама, пойдی к царю сватать дочку!

(Алена была дочь его).

— Пойди к царю сватать дочку Алену за меня!

— Почему, — говорит, — сынок, ты знаешь, что Алена ее звать?

— Я знаю, ее звать Аленой.

— Ну, как же, — говорит, — сыночек, я пойду сватать эту Алену? Царь же богатый, а мы бедные. Да ишо ты ведь, сынок, не как человек, а как медведь.

— Ничего, мамаша, иди!

Приходит она:

— Здравствуйте!

— Ну, здравствуйте!

Собаки на нее напали тут, проводили ее. Зашла старушка старенька да оборвана, худа, бедная. Дак где, чего возьмешь?

Ну вот:

— Царь-батюшка, я пришла твою дочку сватать за своего сына.

— Что ты, старая, разве можно? А какой у тебя сын?

— У меня сын есть, царь-батюшка, да вот только на ем медвежья шкура.

— Ой, что еще выдумала, старая. Я на тебя собак наузыкаю, тебя съедят собаки щас!

— Ой, царь-батюшка, не узыкай ты на меня собак!

— Ну вот, тогда я тебе задание дам. Вот он пусть вспашет, пусть с моего двора вывозит весь навоз на поля, раскидает. Потом вспашет, посеет, сожнет, и пока я буду спать, чтоб калач горячий на столе был у меня, с этого, с его хлеба.

Ну вот, и он, значит:

— Мать, эта беда — не беда, беда будет впереди.

Ну ладно. И он, значит, вышел, крикнул по-молодецки, гайкнул по-богатырски, набежали все: ляльки, няньки, бабки, мамки, все! И навоз навозили, хлеб посеяли, муку смололи, хлеб спекли.

— Мама, вставай, неси царю горячий калач на стол.

Ну, она пошла. Он говорит:

— Это что за такое? Откуда вы взяли такого сына?

Ну, а эта всё девушка думает, что тут какой-то непростой, что такая история получается.

Ну вот, он и говорит:

— Пусть он выстроит дом, такой выстроит дом хороший, большой.

Ну вот, и она, значит, это, старуха-то опять пришла, он палату заставил выстроить.

— Палату <чтобы> выстроил ишо лучше, чем у царя!

Выстроил палаты.

— Ну, мама, иди сватай!

Вот царь испугался. Что такое? Тут уж такое, это непростой какой-нибудь, что палату выстроит и сразу всё сделает, всё. Ну, ладно. Потом, значит, говорит:

— Ну вот, теперь ишо я тебе задание дам. Пусть выстроит огни, фонари по всему мосту и ковры расстелит. К царю, от его дому и к царю. И сады, и всё-всё <чтобы> у его выросли.

— Пусть выстроит такой мост, и пусть светют сами огни.

Раньше ведь не было никаких лектров, никого, ничего. Он всё это сделал. Сделал, и царь встал — глазам своим не верит! Что такая история.

Ну, она и говорит:

— Ну, отец, хватит казнить человека. Значит, он человек какой-то непростой, это не медведь.

Ну вот, он опять ей говорит, матери:

— Нет, дочь, я с тобой не соглашусь. Пусть сделает такую карету, которая сама придет за тобой. Карета без лошадей.

Ну, и вот, значит, она приходит домой и говорит:

— Ну, сыночек, такую карету выстрой, чтоб сама пошла к царю! Без лошади.

Ну, он и выстроил.

— Это, — говорит, — мать, не беда. Теперь беда подходит.

Ну, они сели. Мать снарядилася и отец. Снарядили и собрались, и сами поехали без лошади. Приезжают.

Ну, она выходит и говорит:

— Вот, отец, это мой жених. Хватит тебе его мучать!

Ну, и она, значит, когда он, это женился на ней, она привела его в палаты. Ну, и стала жить с им.

Он на ночь снимет с себя шкуру, и такой молодец, что ни в сказке сказать, ни пером написать! Такой красавец. Ну, он ей пондравился. А теща взяла да и сожгла эту кожу.

Их три брата было заколдовано. Теща сожгла кожу, что он такой красивый, любо глядеть на него. Он встал, заплакал, да и говорит:

— Ну, мать, — говорит, оставалось мне только 3 дня быть

медведем. Я бы был всегда таким молодцом. Теперь — до свиданья!

И он ушел. Ушел-ушел-ушел, в горы ушел. А там жил волшебник. И его заморозил, сделал льдом. Все три брата туда к волшебнику попали и превратились льдом, и стоят столбами. Как есть медведь, так и стоит столбом замороженный.

И она, значит, тогда говорит:

— Ну, мать, испеки мне подорожники, я пойду тоже искать, куда он делся. Я без его жить не могу.

Дали ей торбу. Наклали всего, сухарей да всего. Она и пошла. *(Раньше называли торба. Теперь вещмешок, а тогда говорили «торба»)*. Ну вот, эту торбу она взяла и пошла. Надела лапти и совсем на царевну не похожа. И пошла. Идет-идет-идет-идет, навстречу ей старая-старая старушка и говорит:

— Куды ты, доченька, пошла?

Она ей всё рассказала. Она и говорит:

— Вот на тебе вот эта теплая вода, вот эта холодная вода, а эта горячая вода. Вот придешь, сперва холодной воды плесни на всех с роту. Потом плесни теплой водой, а потом плеснешь горячей водой наотмашь. И они оживеют.

Вот она так и сделала. Она шла три года и три месяца и три дня их искала. Ну и потом она много всего встречала: и медведей, и волков, и всякой всячины, всего. Всё равно шла. Не боялась ничего. Вот, она когда дошла до их, это всё сделала, как это велела старушка, всё сделала, и он оживел. Ну и вот, она их оживила, и он сказал:

— Спасибо тебе, моя дорогая женушка, теперь я тебя отныне и навеки не кину!

И стал человеком. Все эти три брата оживели, оне тоже поженились и стали хорошо жить.

Всё.

22. СПЯЩАЯ ЦАРЕВНА

Жили-были муж с женой. У их не было детей 18 лет. И родилась у них дочь, называли они эту дочь Олёной. И вот всех созвали, всех созвали, сколько было миру — всех созвали. Только одну колдунью не созвали на день рожденья. Она рассердилась. Рассердилась и сказала:

— Вот ваша дочь, как доживет до 18-ти лет, так я её уморю. Она умрет в своем собственном доме за веретеном. Будет прясть и умрет.

Ну вот, они это всё думали-думали, что неправда. Она 18 лет прожила, 19-й год стал. Ну, значит, ничего не будет. Вот остается прислуга и дочь дома. Они уезжают гулять за город там за какой. Ну, остаются они с этой бабушкой дома. Она и говорит:

— Бабушка, а бабушка! Мне охота попрясть.

— Да что ты, дитятко, никогда не пряла, дак что ты прясть-то начнешь?

— Да, бабушка, а бабушка, мне охота попрясть!

— Нет-нет, дитятко родимое, ты никогда не пряла, дак не садись не пряди!

Ну, эта волшебница пришла, заставили ее прясть. Дала ей веретешко в руки. Она только веретешко взяла и сразу умерла, от веретешка. Приезжают отец и мать с гулянья, а дочери уж нет, дочь умерла.

Ну, взяли они другую себе дочь, тоже бедного человека, таки сами богаты. Взяли, тоже Алёнушкой называли. Она у них стала жить.

И эта волшебница опять им всё вредила. Даже эту девушку на свет не стала навидеть. Как чуть куда-ни отсторонятся, она уже тут как тут, всё к этой девушке вязнет да лезет. Ну и потом, значит, она один раз пришла и взяла, всю семью уморила! Всю-всю.

А у этого барина брат ушел в армию. И вот оне, значит, когда брат ушел в армию, они все были живы-здоровы и всё. Приехал с армии — эта колдунья так сделала, что сделался огромный-разогромный сад, весь мир спит и все спят, народ весь спит. И он тогда взял поехал за синее море, где-то было. Достал такую, значит, саблю, что сёк сад. Сёк сад и принес шапкой воды, что брызнул, и они все чисто встали. И эта Алёнушка проснулася.

Это вся сказка.

23. ЗЛАЯ НЕВЕСТКА

Жили-были мать да отец. Отец и мать померли, оне остались с братом на хозяйстве. Эту звали Таня девушку. Она всё эта Таня хозяйничала-хозяйничала, а хозяйство было большое сильно.

Она потом говорит:

— Братец, ты знаешь, что я тебе скажу: мне надоело уже одной всё хозяйничать. Ты женись, да возьми какую-нибудь девушку, да мы будем вдвоем с ей хозяйство править.

Ну, он взял. Взял, а та не снавидела эту девушку. Не надо ее, незачем она нам. Ну, она потом говорит:

— Брат, ты меня отдай куда-нибудь в люди.

А ему было жалко в люди отдавать.

И вот она (жена), значит, что тогда сделала. У их родился ребеночек, у брата, сын. Она взяла, невестка, легла спать и его приспала. Грудь дала, он задохнулся. Брат приезжает с лесу, она ему говорит:

— Вот, посмотри, твоя сестра что сделала: ребенка задушила у нас.

И он тогда говорит сестре:

— Собирайся, пойдем!

Она плачет:

— Я этого не делала, я этого не делала! Ты ей не верь, она врёт.

Ну, он взял, повел ее в лес и говорит:

— Надевай на себя самое хорошее платье, в котором ты должна замуж выходить.

А у ей был жених, красивый такой, тоже бедный. Ну и она надела это платье, самое хорошее, в котором замуж идти.

— Я тебе отсеку, — говорит, — голову, раз ты убила нашего ребенка! И я тебя убью!

Ну, повел он ее в лес. Повел этта, говорит:

— На пенек ложись, клади голову.

Она голову положила. Он:

— Нет, жалко, сестра голову рубить тебе. Клади руки!

Она положила руки. Он взял ей, обои руки отрубил и пустил ее.

— Иди теперь, — говорит, — по белому свету.

Вот она ходила-ходила, ходила-ходила по лесу. Руки отрублены, болят. Она вся в крови, ничего не может. А едет парень один и говорит:

— Ты что, девушка, ходишь?

Она заплакала, говорит:

— Вот мне брат руки отрубил.

— За что?

— А за то отрубил, что невестка наврала, что я ребенка задавила.

Ну и вот, значит, привел ее домой. Привел и говорит отцу:

— Папа, а папа, пусть она у нас живет!

Она стала у них жить. Руки ей заживили, всё. И отцу она понравилась так. И он взял на ей женился, на этой девушке. Женился и пошел в армию. Маленько пожил, пошел в армию. У ей

родился ребенок, мальчик. И так всей деревне мальчика нянчили, и за ей ухаживали. Така хороша была деревня, тут все люди хороши попали.

Потом началась война. Уже парень вырос. Раньше служили 25 лет. Парень вырос, и парень пошел в армию. И вдруг, значит, они стали сражаться с врагами. Война была. И он как начал сечь этих, врагов-то, парень этот. А он <противник> думает, чей же это воин? Он даже не знал, что это его сын.

Ну, и она как пошла сражаться, как тут взяла кинжал. Вот она идет с этим ребеночком, до колодца дошла, стала пить, да ребенок с зубов-то выпал у ей, пить стала и ребенка уронила в колодец. Уронила, колодец неглубокий был. Не может никак достать. Как стала цапать — у ей стали руки! И она вытащила ребенка. Вытащила, опять только в подол положила, в зубы платье взяла, рук опять не стало. Ну вот, она приходит к свекру, ну и говорит:

— Я тоже буду сражаться на войне, где мой муж есть, туда и я пойду сражаться!

И вот этот сын вырос, уже большой стал, и она пошла сражаться. И у ей стали руки. И вот, они едут с армии, все трое: мать тут сражалась и сын, и, значит, это, отец, и едут все трое с армии. Заезжают к этому брату. И стали у их ночевать. И он говорит:

— Ну вот, поужинали. Теперь давайте, кто какой знает рассказ?

Она и говорит:

— Я знаю рассказ.

(На ей одежда военная, тоже всё, раз она в армии была).

— Я знаю рассказ, я расскажу.

Ну, и начала рассказывать, как у сестры отрубил брат руки, как наврала невестка, за это он отрубил у сестры руки, и как она растила сына, деревня вся ростила, ей помогала.

— И теперь вот, — говорит, — дорогой братец, я пришла к тебе с руками. У меня руки есть.

Ну и потом этот брат взял, вывел невестку и отсек ей голову.

И вся сказка.

24. БЕДА

Жили-были два брата. Один брат был богатый, а другой был бедный. У одного брата ни есть, ни пить ничего не было, только было одних детей 7 штук. Вот он и говорит:

— Что же мы, дети, будем есть? Завтра Рождество, праздник! Чего же мы будем есть, как мы будем жить?

А жена ему и говорит:

— Пойди к брату к старшему. Он богатый. Может быть, он чего-нибудь нам и даст на праздник.

Ну вот, он приходит, да и говорит:

— Братец, дорогой мой, милый, ты же у меня единственный. Ты живешь хорошо. Детей нету. Дай мне, пожалуйста, что-нибудь на завтра, ведь завтра Рождество Христовое.

Он взял принес ему с кладовой ногу бычину и бросил:

— На, вот тебе всё, и праздник весь!

Ну, он пришел домой и заплакал. И говорит жене:

— Что же нам, женушка, делать? Что мы с этой ногой заведем делать? Одна нога. Что заведем делать?

Ну, она и говорит:

— Бог с им. За ногу-то и то большое спасибо!

Вот жили они, побыли, потом он пошел в лес. Она и говорит:

— Пойди, мужик, хоть наруби дров. Да и натопим печку, да эту ногу сварим! Да и поедим. Ладно, что тут сделать?

Ну, он пошел дрова рубить. Рубил-рубил, отлетела щепка,

большая-разбольшая. И с этой щепы очутилася большая скатерть. Из скатерти выходит человек, выносит меленку (*такая маленькая меленка*) и говорит:

— Ты бедный честный человек, хороший. У тебя много детей. На тебе вот эти жернова. Возьми эти жернова, понеси домой и только говори так: «Жернова-жернова, дай нам поить на день».

Ну вот, он приносит домой жернова. Поставил на стол и говорит:

— Жернова-жернова, дай нам поить на день!

Вот жернова тут наготовило, намололо, всего настряпало. Приходит старший брат и говорит:

— Где это ты взял?

А младший взял да и похвалился, говорит:

— Братец! Вот спасибо тебе за ногу большое, что ты мне ногу дал. Я пошел дрова рубить, чтобы ногу сварить. Вышла откуда-то из щепочки скатерть большая, со скатерти жернова мужчина вынес мне. И вот посмотри-ка.

Он и говорит:

— Ну, хватит тебе. Поели вы и хватит. Отдай мне жернова!

Ну, он плакал, и вся семья. Они плачут — всё равно он забрал. Забрал и увез.

А Беда на печи сидит. Горе-беда на печи сидит. И говорит:

— Не плачь, бедный мужик. Живи со мной.

Ну, они тогда чего делать? Больше нечего делать.

— Ну, — говорит, — жена, собирай детей, поедem в город. Хоть будем голодом да всяко, да може, кто хоть кусок хлеба нам подаст.

Ну, собрались они в город. А Беда ревет на печке, плачет, что «возьмите и меня с собой».

Ну, он и говорит:

— Ну, что же, раз ты не хочешь оставаться — давай, пойдем.

Ну и вот, они идут-идут по речке. Старший брат и догоняет, несет жернову эту и рад до смерти, что они ушли с деревни, а жернова ему досталась.

Ну и вот. Значит, Беда плачет. Ее посадил на берег мужик бедный и говорит:

— Сиди, меня жди. Пока детей перенесу. Потом и тебя возьму.

И не взял. Повернулись и пошли. Идет старший брат с жерновой. Гордый такой, всё. Она и говорит, Беда эта:

— Возьми меня с собой. Меня твой брат, вредный, не взял.

— Ну, давай, садись!

И она потом ему на плечи села, эта Беда, и сказала:

— Ну, теперь я от тебя никуда не уйду. Я людей проводила хороших, а Бедой тебе осталась.

И стала жить с им, с этим богатым. Такой он ее на плечах и стал носить, не может сбросить никуда. И она, эта Беда, навеки с им осталась. И он стал очень бедный, худой, плохой, ничего у него не стало. И он стал просить ходить милостыню и всё. И пришел к бедному брату и сказал:

— Вот, братец, ты на меня Беду свалил.

А Беда и отвечает:

— Ты ему не жалуйся, хватит. Он со мной пожил, теперь ты живи.

Так он и остался, богатый, с Бедой. И стал бедный, худой, плохой.

25. КАТЕНЬКА, ТРЕХГЛАЗКА И ЗЛАЯ МАЧЕХА

Жили-были старик да старуха. У их была девочка, звали эту девочку Катенька. И вот, значит, у их померла мать. Осталась одна эта девочка, одна-одинешенька. Никого у их нету, только мурая коровушка, ма́терина осталась.

Вот мачеха попалась такая злая, страшно. Суоари она была, колдунья. И она такая злющая, что этой девочке дак не давала никакого пощаду, ни есть ни пить, ничего-ничего.

(Я сколь знаю сказок — вам век не переписать.)

Ну, и потом, значит, она девочку заставляет корову пасти.

— Паси иди корову!

И вот даст куделю, чтобы спряла до вечера. А куделю такую большую даст лёну, и тонко пряди на холсты. Девочка плачет. Сядет и плачет около коровушки. А коровушка говорит:

— Дорогая ты моя Катенька! Залезь мне в правое ухо, вылезь в левое ухо — всё будет спрядено.

Вот. А у ей три было дочки. Одна двухглазка, одна трехглазка и одна одноглазка. Столь было дочерей у ей. Толсты, здоровы дочери.

(Я читала недавно эту сказку.)

Ну, потом она, значит, послала на первый день девочку. Эту всю куделю спряла, смотала, опряла и принесла.

— Мама, вот пряжа.

Ну, она тогда говорит:

— Как же она смогла?

Послала эту трехглазку караулить. Она сидела, сидела и уснула. Была толстая, жирная. Она на солнышке разопрела, да и уснула. Ну, трехглазка проспала, а она опять так сделала. Опять куделю спряла. В правое ухо залезла, в левое вылезла у Муренушки и опять спряла.

Ну, тогда и говорит она, на третий день:

— Ну, что же, доченька, укараулила ты?

— Нет, не укараулила. Я уснула.

Ну, она послала одноглазку. Одноглазка и совсем с одним глазом не видела ничего. Опять так девочка: залезла в правое ухо, вылезла в левое, опять спряла куделю.

Ну, она тогда думает: что ж она делает всё-ж-таки? Как это так, что пасет корову, и за день может столько спрясть? Вот послала эту двухглазку. А двухглазка была самая хитрая, самая вредная. Она лежит, один глаз закрыла, а другим смотрит. Присматривается, что она делает, девочка. И увидела. Пришла домой и говорит матери:

— Мама, мама, она Муренке залезет в правое ухо, а в левое вылезет — уж и пряжа готовая.

Вот мать и говорит:

— Режь корову, не надо мне ее! Режь, не надо ее!

Ну, она плачет, эта девочка. Плачет, дак не знаю как: жалко материны корову. Только и того, что материны корова одна. Она вышла на улицу, сидит плачет, а корова и говорит ей:

— Милая ты моя Катенька! Не плачь, не горюй. А знаешь, только что я тебе скажу? Если только меня резать станут, ты надень самое беленькое платьице, встань около меня. И потом возьми и его закопай в передний угол, это платьице свое. И вырасте красивая-красивая яблонька с красивыми серебряными яблоками.

Ну, и потом, значит, так они ее ненавидют, эту девочку, все эти сестры, что не знают, куда ее, бедну, девать. Она и работает, всё-всё-всё. Все равно мало.

Ну и вот, она плачет, что:

— Не режь, папочка, не режь, дорогой, коровушку. Не надо резать коровушку, — она все равно твердит.

Ну, взяли зарезали корову. Она надела это белое платьице, потом взяла в угол закопала в землю. Утром встали — такое красивое яблоня, такое красивое яблоня — любо глядеть! Ну и потом, значит, они думают: «что ж нам сделать теперь с этим яблонем?»

Едет барин, да и говорит:

— О, какой яблоня у вас красивое.

А этим ее дочерям хотелось, чтоб он их замуж взял, таких страшных. Он говорит:

— Девушки, девушки.

Сидят, как эти, на дворе: распарились на солнце. А девушка эта воду носит да поливает огород, Катенька-то.

— Девушки, девушки, — говорит, — сорвите мне одно яблочко. Больно красивы у вас яблоньки!

Что до яблоньки лезут сорвать — а яблонька так подыметесь, что и никто не достанет.

Оне кричат:

— Отец, сруби яблоньку, чтоб все яблоки попадали.

А этот барин-то и говорит:

— Нет, яблоньку я не разрешу рубить. Такая прелесть, такая красивая яблонька. Из-за одной яблочки вы мне изрежете яблоньку? Нет.

Ну и потом что? И вот она, значит, пришла Катенька эта, пришла, воду принесла. Она красива была девочка, только такая была, как Золушка, грязна, да всё.

— Ты, — говорит, — девочка, не сорвешь мне одну яблочку?

Она говорит:

— Почему же не сорву? Сорву.

Она подошла рвать — она нагнулась, яблонька, к ней. Она сорвала с нее, с ее веточки два серебряных яблочка и подала ему. Он и говорит:

— Тебя как, девочка, звать?

— Меня звать Катенька.

— Катенька, садись со мной, я тебя увезу!

Увез ее домой и взял за себя замуж. И стал с ей жить да поживать, да детей наживать.

26. ГРУШЕНЬКА И БАБА-ЯГА

Жили-были дед да баба. У их была девочка. Девочку звали Грушенькой. Девочки собрались да пошли за ягодами. Пришли к этой бабушке, стали просить девочку Грушеньку с собой за ягодками. Ну, и она пошла с ними. А ходили-ходили девочки, а Грушенька была всех-всех меньше. Она и заблудилась в лесу. Заблудилась, ходила-ходила и конца и края не нашла в лесу. Набрела на Бабу-ягу, костяную ногу, оловянная голова, железный нос в потолок зарос.

Ну и вот, они, когда потеряли эту девочку, плакали-плакали, искали, нигде не могла найти. Пришли домой, стали отцу-матери рассказывать, что:

— Мамочка да папочка, мы потеряли девочку, Грушеньку. Где же нам ее найти?

Она пришла к этой Бабы-яги. Баба-яга лежит. Она испугалась.

— Не бойся меня. Мне кашу вари, меня кашей корми.

Ну, и девочка стала кашу варить да ее кормить. Кормила-кормила. Она и говорит:

— Качай меня в этом короби.

Ну, она ее качает. Качает и поет ей песни:

— Спи, Баба-яга, костяная нога, железная голова!

Баба уснет. Она вышла на завалиночку. Села и сидит, плачет. Идет волк:

— Грушенька, Грушенька, что ты плачешь?

— Как мне, серенький волчок, не плакать? Все девочки домой ушли, а меня Баба-яга оставила у себя. Я заблудилась.

Ну, и тогда что? *(Я не так рассказываю.)*

— Садись на меня верхом, я тебя увезу.

Волк как поскакал, поскакал, поскакал. Баба-яга проснулась, Грушеньки нет. Села на ступу, пестом погоняет да Грушеньку догоняет, пестом погоняет да Грушеньку догоняет. Догнала Грушеньку, набила, набила, посадила в ступу и опять привезла домой.

— Качай меня!

Кушать дает маленько ей, ничего не дает, ничего. *(Это дети будут слушать, дак глаза вывалятся.)* Ну, всё, только «качай меня». Ну, и опять качает, опять песни поет:

— Спи, Баба-яга, костяная нога, железная голова!

Ну, она и уснула. Она опять вышла на завалинку, сидит да и плачет. Идет медведь.

— Грушенька, Грушенька, ты что, девочка, плачешь?

— Мишенька, как же мне не плакать? Все девочки домой ушли, а я заблудилась, на Бабу-ягу набрела. Меня Баба-яга к себе взяла.

— Садись на меня, я тебя увезу.

— Нет, Мишенька, ты тихонечко бегаешь. Волк быстрее тебя и то не увез.

Ну, Грушеньку посадил он на себя.

— Держись мне за уши.

Бегут-бегут, бегут-бегут. Баба-яга проснулась — Грушеньки нет. Села в ступу, взяла пест, пестом погоняет да Грушеньку догоняет, пестом погоняет да Грушеньку догоняет. Догнала Грушеньку, опять набила, набила ее, посадила и привезла домой. Опять: «качай меня». Ну, качала-качала, укачала Бабу-ягу. Вышла на

завалинку, опять сидит, плачет. Идет бычок, нот заткнутый соломой.

— Грушенька, Грушенька, ты что плачешь?

— Бычок, серенький бочок. Я плачу за то, что меня Баба-яга к себе забрала. Остальные девочки домой ушли, а я не могу, я маленькая, заблудилась.

Ну, Баба-яга тогда спит. Посадил бычок ее на себя. Села она, и говорит он:

— Вот будем бежать с тобой. Как до реки добежим, реку я переплыву, на ту сторону реки встанем, Баба-яга будет бежать, а ты мне нос разоткни. *(У его такое лекарство было, яд насыпан, кладен в нос.)* Ты мне нос разоткни. Как на Баба-ягу я фыркну — так Баба-яга в реку упадет и утонет.

Ну и вот. Села она тогда этому бычку на горб, и поехали они. Едет-едут, едут-едут, далеко-далеко уже уехали. Переплыли через речку, и встал бычок.

— Ну, теперь, Грушенька, будем ожидать Бабу-ягу.

Слышат — бежит Баба-яга. Она проснулась, Грушеньки нету. Села на ступу, пестом погоняет да Грушеньку догоняет, пестом погоняет да Грушеньку догоняет. Только до речки:

— Ну, теперь-то я тебя съем, раз ты на бычке. Бычок не увезет.

Он говорит:

— Врешь, Баба-яга, я-то увезу! Вот тебя-то щас не будет.

Встал на тот бережок речки. Баба-яга только к этому бережку подбежала, она выткнула соломку. Ка-а-ак фыркнул яд, и прямо Бабе-яге в глаза. И она вместе с ступой и пестом упала в реку и потонула.

Грушенька приехала на бычке домой. Стала бычка берегти, поить, кормить. И так бычок у ней стал жить.

27. ИВАНУШКА-ДУРАЧОК

Жили-были дед да баба. Дед помер, а бабка осталася. У ней сын Иванушка остался. Он был глупый. Был у них грош один денег. Послала она его на базар.

— Ступай, сыночек, на базар. Купи соли да ложек.

Ну вот, он пошел на базар. Идет на базар. Пришел на базар, купил соли и ложек, много-много ложек купил. Идет с этими ложками. А вороны подлетели к нему и каркают:

— Карр, карр, карр.

— Кумушки, вам кушать нечем? Бедненькие!

Взял и все ложки им расклат на берегу озера. Ну, покушал — вода несоленая.

— Кумушки, вода несоленая, а вы, видно, соленую хотите, что каркаете.

Ну, взял посолил в озере воду. Посолил воду и идет домой. Шел-шел, шел-шел, стая собак бежит. А он и говорит:

— Царство небесно, царство небесно, царство небесно!

Он думал, что покойника несут. Ну, а эти собаки искушали, искушали. Пришел он домой и говорит:

— Мама, мама, там много народу бежит. А соль-то я посыпал — кумушки просили. Они несолену воду не пьют. Я ложки им расклат на бережке озера, а сам домой пошел.

— Ну, ладно. Теперь-то что, сыночек, мы будем с тобой делать? Денег нету, соли нету.

— Ладно, мама, как-нибудь проживем. Вот. А бежат там стаи людей, идут-идут. Я к им кинулся, а посмотри, как они меня сгрызли и одежду всю поели.

— Ой, ты, глупой-глупой сынок. Видно, это собаки. Пойди да возьми палку, да их палкой, палкой хорошенько!

Ну вот, он идет. Раньше гумно такое было, хлеб молотили. Он

идет, видит: на гумне добры [люди] молотят хлеб. Он схватил палку и ну всех палкой лупить. Они опять его набили, набили да вытолкали.

Ну вот, он идет. Идет, пришел домой, опять плакать:

— Мама, а мама, посмотри-ка меня как избили.

— А чего ты говорил?

— Дак люди чего делали?

— А так стукали. (*Это раньше были эти, цепи*). Так стукали, а я их палкой да палкой.

— Ой, ты, глупой, ты, глупой. Ты бы пошел да сказал: «Давайте а вам помогу, добры люди, давайте я вам помогу».

Идет, опять собаки бегут. А он говорит:

— Давайте я вам помогу! Давайте я вам помогу.

Вот эти собаки опять его изгрызли. Пришел домой, опять плачет.

— Да ты бы, сыночек, глупой, сказал бы: «Давайте, собачки бедные, бегите вы сами себе, своей дорогой. А я пойду своей дорогой». Они бы тебя не тронули.

— Ну, пойду так сделаю.

Идет опять. Люди несут покойника.

Он и думает:

— Нет, я тех бил. Надо и этих бить. Я тех бил, мать велела бить. И надо этих тогда бить.

Взял палку и давай людей этих хлестать. Они покойника несут, а он лупить их. Ну, и опять его побили-побили. Он пришел домой, а мать и говорит:

— Да чего ж ты опять-то наделал?

— Мама, там такое несут в ящике. Я взял палку и начал всех бить.

И мать говорит:

— Глупой ты, глупой! Ты бы сказал: «Царство небесно, царство небесно!»

Ну, он опять пошел. Пришел — там пожар. Огонь горит, а он бегаёт кругом людей да кричит:

— Царство небесно, царство небесно!

А люди пожар заливают. Он кричит:

— Царство небесно, царство небесно!

Они опять его полупили. Пришел домой, а мать его и спрашивает:

— Чего опять тебя набили?

— Мамоочка-мамоочка, там такой огонь большой, а я кричу: «Царство небесно!»

— Да ведь это, видно, пожар. Ты бы взял ведро-то у добрых людей да и заливал, помогал.

— Ну, я пойду так сделаю.

Вот идет, человек палит свинью. Он взял ведро и ну этому человеку огонь заливать. Он говорит:

— Ты что сдурел, сумасшедший.

А ён всё свое, заливает. Так и залил у человека огонь. Опять человек его этта, избил.

Он опять пришел домой, опять плачет. Мать и говорит:

— Ты чё?

— А там дяденька такой, четыре ноги, огонь жгет. Я залил огонь, он меня опять избил.

— Ах, ты, глупой, ты, глупой. Ты бы сказал: «Дяденька, дай я тебе помогу, а ты мне кусочек мяска дашь».

— Ну, ладно, пойду так сделаю.

Вот идет, а волк ест теленка, грызет. А он подошел и говорит:

— Дяденька, дай я тебе помогу. Дяденька, дай я тебе помогу!

А этот волк грызится. А он говорит:

— Не сердись, дяденька, не сердись. Дай, я тебе помогу.

Ну, и до тех пор помогал, что волк его всего изгрыз. Он пришел домой и затем он помер.

Сказка вся.

28. ЛУТОНЮШКА

Жили-были дед да баба, был у них сын Лутонюшка. Ну вот, мать стала в печку дрова класть. И уронила полено на пол. Коло печки и стоит, голосит, во всю силу ревет.

— Ой, старик, старик! Кабы был наш Лутонюшка женатый, был бы у него ребеночек, я вот полешко уронила, и ребеночка бы убила. И ребеночка бы не было.

Он приходит да и говорит (*а они такие чудные были все*):

— Мама, ты чего плачешь?

— А вот, дитятко ты мое бажоное. Как бы был ты женатый, вот я полено уронила, твоего бы детеночка убила, тебе было бы горе, а мне бы была беда.

Он и говорит:

— Ну, ладно, мать да отец. Дурнее вас найду, дак к приду. А не найду, дак уйду.

Собрался и пошел из дому. Идет-идет, идет-идет, подходит к одной деревне. Ну вот, он, значит, к одной деревне подошел, там жил господин, кулак такой большой. (*Господá их раньше звали*). Живет господин. Подошел, а барыня-то сидит его, господина-то, на крылечке. Ноги вытянула, а свинья с поросятами ходит. А он дивуется да смеется, что такая интересная. Ведь у них же работали только прислуги, а они сами дурачились всё время. Ну и вот он говорит:

— Что же ты, барыня, так дивуешься, да смешно-то так тебе?

— А вот смотрю на поросят да на свинью.

— Барыня-барыня, знаешь что: я женюсь, дак отдай мне, пожалуйста, свинью в свашки, а поросенок в дружки.

— Пожалуйста. Ой, какой ты дурной. Возьми, возьми.

— Барыня, тогда мне лошадку надо.

— Выведите из конюшни, там лошадь была такая выездная, красивая. Выведите ту лошадь.

Нарядила эта барыня, на свинью платье надела, туфли надела, шарф надела, на поросят одела платья, всё. И потом говорит:

— Вот дурак-то, вот дурак-то, свинью жениться повезет! Вот дурак-то какой.

Тогда он думает: «Ладно, я дурак-то, дурак, а ты-то дак дура».

Ну, снарядила. Ему дала хорошую мужнину шляпу, дала костюм — раз жениться. На ём одёжа плоха. Он взял это всё, к лесу подъехал, свинью зарезал, чтоб она не визжала, поросят зарезал, лошадь привязал и вернулся обратно. Опять свои лохмотья надел и вернулся обратно. А господиново-то там всё оставил. Пришел да и говорит:

— Барин-барин, ты далёко ли собираешься?

— А вот хочу ехать дурака искать.

— Какого дурака?

— Да какой-то тут пришел дурак, обманул мою барыню, что он хочет жениться, да ему поросята надо в дружки, а свинью в свахи.

— Ну, давай, я поеду, найду. Барин, я знаю, где он живет. Отдай мне лошадь, я знаю, где он живет.

Ну и вот, он, значит, тогда взял на лошадь сел на баринову и уехал. Уехал, приехал домой и говорит:

— Ну, дурнее вас нашел.

И домой пришел.

29. ТРИ БРАТА

Жили-были три брата, два брата умных, а третий Иван-дурак. Ну вот. Эти братья стали делиться. Отец с матерью померли, они стали делиться. А один-то брат говорит:

— А что ты думаешь? Наш Иван ни черта не понимает, дак давай мы его отделим. Вот выгоним скотину пасти: сколько у него скотины забежит во двор, столько и будет у его добра.

— Ну, давай так, давай.

Взяли и говорят:

— Ну, Иван, знаешь что?

Он:

— Что?

— А давай, — говорят, — будем делиться. Сколько тебе скотины забежит во двор, столько ты и возьмешь. Хозяйство будет.

— Ну ладно, мне всё равно.

Вот они и погнали, скотину напоили — никто к нему не зашел во двор, никакая рогата скотина, никто. Погнали поить овец, заскочила одна коза на крышу, и та упала и убилась. Он взял эту козу, оснимал, овчину взял и пошел на базар. И вот ходит. Подходит, значит, к одной деревне ночевать. Заходит и говорит:

— Хозяин, пусти меня ночевать.

А сам сидит коло ворот и слушает. Хозяйка с попом дома разговаривают. А он слушает. Поп пришел, кавалер ее был.

— У меня, — говорит, — красное вино есть еще бутылка, в комоди, да есть жареная утка в печке, да есть все напечёно у меня. А ты маленько погоди.

Он всё это выслушал. И этот хозяин приезжает. А поп спрятанный в шкафу был.

Ну, он заходит и говорит:

— Хозяин, пусти, пожалуйста, ночевать прохожего.

— Ну, давай, заходи. Чего. Места-то хватит.

Мужик приехал, она ему поставила кислого молока да картошку в шкурках.

— На, ешь, мужик, садись. Больше у меня ничего нету.

А он так шебарчит той овчинкой-то и говорит:

— Молчи, не твое дело! Молчи, не твое дело! — на овчинку.

Овчинка опять шебарчит. Он говорит:

— Молчи, не твое дело! Не твое дело, молчи!

Этот хозяин спрашивает:

— Что там у тебя такое?

— У меня это всезнайка. Вот она всё-всё знает. Хозяин, разреши, что я хозяйке скажу.

— Пожалуйста!

— У хозяйки есть в комоде вино хорошее.

— Как так?

— Да, хорошее вино. Поповска бутылка.

— Ой-ой, забыла, забыла. Давно стоит, забыла, забыла.

Ну, вытащила она бутылку, поставила на стол. Он и говорит опять:

— Молчи, не твое дело, — на овчинку. — Молчи, не твое дело!

— А чего она опять говорит?

— А она говорит, что у твоей хозяйки в печке утка. Жареная утка в печке.

— Ой, муженек, забыла, забыла вытащить, забыла.

— Да, говорит, что есть вот всё есть в комоде напечённое. Там где-то лежит, наваренное и напечёно.

— Ой, муженек, забыла, забыла. Всё есть, всё есть.

Он тогда и говорит:

— Ну, ладно.

Сидел, сидел — надо и попа сказать. Сидел, сидел и говорит:

— Хозяин, а хозяин!

А он:

— Чего?

— У тебя есть черт в комоде, в шкапу.

— Как черт?

— Да, есть у тебя черт в шкапу. Разреши мне... (*Раньше мазали. Мазилка была, колесова с дегтем такая.*) Разреши занести мне мазилку.

Он говорит:

— Пожалуйста, раз надо, так занеси.

Ну, он занес эту мазилку. (*Такой квач был большой, намотано, тряпка, колеса мазали.*) Открыл и попа облил, обмазал этим дегтем. А потом взял подушку разрезал, всего попа залепил перьями. И поп бегом бежать скорей, скорей по улице. Все испугались, народ, что черт куда-то выскочил. И вот попа он так и отвадил от этой бабы, не стал поп больше ходить.

Ну, и потом приезжает домой. Он большие деньги взял за эту овчинку у этого дяденьки. Приезжает домой и думает: «Что же мне теперь делать? Я сожгу свою избу. Тоже деньги возьму. Пусть братья умные живут».

Братьям и говорит:

— Вот, братья, поглядите, я за одну козочку, за козленка, поглядите, сколько денег взял. А у вас, у дураков, столько скота, и вы не можете продать, денег нажить.

Они взяли скотину всю зарезали, овчины склади на подводы и поехали на базар. Кто спросит:

— Сколько овчинка стоит?

— 700 рублей.

— Да вы что, дурны что ли? Али умны?

Раз брат взял 700 рублей. Ну, они тогда:

— Как мы дурны? У нас брат вот за одну козлиную овчинку 700 рублей взял.

— Дак брат дурной. Да и вы дурны.

И потом, значит, ничего не продали. Приехали, говорят:

— Мы тебе дадим теперь памяти, погоди!

— Нет, братья, не бейте меня, еще маленько погодите.

Зажег дом. Народ бежит, кричит, тушут дом-то его. А он и говорит:

— Не тушите, мое добро горит. Не тушите, мое добро горит.

Так и не стали тушить. Он взял в горшочек угли и пошел на базар. Такой меди наклак сверху. *(Раньше ведь народ неграмотный был, дурной.)*

— Дяденька, чего продаешь?

— Золотые вещи.

Они опять ходят-ходят. Опять подходят, спрашивают:

— Дяденька, что тут у тебя такое?

— Золотые вещи.

— Сколько стоит горшок? *(Вот не глядя.)*

— 500 рублей.

Один и купил купец. Думает: для интересу, что такое за фокус?

Он когда этот горшок продал, приходит, братьям и говорит:

— Эй, братья вы братья, дураки вы дураки. Поглядите, сколько я взял за один горшочек углей денег. А у вас таки дома!

Они давай тоже дома жечь. Жгут дома и бегут и кричат, что:

— Не тушите, не тушите, наше добро горит. Не тушите, наше добро горит.

Сожгли, наклали короба углей и повезли на базар. Кто спросит: сколько угли стоят? — 500 рублей короб.

— Да вы что, сдурели? Али с ума сошли?

— Брат наш один горшок за 500 рублей продал, а мы короб целый.

— Дак и продавайте вы сто лет.

(Ну, потом чё?)

Вот он и говорит:

— Давай, теперь я устрою им еще. Раз я дурак, то и буду дурак.

Приходит домой да и говорит:

— Ну, братья, я теперь жену зарежу свою.

А сам взял кровавой пузырь ей под руку привязал. А братьям говорит:

— Приходите, братья, ко мне в гости в последний раз. Я жену зарежу.

Ну вот. Они, значит, приходят, выпили, всё. Он разбушевался, расхотелся тут, с ума засходил.

— Давай на стол всё! — стучит по столу.

Она носит. Всё наклала полно, всё. Он и говорит:

— Что? Этого ты мне еще не дала!

Она:

— Да нету.

Он как пнет ее ножом сюда, как кровь полилась. Он перевернул ее с боку на бок — она оживела.

— Во, поглядите: оживела моя жена! Вот так и вы делайте. Быстро все на столе будет.

Один тоже напился тут у его. Пришел домой да как пырнул жену, дак и с концом. Второй тоже так, тоже убил свою жену. А теперь они говорят:

— А теперь мы тебя завяжем в мешок и утопим в озере. На кой черт ты нам нужен? Ты нас разорил, всё. Мы утопим тебя.

Взяли, в мешок завязали его. *(А эти братья уж опять оженились.)* До проруби довели, посадили. Нечем затолкать в прорубь. Тогда что делать?

— Давай поедem домой за палками, да затолкаем его в прорубь, чтоб он нам не надоедал. Всё разорил у нас!

Пошли за палками. А едет барин. А он маленько открылся и сидит. Спрашивает [барин]:

— Ты что, Иванушка, сюды залез?

— Ой, барин дорогой! А вот залез, смотрю туды на дно. И в мешке так красиво видать: города все, деревни все, все церкви, все монастыри, всё видать, всё видать, барин, всё видать!

— Затолкай, Ванюшка, меня. Вылези сам.

Он взял, затолкал барина в мешок, а сам вылез. На лошадей сел и приезжает домой. И говорит:

— Вот, братцы, видите, что я сделал: вот у меня тройка лошадей, а вы, дураки, дома сидите даром.

— Ванюшка, дорогой братец, затолкай нас в мешок.

Ванюшка их в мешки затолкал, до озера довез, да их всех и потопил, обоих. Потопил, приходит домой. Жены и говорят:

— Теперь-то мы тебя убьем. Закачаем.

Взяли, веревку привязали, доску сделали на веревку, положили его и давай качать. Качают, да никак не закачают. Не помират.

— Давай мы принесем сейчас эти палки и убьем его.

Побежали. *(Это раньше называли вальки, белье колотить на озере.)* Побежали за этими вальками, убить его. А идет староста. *(Раньше старосты были, по деревне ходили.)* Идет староста. Он и говорит:

— Ты что, Ванюшка, тут лежишь?

— Ой, лежу, дорогой. Как качаться хорошо, дак лучше быть не надо. Прямо лучше быть не надо. Как красиво тут качаться, всё видно, хорошо!

— Ванюшка, слезь, положи меня.

Вот он, значит, когда взял слез, а старосту-то и положил, взял

накрыл с головой. Они принесли вальки, и ну лупить старосту этого. И убили. Старосту убили. А он выходит из-за угла, да и говорит:

— Что вы, кого убили? Попалися, теперь-то я вас обеих посажу.

Открыли старосту.

— Ой, Ванюшка, дорогой, милый, никому не рассказывай, никому не говори. Любую из нас замуж бери, полхозяйства бери, только никому не рассказывай!

Так Ванюшка женился, стал жить-поживать да добра наживать.

Всё.

КОЛГОСТРОВ

МАРЬЯ ЕГОРОВНА БОЛТУШКИНА

30. ПРО БОГÁТЫРЕЙ

В некотором цярстве, некотором государстве жил купец. У купца был один сын, и того взяли в солдаты. Он три года в солдатах служил. Пошел домой. И приходит в город, а город был сделан волшебниками так, что был весь во мху.

И потом королю доложили, что пришел служивый. И зовут его:

— Если этот город очистишь, то свою доцьку за тебя отдаю и потом королевство. А служба три ночи всего на посту постоять.

— Не выходи из церты, а то тебя могут розорвать.

Только в городе огни потухли, и все спать легли — нашло столько цертей, будто войско, и приступают к нему:

— Мы тебя сменим, Вася.

А он говорит:

— Нет, я три года служил, измены не делал, а и теперь ее делать не хочу.

А оны к нему все приступают. Он ужаснулся и еле ночь простоял.

Поутру приезжает за ним карета. А у народа головы показались по плечам, а крыши на хоромах очистились.

Привезли его домой, хотят его наградить. Он день пил-гулял, а на втору ночь опять его приводят.

— Ну, в эту ночь тебе еще больше муки будет, да только ты крепись, из церты не выходи.

Этот Василий опять ночку скоротал. Опять, в городе как огонь потушили, и все спать полегли, нашло столько цертей, будто войско. Опять черти понаскакали больше, чем раньше. Они говорят:

— Мы даем тебе кошелек-самотряху, что тебе будет надо — то все будет готово, как кошельком тряхнешь.

Они бросили, он левой ногой заступил, а они забыли, что ему дали.

Ночку он опять простоял. Только крещеным выстать — никого не стало. И опять приезжает за ним карета. И что он хочет — все ему готово. И по окнам уж мох скатилсе, а у народа мох только по ногам.

Тут его король не знает, чем и ладить. Приходит ноцка, его опять приводят за город:

— Ну, Вася, крепись. Теперь остатняя ночь.

Этот Василий стоит преспокойно. В городи огонь потушили и все спать полегли, нашло столько цертей, будто войско, в три раза больше, чем в остатнюю ночь.

— Мы сменим тебя, Вася.

А он говорит:

— Нет, я три года служил, измены не делал, а и теперь ее делать не хочу. Нет, робята, остатняя ночь моя, потом хоть век стойте, все время ваше будет.

Ночь прошла, опять стал вставать народ в городи — потерялисе церти. Опять приехала за им карета. Король затеял почесной пир, выдает доць за него. Только свадьбу провели, она говорит:

— Ну, ты, Вася, ложись спать, я поеду к своему папы. А это не папа мой был, а принц, я была у него завоевана и заколдована. Я поеду к папе недолго, сказать, что я свободна. А если ты по мне стоснёшься, приди к дедушке этому.

Этот Васенька сам себе умом и думает: «Ах, я дурак, отпустил ее от себя, поеду-ка я ей вслед».

Приходит к дедушке, а тот сам знает, зачем он пришел:

— Стоснулсе, — говорит, — Васенька по хозяйке. У тебя есть жеребец, Вася, дома. Пойди сдери с него шкуру, принеси е сюда, а потом я тебя отправлю к хозяйке.

Ну вот, он пришел домой, заколол шкуру, принес ее дедушке. Тот пошел с ним к озеру. Вдел в эту кожу стеклоко, врезал, ему глядеть. Посадил Васю в эту кожу и зашил. И говорит:

— Птица прилетит и стащит тебя, Вася, в этот город.

Могуль-птица прилетела, когти вцепила в кожу и полетела. *(А дед ему наказал еще: как птица станет спускаться, ты крикни изо всей силы, она тебя опустит, кожа лопнет, ты и выйдешь, а то она тебя расклевает).*

Вот эта Могуль-птица притащила его в город, он видит в стеклоко, что они опустились низко. Крикнул изо всей силы. Птица опустила его, шов лопнул, он и вышел.

Пришел в город, там в крайней избушке мужичок с женщиной, детей у их нету. Он подавалсе у их постоять. Вышел, идё по городу. Увидел, в городе три богатыря распяты на кресте, и подписано, что «кто идё, этим богатырям плевать в глаза».

Он и пришел к этому хозяину и говорит:

— А какая у вас в городе безобразия. Три богатыря распяты на кресте, и подписано, что «кто идё, этим богатырям плевать в глаза». А их надо похоронить. Иди к королю и скажи, что пусть мне позволит их похоронить.

Хозяин пришел к этому королю и говорит, что:

— Этот служивый у меня хочет богатырей похоронить.

И король смеется, говорит:

— Пусть 12 бочек золота принесет, тогда и похоронит их, а не принесет 12 бочек золота, не похоронит их.

Этот Василий опять его и послал:

— Пускай бочки выкатывают, куда золото класть. К утру золото будет. Только пусть позволит мне тела похоронить.

Этот король приказал слугам бочки класть. Василий пришел, потрянул кошельком-самотрясом и все 12 бочек наполнил, и еще немного потрянул, чтобы ему глаза были полны⁷³.

И позволил он ему хоронить богатырей. Он собрал в городе людей, слил три золотых гроба и похоронил их.

И лег Василий отдохнуть. И приходит один богатырь:

— Спасибо, Василий, что ты похоронил нас, земли-матери смертное тело придал.

За это дал ему свой волосок.

— Выдь в любое время: «Бурушко-Сивушка, вещий воронюшка, стань передо мной, как лист перед травой». Он перед тобой и будет.

И вдохнул ему в рот богатырской силы.

Только тот уходит, другой богатырь его благодарить приходит. Дал ему опять волосок и богатырскую силу. Только тот богатырь уходит, третий богатырь приходит таким же манером благодарить его за то, что похоронил мертвое тело. Дал ему мець:

— Нигде тебе с ним победы⁷⁴ не будет.

Пробудилси Васенька — у него в одном кармане волосок да

⁷³ Чтобы королю хватило за глаза (примечание собирателя. — А. Л.).

⁷⁴ Поражение, от «беда» — «победа», ср. в плачах «победная головушка» (примечание собирателя. — А. Л.).

в другом, а рядом мечь лежит. Вот этот Васенька и слышит сам в себе, что у него сила стала богатырская. Глянет в окно и скажет:

— Ах, хозяин, война ведь у нас, принецъ приехал воевать.

Хозяин и говорит:

— Пойдем, Вася, посмотрим, как будет воевать.

А Вася говорит ему:

— Нет, хозяин, я боюсь, труса праздную. Я хоть на службе и был, не осмелюсь туда пойти.

Ну, хозяин отправился один. Вася осталсе дома. Только он вышел, Вася за ним вышел в поле. Да крикнул по-богатырски, свистнул по-молодецки:

— Батюшкины слуги, матушкины служанки, как батюшку и матушке служили, так и мне сослужите. Бурушко-Сивушко, вещей воронеюшко, стань передо мной, как лист перед травой.

Конь бежит, только мать-земля дрожит. Конь прибежал, стал на колени. Васенька сел на него и поехал воевать. Едет — озера меж ног пропускает. У него дубинка дана у чертей: острым коньцем в воду толкнет — у его несметна сила войска стала.

Этим войском он всех войсков принца пленил, только сам принецъ едва уехал.

Король захотел его поблагодарить и не видел, как он куда поехал — скрылся.

Потом приехал, перед чистоем полем коня спустил и входит в дом. А хозяин говорит ему:

— Ах, Васенька, ты не видал, как богатырь приехал, как воевали.

— А что делать, как я боюсь.

Легли отдыхать. Только посмотрят — этот прынецъ опять войска вдвое надвинул, опять воевать.

Он и говорит, этот хозяин:

— Вася, пойдем со мной, посмотришь, как воюют.

— Я боюсь, не смею, не поеду, иди один.

Ну, хозяин отправился один. Вася осталсе дома. Только он вышел, Вася за ним вышел в поле. Да крикнул по-богатырьски, свистнул по-молодецьки:

— Батюшковы слуги, матушкины служанки, как батюшку и матушке служили, так и мне сослужите. Бурушко-Сивушко, вещий воронеюшко, стань передо мной, как лист перед травой.

Конь бежит, только мать-земля дрожит. Конь прибежал, стал на колени. Васенька сел на него и поехал воевать. Дубинкой этой, острым концом ткнул в землю — надвинулось войска в три раза больше, чем у принца.

Все войско его разбил, и принца к хвосту коня привязал, и один пепел только стал у него. Король опять хотел поблагодарить его, да не видал, куда скрылся он, уехал этот богатырь. А потом и споминал:

— Видно, не простой человек насыпал мне 12 бочек золота.

И пошел к этому мужичку, у которого Васенька спал. А Васенька лег спать на трои сутки.

Посланные короля и спрашивают:

— Не тот ли есь богатырь? Какой он есь?

А хозяин говорит:

— Я не знаю, какой есь у меня целовек, а только третьи сутки спит без просыпу.

Король говорит:

— Верно, не простой целовек, а богатырь, коли спит третьи сутки.

И поставил вокруг дома стражу.

И потом этот Васенька пробудилсе. Посмотрит — кругом стража.

— Что же, хозяин, это кругом стража?

— А это король до тебя добирается. Думает, не ты ли это воевать ходил? А я не знал, что ему сказать. Ты ли?

— Эх, поздно ты хватилсе.

Этот хозяин прибежал к королю и говорит ему, что Василий пробудилсе.

Вдруг король приезжает к нему благодарить и зовет к себе в гости. Ну, угостил его, выпили изрядно. И потом стал этот Васенька говорить:

— Сколько я мытарства принял, добралсе до своей жены, до королевны, а теперь она уехала и пришлось мне горе принять.

А жена его узнала.

— Не тот мой богосуженый, который воевать ездил, а этот мой муж, богосуженый, который рядом сидит.

Ну, они познакомились, и продолжалсе пир. Потом пошли они в поле, и Васенька говорит:

— Ну, зять, хочешь посмотреть мое войско, оно друго будет, не как твое.

Дубинкой, вострым коньцом в землю воткнул, да тот и ужаснулся — сколько войска нашло. Выткнул дубинку — и скрылось войско.

— А вот, — говорит, — тебе мое царство, живи с Богом, и все теперь твое.

Стали теперь жить-поживать, добра наживать. До сих пор живет и нас переживет.

Сколько знала, столько сказала. Половину манила, другу позабыла.

МАРФА МАКАРОВНА УШКОВА

31. ПРО ФИФИЛИСТА

Не в котором царстве, не в котором государстве, именно в том, в котором мы живем, на гладком месте, как на бороне, верст за двести в стороне. Это не сказка, а присказка, а сказка будет в субботу после обеда, когда поедем мягкого хлеба.

Раньше жил-был старичок и старушка. У них были паренек да девушка. Ну, мужичок да бабица заболели, обои умерли, а мальчик да девочка остались. Девочка осталась маленькая совсем, в зыбке качалась, а паренек был поболее. Ну вот. Этот братец с сестрицей до того добился, что она никак не спит. А потом, кто его знает, что ему на ум взбрело? Он:

— Спи-спи, сестрица, спи-спи, родима. А вырастешь большая, за Филиста ясного сокола замуж отдам.

Сестрица заспала. Стала спокойно спать, и братец вырос и все забыл, и думает, что и сестрица забыла. Сестрица жила да была до своего возраста, до двадцати годов выросла и говорит:

— Вот что, братец, ты мне как сулил жениха, дак и подай!

— Да ты что, сестрица, я где жениха возьму тебе такого?

— Да ты почто выдумал это место? *(Запомнила.)* Ну, братец, что делать?

— Давай, сестрица, вытопи баню. Да в баенку схожу намоюсь, да вечерком пойду, куда голова понесет, искать.

Ну вот и пошел. Баенку стопила сестрица, намыла да наладила братца. Он и пошел, куда голова понесет. Шел-шел, близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, скоро сказка сказывается, по своим успехам дело деется. Попадает старичок встречу.

— Далеко ли, молодой человек, пошел?

— Ой, дедушко, не спрашивай ты меня. Остались от батюш-

ка да от матушки двое молодых, маленьких — я поболе, а сестренка совсем в зыбочке. И что мне на ум пришло? Сестры никак усыпить не могу, а что мне на ум: «Спи-спи, сестрица, спи-спи, родимая, вырастешь большая, за Фифилиста ясного сокола замуж отдам». А нынь где? Она требует жениха, а где я возьму?

— Пойди, дитятко, не печалься, это все дело будет, выйдет. Пойди домой, завтра пусть сестрица баньку вытопит, сходит в баенку намоется, наладится, и после солнца выведи на крыльцо сестрицу. Выведи, накрути да намой, прикатится карета золотая и тройка коней. И сестрицу посади, и пусть куды лошадки повезут — туды и ладно. Пусть только не тпрукат и не нукат.

Ну, ладно, братец пришел. Сестрица:

— Ну что, братец, нашел ли жениха?

— Нашел. Вот так и так, сестрица.

Ну, сестрица баенку вытопила да с братцем в баенку сходил, да братец накрутил да намыл, да вывел на крылечко, карета прибежала, кони — три лошадки. Ну, братец распростился с сестрицей, да поплакали.

— Ну, сестрица, поезжай, не тпрукай и не нукай, куды тебя кони эти повезут — туды и ладно.

Ну, кони разбежались. Ехала долго ли коротко, скоро сказка скажется, а по своим успехам все деется.

Кони разбежались, матушка, на такой сарай, дак везде свечи и лампы и все-все горит. И нигде никого. Ну, эта девушка вышла, видит — фонари горят да лампы, да свечи. Она пришла в избу. Стоит чаша с двенадцатью ростками, из каждого ростка деньги, печенье и кушанье. Нигде никого. Кроватька. Она поела-попила да спать свалилась. Все загасло. Огоньки все. До двенадцати часов она все не спала. Ну, а потом и заспала, видно. Слышит-послышит, мало-помалу идё, как пощупает — к ней

свалилось, как пощупает — дак весь в шерсти. Весь, всё так в шерсти!

— Ой, мне, беднушке, тошнешенько!

Ну, она все-таки не говорит да не бает. Все-таки ничего. И он не говорит. Утром, как только он ушел, и свечи эти загорелись, лампадки все. Ну, она опять выстала, поела-попила и ей скучно, матушка.

— Пойду-ко схожу, где-нибудь кого увижу, не найду ли кого? Кто тут ко мне приходил?

Еще пуще расстроилась. Ходила да была, на задворке там увидела: маленькая-маленькая избушка. Халупка там, вся мохом зарослась.

— Господи Иисусе, помоги, Господи, зайти да выйти с этой избушки!

Отворила дверь. Сидит старуха на стуле, мотает желтые пули.

— Фу-фу-фу, русский дух. Слухом не слухано, видом не видано, в очи копает, с избы вон пихает. Чего ты, дитятко, сюда пришла?

— Ой, бабушка, будь ты добра, вот так, вот так и так, — говорит, — меня такая судьба сюда занесла.

— Ну, дитятко, занесла.

— А ночесь, — говорит, — бабушка, ко мне кто-то приходил, дак.

— Это к тебе он и приходил. Он красавец-красавец, да и писанный. Это Фифилист ясный сокол.

Она:

— Бабушка, дай ты мне спичечку, я хоть чиркну; он заспит, как урандат, дак ничего не слышно. А я посмотрю.

Она говорит:

— Нет, дитятко, я тебе не даю. У него одна волосинка золотая, друга серебряная. А ты зажгешь, дак боле тебе и не видать.

— Да что ты, бабушка, уж не сожгу, дай посмотреть!

— Ну, я тебе даю горшочек да спичечку. *(Две дала спичечки.)*

Ну, смотри, аккуратнее, — старуха-то говорит.

Ну, она пришла, поела-попила, свалилась. Это все уходилось, все огоньки загасли, она свалилась. Спала ли, не спала, лежала. Слышит, что пришло к ней. Пришло, свалилосе к ней. Тут дружно, да и все.

Ну, она, матушка, глядела да была, да не терпитя. Он заурандал, она как чирне! Дак из красавцев красавец, да писаной, такой красивый. Ой, дак она опять, опять: «давай-ко еще погляжу». Как еще чирнула, искринку снесло, да и волосинка сгорела.

— На, — говорит, — подружка, не увидела в три ночи, да не увидишь ли нет и в три года.

И повернулся, и все ушло. И это все потерялось, чаша и... Ой! Огоньки боле не горят. Не стало ничего. Она опять к этой бабушке, к задворенке.

— Вот, дитятко, я тебе как говорила? Нынь ты три года будешь мучаться. Как не умела в три ночи. Так бы три ночи, да и твое счастье.

— Ну, бабушка, как мне-ка добратся?

— Вот, поди в кузницу, скуй три клюки железных, три кромки хлеба, три шляпы и трое лапти железных. Когда эти клюки сломаются, лапти сдержатся, кромка съестся хлеба железного, тогда только ты придешь к моей сестры. Моя сестра живет. Зайдешь ты, она тебя таким же манером спросит, что: «Фу-фу-фу, русский дух, слыхом не слыхано, видом не видано, в очи копает, из избы вон пихает, чего ты дитя идешь?» А ты придешь к избушке, скажи: «Избушка-избушка, повернись туды лицом, а сюды крыльцём». Избушка еще стоит на курьей ножке, на кошачьем хвосту.

Она пришла. Сходила в кузницу, сковала это место всё. По-

шла в путь. Лапти обула, клюку взяла, ну и пошла, куда голова понесет. Шла-шла, близко ли, далеко, низко ли, высоко. Скоро сказка сказывается, по своим успехам дело деется. Пришла, стоит избушка на курьей лапке, на собачьей пятке, на ко́шачьем хвосту.

— Избушка-избушка, повернись туды лицеем, а сюды крыльцём!

Избушка повернулась.

— Пособи, Господи, зайти и выйти.

Пришла, сидит старуха на стуле, мотает желтые пули.

— Фу-фу-фу, русский дух, слыхом на слыхано, видом не видно, в очи копает, из избы вон пихает. Чего ты, дитя, идешь?

— Бабушка, не учись спрашивать у холодной, у голодной. Учись накормить и напоить. И через половицу спрашивать.

Старуха пернула, стол поддернула, бздюкнула. Щей наварила, накормила, напоила, спать повалила. Ну, она и рассказала ей. Ну вот.

Дак, вишь, еще первая-то сестра дала ей пялица золотые. *(Что он у Яги-бабы в крепких руках, что ей не вырвать.)* А другая дала мотовильце золотое. Ну, опять старуха выстала поутру, блинов напекла.

— Вставай, дитятко, не сном дорожка, а заботой да печалью.

Он у Яги-бабы в крепких руках. Она, вишь, три года прошла, а нынь третий. Пойдѣ к остатней к ихней сестры. Ну, она опять лапти наклала да клюку взяла, да кромку хлеба и пошла. Шла-шла-шла, близко ли, далеко, низко ли, высоко, скоро сказка сказывается, по своим успехам дело деется. Пришла. Стоит опять избушка на курьей лапке, на собачьей пятке, на ко́шачьем хвосту.

Она:

— Избушка-избушка, повернись туды лицѣм, а сюды крыльцѣм.

Избушка повернулась.

— Пособи, Господи, зайти да выйти.

Пришла. Сидит старуха на стуле, мотает желтые пули.

— Фу-фу-фу, русский дух. Слыхом не слыхано, видом не видано, в очи копает, из избы вон пихает. Чего ты дитя сюда пришла?

— Вот, бабушка... — она все рассказала, чего сюда пришла.

Ну, она говорит:

— Вот что, подружка: он у Яги-бабы в крепких руках. А вот вечером он с Яги-бабой пойдет гулять, а я тебе даю прялочку золотую да это веретешечко, да кудельку. Ты сядь на крылечко да и пряди. А Яги-баба к тебе подскочит: «Ой-ой, какая прялочка хорошая да веретешечко, да куделька! Отдай ты мне, отдай». А ты скажи, что не отдажно, а заветно. «А какой завет? — Отдай Фифилиста ясного сокола ночку проспять. — Да будто я тебе не даю!»

Ну, она сидит ввечеру да прядет. Вдруг Яги-баба и идет. Она как поглядит, дак он из красавцев красавец. А с Яги-бабой идет. Яги-баба и подскочила.

— Ой, какая прялочка хорошая! Отдай ты, девушка. Да веретешечко.

— У меня не продажно, а заветно.

— Какой завет?

— Отдай Фифилиста ясного сокола ночку ночевать

— Да что: будто жалко! Приходи вечером, приходи.

Эта Яги-баба привела его домой, этого Фифилиста ясного сокола и давай его вином поить. Напоила она его да в спальню втащила. И спи. Он до того натюкался, что ничего. Она пришла, прялочку принесла да веретешечко. Она его и так и сяк, а он и не чувствует, спит. А она поутру выстала да блинки стала печи:

— Стуки-брики по полкам, ступай, бл..., вон!

Ну, она ушла, бедная. Заплакала.

— Ой, тетушка, ничего не могла.

Та говорит:

— Вот девка, не шутя ты у Яги-бабы возьмешь его.

Вот на другой день сидит. Взяла мотовильце да прялицу, моет. А Яги-баба пошла гулять. Говорит:

— Ой-ой, какое мотовильце хорошее да прялица! Отдай ты мне.

— Отдать? У меня не продажное, заветное. Дай мне Фифилиста ясного сокола ночку проспять.

— Ой, да будто не дам! Приходи.

Опять пришла да давай его вином поить. Напоила, втянула в спальню. Спи! Она и иголочку взяла, и булабочку. Он спит. Тыкала. Он спит своим богатырским сном, она ничего сделать не может. Ой, беда!

Опять та блинки печет:

— Стуки-брики по полкам, ступай, бл..., вон!

Ну, она, бедная, пошла. Еще одна прялица осталась. Эта тетка и говорит:

— Вот что — *(как она пошла гулять с Фифилистом ясным соколом, Яги-баба)* — пойдика сюда.

Он подошел.

— Тебя Яги-баба поит вином?

— Поит.

— Не пей. Ты не столько пей, сколько за рукав лей. Дак увидишь боле добра.

Ну, она привела его и давай вином поить, и давай! Он не пьёт, а все за рукав льёт. Он не пьёт, а все за рукав льёт. Ну, и будто что и пал огрузной. Она его и потянула в спальню. Ну вот, как эта девушка пришла потом, пельца-то принесла, да...

— Ну, поди, поди в спальню.

Она только пришла, только тыкнё, а он и встал, выскочил. (*Не пьяный был.*) Ну, они друг другу обрадели. Он рассказывает:

— Как ты могла сюда попасть? Да как ты могла?

— А вот столько-то я железа съела, три кромки, столько клюк-то и лаптев, лаптей-то сдержала, — она рассказала.

Опять поутру Яги-баба блины пекёт, да кидат, да.

— Стуки-брики по полкам, ступай, бл..., вон!

Она говорит:

— Скажи: ты бл... или я бл...? Котора бл...?

Она опять:

— Стуки-брики по полкам, ступай, бл..., вон!

Они остались с ней. А Яги-бабу привязали к трем жеребцам (*некладь!*) да растащили по чистому полю. И нын живут, и нас переживут. И там я была, пиво пила, в рот не попало, и жопу-то всю раскопало.

КУГАНАВОЛОК

СВЕТЛАНА БОБКОВА

32. МАША И МЕДВЕДЬ

Жил дед и баба. Была у них внучка Машенька. Однажды подружки пошли в лес по ягоды. И зашли к Машеньке.

— Пойдем, Машенька, в лес за ягодами!

Вот Машенька спросилась у деда и бабы. Дед и баба говорят:

— Иди, Машенька, только не заблудись!

Они пошли. Идут, ягодка за ягодками, грибочек за грибочком, и ушла далеко в лес. Аукали подружки Машеньку, а Машенька не откликалась. Аукала Машенька подружек — подружки не откликаются.

Видит — избушка на курьих ножках. Зашла в избушку, села на скамеечку и заснула. Приходит медведь:

— Фу-фу, человеческим духом пахнет.

Зашел в избу, а там Машенька.

Сел тихонечко на скамейку с ней рядом. Да и сидит тихо, даже не шелохнется. Как Машенька проснулась, да как закричит. А медведь и говорит:

— Тише, Машенька, я тебя не трону. Будешь мне пироги печь, суп варить и всё-всё готовить.

Машенька и говорит:

— Завтра спеку пирогов, и отнесешь деду и бабы.

Вот медведь стал дрова носить, а Машенька готовить пироги, в мешок складывать. Положила туда на тарелочку, еще приложила, села в мешок, на себя пирогов наложила, завязала мешок. Медведь пришел, навалил на плечи:

— Ух ты, как тижало!

И пошел. Весь устал, говорит:

Сяду-сяду на пенёк,
Съем-съем пирожок!

А Машенька из сумки:

Не садись на пенёк,
Не ешь пирожок!
Неси бабушке, неси дедушке!

Ну, медведь и пошел дальше. Говорит:

— Ух, какая...

Говорит:

Сяду-сяду на пенёк,
Съем-съем пирожок.

А Машенька из сумки:

Не садись на пенёк,
Не ешь пирожок,
Неси бабушке, неси дедушке!

Ну, медведь пошел, говорит:

— Ух, какая!

Идет, весь устал. Говорит:

Сяду-сяду на пенёк,
Съем-съем пирожок.

А Машенька из сумки:

Не садись на пенёк,
Не ешь пирожок,
Неси бабушке, неси дедушке.

Он и пошел. Говорит:

— Ух, какая!

А уже совсем близко от деревни. Пришел в деревню, а там на него собаки бросились. А он мешок бросил, да бегом. Собаки разорвали мешок и за ним. А Машенька вышла из сумки, пошла к дедушке и бабушке.

ОЛЬГА СЕМЕНОВНА ДАНИЛИНА

33. МАРЬЯ-ЦАРЕВНА СПÓРОДИЛА СЫНА

Марья-царевна
Спóродила сына.
Как зовут сына?
Сын Алексей.
Как зовут дочушку?
Марья-калитушка.
У этого сына
Трои сини.
Кошка бежала,
Часы обронила.
Где эта кошка?
В дом ушла.
Где этот дом?
Вода залила.
Где эта вода?
Быки выпили.
Где эти быки?
В горы ушли.
Где эти горы?
Черви выточили.
Где эти черви?
В березняк ушли.
Где тот березняк?
Девки выломали.
Где эти девки?
По замужьям ушли.

Где эти замужья?
У Бога в большом кошеле
И в широком бураке.

34. ПРО АСТРОДАМУШКУ

Жил-был старик да старушка, у них был старик Астродамушко. Этот Астродамушко был немножко так, ну как бы, с головой было у его немножко не в порядке.

Он пошел в лес, сел на сосну и стал рубить. На котором суку сидит, тот сук и рубит. Пришла мама его искать и говорит:

— Астродамушко, ты неправильно делаешь, ты сейчас упадешь.

Он говорит:

— Ну, упаду, дак встану.

И мать ушла домой. Он встал с дерева, срубил такой козел, на котором раньше дрова пилили, поперечной пилой. И принес этот козел домой, закопал в подполье. И пришел, мамы и говорит:

— Мама, я попа убил.

Мать испугалась и говорит:

— Что ты, батюшко, что ты наделал? Батюшка убил. Разве так можно? Где он у тебя?

— Пойдем, мама, я тебе покажу.

И зашли они с мамой в подполье. И он раскопал этого козла деревянного. И говорит:

— Вот вам батюшко с рогами, вот вам батюшко с рогами.

Ну, мама сказала:

— Ну, Астродамушко, ты меня и напугал.

Вот и сказка вся.

АКСИНЬЯ ДМИТРИЕВНА ЕГОРОВА

35. ПЕТУШОК ДА КУРУШКА

Петушок да курушка ходили, нашли зёрнышко. Петушок говорит:

— Курушка, ты склюй!

— Нет, ты, петушок, склюй.

— Нет, ты, курушка, склюй!

— Нет, ты, петушок, склюй.

Петушок склюнул и задавился, на завалинку спать повалился.

Пошла курушка к реки.

— Река-река, дай воды, вода снести к петушку, петушок подавился, на завалинку спать повалился.

— Нет, пойд-ко попроси вот у липы листу.

Она пришла:

— Липа-липа, дай листу. Лист нести к реке, река дает воды, воды снести к петушку: петушок задавился, на завалинку спать повалился.

— Нет, поди-ко попроси у коровушки маслица.

Она пришла:

— Коровушка, коровушка, дай мне-ка маслица. Маслица снести к липы, липа дает листу, лист снести к реке, река даст воды, вода снести к петушку. Петушок задавился, на завалинку спать повалился.

— Нет, поди-ко попроси у девушки пояска!

Она пришла:

— Девушка, девушка, дай пояска. Поясок снести липы, липа даст листу, лист снести к реке, река даёт воды, вода снести к

петушку. Петушок задавилсе, на завалинку спать повалилсе.

— Нет, поди-ко попроси у сенокосцов сенца.

Она пришла:

— Сенокосьцы вы, сенокосьцы, дайте хоть сеньца. Сеньцо снести коровушке, коровушка даст маслица, маслица снести к девушке, девушка даст поясок, поясок снести липы, липа даст листу, лист снести к реке, река дает воды, вода снести к петушку. Петушок задавилсе, на завалинку спать повалилсе.

— Нет, ты поди-ко попроси у кузнецов коски.

Ну, она пришла.

— Кузнецы, вы, кузнецы, дайте-ко коску. Коску снести к сенокосцам, сенокосцы дают сенцо, сенцо снести к коровушке, коровушка даст маслица, маслице снести к девушке, девушка даст поясок, поясок снести к девушке, девушка даст поясок, поясок снести к липы, липа даст листу, лист снести к реки, река даёт воды, вода снести к петушку. Петушок задавилсе, на завалинку спать повалилсе.

Кузнецы говорят:

— Поди сходи к угольникам, попроси угольку.

— Угольники, угольники, дайте-ко уголья. Уголья снести к кузнецам, кузнецы дают коску, коску снести к сенокосцам, сенокосцы дают сенцо, сенцо снести к коровушке, коровушка даст маслицо, маслицо снести к девушке, девушка даст поясок, поясок снести к липы, липа даст листу, лист снести к реке, река даст воды, вода снести к петушку. Петушок задавилсе, на завалинку спать повалилсе.

— Нет, поди-ко сходи к дровосекам, выпроси дров.

Она пришла:

— Дровосеки вы, дровосеки, дайте мне-ка дрова. Дрова снести к угольникам, угольники дают уголья, уголья снести к кузнецам, кузнецы дают коску, коску снести к сенокосцам, сенокосцы

дают сенцо, сенцо снести к коровушке, коровушка даст маслица, маслице снести к девушке, девушка даст поясок, поясок снести к липы, липа даст листу, лист снести к реке, река даст воды, вода снести к петушку. Петушок задавился, на завалинку спать повалялся.

Ну, река дала воды. Да она принесла воду, да петушку-то линула, да петушок:

— О, как долго я спал!

— Ой, кабы не я дак, ты бы всё бы спал.

36. ВОЛШЕБНАЯ ОСИНА

Жили два брата. Один был богатый, а другой бедный. Ну вот. Один до того дожил, что у его не было ни хлеба, ничего. А сестра и говорит:

— Шел хоть бы брату давалсе дров рубить.

Ну, они и пришел:

— Братец, возьми-ко меня дров рубить.

— А поди, — говорит, — там у меня работник отправлен, дак поди работай.

Ну, ён пришел.

— Здравствуйте, робята!

— Здравствуй!

— Робята, возьмите-ко меня дров порубить.

— А поди, в осиннику много там, — говорит, — поди.

Он пришел, в осинину топор:

— Матушка-осина, дай мне-ка хлеба.

Осинина раскололась, ему вытянула буханку хлеба.

— На, — говорит, — будет тебе и детям твоим.

Ну, ён пришел домой, этой кромочки нарезал. Резал-резал,

неделю едят и другу неделю едят. Про эту кромочку узнал богатый брат. Пришел:

— Ой, братец. Дай ты мне, — говорит. — Старуха мало хлеба сегодня испекла, а работников набрал, кормить нечем. Дай ты мне кромочки.

— Нарезь, сколько тебе надо хлеба-то.

— Старуха спекёт, дак отнесу.

Ну, ладно. Он нарезал стол и пристенок, и ящик, на столе и везде, в сундуку. Резал-резал, а кромочка все не убывает.

— На, — говорит, — а только отнеси.

— Ну, давай, отнесу, отнесу.

Ну, ладно. Опять жили-жили-были, да этот хлеб-то весь и съели, и хлеба нету. Опять день живут голодом, другой живут голодом. Сестра и говорит:

— Хоть бы шел к брату, давалсе дров рубить.

Ну, пришел:

— Братец, возьми-ко меня дров рубить.

— А поди, — говорит, — у меня там работники отправлены, возьмут дак.

Ён пришел:

— Робята, возьмите-ко меня дров рубить.

— А поди, в осиннику много там, поди.

Он пришел, в осинину топор ударил:

— Матушка-осина, дай мне-ка денёг.

Осина раскололase, ему выкинула котомку с деньгами.

— На, — говорит, — будет тебе и детям твоим.

Ну вот. Ён домой пришел. И опять живут. И неделю живут, и другу живут, и все время трянут котомочку, а сумочка полная опять с деньгами. Про котомочку узнал этот брат богатый. Пришел:

— Ой, братец, будь добрый! Поезжаю за море торговать, а

сумки нету. Заказывал сумку сошить, — говорит, — а сапожник еще не сошил. Дак дай мне сумки.

— Что ты, братец, у меня одна сумочка, да ты и тую...

— Да что ты, я приеду, дак тебе отнесу, — говорит.

Ну, ладно.

— На, — говорит.

Натряс денег сундук. Ходил да был, да опять все издержал. Ну, ладно. Опять денежки вышли. Брат приехал, эту сумку принес, натряс с этой сумочки-то деньги. Принес:

— На, братец!

Он держал-подержал, да все издержал. Всех нет, а у его и ничего. Така котомочка. Ну, ладно. Опять день голодом да другой живут голодом. Вот эта, сестра-то:

— Пошел бы к брату, давалсе бы рубить дров. В роботники, — говорит. — Нет, дак у тя исть-то нечего.

Он пришел:

— Братец, возьми-ко меня на работу.

— А поди, у меня роботники отправлены, коль возьмут дак.

Он пришел, вдруг топор в осинину:

— Матушка-осина, дай мне-ка ума, — говорит.

Ну, осинина расколосе, выкинула большую котомку.

— На, — говорит, — ума наберешься. А только не забудь сказать, что «К матери в котму».

Ну, ён пришел домой, обрадовалсе. Пришел, да в угол клал.

— Матушка-котма, дай мне-ка ума!

Вдруг выскочило три молодца. Волосы густые, парики густые, плетки толстые. И начали его бубенить, и начали его бубенить. И до того его добубенили, что ён чуть живой остался. И потом вспомнил:

— К матери в котму!

Ну, и все зашли к матери в котму.

Ну, ладно. Брат опять и узнал: у его как котма-то дават ума-то.

Пришел:

— Братец! Я поезжаю за морё торговать, а ума мало. Дай ты мне, как ума набратсье.

— Да что ты, братец! Мне, — говорит, — только одна котма дават ума, у тую ты у меня... Сумочку взял — мне не отнес, кромочку взял — не отнес.

— Я ума наберусь, дак я тебе принесу.

— На-на.

Ну, ён ему не сказал, что «к матери в котму» говорить.

— Ну, придешь да поставь, да скажи: «Матушка-котма, дай мне-ка ума!»

Ну, ён пришел домой, да:

— Матушка-котма, дай мне-ка ума!

И выскочило три молодца. Парики густыи, плетки толстые. И начали его бубенить, и начали его бубенить!

Но, а старуха:

— Ой, да что за притча-то пришла, да старика-то у меня убили! Вой-вой-вой, старика-то убили!

К брату прибежала:

— Братец, сходи-ко, поди-ко, возьми-ко: каки-то у тя, — говорит, — запущены мазурики, дак совсем старика убили!

— Поди, — говорит, — отнеси, мне-ка кромочку принеси да принеси сумку. А потом я. Ума не отниму, пускай.

Ну, она:

— Ой, да Бог с тобой, с кромочкой, да Бог с сумочкой! Поди, возьми ты их.

Ну, этот старик одевается да прихорашивается.

— Да братец, подь ты скорей, а то совсем старика обузят!

Ну, ладно. Пришел.

— К матери в котму!

И все зашли.

— Тьфу ты, не могла я сказать этого-то?

Ну, потом стали жить да быть. Да опять эту кромочку, все отдал, сумку, да ума набралсе, да всё.

Ну, всё.

37. КОТ ДА ПЕТУХ

Кот пошел дров сичь. И говорит:

— Ну, петушок, не уходи. Я уйду далеко-далеко дров рубить. Дак тебя не слыша. А не уходи, лиса придет, до тебя.

Ну, только ушел кот, а лиса и пришла.

Петушок-петушок, золотой гребешок,
Высунь головку на красно окошко.
Божатушка идё, тебе калиточку несё,
Сыром сыпанную, маслом мазанную.
По верху яичко катается,
Шелковым пояском овивается.
На горке робятка катаются,
Копыльями верёх овиваются.

А петушок-то думает, что и правда. Сел на окошко-то:

— Кукареку!

А эта схватила и потащила его. А ён зарычал:

Котя-котя, братик,
Несет меня лиса
Во темные леса,
Во трын-городок,

Во печной уголок!
Хоче голову срубить,
Меня дитям скормить.

А кот-то и услышал. Пришел да петушка отнял. Топорищем по гузницу нахлопал, нахлопал.

— На, ведьма! Не ходи, петушка не мани.

Пришел домой, каши наварил, петушка накормил. На второй день говорит:

— Ну, петушок, не выходи. Я теперь далеко дров уйду рубить, дак не услышу.

Ну, ён опять ушел. Только ушел, а лиса пришла:

Петушок-петушок, золотой гребешок,
Высунь головку на красно окошко.
Божатушка идё, калиточку несё,
Сыром сыпанную, маслом мазанную.
По верху яичко катается,
Шелковым пояском овивается.
На горке робятка катаются,
Копыльями верёх овиваются.

И правда. Ён опять будто. Высунулся. Она опять и потащила его. Ён зарычал:

Котя-котя, братец,
Несет меня лиса
Во темные леса,
Во трын-городок,
Во печной уголок!
Хоче голову срубить,
Меня дитям скормить.

А кот-то и не услышал. Ну, и утащила. Котушко домой пришел, а петушка нету.

— Ой, лиса утащила петушка!

Давай сам делать гудок. Ну, и сделал. Пришел к этой лисы:

Гуди-гуди-гуди
У лисы на гори
Было семеро детей,
Братко милёшка,
Другой задерёжка,
Дочирь была куколка,
Друга была чучелка,
Третья — помачелка,
Четверта — насери в бурачок.

Она и говорит:

— Ой, поди, Камелёшка: кто там?

Но, Камелёшка пришла. Ее да в мешок изымал. Ждала-ждала — не могла дождаться. Сама прибежала. Прибежала, а ёню трахнул, да шилом в бочок, да в мешок. Пришел, а ёню посажен у кутку. Но. Сидит.

— Ой, братец, где ты, — говорит, дрова сек далеко, а не услышал меня, я рычал-рычал.

— Я тебе сказал, что ты не выходи. А ты вышел, — говорит.

Ну, да так и петушка отнял.

АННА ВАСИЛЬЕВНА ЕЛИСЕЕВА

38. ЖИЛ-БЫЛ СТАРИЧОК

Жил-был старичок, накосил сена стожок. Ты скажешь — хорошо, да я скажу — хорошо. Жили-были два старичка, да накосили сена два стожка. Ты говоришь — хорошо, да я скажу — хорошо. *(И так без конца.)*

39. ЖИЛ-БЫЛ ПОП

Жил-был поп, сделал плот. Кругом Наволока отплыл, по лбу хлопнул — да и опять поплыл. *(Наволока — это в Пёлгострове у нас называют. У нас там две деревни раньше было. Одна Пёлгостров, а Наволок — уже другая деревня.)*

ОЛЬГА АКИМОВНА КРЮКОВА**40. ПРО СЕМЬ ОВЕЧЕК, СТАРИКА И СТАРУШКУ**

Дедушка да бабушка жили. У дедушка да у бабушки было семеро овец. Ну вот.

Пришел волк и говорит:

— Баба да дед, семеро овец, дайте мне, подайте овечку съестъ.

Ну, вот, дедушко-то и говорит:

— Бабушка, давай, выкинем эту овечку.

(Не волк пришел-то, а пришел медведь).

Говорит:

— Дедушка да бабушка, давайте мне овечку. Не дадите — я самих вас съем.

(Вот это как у нас бабушка говорила).

Ну и:

— Бабушка, выкини овечку, — дедушко бабушке говорит. — Выкинь эту овечку, да чтобы нас-то медведь не съел.

Бабушка выкинула овечку. Медведь где-то побыл, опять пришел за овечкой. Их было семеро. И семь раз пришел. Всех овечек выкидала, и потом одва самых не съел.

Вот это дедушко, бывало, рассказывал внучке. И вот и говорит, бабушка пришла и расплакалась.

— У старичка да у старушки было семеро овечек. А теперь-то дожили — ни одной овечки. Что мы, дедушко, заведем? Как у нас овечек-то не стало.

— Давай, пойдем, хоть изымам заюшка.

Поехали в лес за дровами, хотели заюшка изымать. И заюшка-то не изымали, да овечек потеряли. Ну вот, овечек потеряли. И

бабушка да дедушка привезли хоть дровиць. Дровець привезли.
Сели да поехали с дровамы.

— Но, бабушка, что заведем?

— А что? Овечек потеряли. Хотели заюшка изымать и того не
нашли.

Поплакали да забралися в избушку.

41. ПЕТЯ-ПЕТУШОК

Вот Петя-Петушок, золотой гребешок, масляна головушка,
шелкова бородушка. Петя рано встает, голосисто поет, ночью
спать не дает. Вот Лисица пришла:

Петушко-Петушко,
Высунь головку
На красно окошко.
Божатка идет,
Калитки несет
Сыром сыпаныи,
По верху яичко катаитси,
Шелковым пояском увиваитси.

Ну, как Петушок выскочил на окошко:

— Кукуреку!

Ну вот о потащила его Лиса, и ён закричал, Петенька:

Котя-Котя, братик,
Несет меня Лиса
Во темные леса,
Во глубокие норы,
За высокие горы
Да за белый камень!

Ну вот. Котушко пришел, а Петушка и нету. Что Котушку делать? Были два брата, Котушко и Петушок. Котушко не знат, что делать. Петушка потерял.

— Дай-ко я пойду в лес, не найду ли Петушка?

Пошел Петушка искать, попадат Лисица встрету.

— Лисица, не видала ли Петушка?

— Нет, не видала. Иди дальше.

Ну, ён и пошел. Пошел дальше. Пришел, где дрова рубил. Тут Петушок сидит под елочкой. Под елочкой сидит Петушок, и Котушко как хватил Петеньку-то, да и потащил домой. Утащил домой, принес Петушка, да и закрыл под печь.

— Петя-Петушок, так нельзя делать: убегать да от меня улетать.

Ну вот, и сказка вся.

ОЛЬГА КРЮКОВА

42. ГУСИ-ЛЕБЕДИ

Уехали дед да баба в город. Остались сын Иванушка и дочка Алёнушка. Родители им наказывают:

— Алёнушка, стереги братца, чтобы он никуда не убежал!

Когда они уехали, Алёнушка посадила братца на травку и убежала играть с подружками. Когда она прибежала, то братца уже не было. Она пошла искать братца. По дороге ей встретилась река.

— Река-река, покажи, где мой братец!

А река и говорит:

— Отодвинь камень, а то мне трудно текчи.

Алёнушка отодвинула камень. Показала река ей дорогу, Алёнушка дальше побежала. Бежит — навстречу ей яблонька.

— Яблонька-яблонька, покажи, где мой братец Иванушка!

Яблонька говорит:

— Сорви с меня яблочки, а то мне тяжело стоять.

Страхнула Алёнушка яблочки, и яблонька показала ей дорогу.

Навстречу Алёнушке печка.

— Печка-печка, покажи, где мой братец!

Печка говорит:

— Сними пирожок.

Алёнушка сняла пирожок, побежала дальше. Навстречу ей ёжик.

— Ёжик-ёжик, скажи, где мой братец?

Ёжик дал ей клубок, говорит:

— Куда клубок этот покатится, туда и иди.

Прикатился этот клубок к избушке. А в избушке Баба Яга. Около избушки на травке играет братец Иванушка с золотым яблочком. Схватила Алёнушка братца — и бежать. А Баба Яга посмотрела — нету Иванушки и послала догнать Иванушку, послала гусям догнать Иванушку.

Бежит Алёнушка, видит — яблонька.

— Яблонька-яблонька, спрячь меня!

Яблонька спрятала под ветку Алёнушку и братца. Гуси-лебеди пролетели, а она дальше бежит. Навстречу ей печка.

— Печка-печка, спрячь меня!

Спрятала печка братца Иванушку и сестрицу Алёнушку. Гуси-лебеди пролетели.

Прибежала домой Алёнушка, а там уже приехали мать и отец. Привезли им прянички да подарочки.

МАРИЯ ПАВЛОВНА КУЗНЕЦОВА

43. [ЧУДЕСНЫЕ ДЕТИ]

Был купец, и было 3 дочери. Одна говорит:

— С одной льнинки сделаю рубашку и порточки.

Другая:

— С одной житинки сделала бы 40 пирожков и калиток.

Третья говорит:

— Я бы 9 сынов принесла, по колено ножки в золоти, в серебри ручки по локотко.

Иван Царевич подошел к им, подслушивал ведь. Иван Царевич эту, котора сыновей собиралась нести, взял и брюшко прижил ей. Поехали куды-то, ведь надо ему уезжать. Она и говорит:

— Иван Царевич, не уезжай, я хожу остатнее время. Рожу, дак кто меня поглядит-то?

— Поглядит тебя бабушка-задворенка.

Он уехал.

А у Еги-бабы на это время сука принесла 3 щенят. Она их и даё, трех-то псов.

Мало-помало приехал Иван Царевич. А она ему и говорит:

— Поздравляю тебя, Иван Царевич, с тремя псами.

— Ну, ладно, — говорит, — перву вину бы простил.

Пожил-пожил и опять брюшко прижил. Опять поехал. Она опять и принесла, родила, робятка хороши. А Еги-баба унесла. Иван Царевич приехал, а она и говорит:

— Поздравляю, Иван Царевич, с тремя щенятами.

А он простил. Еще в другой вины бы простил, а в другой не простит.

Жили-пожили, опять прижили. Опять уезжает Иван Царевич.

Она родила, а Еги-баба двух псов дала, а двух детей унесла. Третьего она завернула в рукав. Она поздравляет, а Иван Царевич не простил. Сколотил бочку и отправил в море. Скоро сказка сказывается, а по успехам дело деется. Сын и говорит матери:

— Матушка, а нас бы к берегу прибило.

Прибило их к берегу, а он и говорит:

— А колотило бы нас крепче, да обручи-то и лопнули бы.

К берегу прибило, бочка разбилась, вышли на бережок: лес кругом, не птицы пролетице, не зверю пробежице.

— Нам бы гладь бы, поле чистое да раздольице широкое.

Вдруг стало поле чистое, раздольице широкое.

— Да еще стала бы нам река молока, друга киселя, третья — сладкого меду.

Все так и стало. Они стали жить да быть. Он и говорит:

— Матушка, нам бы здесь палата грановитая, столы дубовые да скамейки дубовые, а на столы кушанья бы всякие.

Стало у них всё, и стали они с матушкой жить. Царство почти стало.

Идут калики перехожие к Ивану Царевичу и говорят:

— Было место задвижное, не птице пролетица, не зверю пробежица, а стала гладь, поле чистое, живет там вдова благочестивая. (А Иван Царевич с Еги-бабой-то уже жил.) У вдовы благочестивой палата грановитая, столы дубовые, скатерти шелковые, сукна одинцовые, а пес — белоперст. А на столах кушанья приготовлены. А сын у ей — по локоть руки в золоти, по колено ноги в серебри, а по спине частые звезды, а во лбу красное солнышко, в затылке светел месяц.

Иван Царевич говорит:

— Надо идти.

А Еги-баба не пустила.

А опять идут калики, опять рассказывают.

— Ну, это моя женка, — говорит Иван Царевич.

А сын-то и говорит матери:

— Сшей, матушка, по рубашке, по пояску, по крестику, начерпай молочка и спеки по колобку.

Она сделала всё. Он и пошел. Он в чистое поле пошел, а эти детушки сидят в дубу. А тут и говорит:

— Эй, братца, будто матушкиным молочком пахнет.

Он восемь-то <нрзб.> взял и матери привел. А у ей сделался свет.

Калики пришли к Ивану Царевичу:

— Было место задвижное, не птице пролетица, не зверю пробежица, а стала гладь, поле чистое, живет там вдова благочестивая. У вдовы благочестивой палата грановитая, столы дубовые, скатерти шелковые, сукна одинцовые, а пес — белоперст. А на столи кушанья приготовлены. А сын у ей — по локоть руки в золоти, а по колено ноги в серебри.

— О, — говорит, — пойду.

Еги-баба не могла унять.

Пришел к детям и домой всех забрал в свое царство, жену тоже забрал. А Еги-бабу в чисто поле вывели и раздернули: где нога, где рука.

44. ПРО ОРИНУ

У отца был сын.

— Надо нам тебя женить: на Орины или на Марины.

— Возьмите Орину, не надо мне Марины.

Посватали да и привезли. Столовали еще, да. Легли спать.

— Муж, я ись хочу.

— Поди, там на полке пироги.

Она пошла, первый съела, второй съела.

— Ой, муж, у ты какие пироги-то жестки.

— Да ты, верно, котят съела. Пожалуй, — муж говорит.

Лежали и лежали.

— Муж, пить хочу.

— Иди, там щан.

Она ходила, ходила да и в заварнике напилась. Опять полежали, полежали:

— Муж, я стять хочу.

— Иди на двор.

— Где же руки-то вымыть?

Она не могла найти. Нашла кувшин <нрзб> да руки и запихала.

— Ой, муж, какой у вас рукомойник.

— Да ты в кувшин руки запихала.

— Да, пожалуй. Мне как руки-то вынуть?

— Иди на двор да об столб щелкни, кувшин-то и развалится.

Она сошла на крыльцо, а там свекор стоял. А она по ему как щелкнула!

— Ой, муж, какой у вас столб: сразу и повалился.

— Ой, да глупа ты, ведь отца убила.

Убрал отца да от жены отказался.

ЕЛИЗАВЕТА ФЁДОРОВНА ЛЕЩЁВА

45. СКАЗКА ПРО КОЛОБОК

Жил-был старик да старуха. А старик-то говорит:

— Старуха, спеки-ка колобок!

— Ну, давай, спеку.

Спекла, вынесла в сени холодиться. Колобок сидел да был, да и покатилсе. Покатилсе, да и укатилсе на берёг. Прикатилсе на берёг да и запел:

Я колобок, я жолобок.

На полупечи печён,

На окошке холожен.

Я от дедка ушел

Да от бабки ушел.

Да от вас, девки, уйду!

А девки с коромыслами наверх. А он укатилсе. Опять катилсе да был там. Молодухи платья полощут. Он опять:

Я колобок, я жолобок.

На полупечи печён,

На окошке холожен.

Я от дедка ушёл,

Да от бабки ушёл,

Да я от девок ушёл.

Да от вас, молодухи, уйду!

— Ой, ты, был бы недаром <...> и побежишь.

Ну, побежал да к лесу. К лесу бежал, да было, заяц сидит.

А он:

Я колобок, я жолобок.
На полупечи печён,
На окошке холожён.
Я от дедка ушёл
Да от бабки ушёл.
От сорока девиц
И от пяти молодиц.
От тебя, заяц, уйду!

— Ну, не уйти!

Да не мог заяц догнать, он ушел. Ушел заяц опять в лес.

Он опять бежал-бежал, волк попадат. Он опять и поет это, что колобок да жолобок.

— От тебя, волк, уйду!

— О-о! От меня не уйти!

Волк хватился, а колобок убежал. Ну вот, он опять катилсе да был, да добежал до медведя.

Я колобок, я жолобок,
На полупечи печён,
На окошке холожён.
Я от дедка ушел
Да от бабки ушел.
Я от сорока девиц,
От пяти молодиц.
От зайца ушел
Да от волка ушел.
От тебя, медведь, уйду.

Ну, а медведь покуда справлялся да был да и колобок укатилсе. Катилсе да был, до лисы докатилсе. Лисица лежит на солнышке. Ростянут нос. Он и подкатил.

Я колобок, я жолобок,
На полупечи печён,
На окошке холожён.
Я от дедка ушел
да от бабки ушел.
Я от сорока девиц
И от пяти молодых.
От зайца ушел
Да от волка ушел.
От медведя ушел.
Да от тебя, лиса, уйду!

— Ой, сядь ты мне на головушку, я не слышу!

Он опеть это и поёт. Пел да был.

— Сядь на носок, я не слышу!

Ну, она уж дальше, да на язычок. А на язычок, да и съест.

Дедушка, бабушка дожидают колобка. Колобка не знают, где.
Девки сказали, что туды ушел да сюды. Там дедушка да бабушка
всё еще плачут.

Вот и сказочка у меня вся.

ГАЛИНА МИНИНА

46. ПО ЩУЧЬЕМУ ВЕЛЕНЬЮ

Жил Иван. Был он в семье самый ленивый.

Один раз говорят сестры:

— Иди, сходи за водой.

Он говорит:

— Не пойду, мне не хочется с печки вылезать.

— Ну, сходи!

— Не хочется. Ну ладно уж, пойду.

Потом и поймал в ведре рыбу, щуку. И она говорит:

— Отпусти меня.

Он говорит:

— Нет, уха будет сладкая!

Она говорит:

— Отпусти, я тебе чем пожелаешь отплачу!

Он говорит:

— Нет.

— Только ты скажи «по щучьему веленью, по моему хотенью»

— и всё твоё исполнится.

— Ну ладно.

Вот Иван загадал:

— По щучьему веленью, по моему хотенью, ступайте ведра сами!

Ведра бежат по дороге сами.

Дальше: Иван опять сидит, а сестры:

— Сходи, Иванушка, накопи дров!

— Да мне не хочется.

— Ну сходи. Если ты не сходишь, то тебе братья ничего не привезут.

Он говорит:

— Да ладно.

Вспомнил:

— По щучьему веленью, по моему хотенью, наколитесь, дрова, сами и в печку бросайтесь! Ведро, ступайте сами за водой!

Дрова попрыгали, домой в печку уложились, а ведро прыгнуло на скамейку и все полные воды. Опять сел на печку. Привезли ему братья гостинцы.

Опять говорят:

— Иванушка, съезди за дровами, а не то тебе ничего братья не привезут.

— Ну ладно.

Поехал он в санях. А они (сестры (?)) говорят:

— Ты чего не запряг лошадь?

— А мне лошадь не нужна, я так уеду.

— Как так?

— А увидите.

Взял — поехал. Иванушка поехал, не запрягая, и все, кто попадался, все погибали. Потом приехал с дровами, говорит:

— Ну-ка, топор, наруби-ка дров!

Топор нарубил дров. Дрова сами склались. Он потом говорит:

— Выруби-ка мне вичку такую, чтоб дал один разок, и сразу же всё повалится.

Вот он раз дал, и все свалились. Пристали к нему на дороге, что он убил многих людей.

Приехал он домой. Привез дров. Все дрова склал.

Узнал это царь. И говорит:

— Что тут за Иванушка? Что он тут хозяйничает? Надо послать за нам самого сильного человека.

Послал самого сильного человека. Человек пришел и говорит:

— Иванушка, поехали к царю.

Он говорит:

— Не поеду.

— Иванушка, ну поехали, ну мне же неудобно!

Этот отступился. Он ему уж палкой надавал.

Потом другой приходит и говорит:

— Что Иванушка наш любит больше всех: шелк, ситец, гостинца? Что бы ему?

Он взял всего накупил и говорит:

— Иванушка, на тебе это всё и пойдем со мной к царю похорошему.

Он говорит:

— Палочка-постукалочка, набей его!

Палочка стала как бить, сразу же его угонила (угнала).

На следующий раз приходит самый сильный и говорит:

— Пойдем к царю.

Он говорит:

— Ну ладно, поехали.

Поехал к царю на печке. Дом весь развернул на печке.

И видит, что царица смотрит на него. Говорит:

— По щучьему веленью, по моему хотенью, чтобы эта царица влюбилась в меня.

Ну. Потом дальше пришел к царю, а царь на него заругался. А он взял, поворотил да и уехал.

А потом царица скучает по нему, не может даже больше. Говорит:

— Хочу жениться на Иванушке.

Потом взял отец и Иванушку и царицу, в бочку забил и бросил в море. Вот Иванушка уже вырос большой. И вспомнил свою «по щучьему веленью». И говорит:

— По щучьему веленью, по моему хотенью, скиньте, волны, бочку на берег.

Волны скинули бочку на берег. Взял, пробил дно, и вышли оттуда. После он говорит:

— Чтобы здесь появился дом самый-самый красивый!

Дом появился самый красивый.

Потом этот приходит царь и говорит:

— Кто на моем участке построил дом?

Он говорит:

— Я! И если ты еще чего-нибудь скажешь, то я тебе наколдую, и тебя убьет эта палочка.

— Ну ладно, ладно, не колдуй, я тебе хоть полцарства отдам или целое, только ты меня не трогай.

И потом они стали жить да поживать с царицей.

АННА СТЕПАНОВНА НИКИФОРОВА**47. СКАЗКА-ПОМАЗКА**

Сказка-помазка
Елов престень
Убежал в кустень,
Лег на соломку,
Хвост на сторонку.
Три года лежал,
Головы не здымал.
На четвертый год
Выздынул головку,
Поглядел на погост.
На погосте куют.
У старого Егору
Часы говорят.
Что царь делат?
Струны пишет.
Стул подломилсе,
Царь покатылсе.
Коза пришла,
На рогах снесла.
Экая коза.
Кого принесла?
Жеребеночка.
Где тот жеребеночек?
Николка унес.
Где тот Николка?
По клиньям ушел.

Где теи клинья?
Вода унесла.
Где тая вода?
Быки выпили.
Где теи быки?
За горы ушли.
Где теи горы?
Червы выточили.
Где теи червы?
В березник ушли.
Где тот березник?
Девки выломали.
Где теи девки?
В замужья ушли.
Где теи замужья?
Замужья все вымерли.
Где тая смерть?
Смерть за дверями колотится,
К нам не воротится.

48. [МУЖИК И ПОП]

Жил бедный мужик. Он кругом был опять-таки должен всем. Ну, его за долги (*верно, оброку не на что было ему платить*), и надо его судить. Судить: завязали в мешок. Ну и что:

— Мы тебя, — говорят, — судить и рядить пошлем.

Ну, и мешок притянули на пролубу, на озеро. Что надо этого мужика (*у его нечем рассчитаться*), надо мужика потопить. Теи-то куда-то ушли, а едет поп. Поп едет на своей лошади. (*Или там, на чем раньше ездили?*) Ну вот. И что тот кричит:

— Спасите меня!

— Дак тебя, — говорит, — куды?

— Да что ты, батюшко, меня судить да рядить заставляют. А я ведь ни судить ни рядить не умею. Вот кто бы как занялся за меня, дак и хорошо бы было.

Ну ладно.

— А давай, — говорит. — Я ведь и судить и рядить умею. Давай я займусе.

Ну ладно.

— Ак тогда развяжи мешок.

Но тот мешок развязал. Он его в мешок.

— Жди, — говорит, — сейчас к тебе придут, пошлют.

А теи пришли да пролубу распешали больше, да попа спустили в пролубу. Поп буль-буль, да и всё, жизни конец. А тот сбыл этим служеньем, ряженьем. Так и наши сказки.

АНАСТАСИЯ ИВАНОВНА ПИМЕНОВА

49. ПРО ЛАПОТОК

Жили-были старик да старуха. Умер старик, осталась старуха одна-одинешенька. Трудно жилось ей. Собрала она котомочку и пошла по белу свету бродить. Шла-шла-шла, видит — на дороге лапоток лежит.

— А возьму лапоток, может быть, пригодится.

И бросила его в котомку.

Пришла в деревню, отыскала дом, постучала:

— Пустите, добры людюшки, ночевать.

— А входи, бабушка, ночуй, ночлега с собой не носят. Только у нас вот спать негде.

— А я на лавку лягу, да лапоток под лавку положу.

Так она и сделала. Легла на лавочку, лапоток под лавочку. Утром встала раным-ранёшенько, бросила лапоток в печку за дрова, поела, попила и говорит:

— Да где-то была у меня курочка.

— Да что ты, бабушка, у тебя ведь был лапоток.

— Не лапоток, а курочка. Добром не отдаете — в суд пойду и вас поведу.

Хозяин говорит хозяйке:

— Ой, да отдай, Дарья, ей курицу, пусть идет.

Дала хозяйка старушке курицу, она и пошла. Идет и поет:

— По лапоти куря, по лапоти куря.

Шла-была, ночь наступила. Впереди деревня на пути. Постучалась в дом, пошла и говорит:

— Пустите, добры людюшки, ночевать.

— Ой, заходи, бабушка, ночлега за собой не носят.

— А вот у меня еще есть курочка.

— А курочку мы положим к своим курочкам.

Положили курочку к курочкам, а бабушка на лавочку легла.

Утром встала, попила, поела и говорит:

— Где-то была моя гусочка.

— Да что ты, бабушка, у тебя ведь была курочка.

— Не курочка, а гусочка. Добром не отдадите — в суд пойду и вас поведу.

Хозяин и говорит:

— Ой, отдай, Марья, гусыню, пусть старушка идет.

Марья дала старушке гусыню, и пошла бабушка. Идет и поет:

— По лапоти куря, по курети гуся.

Шла-шла-шла, и ночка наступила. Третья деревня на пути.

Стучится:

— Пустите, добры людюшки, ночевать.

— А входи, бабушка, ночлега с собой не носят.

Вошла в дом и говорит:

— А у меня еще есть гусочка.

— А гусочку мы к своим гусям положим.

Ну вот. Легла старушка на лавочку и думает: «Кого бы мне теперь взять за гусочку? А возьму барана».

Стала утром и говорит:

— Был у меня барашек. Дайте барашка, да я пойду в путь-дорожку.

— Да что ты, бабушка, у тебя гусочка.

— Не гусочка, не гусочка, а барашек. Добром не отдаете — в суд пойду и вас поведу.

Хозяин и говорит:

— Ой, отдай, Ульяна, ей барана, пусть идет.

Отдала хозяйка барана. Идет старушка, ведет барана за рожок да и поет:

— По лапоти куря, по курети гуся, по гусети баран.

Шла да была. Опять деревня. «Ну, еще ночую, еще кого-нибудь возьму», — думает старушка. Вошла в дом и говорит:

— Пустите, хозяева, переночевать да и барашка приютите.

— Ну, барашка в хлев положим, а ты, бабушка, располагайся в избушке.

Легла старушка на лавку и думает: «Кого бы мне утром попросить? Возьму бычка». Лежала-лежала, спать даже не хочется, так о бычке думает. Встала утром и говорит:

— Где-то был мой бычок.

— Да что ты, бабушка, у тебя же был барашек.

— Нет-нет, бычок у меня был, давайте бычка. Не отдаете — в суд пойду и вас поведу.

Ну, хозяин говорит:

— Отдайте вы ей быка, пусть идет.

Дали быка. Старушка сделала хомут, оглобли, сани нашла. Села на бычка и поехала. Едет и поет:

— По лапоти куря, по курети гуся, по гусети, баран, по барани бычок, соловей-хвостячок, доморощенничок.

Ехала-ехала, выскочил заяк:

— Бабушка, бабушка, пусти на задний копылок.

— А садись на копыл да волокись позади.

Сел заяк, поехали. Старушка поет:

— По лапоти куря, по курети гуся, по гусети баран, по барани бычок, соловей-хвостячок, доморощенничок.

Выскочила лиса:

— Бабушка, пусти на задний копыл.

— Ой, садись на копыл да волочись позади.

Следом за лисой и волк привязался. То же самое: на копылок попросился. А там и медведь из леса вышел. Идет, сучья ломает, кусты нагибает:

— Бабушка, пусти на задний копылок.

— Ой, садись, Михайло Иваныч, веселее будет.

Ехали-ехали, вдруг оглобля сломалась. Старушка и говорит:

— Беги-ко, косой, в лес, выруби оглоблю.

Зайка побежал, принес тоненький прутик.

— Ой, что ты, косой, за оглоблю принес? Иди, лиса, ты.

Лиса сходила, ветку принесла.

— Разве это оглобля? Ну, волк-волчище, драный бочище, теперь твоя очередь.

Волк принес корягу.

— Да какая тебе тут оглобля? Это же коряга. Иди, Михайло Иваныч, ты.

Михайло Иваныч пришел, принес осину с корнями. А она и говорит:

— Да это дерево с корнями, а не оглобля. Сидите у бычка и сторожите его. А я пойду и оглоблю принесу.

А звери бычка того и съели. Шкуру набили сеном, вместо ног палки. А сами убежали. Пришла старушка — никого нет, стоит бычок.

— Ой, любимый мой, маленький мой, бросили тебя звери, а ты один стоишь.

Вернула оглоблю, хотела только запрячь бычка, упал бычок. Поняла старушка, что случилось: звери бычка-то съели, а шкуру старушке оставили. И по делам этой старушке, потому что бычок-то не ее.

50. ПРО ЗАРЮ СВЕТА ЯСНОГО СОКОЛА

В некотором царстве, в некотором государстве жила-была семья: мать, отец да сын Иванушка. И народилась у них дочка Аленушка, такая прекрасная, такая хорошая. Так любил ее Иванушка. Но случилось в доме горе: умер папа, и умерла мама. Остались дети одни-одинешеньки. Стали они жить. А всё за помощью ходили к бабушке-задворенке. И вот бабушка-задворенка и говорит:

— Ты, Иванушка, как будешь качать Аленушку в зыбке, напевай песенку: «Спи-спи, сестрица, спи-спи, родимая, вырастешь побольше — отдам за Зарю Света замуж».

Так Иванушка и делал. Вот качал сестрицу, пока она не выросла, чтобы на своих ножках могла ходить. Выросла Аленушка, такая красавица, такая умница. Вся деревня на нее не налюбуется. А она всё к бабушке-задворенке ходит. А бабушка-задворенка ей всё рассказывает:

— Аленушка, будешь ты в жизни счастлива, потому что твой жених — Заря Свет Ясный Сокол.

Ну, Иванушка собирается в лес, а Аленушка одна остается и говорит:

— Как я буду, братец, жить без тебя?

— Ничего, Аленушка, бабушка тебе будет помогать, а мне надо заработать деньги, я иду на заработки.

Ушел Иванушка, осталась Аленушка одна-одинешенька. Ночку проспала, другу проспала, третью проспала, на четвертую ночку встала, а в кольцо привязан поясок шелковый. Откуда взялся этот поясок? Она сняла поясок с колечка, и — к бабушке-задворенке. Пришла и говорит:

— Бабушка, вот, сегодня утром встала, а в колечко привязан шелковый поясок.

— Ой, милая Аленушка, не сказала я тебе раньше. Вот по три ночки прилетал к тебе Заря Ясный Сокол. Две ночки он стучался, не мог тебя добудиться, а на третью ночку решил привязать тебе поясок. И теперь он улетел к ведьме, будет служить ведьме. А ты уж осталась так, раз жениха потеряла.

— Бабушка, я пойду искать его.

— Трудно тебе будет искать. Но я дам тебе клубочек. Куда клубочек покатится, туда ты и иди.

Ну вот. Аленушка собралась и пошла за клубочком. Шла-шла-шла, видит — стоит избушка. Она и зашла в эту избушку. Зашла — сидит старуха на стуле, страшная.

— Чья девушка да откуда?

— Ой, бабушка, у голодной да у холодной не спрашивай. Вначале накорми да напой, а потом и спрашивай.

— Ну, дитя мое, садись, ешь да пей, да рассказывай.

Наелась, напилась Аленушка и рассказывает:

— Бабушка, я ищу Зарю Ясна Сокола, он мой жених названный. И вот по три ночи он прилетал ко мне, стучался, не мог достучаться до меня, улетел и оставил вот этот шелковый поясок.

— Ой, — говорит, — это поясок моего братца. Заря Ясный Сокол — это мой братец родимый. Трудно тебе будет, Аленушка, до него идти. Еще на пути будет две сестры. И вот каждая тебе поможет.

Ну, Аленушка утром встала, в дорогу собирается:

— Бабушка, а не надо ли чем-нибудь тебе помочь?

— Ой, милая, надо помочь. Истопи баньку да попарь моих детушек.

Ну ладно. Аленушка истопила баньку. Пошла когда она топить баньку, старуха дала ей решето. Идет и думает: «Как же я буду воду решетом носить?» Вдруг летит птичка:

— Девушка, девушка, тынкой-глинкой, тынкой-глинкой.

Ну, Аленушка замазала решето тынкой-глинкой и воды наносила. Приходит бабушка — баня стоплена.

— Что, возьми-ка, Аленушка, да моих детей попарь.

Как открыла коробейку, а в коробейке черви, ужи, ящерицы, змеи. Ну что: Аленушка сгребла всех в решето и пришла в баньку. Ополоснула полок холодной водичкой, всех на полок положила, теплой водички наладила, веничком слегка попарила, водичкой обкатила, обратно в решето — и принесла домой. Принесла:

— Вот, бабушка, твои детушка.

— Ну, спасибо, Аленушка!

Взяла старуха решето, подошла к коробейке и спрашивает:

— Ну, как она вам?

— Ой, матушка, так она нежно с нами. Ты уж ее награди чем-нибудь.

Ну вот. И старуха говорит:

— Вот я тебе дам пальца, и ты этими пальцами будешь шить у забора ведьмы.

Ну, девушка взяла пальцы и пошла дальше. Лапотки новые обула, посох новый взяла и пошла. Шла-шла-шла, лапотки уже сносились, посох уже стерся. Стоит избушка. Зашла в избушку. Опять сидит страшная старуха, старше той, что была в первой избушке. Поздоровалась Аленушка:

— Здравствуй, бабушка!

— Фу-фу-фу, русским духом пахнет. Слыхом не слыхано, видом не видано.

Очи мечут, глаза копают, с дыбом пихают:

— Чья девушка и откуда?

— Ой, бабушка, у холодной да у голодной не спрашивай. А вот накорми да напой, а потом и спрашивай.

Ну, старуха накормила, напоила, спать уложила, села и спрашивает.

— Вот так и так, бабушка: иду искать Ясна Сокола. Заря Ясный Сокол — это мой жених, вот его поясок.

Когда старуха взяла поясок, говорит:

— Уй, Заря Ясный Сокол — это мой брат родимый. Трудно тебе, девица, будет до него добраться, но я тебе помогу.

Утром опять встала, накормила, напоила. Аленушка спрашивает:

— Бабушка, может, тебе что-то помочь? Работа какая-то надо сделать?

— А вот не худо бы баньку стопить.

Ну, Аленушка уже знает. Опять дала ей решето. Ну, она опять пришла, тынкой-глинкой помазала, воды наносила, баньку затопила. Опять так же, как у первой старушки. Баньку стопила. Та еще страшнее дает змей, там, в коробке у ней. Ну, Аленушка не боится. В решето всё выложила, пришла, на полочку высыпала, опять-таки их попарила, помыла теплой водичкой. Всё в решето и принесла:

— Бабушка, вот твои детушки.

— Спасибо, голубушка!

Аленушка отошла. Она спрашивает:

— Ну, как вас девица, как вас красная?

— Ой, матушка, так она нас мыла, так парила, что мы век не мывались. Ты ее чем-нибудь награди.

Она дала ей прялочку:

— Вот тебе прялочка и веретенце, оно тебе пригодится, когда будешь сидеть у забора ведьмино дома.

Ну, Аленушка пошла. Опять обула новы лапотки, взяла новый посошок и пошла. Шла-шла-шла, близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли. Лапотки уже сносились, посох уже стерся. Опять

стоит домик. Зашла. Сидит старушка, еще старше этих двух.

— Фу-фу-фу, русским духом пахнет. Слыхом не слыхано, видом не видано.

Очи мечут, глаза копают, с дыбом пихают:

— Чья девушка и откуда? Зачем ты сюда пожаловала?

— Ой, бабушка, у голодной, у холодной не спрашивай. Накорми, напой, а потом и спрашивай, чья я да откуда, по каким делам иду.

Ну, старушка накормила, напоила, а потом и спрашивает. Она ей показала поясok и говорит:

— Вот ищущую Зарю Ясна Света. Это мой жених.

— Ой, Заря Ясный Свет — это мой брат родимый. Трудно тебе будет его найти, да я тебе помогу. Спи, утро вечера мудренее.

Ну, Аленушка утром опять встала и говорит:

— Бабушка, может быть, есть какая-то работа?

А она знает, что за работа будет. Ну, опять: топи баньку, значит. Опять парь детей. Дети еще страшнее. Она намыла, напарила. Ну, старушка спрашивает у них:

— Как вот?

— Ой, матушка, такая добрая девица, такая ласковая, так нас намыла, напарила. Ты уж с ней рассчитайся.

Старушка дала ей шелковых ниток и иглу золотую. Говорит:

— Пяльца у тебя есть. Вот, будешь вышивать у стены ведьминого дома. Ну, — говорит, — идти тебе еще далеко. Возьми вот этот клубочек, он тебе в пути поможет.

Ну, и пошла Аленушка. Шла-шла-шла, близко ли, далеко ли, низко ли, далеко ли. По пригорочкам, по болотцам идет. Устанет — посидит. Клубочек как будто ей силы дает. И в путь-дорожку дальше. Шла-шла-шла, вдруг видит: стоит стена, за стеной богатый дом.

— А, вот эта ведьма.

Она взяла и села к забору. Села к забору, сидит у забора и шьет пальцами. А дочь ведьмы проходила мимо и говорит:

— Девушка, продай мне пальца.

— Палец не продажны, а заветны.

— А большой ли завет?

— А с Зарей Светом ночь проспять.

— Ой, да будто это пустяки! Дай палец да иди и спи.

Вот сама пришла, напоила сонным зельем Зарю Ясна Света, и пустила эту девушку к нему. Аленушка и плакала, и будила его: никак не может добудиться. Спит мертвым сном ее жених. Утром пришла ведьма. Ну что? Надо уходить. Ушла. На второй день села, прялочку взяла. Сидит, прядет. Опять ведьма проходит:

— Девушка, продай прялочку.

— Нет, прялочка не продажная, а заветная.

— А большой ли завет?

— А с Зарей Ясным Светом ночку проспять.

— Ой, да будто что: жаль что ли? Иди да спи.

Опять пришла, его напоила зельем и пустила Аленушку. Аленушка и так и сяк, плакала и всё. И ничего не могла сделать. Потом взяла шелковый пояс, сунула ему за рубашку. Сунула за рубашку пояс. Проснулся Заря Ясный Свет — пояс за рубашкой.

— Кто же пояс? Этот пояс я Аленушке в кольцо привязал. Ну, хорошо, сегодня я не засплю.

Ну вот. Она на третью ночь опять сидит, девушка у забора, и идет ведьма. А у ней золотая иголка и нитки. Палец отдала, а этого не отдала. Сидит, значит, она.

— Что делаешь, девушка?

— А вот вышиваю иголкой золотой да шелковыми нитками.

- А продай мне.
- Нет, не продажны — заветны.
- А большой ли завет?
- С Зарей Светом ночьку проспять.
- Ой, да иди. Что ли жаль.

Пришла, принесла зелье Заре Свету. А он не пьет, взял да и вылил. Вылил и притворился сонным. Ну, ведьма его на кровать, пустила Аленушку. Пришла Аленушка туда. Только подходит к Заре Ясному Свету, а он не спит. Ну, тут они обнялись, обрадовались. Но вот как идти? Как ведьму перехитрить? А он говорит:

— Не расстраивайся. Сейчас я возьму жеребцов и разнесем ее тело по полю чистому.

Взял жеребца-нутреца, привязали ведьму к хвосту — и по полю. Жеребец бежит: где были руки — стали грабли, где были ноги — стали косы, где была голова — стала ружница. Растерзали тело ведьминой дочери. А Аленушка с Зарей Ясным Светом по пути зашли к сестрам в гости и пришли домой. А в это время и Иванушка с заработков вернулся. И вот стали жить-поживать. Счастливы живут, нас в гости ждут.

АННА ИГНАТЬЕВНА РАХМАНОВА

51. О ЛИСЕ И ЗАЙЦЕ

В лесах сошлись лиса и заяц. Пошли... Лисица гнала зайца. Он бежал-бежал. Деревя такие стоят. Он проскочил. А она засела. Он пообежал, да ей вылупцал. И убежал к речке. Она скорей вырвалась как-то, да бежит.

- Кто там еде, — говорит, — по речке на колинки по верху?
 - Московец, — говорит, — питенбуриц.
 - А что там в Москви деетсяя?
 - А ничего хорошего, токо я слышал, заяц лисицу вылупцал.
 - Ой, — говорит, — уж в Москве известно.
- И всё. Конец.

52. О ЛИСИЦЕ

Лисицю гнали собаки. А рыли раньше ямы картофельны. Она бежала-бежала, в эту яму-то и скоцила. Скоцила, собаки лают. Она и говорит:

- Ноженьки, вы что думали?
 - А мы вперед рысцавились, как бы от собак убежать.
 - А глазыньки, вы-то что думали?
 - А мы вперед смотрели, как бы от собак убежать.
 - А хвостушко, ты-то что думал?
 - А я за пенья, за коренья задевал, чтобы как-ни собаки за-стали.
 - Ох, ты, зенит, а выкину, нате, собаки.
- Собаки и вытащили. И съели.

АННА АНДРЕЕВНА СОЛОВЬЕВА

53. КАК МУЖИК КУРУШКУ НА БЫКА ПРОМЕНЯЛ

Мужик пожилой, жил он бедно. Но, а ему больше делать нечего. Что заведет делать? И он завел делать себе специальность. Ну, пошел по деревням. Пришел в одну деревеньку.

— Пустите-ко ночевать старица!

— Ну, поди, бедной старик. С собой ночлега не носят. Ночью, ночью цего?

Ну вот, он захоходил и говорит:

— Где-то моя была курушка?

Оны говорят:

— Что ты, глупый старик, у тебя какая курушка? У тебя ничего не было.

— Нет, курушка была у меня, давайте. Курушки не дадите, дак в суд пойду да вас поведу.

Ну, старику дали все-таки. Уж надо как-то старику розживать-се. Ну, старик пошел в другой поселок опять. Но. Пришел.

— Пустите-ко ночевать старичка!

— Давай, ночуй, старик, с собой ночлега не носят.

— А куды мою курушку класть?

— Дак куды-ни клади, клади с курушкамы-то.

Но, клали с курушками. Ну, он поутру выстал и пошел.

— Дайте-ко моего петушка!

— Да что ты, глупый старик, у тебя ведь не петушок был, а была курушка.

— Нет-нет. Не дадите петушка, дак я в суд пойду да и вас поведу.

Ну, старику и дали опять. Старику уж надо розживаться как-то.

Ну, потом старик опять взял петушка и пошел дальше. Опять шел-шел, в поселок пришел.

— Но, пустите-ко бедного старика ночевать.

Ну, говоря:

— Поди, бедный старик, с собой ночлега не носят, дак ночуй.

Ну вот. Старик стал ночевать.

— А куды моего петушка класть?

— Ну, клади с курушкамы.

— Нет, с курушкамы он не живе. Он с овецкамы.

— Да что ты, глупый старик.

— Ну-ну, не кладите дак, ну-ну.

Ну и клали. Старик поутру опять, ноцку опять проспал, поутру и говорит, что:

— Где-то моя была овецка?

Ну, говоря:

— Что ты, глупый старик! У тебя петушок был, а не «овецка была».

— Нет-нет. Не отдадите овецки, дак я в суд пойду да и вас поведу.

— Ну, придется это, старику.

Отдали опять овецку. Отдали овецку. Ну, старик взял овецку на веревочку, пошел. Опять шел-шел, опять в поселок пришел. Пришел в поселок, ну и:

— Пустите-ко бедного старика ночевать.

— Но, поди, бедной старик, с собой ночлегу не носят.

Ну, старик это:

— Мне бы куды-ни овецку-то класть?

— Но, клади с овецкамы. Но, давай-давай.

Но, клал с овецкамы. Но, поутру выстал.

— Где-то был, это, мой бычок!

Говоря:

— Что ты, глупой старик. У тебя овца была.

— Не-не. Бычка не дадите, дак я в суд пойду да вас поведу.

Пришлось быка отдать. Да. Вот такой старик! Ну вот, старику отдали быка. Ну, он тут пошел с быком. Опять пришел в другой поселок. Опять как-то надо теперь энты, по-нашему-то дровни. Ну вот. Опять дровни так же: и дровни, и другим командует. Ну, дали ему. Что поделаешь? Дали дровни. И дали всё там, хомутишко, дугу и всё. Ну, он запряг и поехал опять в поселок. Поехал в поселок. Опять приехал в поселок:

— Давайте к ночи.

— Ну, давай, поди, бедной старик, с собой ночлегу не носят.

Ну, он больше скотины ни у кого не спрашивает. Ну, поехал. Поехал этот старичок на этом бычки. Ну и ветвя хлыще:

— Но, но, но!

Но, робята бежа вслед:

— Дедушко, подвези-ко нас!

— Ну, давай, робята! Садись на кобылу, лошадь позади! Но, давай, волочитесь, давай, садитесь, садитесь.

Ну, тут робят накатал, накатал да уехал в другой поселок. Да опять в другом поселке ночевал да, также давалсе. Но. Да там хозяевья что с им сделали? Этого бычка взяли. А ему шкуру.

ЛИДИЯ НИКОЛАЕВНА СУХОВА

54. РАССКАЖУ ТЕБЕ ГУСЯ

Расскажу тебе гуся. Вот и сказка вся.

55. ШЕЛ БЫК ПО ЛЬДУ

Шел бык по льду,
Дриснул кровью.
Кто велел сказку сказать,
Тому кровь облизать.

56. ПРО ЛЕНИВУЮ ЖЕНУ

Жил-был мужик да баба. И вели свое хозяйство: посеяна рожь, он взял. А така была баба ленивая. Пришло время рожь убирать, жать. (*Жали раньше серпом.*) Ну вот. Хозяин тут занимался такыма делами, а всё это было женская работа — жать серпом. Он ей послал с поляны, что «поди там свекровы, свекор» (*дома были*). Ну и она что: ушла. Приходит уж позднешенько.

— Много ли нажала?

А у ей было уйдено. Пришла, солнышко распекло. (*Раньше вязки вели, как снопы завязывали.*) Свалилase и до вечера проспала, даже снопа не нажала. По третий день так же. Опять сходила. И опять что:

— Много жать?

— Ак много, много еще жать.

Опять пришла и опять спать свалилase, спит.

Мужик третий раз еще послал:

— Поди жни, что уж много на́жано, дак, може, сегодня и дож-
нешь.

Он пришел — она спит. Он пришел, вернулся домой, взял
ножницы и у ей обрезал все волосы. Она так спала. Вырезал:
голова обрезана. Она встала:

— По ручкам — Настя, по ножкам — Настя, а по головушке —
не я, головушка не моя.

Вот и сказка вся.

57. СЕМЕРО ОВЕЦ, СОЛОМЕННЫЙ ХЛЕВЕЦ

Был-жил старик да старуха. У старухи был парень да девка и
семеро овец, да на куцьке хлевце. Однажды жили-поживали,
а вдруг да распознал медведь, распознал. Вот и стал подходить
к ихнему дому, как вечер, так и придет. Скажет:

— Старик до старуха, парень да девка, дайте овецку съесть.
Ну вот, они и овецкой выбрачат.

Опять: как вечер приходит:

— Старик да старуха, парень да девка, семеро овец, на куць-
ке хлевце, дайте овецку.

(Вот это семь раз так повторит.)

Дело доходит, что он стал ходить. Опять и подходит:

— Старик да старуха, парень да девка, семеро овец, на куць-
ке хлевце.

Старик подумал-подумал: кого отдать? Отдали парня.

На второй день опять приходит. Опять тая же беда: опять и
кличет, чтобы отдали овецку. А овецки нет — все съел, отдали
девку.

Но, сидит старик да старуха, горюют, что детей отдали, овец
всех отдали.

Опять так. Подходит вечер, медведь опять кричит:

— Старик да старуха, парень да девка, семеро овец, на куцьке хлевец, дайте овецку съесть.

Отдали старуху. Старик отдал. Потом что осталось? Остался один. Что выдумать? Взял привязал корзину к потолку, наносил каменьев и сел. Сел в эту корзину. Медведь кричал-кричал, потом вдулся в дом. Зашел в дом и вот видит, что нет. Подошел к стариковой корзины, а старик оттуда с корзины-то да камнем раз ему в голову. Медведь пал, старик соскочил, горло перерезал, брюхо распорол, выпустил овец и всех своих: старуху и детей. И нын живут-поживают, добра наживают.

58. [МЕДВЕДЬ И ДВЕ СЕСТРЫ]

Жил мужик да баба, было у их две дочери. А мужик работал в поле. Вот поехал в поле, а приказал бабке своей (*ну, там жены или как?*), что

— Принеси мне обед.

Старуха напекла, наварила, девку послала.

А когда мужик поехал туда:

— Вот я тёски дам.

Тёски дават, а медведь на свою дорогу переносит.

Пошла эта девочка, дедку, ну, отцу, понесла еду. А пришла к медведю. Пришла, а медведь и говорит:

— О, голубушка пришла. Проходи, бурочок клади на лавочку, батожок клади под лавочку, а сама к медведушку на печку, будем коросту отдирать да щенечку варить.

— Что ты, медведушко. У меня есть.

— Ну ладно, Марьюшка.

Ну, и там что было. Оны стали.

Старик приехал такой злой на старуху. Старуху ругать:

— Ты така, ты сяка, мне обед не принесла.

— Да что ты, — говорит, — я девку послала. И девки к ночи нет.

Ну ладно. На второй день поезжает:

— Ну да если ты мне сѣдни не принесешь еще обед, чтобы и жрать не буду, я тебя убью.

Старуха опеть дак напекла колобов и калиток, и чего только не накалала.

(И вот он, что «я даю тѣски, и пусть девка по тѣскам идет». На дочь-то.)

И так сделалось: опять медведь послушал и от мужика тѣски переносит. А девка пошла и опять к медведю пришла. Пришла, и медведь так же:

— О, голубушка пришла. Батожок клади под лавочку, корзинку клади на лавочку, а сама к медведушку, и будем щенечку варить.

— Да что ты, медведушко, у нас столько тут напечено.

Ну, и они стали у него тут с им жить-поживать.

Что сестра выдумала: взяла корзину, говорит ему:

— Медведушко, снеси батюшку да матушке гостинец.

Она взяла (а клала девку в корзину) — ему на плеча. Он шел-шел-шел, да и вот:

— Сись бы на пенечек, съись бы колобочек, Марьюшкиного постряпенья, Марьюшкиного полепенья.

А она из бурака кричит:

— Слышу-вижу, медведушко, не ешь колобка, снеси батюшку да матушке гостинец.

— Ох, какая! Далеко видит, далеко слышит.

Принес корзину да бросил к крыльцу. Собаки залаяли, а он бегом.

Но пришел. А ей-то надоть как-ни что-ни сделать. Она придумала: «буду ткать, что *[как будто]* там на вышке». Сделала доску, полóжила, что витер вие, а доска-то колотит. А сама села в корзи-

ну. Вот это подставила. И он так же понес. Опять идет-идет, да и:

— Сись бы на пенечек, съисть бы колобочек, Марьюшкиного полепленья, Марьюшкиного пострепенья.

А она из корзины закричит:

— Слышу-вижу, медвежок, не садись на пенек, не ешь колобок, снеси батюшку-матушке гостинец.

И так медведь прибежал да опять эту корзину кинул, а сам — собаки залаяли — бегом.

Так девки домой пришли. Потом старик дак и старуху, и девок, дак так ласково стал. Вот медведь как сделал.

59. СКАЗКА-ПОМАЗКА

Сказка-помазка
Елов пестень
Побежал в кустень,
Заломил хвостень.
Лег на соломку,
Хвост на сторонку.
Три года лежал
Головы не здымал.
Высунул головку,
Поглядел на погост
Что царь делат?
Струны вьет.
Стул подломился,
Царь укатился.
Марья-царёвна
Спóродила сына.
Отдай дочку

За моего сына.
У моего сына
Трои сени
Шёлком шиты.
Бежала мышка
Часы уронила.
Где эта мышка?
К кошке убежала.
Где эта кошка?
К девкам ушла.
Где эты девки?
В березняк ушли.
Где эты березняки?
Червы выточили.

СТЕПАН ПЕТРОВИЧ ФОФАНОВ

60. СКАЗКА ПРО ХОНЬКУ

У мужика была жена. Всё у ей не ладно. Как пойдет — не ладно: «Вот ты такой, сякой». Ну, думает: «Черт с тобой, я пойду». Яму выкопал глубокую. Глубокую яму. Ну и пришел:

— Хонька! Я, — говорит, — как ягод нашел. Пойдем.

— Ну, — говорит, — как ты сманил, я тебе во!

Ну и приходят. А он ей в яму-то и пихнул.

— На, — говорит, пойдди, чёрт с тобой.

Ну и вот черт сзади был, да туда с Хонькой.

Ну и вот этот мужичок сидит дома, думат: «Как мне эту Хоньку спроведать? Три дня прошло. Пойду».

Взял веревку. Да. Приходит:

— Ну, Хонька, выходи из ямы.

Вережку-то кинул, а черт-то ухватился за веревку. Черта вытянул.

— Не надоть ей, пускай она там сдохнет, а не надоть. Меня чуть не съела зубами.

Черт говорит:

— Ну, ладно, я тебе рассчитаюсь. Пойду, женщину какую-нибудь богатую стану мучить, а ты скажи: где-то у меня черт.

И вот он приходит, а там у богатого, у другого женщину стал мучить. Ну, и пришел. А черт уходит. Женщина сразу поправляется, а он ему, хозяин-то этот, у которого больная-то, денег сколько хошь надавал. Ну, а ему: он пойдет там в ресторан, пойдет к девушкам, друзья-товарищи, деньги даровы дак. Ну и до того.

И вот у одного опять у богатого у какого-то (деньги-то вышли).

— А где-то мой черт?

А черт:

— Я тут и есть, — говорит.

— Мне, — говорит, — денег надо.

— Ну, давай, я пойду, помучаю опять.

Ну, он и пришел опять к богатым. А черт и говорит:

— В последний раз. Денег набрать в последний раз, больше не буду тебе.

А мужик-то приходит. А черт:

— А я тебе говорил, что ты не ходи. В последний раз.

А он говорит:

— Хонька вышла из ямы.

— Ой, я побегу, — говорит, — побегу.

Стал бояться.

61. ПРО ПОПА

Вот был небогатого сословья мужичок. Ну, а попы все были жадные. А мужик взял свою корову и увел в город на базар, деньги получил, а потом пошел по магазинам, по столовым, все деньги за корову и отдал. Ну, а у мужика была шапчонка худая, старая. Приходит домой этот мужик. Поп ему:

— Да ты что, коровушку продал?

— Да, продал, батюшко, — говорит.

Ну, и пошло.

— Поедем, — говорит, — у меня деньжонки есть, дак поедем в ресторан, да там в город, дак попьем да погуляем.

Ну, приходят. В первый ресторан приходят. И вот этот заказывает мужик, сколько ему надо. И вот удивляются, что мужик денег не жалеет, видимо. Заказывает то и другое. До расчета дошло, он шапку снимает:

— Квиты?

— Квиты! Всё в порядке.

Мужик:

— Пойдем, батюшка, — говорит, еще сходим куда-нибудь, маловато, — говорит, кажется.

Опять в другой столовой, в другой опять так же:

— Квиты!

Да. Что за черт. Да шапку снимаешь.

Поп начал мужика просить:

— Дай эту мне шапку, продай!

Да а шапка чего эта стоит там. Вот продал этому попу шапку. Поп с этой шапкой в город. В город пришел. Да там своих попков да этих. В магазин пришли. Не в магазин, а в столовую. Давай заказ делать. Заказали. Пили-гуляли. До расчета дошло, он шапку снимает.

— На! Квит!

— Как квит?

Много нагуляли. Ну и попал. Приходит домой, попадье:

— Вот так меня мужик обманул. Пойду, — говорит, мужика набыю.

А мужик уж знает дело. Притворился мертвым, жены сказал:

— Вот я мертвым буду, саваном закрой. Поп приде меня бить.

Приходит поп к мужику.

— Где у тебя хозяин? Он меня обманул.

— Вот уж он как приехал с города, и видно много хватил да выпил, и вот мертвый лежит, саваном покрыт.

— Во, я, — говорит, его еще крестом хлопну по башке.

И треснул крестом-то, а тот мужик-от:

— Ой, батюшко духовный, ты меня воскресил, я был мертвый.

А поп крест свой за пазуху. Побежал. Там у одного богатого дочь померла. Он и узнал, что крест воскресит ее. И туда:

— Я воскрешу.

Ну и пришел. Тут его угощают, богатый ведь знает, угощает и тому подобное.

— Давай, ничего, воскрешу.

Взял, крестом по башке как ляпнул. А она не встала. Ну, видно, не той стороной. Второй стороной. У креста-то распяты. Этот хозяин богатой его одним словом протурил как следует.

А он уже, мужик-то этот, дело знает. Взял, вроде как помер, яму выкопал и тому подобное. В яму его и закопали. Но оставили отверстие, оттуда взял кол вострой.

И вот поп приходит опять к этой старухе, к жены мужиковой:

— Где у тебя? Он меня обманул! Дак это так да.

— Ты как уехал, он взял да и помер. Помер, вот уж могилка там.

Поп:

— Ну, черт с ним! — говорит, я пойду, хоть насру на могилку его.

Больше нечего. Портки-то спихнул, а он ему колом в задницу! Колом!

62. ПРО ПОПА И ГЕНЕРАЛЬСКУЮ ЖЕНУ

Я в армии был, под Ригой стоял. И был направлен в армию барабанщиком.

Мне дали в подарок барабан. Ну, я и пошел домой. Прихожу до одного имения. Богатое имение-то, попросился ночевать. А там служанки: «Некуда у нас!» Ну, и отошел. А дело ночное, вечернее дак. Я подхожу к бане. Вытоплена вижу. Баня хорошая,

культурная. Захожу, да в эту баню и забрался. Забрался на полоч. Высокой. Под полком да с этим барабаном. Вдруг в баню служанки пришли. Две служанки пришли. Приходят, приносят вина, закуски. Там разного вина, не одно вино.

— Дай, — говорит, — по рюмочке выпьем. Это за барина, а это за батюшку.

Да. Ну, выпили по рюмочке, закусили и ушли. А я думаю: «Ну, ладно, погодите что-нибудь».

Вдруг двери открываются, и поп является. В своей рясе. Барыня приходит. Солидная, что надо. И вот:

— Да что, выпьем по рюмке.

— Ай, давай, — говорит, — не будем. После. Это дело сделаем, потом.

А я приготовился, барабан тут приготовил. А поп и говорит:

— Давай, милая, мы, — говорит, — всяко с тобой пробовали, токо по-кобыльи не пробовали.

Вот стали против дверей.

Он через байну:

— Я, — говорит, — как жеребец буду.

Разбежался — как вскочит! *(В этот момент)*: «Тра-та-та».

Двери-то открыли, всё оставили, убежали. Я, делать нечего, все это барахло в барабан, завернул вино и пошел дорогой. Сел на дорогу и давай, думаю: «надо выпить». Сиж и пью. Вдруг коляска катится. Едет такой военный, остановился:

— Ты что, солдат?

— Да вот так и так.

Я ему и рассказал эту историю.

— Ну, поедem со мной. Я тебя награжу фельдмаршалом.

Приехали. Собрал бар, тому подобное, всех гостей собрал. И вот поугощались, и говорит этот барин:

— У меня есть человек, бывальщина рассказать. Ну, а кто сло-

во поперек скажет, с того сто рублей.

И пошло дальше. Начал рассказывать с этих со служанок. Служанки:

— Ты не ври!

Ну, по сто рублей. Дошло дело до вот так и так что было. А про попа:

— Да брось врать-то, не дело говоришь, тут нехорошо.

А барин и говорит:

— Нет, нет, ничего, пускай. Коль так.

С батюшки сто рублей. Потом с барыни сто рублей. Тоже таки путем, так и так было дело.

Ну, и я пошел своей дорогой. Он меня отвез на коляске. Ну и вот после того я пришел домой, давай попил вина, денег столько. Пришел с армии.

ТАТЬЯНА ГРИГОРЬЕВНА ФОФАНОВА**63. [ДЕД, БАБА И ВОЛК]**

Жили-были старик да старуха, у них были парень да девка, да было семеро овец, да на кучке дворец. Потом жили-пожили, пришел волк:

— Старик да старуха, парень да девка, дайте-ка овцу съесть. Ну, старик взял овцу. Что делать? Волк велит. Они овечку выпихнули, волк унес, овечку съел.

На другой день опять такая музыка:

— Дайте овцу съесть!

И так овечек семь штук всех волк у них и вытаскал. Потом уж:

— Старик да старуха, парень да девка, дайте парня съесть.

Парня жалко было, да отдали парня. Парня жалко!

— Старик да старуха, дайте девку съесть!

Отдали. Девку съел. Плакали-плакали. Жалели, да отдали.

Потом уж у старика еще на остатках и старуху съел. Старик один остался.

— Волк и меня съест.

Старик, нечего делать, взял, мост выдергал там, ворота открыл, видно, ворота такие и были. Волк там ступил, да в подполье и пал. Пал в подполье, там были какие-то острые штучки, и он брюхо проколол. Проколол брюхо, и у него все живы-здоровы и вышли. Девка жива и парень живой, и овечки все. Так они опять стали жить да поживать по-старому. И сказке конец.

НИЖНЯЯ ПОЛОВИНА

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА ПЕТРОВА

64. БЫВАЛЬЩИНА

Жил князь, потом помер. Осталась княгиня и стала она по ем плакать, стала худа. Был у князя друго брат. Он говорил невестке:

— Почему же ты стала худа? У нас пить, ись есть чего.

Сначала она не говорила ничего, а потом показала, что муж к ей ходит.

Ен и говорит:

— Если ен к тебе ходит, то как вы спите, он о стенку или нет?

— О стенку спит, — она отвечает.

— Ну, когда о стенку спит, дак ты сегодня положи его на крайчик.

Она так и сделала: его положила на край, сама легла о стенку. Ну, потом деверь пришел и его срубил. Ну, по-нашему — нецистый дух, а она убежала. *(Было или нет, а так рассказывали)*. Это перерублено туловище стало сдыматься кверху, а тое место залилось все кровью, ему уж кто убил-то, уж по колено. Тулови-

ще поднялось до потолка, а потом ринулось на пол и его кровью всего окатило, и ен заболел от той крови. Ничего не мог сделать, до того по больницам доходил. Потом уж стал лециться своими старухами, колдунами и послал розыски по все сторонам. Потом один идет, который искал лекаря, видит маленьку избушку, там хлопат — ткет, он и зашел в эту избушку. А женщина сидит в одной становицы. Она и говорит:

— Были бы у меня глаза — так я видела, а были бы у меня уши, так я и слышала.

Потом ей и говорит:

— Кто же у тебя есть?

— А брат есть да сват есть.

— А где же брат у тебя?

— А брат ушел малым велика доставать, а мать ушла взаймы плакать.

Ну, ен и говорит:

— Что ты так говоришь?

— Видишь, не можешь понять, — она говорит. — Брат ушел с собакой зверя доставать. Вот малым велика доставать. А мать — помер мертвец — она поплацет, а потом как она умрет, то по ей поплацут.

А ен еще и говорит:

— У их есте глаза и уши, а сама сказала, что нет не глаз и не ушей.

— Были бы у меня ребята, они бы сказали, что кто-то идет, а была бы собака — были бы уши, она бы залаяла, я бы услышала, и не ждала бы в одной сороцке.

— Вот ты отвечаешь как мудро, не можешь ли ты вылечить такого князя, он заболел такими-то болезнями?

Ена и говорит:

— Я вылецу его, но только пусть он возьме меня замуж.

Ну, вот самый этот посол идет с ответом к князю. Князь согласился, чем с такой болезнью жить, так лучше уж жениться. За ей съездил, она приехала, намешала пресного теста, всего его замазала тестом и ен поправился. Тесто отпало. И ей он не взял, омманул и опять заболел. И вот сами теста затворили, его замазали, но ничего не вышло. Поехали опять за ей (*Было дела!*). Ей привезли, она и говорит ему:

— Если возьмешь замуж — буду лецить, не возьмешь — не буду.

Ен согласился, дал согласие. Она его опять вылецит. Опять не взял, послал ей посланника, дал ему три повесла: пусь она сделает всю одежду ему на себя, тогда ен и возьмет ее взамуж. И ена взяла и послала ему три полена: пусть князь сделает ей ставины, а тогда она выткет. Ну, князю привезли, он видит, что из трех полен ничего не сделаешь, ему и пришлось сделать. Он-то хитер, а она хитрее. Он и взял. Пришли в церковь, вышел он на крылечко, взял ей руку дал, сам ушел в монастырь, она тоже так.

И стали жить.

ПЁЛГОСТРОВ

АННА ПРОКОПЬЕВНА БЕЛАЯ

65. [ВОРОВСКАЯ ОБЕДНЯ]

У одного крестьянина пропала корова. А он пошел в церковь к попу и говорит:

— Помолись, чтобы моя корова отыскалась.

А поп ходит вокруг.

— Глупа старуха, безразумна старуха, твоя-то корова добра да здорова, вокруг церкви ходит, пофыркивает, — пономарь поет.

А поп услышал, что пономарь поет, говорит:

— Глупый пономарь, безразумный пономарь, дам тебе от коровы (от этой) ножки да рожки, да локти.

Корова у попа спрятана. А поп попует.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА БЕЛАЯ

66. [МАЧЕХА И ПАДЧЕРИЦА]

Жил старик со старухой. У старика была дочь. А старуха-то не любит девушку-то, бьет. Исть-то не дает. А отцу-то жалко. Потом ей надо отвести в лесовую избушку. А у его скотины-то хлев. Он и девки жалко, да и бабки жалко отказать. А одно говорит:

— Ты как девку отвезешь в лесовую избушку, дак я буду жить, а не увезешь, не буду жить, — старуха говорит.

Он бился-бился, девки жалко, да старухи отказать, дак надо самому все ходить. Он ушел на работу, старик, отец-то. Ей велел:

— Склади девушке всё.

Она вместо хлеба наклала кирпичев, вместо крупы наклала песочку, вместо толокна наклала пепелку, ну и девушке склала. Отец приехал, только везти. Поглядел, как у нее наложено. Ой, старик выкидал все это ей в спину. Отец наклал крупы, толокнца, наклал хлебца, масла, всего наклал. Всего наклал.

Отец отвез в лесовую избушку. Оставляет, а девушка вслед бежит. Опять поставит, да девушки провадит, глядит — девушка бежит.

Девушку оставил. Потом пришли разбойники. Да. Эта девушка уж, ночевала ночку. Они пришли. Не знают, что там. Иногда придут, да: «фу-фу-фу, русский дух». А тут пришли, да народу наубивали, да варят. Да чай пили. Они ушли поутру.

Она вышла, блинков пекчи, эта девушка. А мышечка выскочила, говорит:

— Девушка, девушка, кашки на ложку, да блинца да масла маслиничок!

Она мышечке на ложке хлестнула. Мышечка ускакала в подпечье. Она больше мышечки не выпустила с подпечья.

А вечером она хотела только убежать, эта девушка.

Собаки как залаяли, да захватили, да напали на эту девушку, да убили. Убили, да сисочку отрезали, да клали на окошко. Ну, а тетки пошли там несколько времени, бывает, недели две.

— Что, как девка-то там, жива или нет?

Идут да говорят:

— У нашей-то Глашеньки сисочки, как житнички на окошечке.

Пришли к окошечку, а сисочки на окошечке. Они плакали-плакали. Отца [*когда*] пришли (*брат им-то*), ругали-ругали.

МАРИЯ ИЛЬИНИЧНА ПИМЕНОВА

67. МЕРТВАЯ ЦАРЕВНА

Был муж и жена. У них была девушка. У них девушку звали Машенькой. Мама у ей померла. Осталасе девушка с папой. Ну вот, отец женился на второй.

Эту девушку мачеха стала обижать. Ну, девушка жила-пожила, потом пошла, куда голова понесет. Шла-шла, стоит дом. Дом высокий-высокий стоит. И она в этот дом зашла. Зашла в этот дом, никого нет, а комнат! Комнаты, комнаты, до того доходила. Потом печку открыла, посмотрела в печке. Много стоит супу накладено. Горшочков много накладено, мясников. Ну, она достала, покушала. И окутиласе. Потом мало-помалу вечер приходит.

Вдруг едет 12 разбойников. И потом в дом. Она одна. Вот она забоялась. Ну, ладно. Чему быть, то и будет. Окутиласе. И они говорят:

— У нас, ребята, кто-то есть!

А она это все слышит. *(Ну, а окутиться можно было, там столько комнат было, дак).*

— Ну вот, давайте искать, кто есть. Найдем, так уьем.

Эти разбойники, дак. Ну, она сидит. Чему быть, тому быть. Искали-искали — не могли найти. Потом говорят:

— Ну, давай, кто есть — выходите, мы будем держать: старичок — будем звать дедушкой, если старушка — будем бабушкой звать, а если юноша — будем звать братцем, а девушка — будем сестренкой звать.

Она все не смее выйти. Ну, потом они такие говорили-говорили. Она осмелилась, вышла.

Вышла, они все обрадели.

— Ой, сестрица! Сестрица Машенька! Машенька. Ты, Машенька, у нас тут и хозяйничай и всё, ты у нас будешь.

Ну вот, эта Машенька. Они уйдут там на свои дела, куда они хотят. Вот они походя и говоря:

— Машенька, ты у нас живешь, тут бабка рядом, ты ее не пускай, она будет к тебе даваться, а ты не пускай.

— Не пущу, — говорит, — братица, не пущу.

Ну, она признакомилась тут к ним, всё.

Оне только ушли, а эта старушка иде.

— Машенька, Машенька, открой воротца!

— Нет, я не смею открыть, мне братица не велели открывать воротца.

— Ну, Машенька, открой. Вот, померяй платице. Я несу, дак померяй платице.

А это Машенька не могла отказать, открыла воротце, воротце открыла, а она:

— Померяй платице.

Платице одела, померла. Ну вот, померла, старушка — ей чего надо в этом доме, чего и нет — набрала да ушла.

Ну, ушла, вдруг приходят там, братья-разбойники-то приходят. А она как-то ворота заложила, ушла и ворота заложила, а они колотятся:

— Машенька, Машенька! Отложь воротца! Сестрица, отложь, Машенька, отложь. Мы пришли.

Нет, не могли доколотиться. Потом один как-то обежал кругом, да зашел, открыл ворота, а Машенька лежит мертвая. Ну, они тут все ее жалеют, плачут и жалеют, что девушка была хорошая, да все-таки она тут хозяйничала. Ну. Водушку наладили, чтобы ее помыть да похоронить. Это платице у нее раздели, а она говорит:

— Ох, как я долго спала! Проснулася.

Ну, они все опять обрадовались. Ну, она проснуласе.

— Ну, что ты, Машенька, мы ведь тебе не велели.

— А вот она стала даваться, я не могла отказаться, пустила.

— Ну, Машенька, больше не пускай.

Ну, опять ушли, второй раз ушли:

— Ты смотри, Машенька, не пускай никого! Никого не пускай!

(Ну, Машенька да сестрица — всяко ее зовут.)

— Ну, не пущу, не пущу, — говорит, — братьяца!

Они ушли. Она опять осталась. Осталась одна. Опять эта старуха бежит.

— Машенька, пусти меня! Колечко померяй!

А она говорит:

— Нет, братьяца не велели пускать. Да не пущу, да и не ходи, не пущу, не пущу, да я не смею пустить.

Она говорит:

— Только колечко померяй. Вот враз тебе будет колечко, враз, дак я тебе его отдам.

Ее опять запустила. Она это колечко померяла, клала, опять померла. Ну, эти братья опять пришли, не могут доколотиться.

— Ну, — говорят, — опять что-нибудь есть.

Опять один обежал кругом. Ну, пришли — мертвая лежит. Водушку наладили. Опять еще пуще стали жалеть ее. Намыли все, колечко не заметили, что колечко на руке. Сделали гробик хрустальный. Всё сделали, все хорошо обколотили. Всё в этот гробик снесли, в часовенку положили. Ну, с ней душа не вышла, дак она как живая спала.

Ну вот, вдруг ходил по лесу Иван-царевич. На охоту ходил. И эту увидел часовенку, зашел в неё. Иван-царевич этот гроб-то и увидел. Гробик открыл, посмотрел. Машенька красивая, хоро-

шая. Колечко на руке увидел. Взял, колечко вынял, а с руки-то снял, а она глаза открыла.

— Ох, как долго спала!

Ну вот, этот Иван-царевич потом ю к себе взял. Взял, что очень красивенькая, да спросил, что «ты как, да откуда, да как попала?» Ну, она ему все рассказала. Как было, да как что. И потом они с ним повенчались. Он себе и взял в жону.

68. КОЩЕЙ БЕССМЕРТНЫЙ

Жили-были царь да царица. У них было три дочери. *(Не знаю, как говорить)*. Одну звали, пусть Таней, другую Маней. Третью там Анной. А их никто замуж не брал. Богатые не брали, а бедные ехать не смели. Ну вот.

— Кто-ни, — говорит, — приехали, дак мы бы отдали.

Неудобно, у царя не берут девок замуж. А отец-то говорит:

— Медведь бы приехал, мы бы и за того отдали.

Вдруг отколе ни возьмишь, этот медведь пришел, приехал, встал на крыльцо, встряхнулся и зашел в избу молодцом уже. *(Как раньше портили, так бывает, так было)*.

Ну вот, они свадьбу сыграли, старшую дочь отдали за медведя. На вторую опять так и говорят:

— А кто-нибудь только приехал.

(А может они знали, что медведь, а может и не знали. Нет уж, знали.)

Ну, потом на вторую дочь прилетел ястреб, нет, орёл. Орел прилетел тоже, там на крылечке встряхнулся. И тоже молодцом таким де стал. Ну, как настоящий молодец. Ну. Потом остатнюю тоже надо отдать. За остатней приехал ястреб. Ну, тоже на крылечко зашел и также встряхнулся. И зашел в избу тоже молодцом.

Ну вот, всех дочерей отдали, а сына потом после дочерей родила. И сына... Эти фотографии, все они фотографировались, что за кем дочери ихные замужем, да всё.

Ну, сын не знает, что там, они, куда ни поедут, а эти комнаты не отложат. Не говорят. Ну, они ушли, далеко ли, близко ли ушли. А он говорит:

— Что же меня не пускают в эту комнату? Дай-ко я зайду.

Зашел в эту комнату и эти карточки, фотокарточки все увидел. Прочитал. Они домой приходят. Он говорит:

— Папа да мама, я пойду к сестрам в гости.

А они говорят:

— Да какие тебе сестры, у нас и сестер нет.

— Нет, — говорит, — есть сестры. Смотрите, у меня карточки.

Ну, по этим карточкам поехал. Поехал, взял коня у них. Ему коня дали своего. Он на кони поехал там. Выехал не далеко место. А на дороге ребята дерутся. Он говорит:

— Чего вы, ребята, деретесь? Кого дерете?

— А вот мы нашли коня, где-то нашли. Коня-орла и дубинку, и шапку-невидимку. Вот, не знаем, — говорят, — как разделить?

А он говорит:

— Дайте я вам разделю. Я пущу стрелу. А вы бегите: кто эту стрелу вперед сымает, тому всё.

Ребята убежали, а он той порой всё у них взял, своего коня оставил и поехал.

— Ну, — говорит, — конь-орел, вези выше лесу темного, ниже облака ходячего, к старшей сестре. По адресу. Уж по карточкам там.

Ну вот, конь-орел его вез-вез к сестры. Он постучал. Сестра ворота открывает:

— Кто, — говорит, — там?

— А я, — говорит, — твой братец. Запусти меня.

(По имени назвал старшую сестру.)

— Нет, — говорит, — у нас братца никакого не было.

— Я, — говорит, — после вас родился. Возмужал и сам пришел. Вот, — говорит, — посмотрел фотокарточки.

Ну, сестра с ним поздоровалась. Тут его угостила.

— Дай-ко, — говорит, — я у тебя в головушке поищу, да поспрашиваю про дом, про своих родных.

Стала в головушке искать, а темень нашла. Он говорит:

— Сестрица, темень нашла, Бог дождика дает.

Она говорит:

— Нет, Бог дождика не даё, а мой муж в королевство иде.

— А что же, — говорит, — он так делает?

— А он там Марью-королевну перевешивает. Короля дочь. А перевесить, — говорит, — никто не могут.

— Ну, я-то куда?

— А давай, — говорит, — я тебя окучу.

— А я, — говорит, — сам окучусь.

Эту шапку-невидимку наклал, его и не видно. Вот. Вдруг приходит медведь, горячий, злой такой. Шкуру сдирает. Ну, поел-попил.

— Кто у тебя есть? — говорит.

— А есть, — говорит, — мой братец и твой шурин.

— Выпускай, — говорит, — его здороваться.

Ну, он вышел.

— Давай, — говорит, — здороваться!

— Нет, сначала пойдем бороться, а потом здороваться.

Потом пошли бороться. На двор вышли. А Иван-царевич его захватил, да перевернул. И это у него перышки да крылышки, кой лешего. *(Опять я лешего, ведь нехорошо)*. Он говорит:

— Сумел мою шерсточку сорвать с меня, умей и собрать.

Он шерсточку сейчас собрал, в большой платок завязал себе.

Потом поехал к другой сестры. Простился , все распростились.

— Я, — говорит, — поеду к средней сестры.

Ну вот, также к средней приехал. Тоже постучал у окошка.
Сестра вышла.

— Кто, — говорит, — там?

— Я, — говорит, — твой братец.

— А какой ты, — говорит, — братец? У нас братца нет.

(После их родился дак).

— Я после вас родился, — говорит. — И вот возмужал, к вам в гости приехал.

Она ворота открыла, поздоровалисе. Немного угостила. Также говорит:

— Давай у тебя в головушке поищу, да у тебя поспрашиваю про своих родных.

Вот стала искать. Опять эта темень надошла.

— Сестрица, — говорит, — темень надошла, Бог дождика даст.

— Нет, — говорит, — Бог дождика не даст, а мой муж в королевство идет.

— Что, — говорит, — он делает там?

— Он Марью-королевну перевешивает. Всем надо перевесить Марью-королевну.

Потом он опять прилетел.

— Я, — говорит, — тебя сейчас окучу.

— Я, — говорит, — сам окучусь.

Опять шапку-невидимку наклал, его и не видно.

Прилетел. Тоже горячий такой, не перевешал, дак. Ну, она его накормила-напоила. Он тоже спрашивает:

— Кто у тебя здесь? Выпускай здороваться!

— Это мой братец, а твой шурин.

— Выпускай его здороваться.

Выпустила. Он говорит:

— Нет, пойдем бороться, а потом здороваться.

Потом пришли бороться. На белый двор вышли. И он его за крылышки захватил, перевернул.

Говорит:

— Ты сумел сорвать, дак сумей и собрать!

Он собрал все и в платок завязал.

Ну вот, тут погостили и потом распростились. Он поехал к самой младшей сестры. Ну. Говорит:

— Конь-орел, увези меня выше лесу темного, ниже облака ходячего, к меньшей сестры прямо.

Ну, конь верно уж такой был, что знал. Привез он опять, вышел, поздоровались. Постучал. Она ворота открывает:

— Кто там?

— Я, — говорит, — твой братец, а ты сестра моя.

— У меня, — говорит, — нет такого братца. *(Не знает, что там)*.

— Я, — говорит, — после вас родился. И вот возмужал и приехал к вам в гости.

Она его пустила, напоила-накормила.

— Давай, — говорит, — я поищу в головушке и поспрашиваю про своих родных.

Ну, он привалился немножко. Она тут стала спрашивать, он все там рассказывает. Тоже темень такая же надошла. Ну, темень надошла, он и говорит:

— Бог дождика дает.

— Нет, — говорит, — Бог не дает дождика, а мой муж с королевства идет.

— Что они там делают?

— А Марью-королевну перевешивают. Ну, а не могут, — говорит, — перевесить.

Ну, а он потом. Он прилетел тоже. Прилетел. Такой же горячий. Сел за стол, ничего не говорит. Она его напоила-накормила.

— Кто, — говорит, — есть у тебя?

— Есть, — говорит — мой братец, а твой шурин.

— Выпускай его, говорит, здороваться.

А он шапку снял и вышел.

— Ну, пойдем, будем сперва бороться, а потом здороваться.

Опять пошли бороться. Он опять также его схватил и перековырнул. Ну, а он говорит:

— Умел перышки сорвать, умей и собрать.

Он опять собрал в платочек. Ну, и распростились с ним и потом говорит коню своему:

— Ну, конь-орел, неси меня выше лесу темного, ниже облака ходячего, а в тое место, где перевешивают Марью-королевну.

Ну вот, конь его туды повез. И Марью-королевну перевешивают. А он эту шапку наклал, его не видно, он ходит между людей, там глядит-смотрит, что никто не может ее перевесить, кто ни встанет на веса, не может перевесить. Ну, так прошло, все разобрались опять. Ну.

Марью-королевну тут забрали домой, да напоили-накормили, да во спальню увели спать. Ну, королевна. Там уж за ней ухаживают слуги, да всё. Ну, а он всё следит. Он проскочил туда, а она его не видела. Шапка-невидимка дак. (*А коня-то я не знаю, где он оставил.*) Вот и зашел, Марьи-королевны и стал спрашивать:

— Скажи, никто тебя не может перевесить, почему?

Она ему не говорила сначала. Ну, он добился, что она сказала:

— У меня, — говорит, — перстень на руки. Этот перстень у меня перевешивает, что никому не перевесить.

А он говорит:

— Отдай мне этот перстень.

Ну, она сперва, может быть, не смела отдать. Ну, а потом отдала. Отдала. И на второй день приехали, туда на весы. Он вперед всех вскочил и Марью-королевну перевесил. И Марья-королевна за него вышла замуж. Уж Иван-царевич да Марья-королевна.

Ну, а до этого перевесил Кощеюшко-то Бессмертный Марью-королевну. А его закрыли. Королю-то отдать за Кощеюшка-то не хотелось, а закрыли в такое место, не выпускали. А её снова опять вешали.

Ну, они тут столько-то времени пожили, потом Иван-царевич пошел там. Ну, мало ли куда пошел, а Кощеюшко этот в окошко кричит ему, колотит (*там ну такие окошка, что и не выйти*). Закрыто.

— Иван-царевич, будь добрый, выпусти, сделай милость, выпусти, открой воротца, выпусти меня!

Ломится со всей силы, что выпусти! А Иван-царевич не знал, выпустил его. Он его выпустил, а Кощеюшко у него Марью-королевну унес. Это Марью-королевну он потом у него взял. Ну вот, Иван-царевич не знал больше, что делать.

А он все-таки, когда выпустили Кощеюшка, дак он стал на волю ходить, он стал на работу ходить. На работу уйдет, а Иван-царевич с этой Марьей-королевой обращается: что как бы его погубить, этого Кощеюшку, а он Бессмертный, дак его не поборешь. Ну вот, потом придумали да были.

— Марья-королевна, изукрась все стены и всё серебром, всё. Придет Кощеюшка, дак скажет: «Что?» А ты скажи: «Я твою смертушку украшу». А ты добирайся до его до смеретушки.

Ну вот, пришел с работы:

— Ой, Марья-королевна, что это изукрашено? Ты что, Марья-королевна!

— Кощеюшко ты Бессмертный, скажи ты про свою смеретушку, дак я еще не так украшу! Мне хочется узнать точнехонько, что где твоя смеретушка?

А он ей:

— Ой ты, Марья-королевна, далеко моя смеретушка. Моя смеретушка за тридевять полей, за тридевять морей, за тридевять озер, в тридевяти царстве.

А сам на работу ушел. Ушел, ну они и думают, не знают, что делать. Он говорит:

— Я сяду на коня и поеду опять туда.

(А там еще, видишь, остров и в острову камень. В камни бочка, а в бочке рыбка, а в рыбке яичко, а там его смеретушка — недалеко.)

Ну, сел на коня-орла, поехал.

— Неси меня туда.

Конь-орел его привез. Он пришел в этот остров. Как камень стоит дак. И умом не подумать, что разве где тут достать, в камню бочка там. Ой, ему в ум пало: «Дай-ко я эти перышка, да все зажгу!»

Эти перышка *(а эти заколдованы были зятевья дак.)*. Эти перышка-то все зажгал, а перышка загорелись, дым пошел, а все зятевья налетели-наехали. К нему на помощь. Ну, начали этот камень ворочать, клевать. Все начали ворочать, да ну, истребали, бочку увидели, бочку увидели, медведь эту бочку — потом как-то тоже как овалился — бочку сломал. Бочку сломал, ну и с бочки вылетела утка. Утка вылетела, полетела, и утку эту изымал ястреб-то, тот зять-то меньший-то самый, утку изымал. И эту утку истребили, яичко достали. Яичко достали, ну, он это яичко взял, уж бережет яичко. Домой пока ездил да был, приехали к Марьи-королевны. А этот Кощеюшко уж и не може, болеет. А он пришел, да ему яичко показывает:

— Кощеюшко Бессмертный, твоя-то смеретушка!

А он говорит:

— Дай ты мне хоть поддержать его.

А он яичко спустил, а тот помер.

И так сказка вся.

69. МАРЬЯ-ЗАПЕЧНИЦА

Раньше был купец да купчиха. У них было три дочери. Одна была Анна, средняя Таня, а младшая самая — Марья-запечница.

И этот купец ездил закупать в другие страны, раньше было не так, как сейчас. А купцы были (*закупает там товаров всяких*).

Ну, поезжает и спрашивает:

— Дочери, чего вам привезти?

Старшая дочь говорит:

— Папа, привези мне шелку на пару.

А средняя говорит:

— Папа, привези мне кашемиру на пару.

(*Раньше пары шили, кофта да юбка, нынь-то платье*).

Ну. А третья говорит:

— А мне, папа, привези Филиста-ясного сокола.

Они над ней стали смеяться.

— Ой, да наша Манька, там на печи лежит, а Филиста-ясного сокола просит. Задумала!

Ну, отец так и сделал. Съездил, привез. Что заказали, то и привез. Они тут сошили себе по платью и запоезжали в церкву. В каждое воскресенье ездили в церкву. В церкву запоезжали. А Филист-ясный сокол там живет с Марьей-запечницей. Не знает, что там у них, что у них есть промеж собой. Оны поезжают. Говорят:

— Манька, не поедешь в церкву?

— Нет, не поеду, мне и дома хорошо.

— Ой, да разве наша Манька поедет, ей только на печи лежать.

Она ничего больше не говорит. Ну, они уехали. Уехали. Эта Марья-запечница из-за печки вышла. Ей Филист-ясный сокол как всего навозил, добра всякого. Дак Господи! И надел, дак где тебе, никто узнать не может Марью-запечницу. И сестры не узнали. Пришли в церкву, ну а она позади тоже. Села на Филист-ясного сокола, приехала. В церковь пришла, и вся, вся так хорошо одета, народ не столько Богу молится, сколько на ее глядят. Смотрят.

Вот, — говорят, — какая откуда-то взялась. Не знаем и откуда.

Ну, стала обедня там отходить. Что уж скоро запоезжают, она сейчас вышла вперед, села на Филист-ясного сокола и поехала. До их приехала и опять за печку забралась, и будто никто не знает.

(Ну, а Филист-ясный сокол, не знаю, кем он там был.)

Вдруг эти сестры приходят:

— Ой, — говорят, — папа да мама, как сегодня в церкви какая-то девушка была. Дак люди говорят, не столько Богу молятся, сколько на ю смотрят.

Она говорит:

— А не я ли была?

— Ой, — говорят, — ты была! Запечельница, лежи спокойно там.

Ну, ладно. Пусть там. Ну, ладно.

Опять на второе воскресенье собираются ехать, дак оны ю зовут:

— Поедем, посмотришь, там девушки да всё.

— А, — говорит, — я видала. Ну.

Они опять смеются, что видала, за печью лежит, дак видала она! Они приехали. Она опять после них справилась. Сокрутилась, дак еще наряднее, лучше.

Ну, приходит в церковь опять. Народ глядит, дак не знают, откуль такая, и сестры не знают, что она.

Потом обедня отошла, она опять села на Филиста-ясна сокола, вперед их домой. Домой приехала, а забыла кольцо с руки вынуть. Ну. Оны опять ей рассказывают:

— Ой ты, Манька, не видела! Как девка там была. Ой, как была девушка, нигде таких нет на свете, такой не видал. Все на неё глядели. А попереди людей выйде, поди знай, куда она уедет. Потом взглянут, а у ней перстень-то этот золотой.

— Ой, — говорят, — ведь это наша Манька была-то.

Да у неё отобрали этого Филиста-ясного сокола. Ну. У неё отобрали, а он у них не жил, улетел.

Ну вот, эта Марья-запечельница и стала плакать. Стала плакать, говорит:

— Пойду я его добираться, где он есть.

Ну, пошла. Не знаю, куда. Шла-шла, подошла. Встретилась избушка, она говорит:

— Избушка, избушка, повернись ко мне лицом, туда концём, а ко мне лицём.

Избушка повернулась. Она зашла, а тут старушка.

— Куда, дитятко, идешь, куда пошла, откуль идешь?

— А пошла, — говорит, — не спрашивай-ко, бабушка. Пошла искать Филиста-ясна сокола. У меня был Филист-ясен сокол, а сестры у меня его отобрали. Он у них не жил. Так я его пошла искать.

— Ой, — говорит, — далеко он принялся, улетел.

— Дак как бы мне до него добраться?

Она ей дала золотое веретешечко, да какую-то прялку, такую хорошую.

— Вот, — говорит, — ты на. Там старушка тоже живет, бабушка. Ты к ней зайди и попросись, она тебя впустит. И у этой бабы есть две дочери, а ты пряди. Ты не прядешь, а у тебя само вертится и на веретешечко. Да прялочка такая хорошая.

Ну, эти сестры приходят к этой бабушке на вечерку. Эта старушка уж знала.

Они пришли, а она села за прялочку и сидит.

— Ой, — говорят, — тетенька (*или как они называли*), у тебя такая прялочка хорошая. Продай нам.

— А, — говорит, — не продажная, а заветная.

(Ей старушка сказала:

— Ты говори, что не продажная, заветная.)

Она:

— А сколько, — говорит, — за ю?

— А, — говорит, — дай отца на ночь! (*Филиста-то—ясна сокола на ночь просила*).

— Ну, мы, — говорит, — сходим к мамы.

Сходили к матери. Мать там согласилася, они прибежали.

— Мама сказала, придё!

Ну, они Филиста-ясного сокола напоили всякими винами, что он не малтат ничего. Они веретешечко да прялочку взяли. А он не малтат, что она там есть-то, Филиста-ясна сокола. Он тоже был заколдован. (*Не Филист-ясный сокол, а кто? Настоящий был.*) Ну, она пришла, его тут привели пьяного. Ну, пьяного привели. Он не малтает ничего. Она его и так и сяк:

— Филист-ясный сокол, я тебя ищу! Да к тебе приехала.

Ну, всяко, всяко. Стала его уговаривать. А он ничего не понимает. Ну, потом утро пришло. Эта Еги-баба ходит по дверям:

— Кикбрики по сеням, убирайся вон! — гонит.

Ну что делать, гонит, дак надо уйти. И она ушла. Ушла, потом опять на второй день так же. Вечер приходит, опять эти девушки пришли. *(Она сначала дала там, может быть, веретешечко, а потом прялочка уж надо дать. Ну.)*

— Ой, тетенька, продай нам эту прялочку.

— Нет, — говорит, — не продажная, заветная.

— А что, — говорит, — за ю?

— А, — говорит, — отца на ночь.

Она одно говорит, что отца на ночь.

— А мы сбегает к мамы.

Сбегали опять туда к матери, пришли.

— Мама что говорит, пусть идет!

Оны опять всяких вин нанесли на стол. Что пил он всяких-всяких. А он подумал: «Что же меня так поят? Вчера так напоили и сегодня». И он не стал пить. Так немножко выпьет, льет там в окно. Потом навалился, как пьяный, на стол. Свалился на стол, они его под пазухи взяли да и увели. Увели. Ну, потом как он не пьяный, дак и договорились с Марьей-то запеченницей-то, договорились. Она стала рассказывать, как было, да как добиралась, да как что. Ну вот. И потом утро приходит и эта опять Еги-баба и ходит по коридору:

— Стуки-брики по сениям, убирайся вон! — обзывает ее.

А он говорит:

— Ты никуда не уходи, а она сама уйдет.

И потом они как-то согласились быть вместе.

Всё!

70. [РЕПКА НА БАЕНКЕ]

Жили старик да старуха. Жили-были. У них была внучка. Пришла Иванска ночь. (*Как ночесь была*). Старушка говорит:

— Старичок, сходи-ко, — говорит, — посей на баенку репку.

Ну вот. Старичок сходил и посеял на баенку репку. Репка росла, росла и выросла.

Пришел еще какой-то там праздник, постный. Ну, говорит:

— Старичок, сходи-ко, нарви репки сегодня, мы, — говорит, — пары напарим и репников напекем.

Он как выстал на баенку. У него как выросла репа! Он рвал да был. Потом стал кричать старуху:

— Бабка, иди репку рвать!

Бабка пришла. Захватила за дедку. Дедка за репку. Репка крепка. Никто не может вырвать. Они закричали внучку:

— Внучка, иди репки рвать!

Внучка прибежала, захватила за бабу. Бабка за дедку. Дедко за репку. Тянут-потянут, вытянуть не могут. Они стали кричать Жучку:

— Жучка, иди репки рвать!

Ну, Жучка прибежала, захватила за внучку, внучка за бабу, бабка за дедку, дедка за репку. Как дернули репку! Репку вырвали, да и с баенки упали. Старушка убилась. Старичок заплакал:

— Ой, старушка убилась, что я заведу?

Ну. Убилась старушка, делать нечего. Старушку занес домой, да положил на лавочку. Да намыл, да пошел плакальницу наживать. Шел да был, ему ворона встречу попалась:

— Гра-гра! Далеко ли старичок пошел?

— Плакальницу наживать.

— Возьми меня!

— А как ты плачешь?

— Гра-гра!

— Плохо плачешь!

Ну и пошел дальше. Пошел. Попала зайка встрече:

— Далеко ли, дедушка, пошел?

— Плакальщицу наживать. Старушка пала с баенки, убилась.

— Возьми меня!

— Как ты плачешь?

— Вук-вук-вук!

— Не надо тебя, плохо плачешь.

Пошел дальше. Шел да был, лисица встрече:

— Далеко ли, старичок, пошел?

— Плакальщицу наживать!

— Возьми меня!

— А как ты плачешь?

— У старичка была старушка, пекла да варила, старичка кормила, больши просни пряла, клубья вила. Старичка поила-кормила. У-у-у. У старичка была старушка, пекла да варила, старичка кормила. Больши просни пряла, туги клубья вила.

— Ну, хорошо плачешь, пойдем!

Взял лисицу. Ну пришел, старушка лежит. Ну.

— Ты, старичок, пойдя за дверь, а я буду плакать.

А латка масла стоит в шкафу. Старичок ушел, она проплачет:

— У старичка была старушка, пекла да варила, старичка кормила.

Ну, старичок стоит за дверями:

— Что, лисица, все ли отплакала?

— Постой, постой, еще не все.

А сама масло ест. Опять и плаче:

— У старичка была старушка, пекла да варила, старичка кормила, больши просни пряла, туги клубни вила.

Отплаче. Там:

— Что долго? Скоро ли?

Ну, она масло с латки съела.

— Поди, старичок, открой дверь, у меня отплакано.

Старичок двери открыл, она с дверей убежала. Латку масла съела, так отплакала.

71. КОЛОБОК

Жил старичок да старушка. Старичок говорит:

— Старушка, ты бы, — говорит, — колобков напекла.

Она говорит:

— Ладно, старичок, напеку.

Сходила в амбар. (*Раньше амбары были*). По засекам муки нагребла, да принесла домой, да масла натеплила, да колобок замесала. Да сметанки, да всего. Спекла старушка колобок такой хороший. Выняла из печки колобок, хороший. Клала на окошечко холодиться. Колобочек с окошка пал да покатился. По дороге катился-катился колобок, попала ворона встречу.

— Колобок, я тебя съем!

— Нет, ты не ешь меня, я тебе песенку спою.

— А какая у тебя песенка?

Я колобок, я желобок,

Я на масле мешон,

На сметанке воложен,

На окошке холожен.

Я от дедушка ушел.

Я от бабушки ушел.

А от тебя, ворона, давно убежу.

Покатился колобок, а ворона осталась. Шел да был, заяка встретился:

- Далеко ли, колобок, покатился? Я тебя съем!
- Нет, — говорит, — не ешь меня, я тебе песенку спою.
- Какую песенку?

Я колобок, я желобок,
Я на масле мешон,
На сметане воложен,
На окошке холожен.
Я от дедушки ушел,
Я от бабушки ушел,
От вороны ушел.
И от тебя, заяка, убежу.

И покатился опять колобок. Катился да был. Да попала лисица встречу:

- Далеко ли, колобок, покатился? Я тебя съем!
- Нет уж, ты меня не ешь, я тебе песенку спою.
- А какую песенку?

Я колобок, я желобок,
На масле мешон,
На сметане воложен,
На окошке холожен.
Я от дедушки ушел,
Я от бабушки ушел,
От красной девицы еще,
От вороны ушел.
От зайца ушел.
А от тебя, лисица, давно убежу.

А лисица говорит:

— А, колобок, я не слышу! Встань-ко ко мне на носок да спой еще!

Колобок прискочил к ней на носок и запел:

Я колобок, я желобок,
Я на масле мешон,
На сметанке воложен,
На окошке холожен.
Я от дедушка ушел,
От бабушки ушел,
От вороны ушел,
От зайца ушел,
А от тебя, лисица, давно убежу.

А лисица хамнула и съела колобка. Всё.

72. СКАЗКА ПРО АНИТОЧКУ

Аниточка ходила на вечер. Вечорки там были. Клуб. Собира-
лось там много людей тоже. И вот приходил откуда-то один па-
рень. Такой нарядно одетый, хорошенькой. Ну вот, она с ним тут
познакомилась. Погуляли. Ну вот. На вечорке там гуляли ведь
раньше, сидели. Потом погуляли, пошли домой. Ну, он ю прово-
дил там, недалечко. Там сговорились, что завтра опять я приду,
и он:

— Хорошо, — говорит, — я тоже приду.

А неизвестно, он откуда был, этот парень. Ну вот. На второй
вечер, опять вечер приходит. Эта Аниточка собирается идти. Ну,
пришли. Она собирала там людей, и вот этот парень приходит.
Приходит, к этой Аниточке опять садится. Ну, там повечеровали,
потанцевали. Всего поделали. Потом опять домой захожили.

Он говорит:

— Аниточка, провадь меня домой.

А она ему сказала:

— Нет, я не смею тебя проводить.

— Ну, провадь недалечко, — говорит. — Рядом тут, к речке.

Она с ним прошла, поразговаривала. Она говорит:

— Мне домой надо.

— Аниточка, провадь меня до мостику, тут мостик еще есть.

Ну, Аниточка видит, что тут дело нехорошее.

— Нет, — говорит, — я не смею, мне домой надо.

— Ну, недалечко, только один мостик перейдем и всё.

Ну, один мостик перешли. А он еще дальше манит, что «провадь меня подальше».

Ну, Аниточка от себя тихонько фартук отвязала и бросила. Бросила, немножко подошла.

— Ой, — говорит, — я фартук утерjala.

Он говорит:

— Ну, для фартука, ничто. Подойдем еще немножечко.

Она говорит:

— Нет, я сейчас, сейчас у меня отпал, ты постой, а я только возьму фартук. Он сейчас у меня отпал, отвязался.

Вот она за этим фартуком вернулась обратно. И побежала. Она бегом, она бегом, она бегом. Она добежала до этого обратно мостика. Забежала под мостик, что больше не смеет бежать, не может.

Этот парень постоял, а ей нету. А недалеко у него были еще тут товарищи. И вот эти товарищи-то верно к нему подошли.

— Что?

— А что, она фартук обронила, да ушла за фартуком, — говорит. — Я не знаю, не мог дожждаться.

— Ой, ты, — говорят, — дурак, упустил.

Ну, она под мостик ушла, больше не могла бежать. Зашла под мостик. Пересидела, и они пошли. До мосту дошли. Она сидит, слушает там.

— Она может быть под мостом, — они-то говорят.

А другие говорят:

— А что она под мостом сидит разве?

Спичку чирнули. А спичка долго ли, погасла. Ну, они закурили, пошли домой обратно. Она тут посидела, посидела, потом тоже домой убежала. Так ушла от них. Ушла.

Потом опять вечер приходит. Она так с ними не по хорошему убежала. Опять вечер приходит, и собрались на вечорку. И она пришла, и он пришел. Он пришел, она говорит:

— Вот что я вам скажу всем вообще: мне ночеса сон показался.

— Давай, рассказывай, послушаем.

И он тут.

— Я будто вчера вечор пошла.

(Нет!)

Она, вишь, день-то пережила. Оны ушли-то потом, и она домой ушла. И потом она днем ушла, сказала матери:

— Мама, я пойду дров сечь сегодня.

— Да куда ты пойдешь?

— А я, — говорит, — схожу дров сечь.

Вот и ушла. Топор взяла, пошла сечь дров. Говорит:

— Пойду, узнаю, что за мужик это, за парень.

Пошла. Смелая была, верно: пошла дров сечь. И шла, и шла, и шла. Ей попало три росстани. Она не знает, по которой идти. Стояла-стояла-стояла.

— Давай-ко зайду влево.

В левую росстань зашла, подошла, дом стоит огромный. Такой домина стоит большой. Она в этот дом зашла. В этот дом

зашла. Зашла в этот дом. В этом доме чего и нету! Койки, все наслано, матрацы. И простыни. И всё до зини висят. Всего. Она также посмотрела в печки. Тоже там мясники сидят. Всё. (*Там ела, не ела, не знаю, посмотрела.*) Посмотрела в комодах и в шкафах. Нашла золотую ложечку, золотую вилочку. И потом еще что-то. Нашла. Вещи ихные нашла, себе взяла. Себе взяла, и стало темнеться. Она зашла под койку. Под койку запихалась, что идти некуда больше, запихалась под койку. Ну вот, они приходят, приводят девушку. Изымали девушку. Девушку привели. Эту девушку там испортили. (*Все эту девушку, там не знаю, сколько их было.*) А у девушки — стали ее резать — у нее выпал перстень. С руки. Этот перстень покатился к ней под койку. Она этот перстень схватила, себе взяла. Опять взяла. Ну, говорит:

— Чему быть, тому быть.

Ну вот. Оны:

— А давай, никуда не денется.

Ну, эту девушку, не знаю, её изуродовали, куда ее клали. Потом сели за стол. Надоставали там, супу начерпали. Сели. Всяких вин на стол клали, все пьяные. Напились. Все пьяные, ну такие пьяные, что кто где пал, не малтают ничего. Она все там лежит. Слушает, что будет, что говорят, чем кончится. Ну, в общем, заспали, все захрапели, что никто ничего не слышит.

Она тихонечко из-под койки вышла и пошла. А один проснулся, говорит:

— Ребята, у нас кто-то ходит.

Они говорят:

— Давай, кто ночью ходит, никто не ходит.

И она удрала, ушла. Домой. Ну вот, ушла. День так прошел. Домой пришла, забралася. На второй день опять была вечорка у них. Этот день она пропустила. На второй день опять на вечорку пошли.

Пришли. Тут их набралось. Были девочки да юноши, парни да все. Ну, она и сказала. *(Я второй раз уже это повторяю)*.
Говорит:

— Знаете что, послушайте: мне ночесе сон показался какой.
Послушайте.

И он пришел тоже.

Говорят:

— Говори! Послушаем!

Ну, она села и стала рассказывать, как было. Она так рассказывает:

— Я, — говорит, — вчера будто пошла. Мне показалось так во снах, что я будто пошла провожать тебя *(на его-то показала)*. Пошла тебя провожать. Ты мне сказал, что: «Пойдем со мной до крестика». Я тебя проводила до крестика. Ты мне сказал: «Давай до мостика». Я тебя проводила до мостика. Ты меня дальше стал звать. Я фартук потеряла. Фартук потеряла. Я говорю, что: «Мне фартук надо найти». А ты меня не отпускал. Ну, я все-таки за фартуком убежала. И вот, я убежала, села под мостик. А вдруг ты с какими-то идешь товарищами. Говорите, что: «Ушла она. Может быть, она тут сидит». А один сказал, что: «А разве она сидит?» Вы спичку чирнули, меня не видели. Вы ушли обратно, а я ушла домой. *(Он скажет, что «правда», а это «неправда». Это правда, а это неправда. Что небольшое — то правда, а что большое — то неправда.)* Ну вот, я потом пришла к вам под койку, у вас все хорошо, везде занавеси на кроватях там висят, не видно ничего. Кисти на койках. Я зашла под койку. Вы откуда-то пришли. Там сколько их человек было! Вы привели девочку. Эту девочку изуродовали. Ну, стали ее резать. У нее перстень с руки выпал. Я перстень подняла. Ну, его не искали.

— Это, — говорит, — неправда.

— Нет, — говорит, — правда. Вот, пожалуйста! Это ваши вещи.

Им стала вещи показывать.

— Эта вещь ваша?

— Да, — говорит, — наша.

— А эта, — говорит, — ваша? (*Там ложечка да вилочка.*)

— Да, это наши.

— А этот перстень, — говорит, — девушки?

— Не знаю, неправда. Это неправда.

— Нет. Это, — говорит, — правда, это было.

(*Уж разбойник был, наверно*). Его тут не спустили, захватили, а там их всех сцапали. Выловили. И на этом кончилось.

73. ПРО МЕДВЕДЯ

Жил-был старик да старуха, у них был парень да девка, семеро овец, соломенный дворец. К ним к окошку приходит медведь, кричит:

— Старик да старуха, парень да девка, семеро овец, соломенный дворец, дайте овечку взять.

А старик:

— Иди, старуха, выкини овечку.

Старуха выкинула. Медведь взял. Сколько-то времени прошло, опять идет.

— Старик да старуха, парень да девка, семеро овец, соломенный дворец, дайте овечки съесть.

А старуха говорит:

— Старик, ты выкинь овцу.

Выбросил старик овцу. А медведь хоть того больше съест. Что делать? Медведь опять и приходит.

— Старик да старуха, парень да девка, семеро овец, соломенный дворец, дайте овечки съесть!

Они говорят:

— Парень, иди, выкинь овцу съесть.

Парень выкинул. Всех вытаскал. (*Будто медведя не знаешь!*)

Потом приходит опять, кричит:

— Старик да старуха, парень да девка, семеро овец, соломенный дворец, дайте овечку съесть!

Ну, девка выкинула овцу. Все по очереди выкинули. Чего-то надо другое завести. Ну, медведь съел овцу, потом опять приходит, кричит:

— Старик да старуха, парень да девка, семеро овец, соломенный дворец, дайте овечку съесть!

Они говорят:

— Нету больше овцы.

Потом прихитрился старик, взял ружье, да его с ружья. Тот перевернулся. Не надо было кормить.

ПОГА

ЕВДОКИЯ МАКАРОВНА ЛЁВИНА

74. СКАЗКА ПРО КОЩЕЯ

Ну, жил-был царь. У царя было три сына. Он и говорит:

— Дак вот, сынки, пора вам жениться. Вот я спущу три стрелки... Выстрелю.

Вот первую стрелку стрелил старшему сыну Василию, она взлетела к королю на двор. Встала стрела. Вторая — царю встала второму, а третья — неизвестно куда улетела. Третьего сына Ивана. Ну вот, ён пошел искать. Ну, те сыновья, что у царя да у короля — обрадели, а тот не знает, куда стрелка улетела. Вот те женились: один на царёвне, другой на королёвне. А этому неизвестно, где еще невеста. Пошел искать по лесу. Ходил-ходил-ходил: избушка небольшая стоит. Посмотрел — стрела в избушке. Зашел — а сидит старуха старая-престарая.

— Слава те, Господи! Мне Господь муженька дал, женишка.

Он говорит:

— Ой, я тебя такую старую возьму? Дак мне тебя даром не нать.

Он потом переночевал тут. Она его напоила-накормила. Переночевал, ну и пошел.

— Уйду, — говорит, — все равно.

Ходил-ходил, весь день до вечера проходил, и домой он не мог найти пути. Не мог. Она скрыла ему. Ночью его впустила. Опять не знает, куда идти. Она говорит:

— Я тебе говорила, что ты от меня никуда не уйдешь.

Ну, и второй день. Опять. Говорит:

— А что мне. Куда с такой старой?

Она говорит:

— Тебе, а много ли тебе годков? — она спросила у него, у Ивана-царевича.

— А мне, — говорит, — 21-й год.

— А мне 22-й.

Он говорит:

— Двадцать второй? Ты такая старая, тебе, наверное, сто годов есть. Ой!

Она говорит:

— Нету.

Ну, и потом он опять поел-попил. Ушел. Ходил-ходил-ходил. Везде темный лес, нигде ни то [что] дороги, а тропинки нет. Ходил-ходил, день блудил, опять пришел. К ней пришел.

— Вот я тебе говорила, что никуда тебе от меня не уйти.

— Ну, давай! Свет стал (поели-попили) — давай пойдем.

Она вышла на улицу, платком взмахнула в сторону, в другу, в третью — дорога! Как пролетария. Он бегом от ей! (Что дорога, дак убежу.) Только маленько побежал, нету дороги, ничего нету. Все скрыто. И опять густо. Вернулся.

— Ну, давай, пойдем.

Домой привел. Привел, отец встречает. Заплакал.

— Вот, царь-батюшко, мне какую невесту, — говорит, —

какую достал. Вот дак и стрела, куды попала. Вот какая старуха попалась.

А отец и говорит:

— Ну, ладно, сынок, видно такая твоя судьба.

Ну и что? Надо жить. Она его муженьком зовет, а он ее старухой. Вот царь:

— Ну, ладно. Что придумать? Ну, ладно, сынки, завтра вы ко мне приходите все трое.

Ну, сынки пришли к нему.

— Что, царь-батюшко, нам прикажешь?

— А вот чтобы ваши жены спекли по такому хлебушку, чтобы я не то что есть, дак век бы не видал.

Ну, вот. А этот Иван-то царевич и говорит:

— А моей-то старухе дак никакого не спечти. Она ведь ничего не понимает пекчи.

Ну вот, пришел домой.

— Вот, — говорит, — отец сказал. Чтобы по хлебу.

Сходили муки первосортной купили, первокачественной белой, там дрожжей и всего. Те пекли, пекли, ничего не могли спекчи. Ну, вот, эта жена и говорит:

— Сходи, — говорит, — муженек, купи муки хорошей. Изюму, песку. И принеси дрожжей и все мне принеси. Я сама испеку. Какой-нибудь.

Вот он принес. Вечер пришел, ён спать, он улегся. Она сошла, калитку открыла. Ушла. Эту муку всю на воздух раскидала. Всю муку эту, дрожжи и все-все, и говорит:

— Ветры буйные, спеките мне такой хлебушек, что я, не то [что] царь-батюшко, мой свекор бы едал, дак и нигде бы не видал.

Ну, вот. Тыи там не смогли спекчи, сходили в лавку, по буханке по белой взяли. А этот ёна принесла хлебушко. Поутру спит — ворота щелкнули, запружило. Ветер. Ворота. Она пришла —

хлебушко уж в коридоре. Ну, пришла, дак удивилась. Мужу не показывает. Скорая в полотенце завернула. Ну, и запоходили. Братья зашли:

— Ну, давай, пойдём, Иван, к отцу, понесем хлебушко.

У старшего взял.

— Ой, как, хлеб-то, — говорит, — лавочный. Ой! Как такого хлеба у меня...

— Это, батюшко, от моей старухи уж, извини, буде какой, скажет.

Как развернул — и всякие кресты, и всякие этого. Всякими-всякими фигуренками, дак он удивился.

— Вот так, — говорит, — и старуха! Такой могла хлеб спекчи, я нигде не видал и не едал. (*Такая была вот булка-то. Всякими блинками.*) Ну, ладно, большое спасибо скажи своей старушке!

Ну, вот, пришел:

— Тебе свекор большое благодарствие наказал на хлебушко. Удивился: такое, да еще полотенце шелковое хорошее совсем.

Вот несколько времени прошло, опять стали вызывать детей. Ну, вот, оны пришли.

— Ой, — говорят, — Иван, опять нас отец вызывает.

— Ну, вызывает — подьте, — эта старушка-то.

Ну, они сходили:

— Что, царь-батюшко, нам прикажешь?

— А вот чтобы ваши жены сошили бы мне по такой рубашке, что я не то [*что*] дярживать, дак не видал бы.

Ну, он говорит:

— Их жены, царевна да королевна, дак сошьют. А моя старуха — что она? Ну, моя старуха, може быть, какую-ни рубашку сошьёт.

Ну, и пришел.

— Вот, — говорит, — вот велел такую рубашку сошить, чтобы «я ни то [*что*] дярживал, дак и не видал». Но ты тоже.

Ну, они сходили братья, набрали там хорошего, одну рубашку взял, этого, матерьялу тоже всякого. Тые шили-шили, ничего не могли, все спортили. Братья сходили, один взял голубую шелковую рубашечку, другой взял такую синенькую. В магазине. Не могли жены сошить. Ну.

— А ты, — говорит, — старуха, можешь ли сошить?

— Вот сходи, купи матерьялу хорошенького, самого нежного, хорошего.

— Какой цвет?

— Цвет такой розовый. Возьми, — говорит, — таких ниток, таких пуговиц. Чтобы все одно к одному было.

Ну вот, ён сходил, взял. Она говорила: «хороший матерьял». Вечеру попили-поели. Муж спать лег, она слышит: захрапел, спит. Ну, взяла топор, клала туда полено и на мелкие-мелкие кусочки этот материал вырезала. Ну. И опять по ветру и спустила.

— Ветры буйные, сошейте моему свекрушку батюшку такую рубашку, чтобы он не то [что] дряживал, дак и не видал.

Поклонилась ветрам. Ну вот. И села ввечеру, сидит, шьет там что-то на машины. Муж:

— Что шьешь, старуха?

— Шью. Зачинаю шить рубашку.

Ну. Манит ему. Потом опять ночь прошла. Поутру ни свет, ни заря, ветер во все двери запружил. Калитки отворотились. Ну, он и пришел. Поглядела — рубашка готова. Дак ой! Удивилась. Опять в полотенце завернула. И говорит:

— Не развязывай, не гляди и братьям не показывай! Там развернешь, у отца.

Опять братья пошли, зашли:

— Ой, у нас так не могли сошить. Полгляди-ко, брат, купили ярманочные. Лавочные купили.

Вот он это взял, как ейну развернул, дак удивился. Нигде не мог шва никакого найти, что как она и сошита.

— Да, — говорит, — вот дак рукодельница! Вот так и рукодельница!

Дивится! Ну, сыновьям, тем ничего не сказал спасибо невесткам, а ей дак до того спасибо сказывает.

Ну, пришел домой.

— Что батюшка сказал?

— Очень-очень большое спасибо! Ему в воскресенье день рождения, он нас на день рождения приказывал. И эту рубашку на день рождения оденет.

Ну, вот. Приходит воскресенье. Там послали: что вас отец (*там слугу*) приказывает на день рождения взять. Ну, и эти братья два собрались. Пришли к нему, а этот брат говорит:

— А я-то один пойду, я старухи не возьму.

А она:

— Поди, поди, я на чертах приеду. Ты поди один.

Ну вот, запоходили. Она им говорит:

— Вот сойдите, сядьте за стол, гром как загремит... (*Нет!*) Дождь задождит, скажете: «Что это дождь задожжал?» Ты скажи, что «моя старуха умывается». Как молния замаше, махнет молния, а ты скажи, что «моя старуха одевается». А гром как загромит: «Что это как гром загремел?» — скажут. А ты скажи, что «моя старуха в карету садится».

Ну вот, оны уехали.

Она спасалась от Кощея, она спасалась, у нее платье было из гадов, с гажьей шкурки. Она это платье оденет, вся постареет, это платье снимет—вся красавица. Вот поехала. Это платье сняла. Там в комнате, там в спальне повесила. Там это платье. Ну, и карета прикатилась. Вышли. Говорит:

— Ой, моя старуха, наверно, приехала.

Как пришли встречать — красавица! Платье все светило, как жар в комнате. Ну, тут ей:

— Кто такой, кто такой приехал, какая красавица!

А она:

— Ну! А твоя старуха. Была старуха, а стала красавица!

Он обрадел! Её целовать, обнимать. Ну, и за стол, стали кан-воноваться, угощаться, вот стали рыбку есть. Невестки сели у нее рядом. И тут сели все. Она рыбки возьмет и за рукав туды косточки спускает. И стали они. Она, если маленькая косточка — она за рукав. А эти невестки, глядят, тоже за рукав косточки складывают. Что это, мол, такое? Ну. Вот, поугощались. И они с мужьями вышли гулять. Она эти косточки взяла, с рукава стряхнула — сад стал с яблонями, со всякими, со всякими, со всякими фруктами, со всякими. И тут и музыки поют и тут и все в саду. Удивились.

— Андель! Волшебство!

Волшебством всё!

Вот погуляли. Ёна говорит:

— Как тебе я, Марья-царевна?

Он говорит:

— Марья-царевна, можно мне домой на гореце съездить?

Она говорит:

— Съезди, но только ты что увидишь, не трогай дома.

Он приехал, в комнату зашел, видит — платье гажье. Он сейчас, огонька развел, и это платье сожжет. Сожет! Ну, платье сожжет, приехал. Она говорит:

— Ты что дома сделал? Платье мое сожжет?

— Сожет. Что я со старухой такой буду жить, а ты такая красавица прелестная?

— Ты скоро меня не увидишь.

— Почему?

— Кощей. Я 20 годов в этом платье, в этой шкурке 20 годов спасалась. Меня спасали, а то бы меня давно Кощей увез.

Вот они вышли с ним гулять, вдруг это орел-самолет летит. И Кощей сейчас схватил на два самолета и увез.

Ну, тут и этот сад потерялся, все потерялось.

Ну, и ён тут плакать. Ну, что. На той поры думал: «более ее не видать...» Он пришел домой. Приехал домой.

Мать:

— Вот ты дела-то наделел дак!

(А они все по отдельности жили. А отец с матерью отдельно.)

— Ну, — говорит, — матушка, пеки подорожники мне, хлеб. Я пойду. Может быть, не могу ли жены достать?

— Где тут достанешь от Кощея жены?

Ну, вот. Справился и пошел пеше. Пошел. Шел-шел. Весь день, дак не едал, не пивал, ногам отдыху не давал. Стоит дом, и он к этому дому подходит, выходит женщина.

— Здравствуйте, можно у вас переночевать, тетенька?

— Пожалуйста. Далеко ли вы пошли?

— Вот, — говорит, — у меня Кощей жону утащил. Я сожгал ейное платье.

Она:

— Ох, ты, подлец, такой сякой! Ты у меня... Моя, — говорит, — это племянница. А ты у меня племянницу решил.

Ну, накормила его, напоила, поругала, понятно, что он сделал это. Накормила-напоила, поругала. А Кощей улетел, он ю увез. Ну вот, говорит:

— Не знаешь ли, тетенька, подсказать, как мне попадать?

Она дала ему клубочек.

— Вот этот клубочек покатится, за ниточку захвати, по этому клубочку все и иди.

Вот клубочек катился-катился. Опять дом стоит. Он устал весь уж, больше... Опять женщина вышла, постарше.

— Тетенька, можно у тебя переночевать?

— Можно. — Ну, запустила. — Куда вы попадаете?

— А вот у меня Кощей жену увез, я плачу.

— Ой, ты, подлец! Я ей средняя тетка. А ты у нас племянницу решил. *(Жону решил, ну).*

— Так она в платье ходит, старухой дак.

— Ну, пусть она старухой.

— Да что я со старухой-то, долго ли буду жить? Ну?

— Ну, а сейчас тебе ее не видать.

Ну, вот, ночевал, опять пошел. Поел-попил. Вот шел-шел. Она его покормила-напоила, на дорожку проводила. Ну, и он пошел опять. Пошел. Шел-шел, дом стоит.

(— Ну, я, — говорит, — тебе ничего подсказать. Там старшая тетка, тая тебе подскажет, как к Кощею подходить, в Кощеин дом.)

Ну, вот, пришел. До того устал. Весь день не едал, не пивал. Ногам отдыху не давал. Все шел. Ну, пришел. Дом стоит хороший. Собака залаяла. Она вышла.

— Тетенька, можно у вас переночевать?

— Пожалуйста, ночуйте. Ну.

Собаки залаяли. Она рыкнула:

— Нельзя! Собаки не тронут.

Вот ночевал. Она и спрашивает:

— Далеко ли ты пошел?

— Вот, — говорит, — пошел как-нибудь жену выручать, разыскивать.

— А что Кощей?

— А вот у меня, — говорит, — жену утащил.

— А ты что сделал с женой? Как мог жену Кощею отдать?

— Платье сожгет. Гуляли, — говорит, — вышли гулять, и он утащил.

— Ну, дурак ты, дурак ты. Решил жену. Ну, ладно, ничего. Может быть, как-нибудь достанешь.

— Вот, — говорит, — как мне к дому подойти?

— Вот поди. По этому клубочку, куда клубочек катится, ты и поди. Дом ты увидишь, близко не подходи. Ляг в кусты и дожидайся, когда Кощей с дому заполетает. Ну вот, на орле-самолете.

Он в кусты лег, чтобы он не заметил. Не увидел его. Притаился.

Кощей поезжает на орле-самолете.

(— Ты, — говорит, — еще и сейчас лежи. Он, может, вернется чего-нибудь.)

Ну, Кощей уехал. Часы на руке. Ружье еще с собой, ружье взято. Он на часы посмотрел, час лежит. Вдруг жона вышла на улицу. Марья-царевна вышла на улицу. Он как ее увидел, да бегом туда. Она тут обрадела! С ним поздоровались.

— Как ты попал?

— А вот попал! По твоим теткам шел, к той и другой и третьей. Вот мне тетка подсказала, как дойти.

Ну, она скорее все сготовила, его накормила-напоила. А Кощей улетает в восемь часов, а прилетает в пять часов вечера, в пять часов. Ну, тут они поугощались с ним. А она сундук большой принесла, что его в сундук класть, как Кощей прилетит. Приготовила сундук в комнаты, а тут его койка у порога. А у ей в комнаты койка. Они не вместе с Кощей спят. Не вместе. Ну, вот. Четыре часа, пол-пятого. Скоро Кошай прилетит.

Ну, Кошай летит, она его скорее в сундук. Крыльцо поло. И вышла Кошя встречать.

— Ну, Кошеюшко приехал!

Ну, и лошадь туда в конюшню заперли. Орла-самолета. Он идет в избу.

— Фу-фу-фу, что в избы русской дух? Марья-царевна, кого-ни ты запустила.

— Что ты, Кошачюшко! По Росее налетался, русским духом нахвтался. Кто у меня? — Заплакала. — Что ты, — говорит, — у меня никого нету, да что ты?

— Ну, может быть, и я по Росее летал, дак русского духа нахвтался.

Ну, вот. Накормила-напоила.

— Кошачюшко, пойдем, я у тебя в головушке поищу, я у тебя часто ищу.

Ну, и стала:

— Кошачюшко, ты меня любишь, мы с тобой живем хорошо. Так вот расскажи-ко, где твоя смеретушка? Ты бы ю достал, да мы бы клали на божничку, да я бы ю разукрасила цветамы всякими!

— О! Я своей смеретушки скоро доставать не буду! Я проживу до ста годов. А потом смеретушку буду доставать.

(Ну, а Кошай-то бессмертный, дак ему смерть не пришла. У него смерть в яйце дак.)

Ну, она заплакала.

— Ты меня не любишь. Хоть не достал, дак хоть бы рассказал, где она, да все-таки я знала бы, что где твоя смеретушка-то.

— Смеретушка? Ну, я тебя, Марья-царевна, красавица, люблю, дак скажу. Моя смеретушка за тридевять морь, за тридевять озер, за... *(Погоди!)* в тридевятом царстве, в десятом государстве. Там есть, — говорит, — гора, на горы есть дуб, в дубу — сундук, сундучок, в сундучку — утица, в утице — яичко. В яичке моя смерть. Далеко.

Ну, вот.

— Ой, Кощаюшко, далеко твоя смеретушка. Да ты и не будешь доставать?

— Пока не буду! Надо с тобой, с этой красавицей пожить.

— Дак ты бы, Кощаюшко, хоть бы достал-то.

— Нет. Пока, Марья-царевна не буду. А потом. Потом, как старой-то буду, поплоше-то, потом достану. Ну.

Она думает: «Леший с тобой, рассказал хоть!»

Ночь пришла, поели-попили. Ночь пришла, Кощай лег спать. Она там, в другой комнате легла, а ей не спится. Муж в сундуку дак. Разве спится?

— Ты что сегодня худо спишь?

— Ну, а я дак гляди как сплю.

— Спи, спи, Кощаюшко, тебе ведь надо лететь дак.

В семь часов выстала, чай сготовила, завтрак сготовила, Кошья накормила-напоила. В восемь часов полета. Там накормила орла. Она сама его кормит. Орла накормила, самолет. Вот, полета. Сел, улетел. Она говорит:

— Можо, ён хитрый?

Его еще долго не выпускала. Часа два прошло, потом уже выпустила, что «он не вернется ли? Може меня испытывает, може почувствовал, может вернется? Ну, нет, не слышать». Самовар горячий. Тут у нее все. Выстал. Ёна рассказала:

— Вот так-то. За тридевятом. За тридевять морь, — говорит, — за тридевять озер, в тридевятом царстве, в десятом государстве, там где дуб, в дубу сундучок, в сундучку утица. В утице яичко. В яичке — смерть!

Он справился, пошел. Она ему напекла тут на дорогу. Надавала, он пошел. Идёт. А клубочек-то катится. Ён по клубочку идет. Озеро. Он-то говорит:

— Попить, — говорит, — мне-ка.

Попил. Вдруг жука большая такая. Он присел:

— Ой, какая щука большая! Эта щука — у меня котелок е, дак сварить и покушать.

Она говорила человеческим языком:

— Иван-царевич, не убивай, я тебе пригожусь.

Он говорит:

— Впрямь пригодишься?

— Пригожусь.

Он и подумал:

— Ладно, я, может быть, пошел доставать смерть Кощея, да может быть, пригодится.

— Ну, ладно, поди.

Шел-шел-шел. Коршун плавает. Он:

— Ох, какой большой коршун, — говорит, — дай-ко, убью.

А коршун говорит:

— Иван-царевич, не убивай, я тебе пригожусь.

Он:

— А чего ты мне пригодишься?

— Пригожусь, запомни навсегда.

— Ну, ладно, коршун, не убью, может быть, пригодишься.

Он и подумал: «Может пригодиться».

Опять пошел, идет, затрещало в лесу. Медведь.

— Ох, какой медведь! — целится.

Он и говорит:

— Иван-царевич, не убивай меня, я тебе пригожусь.

— Да что ты мне, разве пригодишься?

— Пригожусь.

— Ну, ладно, медведь, поди, может, пригодишься.

— Я тебе сослужу, что тебе потребуется.

Опять подошел — волк! Он опять прицелился. Он и говорит:

— Ой, какой волк! Убью, дак мне дают премию. За то, что я волка такого убью.

Он и говорит:

— Иван-царевич, не убивай, я тебе пригожусь.

— Ну, давай, подьте.

Пошел, клубочек катится-катится-катится. Катился-покатился. Он покушал, дорогой поел. Ну. Светлота кругом. Тридевятое царство показалось! Ён это царство тридевятое прошел. Опять клубочек катился-катился-катился. Тридесятое государство. Город показался.

Вот ён в первый дом зашел. Зашел в первый дом. В то царство. Повстречался. Его хозяйка впустила... Его ночь пристигла. *(А летом, дак светло.)*

— Нельзя ли, хозяйюшка, ночевать?

— Пожалуйста! Ночуйте, добрый человек. — Его накормила.

— Далеко ли ты путь держишь?

— А вот, — говорит, — хозяйюшка, путь держу. *(Ну, все рассказал. Как жену унес Кощей да, все да.)* Так вот пошел. Этта у вас есть гора.

— Есть! Гора е, на горы дуб е, дуб, — говорит, — толстой, дуб такой, что обхватом не охватить. Такой дуб! Его нельзя ни спилить, ни ссечь. У-у! Ни спилить, ни ссичь. Пила не хватит.

— Ну, ладно, пойду. Я пошел, — говорит, — в этом дубу есть сундук, сундучок, в сундучке утица. В утицы яйцо, в яйце Кощеава смерть. И пошел доставать.

— О-о! Вот ты куда!

Ну, вот, он пришел. Да удивился: дуб стоит не так высокой, а очень толстой. Выстать, не выстать. Вот и ходит. Ходил-ходил-ходил. Говорит:

— Да я вспомнил! Этот бы дуб медведь да волк, дак они бы могли коренья подкопать, подрывать... Эти коренья прервать, и мог бы этот дуб пасть.

Вдруг волк бежит, медведь бежит:

— Вот, Иван-царевич, мы тебе пригодились!

Ну, и давай рыться. Рыли-рыли. Он — дуб — стал пошатываться.

— Не робей, Иван-царевич! Падет дуб!

Опять еще подрали. Медведь как сзади разбежался, как...! Ну, медведь, дак. У него силы много. *(У медведя 12 сил лошадиных. Вот. 12 лошадей, а у него у одного сила така. 12 лошадиных сил у него.)* Он как разбежался, лапами как скочил. Дуб пал! Ну. И давай волк да медведь ворочать. Ворочали-ворочали. Дырка большая, сундучок показался. Ну, они сундучок достали. Медведь и говорит:

— Иван-царевич, тихонько режь, чтобы птица не улетела.

Он только отвернулся, утица вспорхнула и улетела. Ну! Вот ты беда-то! Он говорит:

— Ой, где-то у меня коршун был! Ён говорил: «я тебе пригожусь».

Коршун летит, да и утицу тащит. Поймал!

Эту утицу тихонько распорол, яичко достал. И этих поблагодарил, зверье. Они говорят:

— Вот мы тебе и помогли. И только береги это яичко, не сломай дорогой. Ну, конечно, сломашь, дак это не вредно. Сломашь, и Кощай умрет. Хоть дорогой сломашь, придешь — Кощай уже мертвый. Ну. А унеси целиком как-ни яичко.

Он пришел к этой хозяйке. Ночевал. Яичко показал. Поблагодарил хозяйку: кормила-поила хозяйка. Ну и пошел. Шел-шел-шел, опять к этому озеру пришел, где щуку убивал, хотел убить. Пить захотелось. Как стал пить, наклонился, у его яичко с кармана выкатилось, да и пало в озеро. Он говорит:

— Ой, беда!

Взял кол долгой, смерял — глубоко.

— Ой, не хватит сил. Если мне яичко искать.

Щука плывет, приплыла, да яичко схватила. Говорит:

— Держи, боле не теряй, боле тебе помощи никакая не будет.

И он берегё яичко дак. Ну вот. Это яичко достал. Придет.

А ена ему сказала — как он походил — что: «как ты придешь, если достанешь, жив сам придешь, дак если Кощай дома, я выкину за дом флаг черный, а если Кощая нет — флаг красный». Он идет, все аккуратненько, чтоб на Кощая не попасть. Флаг красной! Флаг красной выкинут, ну, он и идет. Она его увидела и вышла, его встретила. Он показал. Вечером ему смерть придё. Придаем.

В пять часов Кощай едет больной. Занемог. Смерть достата дак!

— Ой-ой, Марья-царевна, убери орла-самолета, обери, пособи в крыльцо выстать.

Он уж болеет порато.

— Кто-ни, верно, мою смерть достал, — говорит.

— Ой, Кощаюшко, кто твое яичко достал? Кто? У нас никто не был. Кто? Ты, буде где-нибудь просказался?

— Я нигде не говорил! Повали меня на коечку!

Она на коечку его повалила. Повалила.

— Ой-ой-ой!

Она взяла яйцо и на долонь клала:

— Вот, Кашеюшко, твоя-то смеретушка!

Он простонал:

— Ох, ты, подлая! Ты мою смеретушку достала!

Она как со всей силы яйцом хлопнула! Кинула оземь, и яйцо все блином сделалось! Кощай подход! Ну, ёна мужа выпустила, обрадели. Сейчас этого Кощая всего на куски высекли. Огня развели, этого Кощая сожгли. А этого орла застрелил, чтобы орел чего-нибудь над нима не сделал. Застрелил орла. В конюшне

там застрелил. И орла сожгли. Это что ценно там, забрали хорошее. А худое: этот дом зажгли и ушли.

У них опять клубочек покатился, и к первой тетке идут. Тетка увидела — обрадела. Племянница с мужем идет! Ну, тут наугащала их. Они передневали тут. С такой дороги-то!

Опять ко второй тетке пришли. Опять у второй тетки передневали. Опять тетка обрадела, средняя-то.

Опять к третьей тетке. Ну. Тая:

— Ой, да как ты мог достать?

— Достал! Яичко достал, — рассказал как про свое путешествие. — Вот достал. Кошачья угробили. И сожгли. Всё решили. Теперь, Марья-царевна, пойдёшь на все. Красавицей будёшь, на все на четыре. Никто тебя боле не унесет.

Ну, вот. У той тетки передневали, потом домой в свое царство поехали. Идут, встречают. Тут и отец-мать, братья и невестки. Ну. У них пошел потом. Свадьба-то не была у них. Как худая невестка-то была. Невеста-то. (*Старуха, дак*). Ну, тут свадьба, пир. И пошло гулянье.

На пиру я была, мёд я пила, по губам текло, а в рот не попало. Не знаю, сладко или не сладко. Ну, все.

75. ЦАРЬ ТЬМА

Жил-был муж да жена. Пять лет живут, и детей не было. Вот в одно время в ихню деревню приходит старичок старый. Всю деревню обходил, никто его на ночлег не пустил. И сказали:

— В нашей деревне, там самый крайний домик, тут мужчина с женщиной бедно живут, оны всё пущают нищих и всяких ночлежников.

Ну, он и пришел, постучался.

— Пожалуйста, пожалуйста, мы всех пускаем. Пожалуйста, дедушка.

Этот дедушка вошел. Они приготовили, что есть за душой, все на стол несут. Вот старичок поел-попил, ночевал и говорит:

— Дак что, у вас нету детушек?

— Нет. Пять лет живем, желаем, хоть бы один был, нету. Вот. Достал яблоко.

— Вот нате-ко, при мне по пол-яблочку съешьте, у вас в скором времени дети будут. Будет мальчик.

Старичок поблагодарил, что его впустили мужик да женщина, наугощали.

Вот они съели. И у нее быстро-быстро стал животик подниматься-подниматься. Животик большой стал. Вот может быть месяц, пять, шесть, Бог знает, не написано, нету в сказке. Большой живот, такой дак Господи. Муж и говорит:

— Чего, жена, такой живот большой? Ты, — говорит, — верно двух.

А она:

— Ну, давай-ка двух. Хоть бы у нас дети-то стали.

Она была красавица золотоволосая. Волосы у ней все были золотые, никто про это не знал, что у ней волосы золотые. Она все платок носила. Не показывала никому своей головы. Вот муж уехал в одно время прекрасное пахать. Уехал. Она зарожала и родила сына. Ну, хорошо, она родила. Как посмотрит, у сына круг себя золотой пояс и два кинжала на поясу. Золотой пояс и два кинжала.

Она этого паренька завертела там в пеленочки и повалила, муж идет. Приехал поздненько с пашни.

— Ну, что, жена, не можешь?

— Не могу, да у меня сынок родился.

— Да?

— На-ко, посмотри сына.

На столик повалил, сын большой. Повалил на столик. Золотой пояс кругом, уж его не отвяжешь. Да ничего! Он как будто скован. Ну, два кинжала на поясу. Она стала этого сына растить. Немного, месяца три растили. Муж, жена, все с сыном возились. Потом уехал муж пахать поздно. В одно время. И поздно, и поздно, и темень, а мужа нету. Месяц заводит, все мужа нету. Она сварила ужин, приготовила, ребеночка напарила, в люльку повалила и сейчас говорит:

— Дай-ко, я ему посвечу. Он увидит свет, дак быстрее придет.

Взяла, платок сняла, на стол клала, перстень золотой выняла. Окошко открыла. (*Вот как у нас.*) Вся выпихалася в окошко туды, осветила. В это время запружило, Царь Тьма ехал. И ю за плечи, на коня и увез. Женщину-то эту увез. Муж едет — что такое? Все след мелькает.

— Будто, — говорит, — огонек, будто нету. Неужели кто мою золотоволосую жену увез?

Пришел домой, окошко полое. Лошадь скорей на конюшню клал, в избу прибежал. Лампу зажгал. Нигде никого нет, жены нету, ребенок один. Он посмотрел — косынка на столе. Перстень будто. Жены нет. И давай плакать. Еще маленький ребенок остался. И сидит, плачет:

— Что мне делать? Вдогонку бежать — не догнать. На лошади ехать — не догнать. Уехать, так ребенок погинет. Жалко сына. Ладно, буду сам растить.

И вырастил его. Шесть ему лет стало. А этот Царь Тьма увез ее. Вот 6 лет прошло, сын уже стал ходить с отцом работать. Готовые два кинжала дров нарубят, все наготово. Два кинжала эти. Вот ему стало 12 лет. Он говорит:

— Вот что, сынок, ты тут побудь, а я пойду в город, чего-нибудь куплю. У нас уж еда-то приедается. Дак чего-нибудь куплю.

Ну. Ушел. Долго, долго, долго нет. Ну, он в ожидании отца взял ружье и пошел.

— Пойду, может, какую птицу и убью. Какую-ни и убью. Ходил-ходил, ходил-ходил по лесу, никого не убил. Гора высокая, у горы старуха старая-старая-престарая, а несет пшеницы мешок на плечах. Постават⁷⁵ — обратно падё. Постават — обратно. Он подскочил:

— Бабушка, дай-ка сюда мешок.

Взял, себе на плечи кинул мешок и старуху. И выздыл⁷⁶ на гору обоих — мешок пшеницы и старуху.

— Откуда у тебя такая сила взялась? Кто тебе такую силу дал? — говорит старуха.

— А я с такой силой родился.

— Дай тебе Бог еще две такие силы.

Вот, потом говорит:

— Так вот, бабушка, ты везде ходишь, вот. Не видала ли ты, не слышала ли, кто мою мать увез, золотоволосую красавицу?

— Да, дитяtko, слыхала, слыхала. Увез твою мать Царь Тьма. А она еще жива, она там, у него.

— Да как же мне узнать, как туда попасть к Царю Тьмы?

— Не знаю, дитяtko. Ты спроси у мисяца. Ну, у мисяца спроси. Мисяц, ведь он светитель небесный, он все освещает везде. Ну.

— Ну, ладно.

— Не дай Бог твоему врагу до хлеба не дотянуться, вволю заклепнуться. Который мать-то увез.

Дак. Пошел домой, отца нету. Посидел-посидел. Отец идет. В новых брюках, нова фуфайка, нова шапка, всё новое. А ушел в старом. Сын ничего ему не говорит.

⁷⁵ Поднял (примечание собирателей. — А. Л.)

⁷⁶ Поднял (примечание собирателей. — А. Л.)

— Вот, сынок, мы сейчас будем с тобой богато жить.

Сын ему в ответ ничего не говорит.

— Мы с тобой будем богато жить потому, что у меня сосвата-на богатая невеста. Погляди-ко, брюки дала новые, новую фу-файку, новую шапку, все новое, всё.

Он говорит:

— Мне твоего богатства не надо. Ничего. Ты дай материнский плат шелковый, косынку вот эту, да перстень золотой, мне боль-ше ничего твоего не надо.

Он говорит:

— Нет, не даю.

— Нет, — говорит, — давай. Отдавай.

Ну, отец побрыкался-побрыкался — отдал. Он эту косынку развернул, этот перстень золотой клал в косыночку, запихал за пазуху, завязал. И пошел. Отец ему:

— Сынок, сынок!

Он даже не отвернулся, слова отцу не сказал. Ушел, он осер-дился. Отец уж старик невесту другую сосватал. Ну, пошел пешо. Идет. Лошадь лежит на дороге. Он взял эту лошадь.

— Что на дорогу навалилась, — говорит, — пройти-то нельзя. Лошадь человеческим языком заговорила.

— Молодец, я лежу, это ехал Царь Тьма, вез красавицу зо-лотоволосую. Так вот, — говорит, — меня приковал Царь Тьма, чтобы ейный муж не догнал меня и не отнял бы эту красавицу обратно, жону. Так вот, — говорит, — сбавь меня, куда надо — туда я тебя и свезу.

Он прошептал тихонько:

— Два кинжала, мы родились вместе, росли вместе, путь дер-жим вместе. Надо все эти цепи перерубить.

Два кинжала все эти цепи перерубили.

— Ну, давай, встань!

Еще конь не встает. Посмотрел, еще там вниз винт кладен, еще прикован конь. Он взял, еще:

— Ну-ка, давай!

Еще перерубили. Конь выскочил, а эти два кинжала на свое место опять. Ну, сел на коня и поехал. Идѐ. Месяц показался. Он говорит:

— Месяц, светитель небесный, ты освечиваешь все. Не видал ли небось, подскажи, каким местом Царь Тьма мою мать — золотоволосую красавицу — увез?

— Вот чего не знаем, того не знаем. Ты спроси у звезд. Звезд ведь много. Везде они освещают, повсюду ведь их свет.

Ну, ехали-ехали-ехали, звезд много, он спросил:

— Звездочки небесные, вы светите, вы все освечиваете. От вас все видно, ясно, так вот, не видели ли каким местом мою мать, золотоволосую красавицу, увез Царь Тьма?

— Вот уж чего не видели, так не видели. Не скажем, ты спроси у солнышка. Солнышко как раздыне, так везде все видно. Он светитель, всеместный обогреватель.

Звездочки так сказали.

Ну, ехал-ехал. Всю ночь проехал. Солнышко повставало. Выстало солнышко, высокононько, запекло ярко-ярко. Ну, он и спросил:

— Красно солнышко, светитель всему миру, скажи, пожалуйста, не видал ли каким место мою мать Царь Тьма вѐз, красавицу золотоволосую?

— Вот не видал, так не видал. Везде светил, но не видал. Ты спроси у ветра. Ветер, ведь он быстрый, он, — говорит, — в каждую дырку заглянет. В каждую щелку заскочит. Это правда, ветер везде забегает. Вот ты у ветра спроси.

Ну, он опять и поехал. Поехал. Ветер как спустил, так Господи боже! Вот он:

— Ветер, Господний воздух! Ты везде, — говорит, — рыщешь, везде свищешь, в каждое место забегаешь, везде увидишь. Так вот, не видал ли каким местом мою мать Тьма-царь вез, каким местом красавицу золотоволосую?

— Так вот, я был в одном месте, во всех комнатах был, в одну комнату не зашел. Она должна, — говорит, — там быть. Так поезжай прямо.

Он поехал, ехал-ехал, приехал — пожня. К речке — пожня.

— Травка зеленая, скажите, пожалуйста, не видели, каким местом мою мать, красавицу золотоволосую, Царь Тьма вез?

Травка даже не колыхнулася. Значит, она не видела. Опять поехал. Речка, вода, озеро.

— Водушка, матушка, скажи, пожалуйста, не видала ли ты, каким местом мою мать, красавицу золотоволосую, Царь Тьма вез?

А водушка даже не ворохнулася. Значит, не видала. Ну, и поехал. Едет, а по озеру как золотая борозда. Он говорит:

— О, моей матери наверно волосина пала. От золотой волосинки отсвечивает.

Ехал-ехал-ехал. Стена, такая крепкая стена, дак! Он прошептал:

— Ну, два кинжала, мы родились вместе, путь держим вместе, ну-ка давай, эти стены разрубите, мне пройти!

Разрубили. Он коня спустил на волю, а сам зашел — только его мать на улице ходит. Без платка. Ему кричит:

— Пожалуйста, молодец, отвернитесь, у тебя глаза жаром съест от моих волос. *(Это не жаром, а светом.)* Он отвернулся. Она платок из кармана вынула, привязала, и он подошел. Она и говорит:

— Куда вы пошли? Куда вы поехали? Ведь сюда никто не издит. Вот, — говорит, — молодец бажоной, я живу 12-й годик.

Царь Тьма меня увез от родущего ребенка, и не знаю жив ли, нет ли мой сынок? А без матери уж он погиб. *(Это она сыну-то говорит)*. Так вот он меня замуж сватает, а я все оттягаю, всё не иду. Вот приказал сегодня слугам котел вскипятить. Сегодня, если я за него не пойду, меня сегодня кинут в котел и сожгут. Так придется мне сегодня за него замуж идти.

Он взял, сейчас шепнул за пазуху, материнский плат *(косынку)* вынял, перстень ей подал. Она горько заплакала, его обняла.

— Бажонь мой, сыночек, как ты за 12 годиков вырос! Ну, побежим. Коль можем убежать, дак.

Ну и побежали. Она взяла три монеты.

— Царь-то Тьма как придет домой, напустит на нас жар, мы сгорим. Вот это мы и кинем.

Ну вот, они и побежали. Все вспотели, ну горьма горят. Сын монету кинул, все охолодело. Все холодное стало. *(Вы не слышали этой сказки?)* Все охолодело. Ну, опять бежат, бежат *(не бежат, а идут, бегом ведь не побежишь все. Вот идут)*. Вот он напустил на них холод. Они так ись захотели, дак не могут ступить. Она говорит:

— Кидай монету.

Он монету кинул, опять оны сытеньки стали. Опять и идут. *(Сейчас он сон напустит на них. Он такой сон напустит.)*

И так они спать захотели!

— Кидай скорее монету!

Он монету кинул. Они спать не захотели и ушли. *(Он боле не гонится за има. Всё!)* Далеко ушли. Пришли — деревинка. Они на эту деревинку сели. Отдохнули, с матерью поговорили. Мать сидела-сидела, заснула, заспала. Он пожалел матери разбудить, пошел лошади разыскивать. Лошадь нашел. Матери нет. Мать потерялась.

— Ой, вот дурак, не разбудил. Ой-ой.

Ну, на лошадь сел и поехал. Ехал-ехал — город стоит. В этом городе торговал кто чем, кто там товаром, кто там кондитерскими там конфетами, кто чем. Все торгуют, народ весь каменный, и торгуют камнями. Соловьи в садах пели — не поют соловьи. Сады зауныли, ручья не бежа, реки, всё, всё остановилось. Подошел — стоит женщина каменная. Посмотрел:

— Это моя мать!

Она и говорит:

— Вот, сынок, видишь, там идет колдунья. Вот эта город спортила. Иди.

Он говорит:

— Это что за колдунья?

— Это колдунья. На этой колдунье отец твой хотел жениться. А ён ю замуж не взял. Так ёна Царю Тьмы сестра. Так вот, она-то меня и унесла. Пойди, верни.

Она идет — корка в зубах. Сама настоящая, не каменная.

Он подошел. И захватил:

— Стой, ты город спортила?

— Я.

— А ты зачем город спортила? Здесь весь народ каменный. Все церкви, все верни, чтобы было, как было. А то сейчас тебя не будет, всю на куски прирубим.

Ну, она всё завеселела. Опять кто чем торговал, опять тем и торгует. И мать стоит такая же, как была. Он эту женщину взял:

— Поди, откуда пришла, туда и поди.

Эта женщина ушла, боле не вернулась. Ну, город завеселел. Три дня город гулял.

— Кто это так сделал?

— Я.

Наугощали его с матерью. И поехали отца разыскивать. По-

ехали, деревня стоит ихняя. Все-таки ён-то недолго разыскивал, а она-то 12 годов не бывала, мать-то.

— Мама, ты стой. А я зайду в избу.

А отец седатый весь. *(Она его овернула стариком, что замуж не взяла)*. Ну, он и говорит:

— Здравствуй, папаша!

— Здравствуйте, молодой человек.

— Ну, как ты живешь? С кем же вы, папашенька живете?

— Да вот, бажоной, один. Вот, — говорит, — родился один сынок. И сынок хороший. Два кинжала у сына было, был маленький мальчик. Да мать была красавица золотоволосая. Какой-то добрый человек украл мать. Увезли. И хотел я идти искать мать, да сына бажоного пожалел. Да так и живу. И жены нету, и сына потерял. И жону потерял. И подлянка самого испортила. Вот как сделала, стариком. Вот и живу один.

— Да. Один и живешь?

— Один.

— Сына уж никак не можешь дожждаться?

— Нет. Да где его, бажоной, дождешься? Он ушел. Дак неизвестно, мне ни писем, ничего нет. Не знаю, где он.

Вышел на волю.

— Ну, ладно, сейчас я на улицу выйду, приду.

Он сейчас на улицу вышел, матери говорит:

— Пойдем в избу. Как ты в избу придешь, сними платок.

Мать в избу пришла, платок с головы сняла. *(А дом-то хороший.)* Всё засветило. И муж стал, какой был. Молоденький. Ну. Тут муж обрадел, сына целовать! Сын отца целовать. Ну, и так они завеселились. И так хорошо стали жить. И у них жизнь хорошая пошла и всё.

76. ГЛИНЯНЫЙ ПАРЕНЕК

Жил-был мужик да баба. У них не было детей. Старуха и говорит:

— Старик, вот что я выдумала: сделаем мы глиняного паренька.

Ну вот, и пошли. Ну, они паренька большого, верно, сделали. Сделали там настоящего. Клади сушиться на солнышко. Да он рос-порос. Сох-посох. Высох, выскочил:

— Мамка, я есть хочу!

Ну и ну, обрадели. Паренек заговорил! Вот мякушку хлеба дали. Съел.

— Мамка, я есть хочу!

Он вторую съел.

— Мамка, я есть хочу!

— Так больше хлеба нет.

Барана сошкурили, он съел:

— Мамка, я есть хочу!

— Дак еще одна осталась.

Опять овцу съел.

— Мамка, я есть хочу!

— Ну дак, что ты? У нас нечего больше есть.

— Я тебя, мамка, съем.

Мать съел. Потом отец пришел в избу, а нету матери да ничего.

— Папка, я есть хочу, я тебя съем.

Съел мамку с прялкой, отца с погонялкой. Отца с погонялкой съел. Пришел к попу. Попадья квашню мешает.

— Матка, я тебя съем!

И попадью съел с квашней. Поп на крестины поезжает крестить, там ребят. Киса такая кожаная. Он попа съел с кисой. Ну и пошел, идут косцы. Пошел, идут, дров пошли рубить мужики.

— Я вас съем с топорами.

Мужиков съел с топорами. Баб с пильями. Идут косцы с косами.

— Косцы, косцы, я вас съем с косами. Съел мамку с прялкой, отца с погонялкой, попа с кисой, попадьё с квашней, дровосеков с топорами, вас съем с косами.

И тых с косами съел. Шел. Идут гребцы с граблями.

— Гребцы, гребцы, я вас съем!

— А ешь.

— Я съел мамку с прялкой, отца с погонялкой, попа с кисой, попадьё с квашней, дровосеков с топорами, косцов с косами, вас съем с граблями.

— Ешь.

Ну и съел. Идет. Козел попадает: «Пойдем!» Большие рога.

— Козел, я тебя съем.

Дак он говорит:

— Ты стань, паренек, под гору.

А козел на гору. Козел встал на гору, парень под гору. Козел с горы как разбежался, как его кувырнул! И он весь рассыпался. Все вышли, весь народ вышел. И пошли домой, смеются. Косцы с косами, дровосеки с топорами, косцы с граблями, поп с кисой, попадьё с квашней, мамка с прялкой, отец с погонялкой. Баран бежит и овца, и все-все. Все вышли. И всё!

Всё!

77. ТЕПЛУШКА

Жила-была старуха. Пошла в лес дров рубить. Секла-секла дрова. Идет медведь.

— Старуха, я тебя съем!

— Ой, медведушка, не ешь! Я тебе даю теплушки. Ну, поди.

Ну, старуха насекла дров, пришла домой. Зашла на печь. Ночевала. Поутру приходит опять медведь.

— Старуха, давай мою теплушку!

Тепло бабе на печке сидеть.

На второй день опять пошла дров рубить. Пошла рубить дров.

— Медведушко, не ешь, я тебе даю крепушку. Крепушку.

— Ну, секи.

Старуха дров насекла, пришла, села на печь. Он опять приходит.

— Старуха, давай мою крепушку!

Крепко у бабки воротце заложено. Ну.

На третий день надо идти опять. Опять пришла, насекла дров. Насекла. Ну, что. Сечет. Медведь идет.

— Старуха, я тебя съем.

— Ой, медведушко, не ешь, я тебе даю потомболка.

(Ну, *потомболку спекла.*)

Медведь идет:

— Старуха, давай мою протомболку!

— Потомболка в лес не пойдет.

— Старуха, давай мою крепушку.

— Крепко у бабки воротце заложено.

— Старуха, давай мою теплушку!

— Тепло у бабки на печке.

Вот он в окошко поставал. Медведь. Поставал в окошко. Она топор свой острый взяла. Он лапы как кинет на окошко. Она топором дает по лапам. У него лапы отсекает. И закатался на улице. А старуха туда прибежала, да его топором залычкала. Медведя убила. Деревня прибежала, медведя содрали. Старухе мяса дали. Остатки сами разделили. Так старуха живая и осталась.

Вся сказка.

78. БУР-КОРОВЁР

Рыбачили рыбаки. Вытянули. В тони им попало один окушок. Большой окушок. Одно перышко золотое, другое серебряное. Вот. Приходит царева прислуга. Все цари дак. Приходит.

— Небось рыбки не попало царю на уху?

— Да, — говорит, — один окушок попал дак.

— Дорогой ли?

— Сто рублей.

Ну, пришли к царю:

— Попал один окушок, одно золотое перышко, другое серебряное.

— Ну, ладно, поди возьми.

Они окушка этого принесли, расчистили, сварили. Царица поела — сына принесла. Забеременела. Принесла Ивана-царевича. Прислуга поела — принесла сына, назвали Мишка, девкин сын. Корова это отбросы выпила — принесла тоже сына — не теленка. А назвали Бур-Коровёр. Ну вот. И растут они так быстро, и такие быстрые дак. Росли, поросли. Бур-Коровер стал с ребятами ходить. Кого за руку захватит — руку там досадит. Чуть не вывернет. Ногу. Потом на царя. Народ собрался, стал жаловаться:

— Такие у тебя сыновья. Сколько ребят перекалечили.

Ну, он им:

— Уходите, дураки, коли такие, так уходите.

И своего сына прогнал и Мишку — девкиного сына, и Бур-Коровера. Прогнал:

— Уходите, куды знаете!

Ну и протурил. Ну, вот. Пришли, в царство тут зашли. К царю попросились, что:

— Где-нибудь на ночь можно остановиться?

— Там у меня котеленка е, дак идите туда. Подите. Можно в этой заднюшке жить. Не в котеленке, а в заднюшке.

Ну, вот.

— А вот, — говорят, — несчастье какое у нас.

— А какое несчастье?

— А вот змей трехглавый, да шестиглавый, да девятиглавый просит дочь у меня на съедение. Съесть. Так вот, кто бы только от смерти ю сбавил, так за любого замуж отдал.

Ну и Бур-Коровёр говорит:

— Можем сбавить, я могу избавить.

Ну и стал, пришел к реке Бур-Коровёр.

Ну вот, а эта царевна привезена на съедание. И выстал трехглавый змей:

— А просил одну голову у царя, а царь две головы дал тут, для Кощея.

Тот говорит:

— Не хватайся, поганый домище. Еще который которого погубит. Ну.

Он только выскочил, а ён.

— Если бы Бур-Коровёр, так тот меня мог победить.

Он говорит:

— Вот я Бур-Коровёр и е.

И ему мечом. Нет, саблей. Не саблей, мечом. Он мечом махнул. Две головы, еще третью. И понес. В реку кинул. Ну, и уехала жива. Ну, также и на второй раз поехали. Шестиглавый змей.

Он говорит:

— Ну, опять и второй.

Пришли опять и на второй день. Ведут царевну за руку. Мать плачет. А Бур-Коровёр уж как сидит. Ну, опять оставили. Вышел с реки змей.

— О, царь! Я просил одну голову. А он еще две послал. Был

бы Бур-Коровёр, может быть посражались. А, — говорит, — я все равно погублю.

Он выскочил. Опять мечом три головы скатил. Второй раз три скатил. Ну вот. Еще девятиглавый. Того покончит, да и. Ну, вот.

Встал. Опять пошел. К братьям. И говорит.

— Вот, братья, сегодня девятиглавый. Дак не знаю, устою или не устою. Может быть, он меня погубит, так вот я повешу бутылочку. Если эта бутылочка, полбутылочки крови натеке, вы глядите, бежите ко мне. Бежите немедленно. Если полная натекет — меня живого не останется.

Ну, вот. Девятиглавой вышел, и стали с ним бороться. И стали. Его до грудей в землю зарыл. До колен. Он говорит:

— Дайте мне рукавицы с правой руки кинуть.

— Кинь!

Он кинул. Околицу выбил. Все спят, не слышат братья. Он опять. Он его по ушья вбил в землю, в песок. Он потом взял его.

— Дай мне с левой ноги сапог.

Как кинул сапог. Мишке попало в глаз. Глаз выбил. Те спохватились, бежат. И бежа скорая.

А он выскочил со земли, размахнулся, три головы скатил. Потом опять размахнулся — три головы скатил. Он говорит:

— Дай отдых, — это девятиглавый.

— Какой отдых! До конца биться!

И потом еще. И все головы скатил. Убил. Ну. Тут зарадовались. Их увезли туды. Эти братья прибежали. Он говорит:

— Я из-за вашего сна едва головой не закачел. Вот так спите!

(Они посмотрели, а бутылочка полная накапала. Ну, вот.)

— Ну, выбирай невесту! — царь. — За какого жениха пойдешь?

Она показала на Бура-Коровёра.

— За этого.

— Нет, — говорит. — Ну, не пойдешь за этого. Вот. За этого, Ивана-царевича. Это уж настоящий Иван-царевич.

— Не ндравится он мне.

— Да? Не ндравится? А как голову спасли, тебе нравилось?

Ну. И делать нечего. За Ивана-царевича пошла. А Бур-Коровёру:

— За тебя бы я лучше пошла.

— Я еще не женюсь, я еще погуляю.

Ну вот. Молодые легли спать. Она на этого Ивана-царевича ногу накинёт. А этот Бур-Коровёр в сених стоит, слушает, что будет у них. Она как руку накинёт, так он едва дышит. Она как ногу накинёт, так он едва живой, едва говорит. Потом говорит:

— Марья-царевна, пусти меня похолодиться!

— Ну, иди, — пустила его.

Пустила. Бур-Коровёр говорит:

— Что?

— Ой, — говорит, — она на меня руку накинула, дак я не могу дышать. А ногу накинула — дак я чуть живой.

— Останься ты тут. Я пойду с ней сам лягу спать.

Ну, пришел Бур-Коровёр. Лег с ней. Она руку накинула, ногу накинула. Рука тяжелая у ней! Он вынесет. Эдакой дак. Ногу накинула. Он потом стянул ремень. Ну, как ю пороть! Ну как! Всю выпорол! У неё вся рубашка пристала к телу. Всю выпорол. Всю припорол. Выпорол всю. Ну и.

— Поди, брат! Сейчас не накинёт ноги. Не накинёт руки. Иди.

А вот пришла спать. Он лег. Она спит. Он говорит:

— Что руки не накидываешь?

— Нет, ты меня так выпорол.

Он ничего не говорит. Ночь прошла, на другой день молодые в баню ходили. А она только поахивает. Вся припоротая. Пришли в баню. Она скидывается.

— Ой-ой-ой!

— Что? — говорит.

— Ты меня так выпорол, что у меня вся рубашка пристала.

Он:

— Да не свои то ручки ходили дак.

А она на его:

— Ох, ты, дурак, ты не сам, а Бур-Коровёра послал меня на пороть.

Ну, его и к царю. К царю. И она пожаловалась, что Бур-Коровёр меня выпорол, а меня не он выпорол, а Бур-Коровёр. Ну, его клали в пастухи, Ивана-царевича. Свиной пасти. 40 свиной пасти, и надо пасти, и пойдут свиньи, надо будет им задницу целовать. 40 свиной.

Тот поцелует, этот цапает, языком лизнул. Ему такое наказание дали. Царь дал. Что не сам порол, а брат. А этот брат не знает, Бур-Коровёр, что какое он путешествие протягивает. Раз гонял, второй. Потом пришел, а ён погоняет свиной. Каждую задницу поцеловал. Он на его:

— Ты что, дурак, делаешь-то? — говорит. — Свиной задницу целуешь?

— Да, такое наказание дано, что туда гонишь — 40 свиной целовать. И оттуда.

— Вот ты дурак, что ты делаешь-то, — говорит. — Я у царевны голову спас, а ты такое наказание дал затю. Наказание такое, свиной целовать. Чтобы мой брат был не то что, а царем на царство кладен. Ну.

Царь его сейчас царем на царство. И пошел, ждёт. Говорит:

— Если над ним будешь надругаться, сейчас головы на плечах не будет.

Потом Ивана-царевича дак на руках носят. А Бур-Коровёр не знаю, куда делся потом.

79. ВОЛК И ЛИСА

Старуха говорит:

— Старик, ты бы съездил, хоть бы половил где-ни, бывает бы, рыбы.

Вот старик съездил, дак полны сани рыбы попала. Ну, едет дорогой. Лиса лежит на дороге.

— Ой, — говорит, — гли-ко, рыбы наловил. Счастье сегодня. И лиса на дороге. Ну дак. Вот дак хорошо.

Лису захватил. Лиса не шевелится. Клал лису, на рыбу туды повалил, да укутал. Домой приехал.

— Старуха, отворяй ворота, я лису привез, рыбы воз привез, сани, да и лису тебе на воротник.

Ну. Старуха открыла ворота. Старик откинул — ни лисы, ни рыбы. Она дырку там проела. Да всю рыбу выкидала дорогой. Да лиса там мертвая вышла у старика, да рыбу всю к себе к избушке выносила, рыбу. Ну. И пришел волк. Ой, медведь.

— Лисухна, где ты столько рыбы набрала?

— Ой, набрала. Ночь морозила, ветер. Я сидела на проруби, да: «На улице мерзни, мерзни. У лисовны рыбка к хвосту везни, везни». Ну да, вот и рыбы наволочила.

Сел медведь. Сидит. Сидит на пролубы:

— На улочке мерзни, мерзни. Рыба к хвосту к медвежьему везни, везни.

Рычал-рычал, да заморозил хвост. Заморозил хвост. Ну и дергал-дергал. Не может. Хвост замерз весь. Долго просидел. Ну, бабы идут за водой. Как напали, медведя лупить. Лупили-лупили.

— Ну, пойду лисицу съем!

Лисица той порой забежала к старухе в избу, да квашня у той

растворена, она всей-то квашней и обдалася. Обдалася, да на улице у крыльца. На улице о дороги. Медведь идет:

— Ты что, лисовна? Ты меня обманула, у меня, — говорит, — хвост оторвался.

— Дак ты что, медведушко? Ты, наверно, не так говоришь.

— А ты что лежишь-то?

— Ой, не замогла, вся облевалась. Гли-ко, переблевалась-то.

(А сама в растворе, подлянка).

Ну, он навалил на плеча, несё лисицу:

— Бит небитого несе, неколоченого. Бит небитого несе, неколоченого.

— Ты что, лисовна, говоришь-то?

— Ой, медведушко, шавлю, шавлю, шавлю⁷⁷.

Ну, опять.

— Бит небитого несе, неколоченого.

Ну и принес. Принес лисицу домой, кинул:

— Поди.

Ну, лисица облизалась вся. Наелася. Всю облизала кругом сама себя, раствору наелася.

— Дак на, медведушко, на варку рыбку-то.

Дак медведушке дала рыбки. Медведушка и ушел.

Вся и сказка.

(А старик приехал домой без рыбы. А старуха его ругала-ругала-ругала. Ну, потом ён поехал рыбу собирать, которая близко рыба-то выкидана, так он тую-то привез рыбу.)

⁷⁷ Шавлю — говорить во сне (примечание собирателей. — А. Л.)

80. [ВОЛШЕБНОЕ КОЛЬЦО]

Жила-была старуха. Ну, мать с сыном жила была. Ну, жила да была с сыном. Ну вот, и говорит:

— Сын, сходи-ко в город, на сто рублей купи чего-нибудь.

— Ну, на сто рублей можно купить.

Вот и пошел. Пошел. Попадае мужчина. Ведет собачку на веревочке.

— Дяденька! Продай собачку.

— Собачку?

— Да, — говорит, — сто рублей.

Да за собаку сто рублей дал, домой пришел. Мать говорит:

— Что с собачкой идешь? Много ли дал?

— Сто рублей.

— Ой, дурак-дурак, сто рублей за собачку дал.

Ну, опять. Мать сто рублей ему дала:

— На сто рублей.

Опять он пошел. Опять этот мужик ведет кота. Кóтушка. Кóтушка ведет.

— Далеко ли ты, дядюшка, кóтушка повел?

— Продавать.

— Продай мне!

— Дорого ли за кóтушка?

— А за кóтушка, — говорит, — сто рублей.

Ой, опять сто рублей отдал. Пришел мать ругает.

— Подлец, еще сто рублей денег. На, подлец, еще сто рублей, больше никуда не девай.

Пошел. Мужик идет с кошельком, кошелек несет. Нет, не кошелек у него, перстень на руке, перстень.

— Дяденька, куда пошел? Перстня продавать? Дяденька, дорого ли?

— Сто рублей.

— Что дорого?

— А вот ты переклади его с руки на руку.

Он с руки на руку переклад, выскочило шесть молодцов:

— Что тебе надо? Вот что ты потребуешь — если ты потребуешь дом, чтобы у меня в сегодняшнюю ночь был дом построен — тебе построят.

Принес кольцо матери. Мать:

— Чего купил?

— Да ничего. Вот сторублевое кольцо купил.

— Ой, ты, дурак ты, дурак. Осталась одна пятерка, тую на, купи хлеба сходи. Он сходил, на пятерку хлеба принес.

— Матушка, поди к царю свататься! Ой, поди к царю, попроси малёнки денег мерить.

Это. Вот пришла старуха.

— Царь, Величество Ваше, не даете малёночки?

— Что делать?

— А денег смерить.

— Какие у вас деньги?

— А, медные.

Дал. «Неужто уж столько денег, что малёнкой мерять денег?» Ну, принес. В щелочки напихал-напихал туда этих монеток-то по три копейки, да по пять. Ну.

— Бабушка, только малёночку (*мерочку*) принесите обратно.

Ну, она мерочку принесла. Он мерочку как щелкнет, а там деньги просыпались. Ой-ой.

— Наверное, богатой уж мужик, — говорит, — гли-ко, деньги сыплются.

Мерочку отдал:

— Спасибо, Ваше Величество, на мерочке.

На второй день опять приходит.

— Поди, мать, еще сходи.

Ну, пришел. У матери денег опять попросил. Опять она пришла:

— Ваше Величество, дайте еще мерочки, — говорит, — деньги смерить.

Он опять мерочку дал, царь. Он опять напихал монет этих. Отнесли. Опять царь малёнку взял, мерочку щелкнул, серебро посыпалось.

— О-о, богатой, верно, — говорит, — мужик. Богатый. Богатый.

Мерочку отнесла. На второй день посылает сын свататься к царю к тому-то. Ну, он пришел. Старуха-то пришла:

— Ваше Величество, не отдаете ли дочь за моего сына, — говорит, — замуж?

— Сына? Пускай сам идет, ты чего пришла за сына сватать? Пускай сам идет свататься!

Ну, пришел. Одежка у него плохая. Колечко-то не переклал, плохой пошел свататься. Ну. Пришел свататься, а плохая одевка-то. Он там снароку спал, да весь омок. Царь-то и говорит:

— О, спал. Поди, дочь, снеси ему костюм хороший одеть. Он, гли-ко, спал.

Царь костюм, дочь снесла. Одел.

— Ну, ладно. Отдам за него дочь замуж.

Да и отдал.

А ёна хоть за него замуж вышла, а его как-то не любила. Не любила. Легли спать. А он колечко все. Она:

— Что ж он колечко все держит?

Заспали. А она тихонечко у него колечко-то взяла этого. Выняла. С руки на руку переклала. Вышла на крыльцо. Он спит, не слышит. Переклала. Вот и вышло шесть мужчин.

— Что надо?

— Вот, — говорит, — надо меня в другое царство перенести. Я с этим мужем жить не буду.

И её в другое царство ночью усадили.

Он спохватился. Ни жены, ни кольца нет. Ой! Вот беда. Ну, ладно, ничего. Пес говорит:

— Садись на меня. Поедем.

Нет. Сам не поехал. Коту говорит:

— Кот! Сядь на меня, поедем мы в царство, — говорит, — мы приедем. А ты, — говорит, — кот, с меня выдь. А я полежу тут у забора, а ты сходи туды. Как-нибудь колечко достань.

Кот на пса, и пес побежал. Бежал-бежал, бежал-бежал. Ну и, приехали в царство. Приехали. Пес убежал. А кот ходит. Его-то жена вышла.

— Ой, какой кóтушко хороший. Откуль ты прибежал-то? Ну, это, занесите в избу, у нас кóтушка нет, у нас мышей много. А кóтушка нет.

Ну, кóтушка занесли.

— Он, — говорит, — мышей хорошо ловит.

Ну, и кóтушка спустили. А ёна спит, дак кольцо в роте держит. Чтоб кто его не отнял. А кот все засматривал, куды она кольцо кладет. В рот кольцо клала, он взял выстал. Кот мыша там поймал. Поймал и говорит:

— Мышь! Поди царевны в нос хвост запихай. Покукши. Покукши, — говорит.

Мышь прибежала, в нос запихала, да там в носе хвостиком и закокшила.

Царевна как чихнула! Кольцо наземь вылетело. Вылетело — кот в зубы, да и. Кольцо да и поймал. Поймал. Кóтушко зародовал, зародовал. Кóтушка выпустили, кóтушко на пса, да и уехали. Убежали.

Кольцо унесли к этому, к Ивану. Принесли к Иванушку кольцо. Ну, принесли, он говорит матери:

— Вот я говорил, что кольцо пригодится.

Ну, Иванушка это кольцо с руки на руку переклал:

— Чтобы мне в сегодняшнюю ночь дом бы такой выстроили молодцы, чтобы выше царевого и выше. Чтобы все было. Кровати железные и все. Покрывальья, занавески, на столах и все. А я бы был, — говорит, — весь бы нарядный. Весь бы нарядный был.

Поутру спрохватился — спит да на такой кроватище на перине, дак Иван да Марья. Ну, он и говорит:

— Ну. (*Опять кольцо в руки на руку переклал*). Вот чтобы сегодня немедленно достать мою жону ко мне. Сюда мою жону. Немедленно даже.

Поутру встал. Поглядит — жена на койке спит. Приставлена койка. Жона:

— Как же, — говорит, — ты мог кольцо достать?

— А вот так. Кóтушка пригодился мне и песик пригодился.

Царь как поутру выстал! Поглядит дак о-ой! Дом у Ивана — дак о-ой! Приходит:

— Кто, — говорит, — такой дом мог построить за одну ночь?

— Вот, — говорит, — построил. Построят люди!

Ну, потом они стали с ним жить, с тестем дружить. И все хорошо стали жить. Этот Иван разбогател.

Дак и Господи.

Всё!

81. [РОГА]

Жило-было три брата. И говорит один брат, старший брат. *(Нет, жоны. Две жены, а Иванушко-то?)* Вишь, первый брат — Федорушко, второй — Васильюшко, а третий — Иванушка. Вот старший брат и говорит:

— Братья, мы до того доживем, дак у нас и есть-то нечего.

Жоны-то и говорят:

— Сходите, может где-нибудь что-нибудь и раздобудите. За-работаете.

Ну вот, они пошли. Идут. Дом стоит большой-большой. Они в этот дом зашли. Дом полый. Они зашли. Дом хорошей.

— Кто в этом доме, не разбойники ли? Если разбойники, дак надо уходить.

Посмотрели, шкаф открыли, там три чашечки чайных, стаканов нет. Поглядели — три койки. Одна коечка поменьше, друга побольше. Третья еще поменьше. Ну, там платья. Ну, старший лег на койку на большую. Средний лег поменьше койка, а этот Иванушко на маленькую лег. Ну, хлеба поели да покушали. Вдруг три лебедя прилетело. Повернулись девушками и пришли. Старшая:

— Сестры, у нас в доме кто-то есть. Гли-ко, чашечки шевелены и хлеба покушано.

А старшая пришла, комнату открыла. Одеяло-то открыла у старшего на голове. Она говорит:

— Половинки пришли, Бог дал. Три муженька.

Ну, они ночевали. Старшая со старшим, младшая с младшим, средняя со средним. Они и говорят:

— Мы лебедями обертываемся, если обернуться людьми, нас Кощей Бессмертный унесет.

Красивые девушки. А старший говорит:

— Вот, сестры, надо муженькам по подарочку подарить.

Это старшая дала шапку невидимку (*весь бы магазин украл, дак его никто не увидит*). А второму дали кошелек-самотряску. Он как тряхнет, полную кошель золота. Хоть того боле трясси. Ну, хорошее. А Иванушку — третья:

— Я тебе подарю гривенничек, ты с руки на руку переклади, у тебя полная пясть серебра. Можно хоть сколько накласть денег.

Ну и ушли. А ёны и говорят:

— А что нам с има жить? А пойдемте от них уйдемте. Они улетают. Пойдемте-ко.

Тот зашел в магазин, накупил товару, всякого. Денег натряхал. С невидимкой. Тут бунт сделали.

— Кто, кто обокрал магазин?

А всё народ в магазине, а всё потерялось. Он вышел и ушел. И разбогател дак, Господи!

А второй тоже. Самотряс, дак. Всего накупил, ушел.

А Иванушко:

— Братья, я пойду к царю свататься.

— Ой, глупый ты, царь за тебя не отдаё!

— Пойду.

Ну и пошел. Идет к царю. У царя сторож:

— Куда, куда, молодой человек? Сюда нельзя, тут царь живет!

— Мне к царю и нужно.

Ну вот, пришел к царю. Пришел. Царь на балкон вышел.

— Что вам нужно?

— Ваше величество, у меня есть гривенник, не купите ли его?

— А что за гривенничек?

— С руки на руку переклади!

Он с руки на руку перекал, полная рука.

— Да. Хорошая. Что тебе за этот гривенничек?

— Дочерю сватаю, царёвну.

— Пущай идет.

Ну, он и идет к царевне. Пришел:

— Здравствуйте!

— Ну, чего?

— А я гривенник отцу твоему продал, так с тобой ночь проспать.

— Ложись на кровать.

Он лег, она его прижала, и он в подполье, кверху ногам. Подпол улетел. Вот беда. Ну и что делать ему? Он трои сутки просидел. В этом подполом. Он копал-копал-копал, а у царя ведь все с цементом, он копал, копал. А хлеб не ест (*«потом собакам кину»*). Копал-копал. Вышел, собакам скорее хлеба бросил, да убежал. Пришел к братьям.

— Что, братья? Царю отдал гривенник.

— Дак ты сейчас на что жить-то?

А старшая невестка говорит мужу:

— Дай ему невидимки, пусть сходит в магазин, чего-нибудь возьмет, хоть разбогатеет.

И он дал.

А он с этой невидимкой пошел к царю опять. Приходит, опять.

— Куда, куда, тут царь живет!

— Ну, мне к царю и надо!

Опять доложили:

— Ваше величество, тебя ждет молодой человек.

Опять:

— Ну, что нужно?

— Не купите ли у меня шапки?

— Ну, шапка как шапка.

— Нет. Вот ты наклади, так я тебя могу украсть в этой шапке.

Он наклал. Иванушка наклал, да и Ивана нет.

— Да, хорошая вещь. Ну, что за эту шляпу?

— С царёвной ночь проспять!

И идет. Она опять таким же способом:

— Вались на кровать!

Он опять кверху ногам улетел. А теперь ему дивья. Дырка. Он в эту дырку вышел. Опять приходит к брату к третьему.

— Вот, — говорит, — невидимку отдал царю, сейчас не знаю, как.

А невестка:

— Дай ему кошелика, пусть он сходит в магазин, чего-нибудь возьмё.

Опять брат дал ему кошелек-самотряс. Он денег натряс в карман. Пошел в магазин, там водки купил. Да вышел. Пришел к царю.

Ему опять:

— Куда, куда, это царь!

— Я знаю, что царь.

Вышел:

— Ваше величество, у меня не купите кошелика?

— Кошелек как кошелек, у меня таких кошельков полно.

— А таких нету, вот тряхни-ко!

Иванушка потрянул, кошелек полный денег.

Опять:

— Да, хорошая вещь. Что тебе?

— С царёвной ночь проспять.

— Ну, иди.

Там опять показали, он пришел. Она:

— Чего пришел?

— Ночь проспять.

— Ложись на кровать.

Он опять лег на кровать. Она опять нажала, он кверху ногам улетел. В подпол.

Ну вот, он улетел. В эту дырку вышел, больше. И пошел. Больше к братьям не пойдешь, как у братьев. Пошел в магазин. Напился на эти деньги. Напился, дак зашел за город и пал. Лёг. Так подальше от дороги, чтобы не видели люди за городом. Эти лебеди летят. Одна и говорит:

— Сестры, это тут мой Ваня.

Поглядела, да, действительно. Взяла, три рубля к нему кладя на пол-литры в карман, в кармашек. Потом пять ягодинок клала ему туды, написала еще, что ему с этима ягодинками сделать, он там знал. Ну вот. Ну, и он пошел. Пошел с этима ягодинками, пришел и стал этима ягодам торговать. Торгует приходит. *(А у его все выписано, он прочитал.)* Приходит этой царевны слуга, на базаре там:

— Вы чем торгуете?

— А вот ягодам.

— А это чьи ягоды? Лишь только одну. А дорого ли ягодка?

— Сто рублей.

Ну, она дала сто рублей за ягодинку, унесла, съела. *(А слуга-то уж немолода, прислуга, слуга.)* Съела, и такая красавица стала, так ни в сказке сказать, ни пером описать. Вся помолодела, вся красивенькая. И приходит к барыне-то к этой, к царевны-то в комнату и приходит. Тая и говорит:

— Нюра, вы что же так молодые стали? Какая была, а теперь гли-ко, хоть замуж отдавай. Ой, за хорошенького, ой.

— Да вот там молодец торгует ягодинками. Так я у его взяла. И побежала.

— Молодой человек, вы торгуете яблочками *(ягодками)*?

— Я.

— Сколько можете дать?

— Лишь только две.

— Дорогие?

— За две двести рублей. Сто рублей ягодинка.

— У-у!

Ну, она с радостью купила. В комнату зашла, села на стул, ягодинку съела. Рог прирос. В потолок вперся. Ну, она вторую съела. Второй в стену уперся, выстать нельзя. (*Поняли?*) И сидит. Слуга прибежала, чай звать пить. К царю.

— Ваше величество, там, — говорит, — Марья-царевна сидит, рога приросли. Я съела ягодку — там один торгует — так я съела ягодку, дак как молоденька стала, а она съела... две купила... дак гли-ко, у ей рога приросли.

Царь пришел:

— О-о-о!

Помотал, так век рогов не отломить.

— Где дурак? Я сейчас его на расстрел.

Пришел, а был, да нет! Его и нету! Он взял, сходил в магазин, купил халат белой, этот Иван-то, купил халат белой, шапочку белую, вывеску тут вывесил: «Пограничной доктор». [*Смеётся*]. «Пограничной доктор»! Каки болезни, всяки болезни вылечает, ну, кто не идет к царю, все уж знаю.

— У вас у царевны рога-то не отпали?

— Нет, не отпали.

— Ой, так пусть-ка прочитает, там пограничной доктор ходит, так у ёго вывеска дак! Он всяки...

Ну, царь только приехал:

— Здравствуйте! Вы будете пограничной доктор?

— Да, конечно, я, конечно, я пограничной доктор!

— Вот, — говорит, — каки болезни: у нас, у меня какой-то дурак продавал ягодинки, дочь съела и два рога выросло.

— Да, это бывает, бывает.

— Дак вы всяко уж не можете их сломить, либо что?

— Могу я вылечить, могу.

Вот его в карету посадил и привез.

— Ну ладно, надо посмотреть, что там с твоей дочерью?

Пришел, а сам его не упускает. Такой красивой стал! Рог помотал.

— У-у! Это трудно, — говорит, — отломить.

Ну, его тут покормили, напоили, всё. Берет в баню. Нужно в бане отпаривать горячей водой, а потом отрывать.

Вот баню вытопили, ну, ю укрыли, чтобы народ-то не видел, в баню-то вести надо. Царева баня где, на дворе тут. Ну и привели. Привели в баню, говорит:

— Потом белье принесете, через час. Да кладите белье в предбанничек, тут я сам возьму.

Пришел, стянул ремень, и давай ю пороть, царевну. Порол-порол, порол-порол. Она говорит:

— За что ты меня порешь?

— А почто ты меня подпол спустила?

Опять и порё. У нее кровь брызжет, всю выпорол. Кровь брызнет, и вся рубашка к телу пристала. Она больше не может терпеть. Ее белье притащили, крючок на двери кладен. Ушла слуга. А никакой воды не надо. Не отливать. Он взял, ей ягодку дал съесть, рог отпал. Втору дал съесть — другой отпал. Она обрадела. Потом третью дал, и ничего у ней, всё, красавица стала. Не больно и ничего. Ну, белье она одела хорошенькое. И потом слуга бежит. Пошли в баню за ручку.

А он сказал:

— Если ты мою дочь вылечишь, так я замуж за тебя отдам.

Ну, тут царь обрадел.

(*Погоди!*) Еще порет, дак:

— Давай, — говорит, — мой гривенничек! Отдай мою невидимку! Отдай мой кошель-самотряс! У меня братнины, не мои.

Слуга пришла проведывать, белье принесла. Она:

— Принеси сейчас, там у меня в комнатке кошелек-самотряс, принеси невидимку и принеси гривенничек. Всё ему.

И отдали, потом уж рога-то у неё отпали.

Ну, пришли. Царь обрадел. Тут у них свадьба пошла. Он к этим братьям съездил, отдал кошéличек, отдал свой гривенничек. (*«Мне ничто делать».*)

— Я, — говорит, — буду с царевной царствовать.

И у них пошел пир. Этих братьев, невесток, всех пригласили. Я на свадьбе, на пиру была, мёд пила, по губам текло, а в рот не попало.

82. ПРО СЕМЁНА

Ну вот, жил-был старик. У его было три сына. Стёпан (*второй-то какой? Фёдор?*). Стёпан старший, Фёдор средний, а младший — Семён. Ну вот. А это, ёны это болото, лес, этого, сёкли. Обсёкли сначала лес, потом канаву выкопали, обсушили болото и на́стлали мосты, выселки, что народ стал дивиться, что кто это выделал. Говорят, вот такой старицок. Ну вот. В одно время Звезды, Месяць и Сонцо приходят к старицку и говорят:

— Старицок, ты с сыновьямы обсушил болото?

— Да, я.

— Сколько ты, — говорит, — этого... Тьфу! Что тебе нужно, плату каку, что тебе нужно уплóтить?

Он говорит:

— Я старый, мне ничего не надо. Подите к старшему сыну, к Фёдору.

Ну, оны пошли.

— Вот, — говорит, — ты с братьямы да с отцом обсушил болото, что человеческой труд облегчил, всё? Прямо ехать, дак за

двои сутки съездит, за трое, а если кругом ехать, идти, дак надо неделя, больше. До двух недель дойдет издить.

— Да, я.

— Ну, дак вот что ты пожелаешь, — говорит, — за работу? То тебе и будё.

Он подумал-подумал: «Деньги взять — деньги пройдут».

— А вот, — говорит, — я бы чего пожелал. Вот хлеб сеем-сеем. То засохнё, засуша возьмёт. То позябнё, дак вот не можем, много зёрна раскидам, а хлеба мало видам.

— О-о! У тебя сейчас буде хлеба расти, дак ты не заможешь хлеба убирать.

И до того хлеба стало расти, Фёдор розбогáтел.

Ну, ко второму сыну приходят.

— Ну что, Стёпан, ты с братьямы болота обсушал?

— Я.

— Дак вот сколько тебе за работу? Чего пожелаешь, то и будё.

Он подумал-подумал: «Деньги взять — деньги пройдут».

— А вот, — гот, — я чего бы пожелал: чтоб быть хорошим мне бы, этим, плотником. Плотником бы быть хорошим. Вот чтобы всё бы я сумел плотничать.

— Да, — говорят, — ты будешь таким плотником, что будёшь инженером старшим, тебя будут все уважать, и будешь ты зарабатывать денег, сколько ты хочешь.

Ну вот. Тот на том и остановился. Приходят к Семёну.

— Семён, ты с братьямы болота обсушал?

— Я.

— Ты мост стлал?

— Я.

— Ак вот что ты пожелаешь за работу? А вот, — говорят, — чего, кем ты желаешь работать? Что тебе нужно, деньги или что?

- Я желаю солдатом быть.
- У-у! Солдатом! Самая гадская служба — солдат. Нет, Семён, что-ни другое.
- Нет, я солдатом.
- Ну, солдатом дак.
- Вот говорят:
- Перекупыжься, перевернись назад себя!
- Он перекупылся, стал заицом.
- Вот бежи на фронт, — говорят. — Туды. Посмотри, как там воюют.
- Он поглядел.
- Только близко не показывайся, тебя могут убить.
- Поглядел, дак там ведь уж солдаты, дак. Раз, два! Да всё, да тут маршируют, да всё да. Ну и прибежал. Перекупылся, опять стал.
- Ну что, кем хочешь быть?
- Солдатом!
- Дак что, — говорят, — ты там поглядел?
- Ой, — говорит, — там как!
- Ну, солдатом, дак солдатом.
- Оны опять ему и говорят:
- Солдатом, дак солдатом. Пусть ты солдат. Повернись!
- Он перекупылся. Он опять перевернулся, стал оленем.
- Ну, бежи оленем.
- Опять оленем прибежал. *(Вы, может быть, слышали её?)*
- Ну, бежи, будь оленем. Ну и он оленем прибежал. Дак солдатам там винтовку кладут, там пантроши, да ну кругом грузива, да... И он поглядел, головой покачал:
- Ой-вой-вой, ой-вой-вой, кака солдатська жизнь.
- Ну и опять прибежал, опять перекупылся, Семёном стал.
- Ну что, Семён, кем хочешь быть?
- Солдатом.

— Ой ты, Семён, ты, Семён.

— Ой, я как поглядел, там что творится дак. Бедны, все идут в поту, у их и винтовки, у их и пантроши кругом, и тут, с этыма, с какима, с патронами, и все как увешаны. Вот солдатыска жизнь кака! Трудная! Нет уж, солдатом хочу быть.

Он перевернулся, стал орлом.

— Лети орлом на самый фронт. Что там творится?

Прилетел, ну там друг друга колют, друг друга стреляют. Ён, чтобы не убили. Ведь как ему сказали этот Сонцо да Ветер, да Звезды. Ой, Сонцо да Месяць, да Звезды. Поглядел.

— Ой-вой-вой-вой.

Ну, пришел. Перекупылся, опять Семёном стал.

— Дак что, Семён, кем хочешь быть?

— Солдатом! Всё равно солдатом.

— Ну, пусть ты солдатом.

Ну вот. Солдатом. Царь стал выкликать, война пошла большая-большая. Царя самого стали на фронт вызывать. Царь приехал, а забыл дома мець-самосець. Таку саблю — мець-самосець. Ну, забыл. И выклика:

— Вот кто бы за двои-за трои сутки слетал бы, мець-самосець достал?

А пешо идти, дак надо 10 суток ходить. А ему надо, чтобы к трем суткам мець достать. А этот, Семён-то и говорит:

— Я могу достать!

Наш-то достанет.

— Вот достань мець-самосець мне вот к таким-то суткам, и я за тебя дочь замуж выдаю. У меня дочь красивая, хорошая. Ну, только достань мне-ка.

Ну, он зайцем обернулся и поскакал зайцем. Скакал, скакал, скакал, скакал, скакал, бежал, бежал — устал. Опять перекупылся, стал оленем. Ну и опять. Ну, а олень ведь уж посильняя зай-

ца. Ну и олень как поперся дак. У-у! Живо. Бежал-бежал-бежал. Устал и олень. А потом орлом-самолетом обернулся. Орел полетел. Летел-летел, и царство! Прилетел! Прилетел, там в царстве перекупился, стал солдатом. Семёном. Ну и приходит к царёвны. Тая удивилася.

— Как же вы сюда попали? — говорит.

— А вот, попал. Вот на записочку от папы твоего.

Она процитала.

— Я, — говорит, — мець мне самосець подай.

А ён у её сутки там жил. А ён за двои сутки слетал. Ну вот. И она:

— Как же вы так могли за сутки сюда прилететь? К нам если ехать, дак надо неделю-полторы ехать. А вы, — говорит, — за сутки.

Он говорит:

— Вот, я могу зайцем быть.

Перекупился, зайцем стал. Зайцем стал, и она шерсти у его с кожи óторвала кусоцек, в платок завязала. Эту шерсть.

Опять взял перекупился, стал оленем. Она опять шерсти кусочек óторвала, опять в платок завязала. С кожи клала.

— Я, — говорит, — еще орлом хочу.

Перевернулся, орлом стал. Она со середки там пёрышков óторвала тоже и все в платок завязала. Ну, ён тут у ей погостил, ночёвал у ей. Ён так ей понравился, этот Семён дак, очень понравился. Ну, ёна его спроводила. Ён за городом там опять зайцем обернулся, ну и поскакал зайко. Он мець-самосець понёс. Бежал-бежал, устал. Потом стал оленем. Оленем опять бежал-бежал, устал, стал орлом. Ну и взлетел. Прилетел, цасы посмотрел — еще три цаса надоть. А ён взял, да. Что бы отдать самосець? А ён взял: «А той порой хоть отдохнуть». Лёг под кустышек.

— Маленько передохну, цаса, цасика два, и потом царю мець-самосець унесу.

Он лег и заснул. А солдат идет. Солдат идет и увидел, что Семён спит, и меч-самосеч у его. А ён ему голову отрубил, Семёну-то. Отрубил голову и этот меч-самосеч взял. Взял и принес царю.

— Вот молодец-то, молодец, за трои сутки, молодец, слетал, молодец, молодец! За тебя дочь отдам.

А не он и достал. Месяц да Солнце, да Звезды как посмотрят — а без головы лежит Семён. Оны сейчас живой воды достали, мертвой достали, ему шею помазали — голова приросла! Потом живой водой помазали, ён встал.

— Ой, — говорит, — я цасы-то наверно упустил, а где у меня мець-самосець?

— Да, — говорят, — за твой-то мець-самосець, ты его достал, да тебе голову отрубили, да люди царю отдали.

Ой, он весь разотулыбался, расстроился. Там уж бал идет. С этим солдатом царёвна уж сидят, не вышла еще, а уж сидят рядышком. Будёт у их вечер. Ну. А тут у царя на дворе гусли, гусеницы играют. Всё гусеницы, всё выигрывают, всяки песни и всё. Вот и ён стал эти гусеницы выигрывать. А эти гусеницы там выигрывают, как ён оленем-то обернулся, да как ён слетал к ей-то да, как достал мець-то этот. Ну, эта царёвна-то и говоря:

— Там какой-то выигрывает.

Она послушала — как он меч доставал да как у ей был, да там все эти песни и выпеват. Вот она и говорит:

— Вот, папа. Не тот мой муж, который за столом, — говорит, — сидит у меня, а тот мой муж, который там в гусеницы играт. Ён у его голову отрубил. Семён достал рано, этот, какой тебе, мець-самосець, а ён пошел, голову отрубил и у его мець-самосець взял.

Его увезли, арестовали. Ну вот. Она там сходила в магазин, купила хороший ему костюм. Ну, у них и свадьба пошла, пир. Тут и все жоны собрали, и у их бал пошел. И так Семён царю. Царь потом его тут пообучил, потом его царем на царство клал, Семёна, и зажил Семён. И Семён стал богатый. А трудностей много он принял.

(Ой, погоди еще, вот пропустила:

— Как, — говорит, — ты знаешь, что твой?

Она говорит:

— Семён, обернись зайцем!

Семён перекупился зайцем. Она только поднесла этой шерсти, тут как тут — приросла!

Опять к оленю, оленем обернулся. Опять на то место шерсть приросла.

Опять орлом — опять.

— Вот, — говорит, — вот кто у меня был-то, вот мой муж-то какой! Семён).

Всё!

83. ЛИСА И ЗАЯЦ

Вот лиса избу срубила себе ледяну. А зайшко лубяну. Лубану, деревянну. Летушко пришло, у лисицы изба ростаяла. А зайшко живет в избушке. Лисица и пришла.

— Заяшко, пусти меня на крылечко.

— Поди, поди.

— Заяшко, пусти меня в сеньцы.

— Поди, поди.

— Согреться пусти меня, зайшко, в избушку!

Он и пустил.

— Заюшко, пусти на печку.

Ну, лиса на печку зашла. Зайца с избы протурила, выгоняла. Заюшко ходит, плачет. Медведь попадает встречу.

— Чего ты плачешь?

— Да, — говорит, — у лисицы была избушка ледяная, у меня лубяная. У лисы избушка растаяла, а у меня лубяна, дак не растаяла. Лисица выдавалась, и я пустил на крылечко, в сеньцы, да в избушку, на печь. Зашла, да меня выгоняла.

— Пойдем-ко, я ее выгоню!

Медведь пришел.

— Убирайся лиса! С печи убирайся! Сейчас я тебя прирву!

Она:

— Поди, поди. Да я как когти свои, тебя хвостом одним убью!

Медведь никак не мог выгнать. Идет волк.

— Лиса, убирайся с печи. Я тебя всю пригрызу!

— Ой, я тебя дак хвостом убью!

Никак лисицу выгнать не могут. Бедный заяц смирный ходит. А потом петух попадат.

— Чего, заюшко, плачешь?

— Да вот, — говорит, — лисица выгоняла меня с избы. Изба у ей растаяла. У меня лубяна, а у ей ледяна. Меня выгоняла, а я мерзну хожу.

— Пойдем-ка, я ее выгоню!

Ну, идё петух.

Иду-иду на пятах,
Несу косу на плечах,
Хочу лису засечь,
Убирайся лиса с печь!

— Одеваюся! — отвечает.

Иду-иду на пятах,
Несу косу на плечах,
Хочу лису засечь,
Убирайся лиса с печь!

— Обуваюся!

Опять идё.

Иду-иду на пятах,
Несу косу на плечах,
Хочу лису засечь,
Убирайся лиса с печь!

Ну, и выскочила. Петух как напал ее клевать. Все глаза ей выклевал! Ну, лисица побежала без глаз. Бегала-бегала, бегала-бегала — не видит ничего. Попадат стрету медведь.

— Куды ты, лиса, бегаешь?

— Ой, а петух все глаза выклевал!

— А поди, лиса, будем с тобой жить. Я тебя буду кормить.

Ну, и лисица к медведю пришла. Ну, медведь там овцу пойма, когда там теленка да. Вот лису и кормит. Пожили-пожили с этой лисой. А медведю трудно стало ее кормить, да лису и выгонял. Лиса пошла шататься.

Вся и сказочка.

84. КАК ЛИСА ВЫШЛА ЗА КОТА ЗАМУЖ

Лиса вышла за котушка замуж. И побежала лиса в лес. Попадает Медведь стрету.

— Здравствуй, Лисичка-деличка!

— Нет, я Лисичка не деличка, я Лисичка-молодичка!

— А что же ты молодичка?

— Я замуж вышла за Кота Котофеича. Ён с сибирских лесов, над всема зверьямы начальник.

— Как бы его посмотреть?

— Ён без подарочка не допустит.

Ну ладно, как-нибудь. Идет опять Лиса, бежит. Попадает Волк стрету.

— Здравствуй, Лисичка-деличка!

— Я не Лисичка-деличка, я Лисичка-молодичка! У меня замуж выйдено.

— За кого?

— За Кота Котофеича. И ён из сибирских лесов, ён над всема зверьямы начальник.

— Как бы его посмотреть?

— Он без подарка не пустит, не допустит.

Вот указала, где мы живем с котушком. Коту говорит:

— Ты скочи, как приедет Медведь, ты покажись.

Ну, Медведь несет быка, теленка, а этот, Воловцю. Овцю несет, поймали.

— Вот принимайте, Кот Котоевич, от нас это подарочек. Вы каки, — говорит, — интересенькие, каки у вас усики-то до-о-олгие! Каки интересенькие!

Ну, он на теленка сел и давай когтямы:

— Мау-мау-мау!

— Ой, какой прожористой! Такой теленок, а он говорит: мало, мало, мало!

Ну. Етот рвал, рвал, рвал теленка и прыгнул взял в эту, в каку тебе? В сосну! Кот-то. В сосенку прыгнул. А там в кустах-то верно, в кусту-то зашевелился верно, какой тебе, мышь, а кот-то и выскочил. Кот-то как оттоле прыгнё, с ёлки-то, да попало на Мед-

ведя. Медведь как перепался да Волк! Да побежали, да даром и все. Лиса говорит:

— Ой, ён нас-то всех, гли вот, такого быка, говорит: мало, мало, мало. А он, — говорит, — сам собой какой красивой! Ой, какой у Лисички муж-то какой красивой. У его усики так длинные, хвостик-то у его мохнатый.

Дивилисе котушка!

А шерсть-то пушна выставлена.

Ну, так и ушли. Вся и сказочка.

85. ПРО НЕВЕРНУЮ ЖЕНУ

Ну, жил-был мужик с женой. Звали его Николаем. А там народ-то всё ему:

— У тебя, — говорит, — Колька, жена неверна.

Он:

— Ну, я не верю, что у меня жена неверна. Нет, — говорит.

Ну, а его тут, в своей деревне сестра была. Он к этой сестры, к этой, к золовке приходит. Он в лес захоходил.

— Ужо, — говорит, — я проверю свою жену, что неужели правда?

Зашел. Зашла ёна к золовке сама и говорит:

— Это, кума, как бы мне мужа своего решить? Я его не люблю. У меня друг есть. Я его не люблю.

Эта золовка-то его, она говорит:

— Ён как уйдё в лес-то, ты напеки колобов да, навари киселя масляного да, напеки пирогов да, всё масляно сделай. Он поест да ослепне.

Ну вот. А сестра-то подумала, что ему прибежит да скажо, что-бы он пойдё, дак зашел к ней.

Ну. Золовка-то сказала невестке. Вот к брату зашла:

— Вот, у ты жена-то гулят дак. Ты говоришь, что не веришь-то. А пришла да сказала: «Мне мужа решить бы!» Ак я сказала, что «напеки колобов да пирогов, а ты поди. В дубу, там Никола Дубинский, ты у Николы Дубинского спроси». Да ты поди, в дуб сядь.

Вот ён сел в дуб. Ёна научила, как говорить-то. Она пришла, жена-то его.

— Никола Дубинской, скажите, пожалуйста, как бы мне мужа своего отравить либо порешить как-ни.

— Мужа, — говорит, — порешить? Возьми напеки (*он в лес-то ушел дак*). Ты придешь с лесу, печь натопи, напеки, навари пирогов жирных да колобов напеки. Да это, киселя масляного. Он поест да ослепне.

Пришла домой, печь вытопила, пирогов наварила, всё. Самовар вскипятила. Он с лесу пришел. Пришел, садитесь за стол. Она киселя, всё на стол сносила. А он говорит:

— У тебя, бабица, сегодня что это, праздник какой-ли, что у ты эко заготовка-то?

— Ой да, мужичок, мне тя жалко. Ты ходишь да будешь в лесу, да хоть поешь-то хоть маленько.

Но. Заулыбаласи. Он стал ись. Ел-ел, пирогов наелся, киселя и зашабрал по столу, зашабрал, зашабрал.

— Ты чё, мужичок, шабрашь-то?

— Ой, бабица, ослеп, ослеп! — говорит.

— Да что ты!

— Бабица, сведи меня на печку.

Но. Пошел в комнату.

— Не туды, мужичок, идешь-то. Вой-вой-вой! Ой, что с тобой сделалосе-то?

Она взяла его к печи привела. И он на печку выстал, за кожух лёг. Лёг за кожух. Она там сбегала, другу сказала, что «Приходи, у меня мужик ослеп, дак что хошь делай! Ослеп дак!»

Ну вот. Взяла сбегала. Он колотится. Колотится. Ёна:

— Кто там?

— Да поди, я пришел. Дак муж-то у тя, что, дома? Он ослеп?

— Ослеп да оглох. Не слышит да не видит. За кожухом лежит.

Но. Счас самовар разогрела, бутылку вина на стол притащила, и стали забавляться, пить!

А мужик-то из-за кожуха поглядывают, у его серьеце дрожит.

— Бабица, дай ты мне ружьецо.

А ружье заряжено.

— Дай мне ружьица. Ведь я ослеп да оглох. Да погрустить у ружьица-то.

Взял да ружье-то и целуе.

— Бажоно ты ружьицо, мне в тебя боле, в ружьицо, не стрелявать, не видать.

Она говорит, он говорит:

— Неужели он взаправду это, ослеп?

— Ослеп, ослеп.

Ну, оны стали вина-то пить да колкаться. Он глядел-глядел — как оттуль выпале! Жоны друга убил. Обоих. Всё порешил и покончил.

Всё. И так его не обсудили. Нам-то народ подсказал, что это правда. Она ходила, гуляла. Неверна у его жена. И решил.

86. ЗАРАБОТАННЫЙ РУБЛЬ

Ну вот. Жил-был мужик. Он всю жизнь работал этим, каким тебе, кузнецом. Молот такой... А этот молот, грузина, может быть, он килограмм 20 есть. Вот ён все этим молотом. А у его был сын. Он этого сына до двадцать годов всё пойт да кормит, а сын ничего не делае, лентяй был. Лентяй сын. А мужик-то богато живё, отец-то. Ну вот, и он говорит:

— Больше...

Работал, роботал, роботал, роботал, больше не замог работать. Пришел домой, устал. И лёг. Сам говорит:

— Вот лентяй, такого лентяя напару не приберешь. Как ты лентяй, я тебя, лентяя, до двадцать годов всё своима трудами поил да кормил, а ты, лентяй, что, хоть бы рубль заработал, дак и то бы на день, и то бы хорошо.

— Гм, а рубль будто что заработать?

— Вот, — говорит, — сходи завтра, заработай. Принеси отцу. А если ты рубля не заработашь, я буду помирать (*а у его богатство, у мужика-то, у отца-то*), дак тебе наследство не оставлю, не оставлю тебе никак. Потому что ты преподобный лентяй!

Ну, ладно. Мать дала... Ведь уж хоть леной, а матери сын, дак жалко. Мать рубель дала.

— На, — говорит, — рубль. Сходи, да отцю принеси, что рубль заработал.

Ну, ён... Она ему флягу вина налила, да вином поя, да все сына... всё, дивья сыну лениться. Она флягу вина налила. (*Али как, фляга называется, али вокляга, али?*) Налила, таку жестяну дак... И там ему наклала кушать кое-чего. Ну, он лёжит да кушат, да в небо смотрит.

Вот вечер пришёл, но, пошёл домой. Пришёл.

— Вот, говорил, рубля не заработаю. Вот тебе, папа, руб.
Он вертел-вертел рубль.

— Да, конечно, этот рубль не тобой заработан.

Взял, пришёл да, у матери тут есть, это, огонёк, в этом, в жар-ни. Он взял, кинул, да рубль-то и сóжгал.

— Гм, рубель сóжгал. Богатый какой — рубель сóжгал.

— Дак не тобой заработан дак.

Ну. И опять на второй день:

— Я тебе, дураку, говорю, что ты если свои́ма труда́мы рубля не заработашь, то я тебе, подлецу, лентяю, не оставлю в наследство ничего.

Но, мать опять:

— Вот на, — говорит, — рубель. На. До темени проживи, а потом две версты, два километра пробежи бегом, весь вспотей, так отец поверит, что вспотел, дак тобой рубль заработан. [*Смеется.*]

Ну вот, ён что? Прележал до темени, и потом давай, бежал-бежал-бежал, домой прибежал, дак со всего пот текё.

— Вот, гли-ко, я сегодня рубль заработал, дак, смотри-ко, весь вспотел. Этот рубль мне нелегко пришёл.

Отец взял, вертел-вертел.

— Да, ты хоть и вспотел, ты 20 километров бежал, это, какой тебе, бегом. Но рубель-то не тобой заработан.

Рубель опять в огонь кинул, опять сóжгал. Ну. Опять рубель кинул.

— Ишь, — говорит, — как не твой-то заработан, не тобой. Ты его и не жалеешь. У тя жалости на рубль нету.

Ну, на второй день, на третий опеть он ругался:

— Лентяй ты такой... Лентяй ты, лентяй преподобный. Не можешь ты рубля заработать свои́ми труда́мы.

Мать и говорит:

— Вот, — говорит, — поди, хоть и кто 15 копеек, кто 20 даёт, а только заработай рубль, мелочи принеси отцю.

Ну, ён сошёл в деревню, там кому воды принесё, ему кто 15 копеек даё, дров кому попилит, тот 20 даё. На рубль наскопил. Рубль нароботал, рубль. Ну и принес отцю.

— Ну вот, батюшко. Этот рубль моима трудамы. Я до того дрóва пилил, воду носил, дак ажно спйна заболела.

— Да вот, как не заболела! 20 годов не роботал дак, оны тяжело приходит дак, и посмотрим.

Поглядел-поглядел.

— Да, этот рубль не тобой заработан.

Взял, это, огонь тут, пепел горячий да уголья, он взял, эти деньги-то кинул в огонь, отец-то опять.

Он оттуда плачет:

— Ой, воду носил, да, дрóва да всё да пилил, а ён взял, мои деньги кинул!

Да эты все деньги-то и вынял, выволочил с огня. Отец говорит:

— О, сынок! Теперь верю, что твоима трудамы рубль заработан. Вот как, ишь, твоима-то заработан, дак и что бы ты заплакал, дак ты с огня вот тащишь, а плачешь. Вот теперь верю, вот. Буду помирать, тебе наследство расскажу. Вот будешь роботать — будут деньги, будё у тебя уменье, и будет у тебя всё. Отец как не ленился, роботал, дак вишь, выстроился, да всё вызаклеивал. И сам вон оделся, и тебя, дурака, лентяя обнадел. И жону и... А так и ты будешь роботать, и все будё. И так этого. Вот. Вот отец как.

87. ПОСПОРИЛИ ДВА МОРОЗА, КТО БЫСТРЕЕ ЗАМОРОЗИТ ЧЕЛОВЕКА

Вот и спорят два брата мороза. Один говорит:

— Вот я повезу... Вот поиде мужик, барин, поидё, вот у его наодеванось: пальто одето, тулуп наверёх. Я его не могу поморозить.

А второй говорит:

— Поморожу, но насмёрть мне его не заморозить.

А второй брат-мороз говорит:

— А вот тут мужичок поезжа, за дровами. У его один маленький полушубочёк, только, дó пояса. Немного подоле. Дак, кандёнки вот каки худы да, да шапчонка дак. Вот я дак заморожу!

А этот, который барина желает заморозить, тот говорит:

— Не заморозить этого тебе мужика!

— Заморожу!

Ну и, мужик поехал. Барин поехал, дак этот одва, одва доехал дó дому! Сильну сторону, а друго одва доехал. Тот морозка забрался пód это, под пальто, да пód этот, под тулуп, дак барин зубы дóзвонил, одва приехал живой. Всё-таки поморозил, а не насмёрть. Ну. А этого заморожу.

Вот ехал-ехал мужичок, мороз поскакива вслед, а он, это, идё, мужик. Мужик — стало холодноато — мужик выскочил, да бегом вслед лошади. Бежал, бежал, весь вспотел. Прибежал, этого, лошадь поворотил, сена дал, полушубок скинул, и давай, рукавицы вынял, и давай голорукым дрова рубить. Весь в поту! Весь вспотел! Но. Работал, весь вспотел. Но. А етот Мороз-то:

— Ну, ладно, ничёго. Я тебе ужо в полушубок заберуся, ты полушубок оденешь и замерзнешь.

Ну, мужик дров нарубил в одном пинжаке, нарубил, навалил

воз и взял погонялку, и давай это, этот... Окúржавилась шуба-то, мороз-то эдакой. Он эту, это, снежок-то весь напал, как это погонялкой, кнúтовъём всё выколотил, всё выколотил, всё выколотил. Ну и полушубок одел и поехал домой. Приехал домой.

Но, этта два брата мороза собрались вместо.

— Да, — говорит, — как, братец поживашь?

Это богатый-то, какой, тот, который не заморозил мужика-то, в тулупе-то ехал барин-то.

— Дак как, братец, заморозил ли ты мужика в тулупе?

— Дак хорошо подморозил, зуб дóзвонил, одва домой живого довез. Но мужик живой.

— А я, — говорит, — поехал, мужик вот каки, кандёнки худые, дак вот какой полушубок худой, весь рóзной. Приехал змей. А я мужика, я мужичка никак не мог заморозить. У мужика полушубок худой, валенки рóзны, прикóжаны все. А мужик, как стал маленько застывать, да вышел, да побежал, весь в поту. Потом приехал, опять дров нарубил в одном пинжаке, а я в полушубок забрался. Он взял как погонялку, ак у меня вси бока выломал. Я три дня пролежал, не могу бокамы.

Ну вот, этта два мороза так.

Ну и так и разошлись. Не могли мужиков ни которого заморозить морозы. Всё.

88. ПРО ДИМКУ И СТАРУХУ-ЛЮДОЕДКУ

В одно время четыре парня пошли на морковник, этого, в лес, туды морковника собирать. Морковника какого-то собирать. А тут паренек один маленький. Мать привела:

— Возьмите моего парня.

(Как-то Димка или Гимка, или как-то звали. Димка, наверно).

— Димку моего возьмите. Ну, если ён не заможет, дак вы его наском как-ни поднесите. Ён, — говорит, — меньше вас дак.

Ну и пошли. А парень подошел маленько:

— Я не пойду. Мама моя говорила, что если не замуже одти, дак меня наском несите.

Ну, парни несли. Да его понесут да, повезут да. Ну и пришли на это, на морковник. Там пришли, парня привели. Ну, стали рвать, это.

— Димка, рви, это, какой тебе, морковник.

— Не буду! Рвите мне наготово! Мамка мне говорила, что тебе наготово нарвут.

Ну, парни себе по пучку нарвали, мальчики, и ему пучок нарвали. Вот. И затемнело. Вот оны пошли. Ходили-ходили-ходили, дорогу не нашли. И заблудилисе. И потом пошли. Шли-шли-шли туды в лес. Огонёк светится, собака там залаяла. Огонёк светит. Ёны подошли — избушка. Старая-старая. Старуха вышла.

— Бабушка, нас не пустишь в избу переночевать?

— Идите, идите, гостюшки милые, идите.

Но. А парни-то други не слышали, а этот парень-то и услышал:

— О, — говорит, — ужин хороший будё. Я их убью, дак ужин хороший будё.

А парень-то услышал. А эты парни не слышали.

(Надюшка мне эту сказку рассказывала).

Парни-то не слышат.

Ну вот, этого, их накормила, подостлала:

— Ну, легте!

Да четыре парня легли. А этого, этот парень пятый, малень-

кий, не валитсе. Как слышал, что этого: «Хороший ужин будё, я их убью, дак хороший ужин будё». Ну. И это парень никак не спит.

— Куда ты легешь?

— Но. Меня мамка дома в такую кроватку валит.

Она ему такую кроватку наладила. Ну, повалила. Парень не спит.

— Что, — подошла, — что не спишь так долго, Димка?

— А мама меня не так. Мама меня укладывала, кругом всё укладё платьями.

— Ну, так и быть. Пусть, тебя укладу.

Ну, и ёна кругом платьями укладыва. Ну от, парень этот никак не спит. Она ходит, всё ходит. И потом опять:

— Ты чего не спишь? Твои товарищи спя, ты не спишь?

— Да мамка, — говорит, — моя дак ночью выстане, дак замеша колобчиков со ржаной муки, дак меня накормит.

— Ну так и быть!

Печку затопила маленько, замешала колобов таких ржанных ему, напекла. Он поел, лёг. Но. А уж это время уж скоро 12 часов, а парень всё не спит и не заспит. Но. Вот опять, этого, ну, лёг. Но. Опять его наукуtywала дак, обклала хорошо. Ну, он всё не спит. А старуха всё ходит, всё ходит, всё ходит. Подошла. А парень там бряхается, да ряхается.

— Что не спишь? Такое сегодня. Что ты не спишь? Чего тебе еще надо?

Да. Уж дело под свет подходит.

— У меня, — говорит, — мамка дак курочку зареже, да, этого, нажарит мне курины.

— Так и быть!

Взяла, курицу зарезала, печь затопила, курятины наварила, парня курятиной накормила.

— Но, спи, так и быть! Пусть по-твоему!

Ну, а парень всё не спит. Стало светло брызжаться, заводиться уж. Ну, он и говорит:

— Бабушка, светок начина, дак вот меня мамка мыла не такой водой, — говорит, — не с избы.

А парень всё вот, всё, чтобы она не убила. Ена, если парни спя, дак она граблями их убила.

И говорит:

— У меня мамка дак, решето возьмё, да решетом воды, этого, принесет, наносит, дак этой водушкой меня мое.

— Ну, пусть по-твоему!

Ну, взяла решето и пошла на берег, на речку. Далековато ей. Ушла на речку. Он выскочил и парням говорит:

— Вставайте, ребята, побежимте! Докуда старуха на речке. А то старуха придет, счас нас всех убьёт!

Но, ёна там докуль воду эту решетом черпала, да была, что черпоне, а у ее вытеке, черпоне — вытеке. Полны сапоги себе воды налила.

А ёны той порой убежал. На этот убежали, на какой тебе, на морковник. Свету там нашли и убежали. Но, собаке там хлеба кинули, собака не залаяла. Да ушли. Старуха пришла, а никого нету. Уж из-за парня этого. Парень спас их. Но.

— Не надо больше. Несите носком меня, да бегите.

А сам бежит скорее. Ну вот, пришли домой. А там это, сумлеваются, что, видишь, они четверо ушли, или пятеро их было, пятеро, и не пришли, куда-то заблудились. Оны идут. Родители там бушуются, что вот куды-то ребята делись, надо идти искать. А пареньки идут. И морковник несут с собой на плечах. Но, по тухачку.

— Где вы были?

Но, этот парень-то маленький-то рассказывает:

— Если, — говорит, — не я, мы у старухи там ночевали, ак нас старуха бы убила. Они не слышали, а я услышал, что говорит: «Но подьте, подьте, гостюшки, ночуйте, подьте, подьте. Ох, хороший ужин будё. Убью, дак хороший ужин будё, надолго мяса будё исть». Но. Ак я, — говорит, — всю ночь не спал, всё затевал то да другое. Она всё по-моему делала.

Ну и так парни и сбыли до смерти. Всё.

НАДЕЖДА ЛЁВИНА

89. ЗАРАБОТАННЫЙ РУБЛЬ

Жил-был мужик, у него был сын. Он был лентяй. Один раз отец говорит:

— Иди, заработай рубль за неделю.

Он говорит:

— Рубль просто заработать.

И пошел. А ему мать дала рубль. Ему мать дала рубль. Он пошел домой и говорит:

— Вот я рубль заработал.

А отец держал-держал и бросил рубль в печку. А сын говорит:

— Бросил, дак сам зарабатывай.

На второй день опять пошел зарабатывать рубль. Ему мать дала рубль. Говорит:

— Как придешь домой, пробежи две версты, весь вспотеешь, отец подумает, что ты работал.

Дала ему мать рубль. Он пробежал две версты, пришел домой, а отец подержал в руке деньги, опять и бросил в огонь.

На третий день мать говорит:

— Придется тебе идти, все равно отец поймет.

Сын пошел. Неделью проработал и рубль заработал. Пришел домой и говорит отцу:

— Я деньги заработал.

Отец повертел-повертел и взял, бросил в огонь. А сын из огня все монеты вытащил. Отец сказал:

— Ну, теперь ты заработал сам деньги, а когда деньги не заработал, ты из огня не брал их.

ЧУЯЛА

АЛЕКСАНДРА ГАВРИЛОВНА МИТРОФАНОВА

ПРО АРХАНА АРХАНОВИЧА

В некотором царстве, в некотором государстве жил был царь. У него был сын. Этот сын задумал жениться, взял себе жену хорошую. Сошел спать:

— Ну, жена, ты хороша, а я тоже хорош, два добра вместо, как два сига в тесто.

— Ах, муж, ты хорош и я хороша, а у меня есть друг Архан Арханович, весьма молодец хорош.

Ему стало худоумно:

— Пойду я ейного друга искать.

И ушел от ей. Близко ли далёко ли, низко ли высоко ли, скоро сказка скажется, да не скоро дело делается. Пошел. Стоит избушка на курьей лапке, на веретённой пятке, на собачьей лапке, на кошачьем хвосту:

— Избушка, избушка, повернись туды концом, сюды крыльцом, мне не год годовать, одна ночь ночевать. Пособи, Господи, зайти и выйти.

Зашел в избушку, сидит староматерна жёна на золотом стули, шелковы кудри чешет, через грядку мечет:

— Фу-фу, каков русский дух! Очи верже, глаза копае, с избы вон пихае. Волей ли ты, дитятко, ходил или неволей?

— Ах, ты, старая чертовка! Не училась бы у холодного, голодного речей спрашивать, училась бы кормить да поить, да молодца спать уложить, а потом и спросить.

Старуха скочила, стол установила, кормила, поила, спать уложила. Села к сголовью и спрашивает:

— Далёко ли ты, дитятко, пошел?

— Да вот, бабушка, я пошел: женился, сошел спать и говорю: «Ах, жена, ты хороша да я хорош, два добра вместо, как два сига в тесто». А жена отвечает: «Ах, муж, ты хорош и я хороша, а у меня есть друг Архан Арханович, весьма молодец хорош». Вот я пошел его посматривать.

Старуха ему отвечает:

— Далёко, далёко пошел, много туды людей ходят, да оттуда не выходят. Я ему младшая тетка. Он ко мне один раз в три года в гости ходит.

Утро приходит, старуха ставает, завтрак готовит:

— Вставай, — говорит, — царевич, не сном дорожка коротать, а заботкой.

Вот он встал, покушал и пошел в путистую дорожку. Шел, подошел, близко ли далёко пришел, стоит избушка:

— Избушка, избушка, повернись туды концом, а ко мне крыльцом, мне не год годовать, одна ночь ночевать. Пособи, Господи, зайти и выйти.

Зашел в избушку, сидит староматерна жёна на золотом стули, шелковы кудри чешет, через грядку мечет:

— Фу-фу-фу, каков русский дух! Очи верже, глаза копае, из избы вон пихае. Вольно ли ты, дитятко, или невольно ходишь?

— Ах, ты, старая чертовка, не училась бы у холодного, голодного речей спрашивать, училась бы поить да кормить, да спать повалить.

Старуха скочила, поила, кормила, спать повалила, села и спрашивает:

— Куда пошел?

— Вот, бабка, взял я себе жёну хорошу, лег спать и говорю: «Жена, ты хороша, я хорош, два добра вместо, как два сига в тесто». Она отвечает: «Ах, муж, ты хорош и я хороша, а у меня есть друг Архан Арханович, весьма молодец хорош». Вот я и пошел его посматривать.

— Ой, дитятко, много туды ходят да оттуда не выходят. Я ему средняя тетка, он ко мне один раз в два года в гости ходит. Ну, Богу молись, спать ложись: утро мудро, мудренее вечера.

Утром старуха встала, ему все приготовила:

— Не сном дорожка коротать, а заботкой.

Он поел, попил, старуха и говорит:

— Дитятко, я дам тебе клубочек. Покуда он катится, и ты иди. Когда он устоится, ты положи его в карман и зайди в дом.

Он пошел на улицу. Клубочек катится, он идет. Пришел. Дом большой-пребольшой. Клубочек остановился, он завил, убрал. Пришел в дом.

— Фу-фу-фу, русский дух! Очи верже, глаза копае, из избы вон пихае. Волей ли ты, дитятко, ходишь или неволей?

Он бух старухе в ноги. Она его лягает, пинает и прочь отсылает:

— Отойди, невежа! Как ты ко мне пришла?

Он не встает. Старуха говорит:

— Встань, расскажись, кто ты такой? Какого отца, какой матери?

Вот он встал, рассказал:

— Вот, бабушка, я царя сын, Иван-царевич. Я женился. Взял себе жёну хорошу, лег спать, говорю: «Ты жена хороша да я хорош, два добра вместо, как два сига в тесто». Жена мне отвечает: «Я хороша-то хороша, ты друг хороший, а есть у меня друг Архан Арханович, весьма молодец хорош». И я пришел его посмотреть.

Вот старуха встает и его ведет во двор. Пришли на двор, старому столбу поклонились, столб створился, он в этот столб вошел. Старуха столбу поклонилась, столб затворился, он остался в столбе. Мало-помалу налетел Архан Арханович и говорит:

— Фу-фу-фу, русский дух! Матушка, подай русского человека, сейчас голову срублю.

Старуха отвечает:

— Что ты, дитя. По Руси налетался, русского духу нахватался, никого у меня нет.

А он ей:

— Матушка, подай его!

Мать отвечает:

— Я тебе его подаю, только ты его не шевели.

Ну, он отвечает:

— Не буду, не буду.

Старуха выходит во двор, столбу поклонилась, столб отворился.

— Ну, выходи, Иван-царевич, иди к Архану Архановичу, извинись.

Вот он приходит и падает Архану Архановичу в ноги:

— Архан Арханович, извини меня!

Он ему и отвечает:

— Встань да расскажись, кто ты такой есть?

— Я Иван-царевич. Я поженился, взял себе жёну хорошу, лег спать и говорю: «Жена, ты хороша да я хорош, два добра вместо,

как два сига в тесто». Жена отвечает: «Ты хорош и я хороша, да есть у меня друг Архан Арханович весьма молодец хорош». Так я пришел вас посмотреть.

Побратались они крестами и стали жить, как два брата. Пóжили. Архан Арханович поеждает воевать нá поле, а ему оставляет вси ключи и говорит:

— Вот, брат крестовой, тебе вси ключи, везде ходи, только в мою спальну не ходи.

Архан Арханович улетел, а Иван-царевич по все покоем ходит. Однажды иде:

— А что мне брат крестовой в его спальну ходить не велел? А дай-ко я схожу.

Открыл в спальну замок, зашел и ничего не видит. Стоит только одна кровать. Говорит:

— Ой, брат крестовой пожалел кровати. Дай-ко лягу я да отдохну.

Лег на кровать. Мало-помалу открывается окно, налетело сорок ворон, галиц. Овернулись девками, ходя по комнате, пляшут. Кажна подходит к кровати и его будит:

— Архан Арханович, выстань, голубчик, попляши со мной!

Он не встает. Вот сели оны на окно, овернулись птицамы и полетели.

И вот он видит: и его жена ходит в этом стади. Однажды подходит к ему и говорит:

— Архан Арханович, выстань, голубчик, потанцуем!

Он не встает. Она овернулась сорокою, села на окошко и защухтала. В это время Иван-царевич скочил с кровати, схватил за ногу и оторвал ногу. Она полетела и защухтала. Он в это время выходит из спальни к старухи и говорит:

— Бабушка, сбереги меня.

Старуха выводит его на двор, столбу поклонилась, столб от-

ворился, он зашел. Старуха столбу поклонилась, столб затворился.

Мало-помалу налетел Архан Арханович:

— Матушка, подай брата крестового, сейчас голову сказню: у самолучшей подруги ногу отрвал.

Мать отвечает:

— Перву вину, дитятко, Бог простит.

Он отвечает:

— Ну, веди его сюда.

Старуха на двор пришла, столбу поклонилась, столб отворился. Говорит:

— Ну, Иван-царевич, иди, повинись, какую вину ты сделал.

Иван-царевич приходит, падает в ноги:

— Брат крестовый, прости меня!

— Ну, первой вины я тебе прощаю.

Жили-пожили несколько дней. Архан Арханович опять запоеждал, а Иван-царевич опять остается. Архан Арханович говорит:

— Брат крестовый, вот тебе ключи. Теперь можно и в спальню ходить, только в тюрьму не ходи.

Архан Арханович улетел, а Иван-царевич осталсе дома. Ходил, ходил по всем покоем.

— Что мне брат крестовый не велел в тюрьму ходить? А дай-ко я схожу.

Открыл тюрьму, выходят богатыри, шапочки сняли:

— Спасибо, Иван-царевич, что вы нас выпустили!

Иван-царевич видит, что дело неладно, приходит к старухи:

— Бабушка, сбереги меня.

Старуха выводит его на двор, столбу поклонилась, столб отворился, и он зашел в столб. Старуха столбу поклонилась, столб затворился.

Мало-помалу налетел Архан Арханович:

— Матушка, подай мне брата крестового! Он выпустил двух неприятелей, они по полю свищут, едва меня не убили.

Старуха отвечает:

— Дитятко, во второй раз вины Бог простит.

Архан Арханович:

— Ну, веди, прощаю!

Старуха во двор выходит, к столбу подходит, столбу поклонилась, столб отворился.

— Ну, иди, Иван-царевич, да повинись.

— Прости меня, Архан Арханович!

Отвечает:

— Прощаю!

Ну, опять жили-пожили несколько дней. Архан Арханович поеджает, ключи вси оставляет:

— Брат крестовый, во вси комнаты ходи, только в погреб не ходи.

Архан Арханович улетел, а Иван-царевич опять ходил, ходил по всим покоем:

— А что мне брат крестовый не велел в погреб ходить? А дай-ко схожу.

Открывает погреб: выскочил оттуда конь и в бег по городу. Бежал-бежал, прибежал, на Ивана-царевича фырскнул, дак он ажно пошатнулсе, и опять убежал. Бегал-бегал, опять прибежал, фырскнул — Иван-царевич еле на ногах устоял. Опять убежал. Третьей раз прибежал и устоялсе и заговорил конь человеческим языком:

— Иван-царевич, два раза я фырскнул, много силы я склал, а третьей фырскнуть — мне тебя не носить. Ты зайди в этот погреб, там вся сбруя богатырская, уздечка, меч-самосек и седло.

Оседлай меня, и поедем мы в поле воевать, Архану Архановичу помогать.

Иван-царевич заходит в погреб, берет всю сбрую богатырскую и оседлывает себе коня. Садится на коня и поезжает в поле. И видит, что Архан Арханович силу эту бьет. Думает Иван-царевич:

— Дай-ко я брату крестовому помогу.

Архан Арханович с краю, а Иван-царевич с другого эту силу всю и прибили, перерубили. Иван-царевич не видит своего брата крестового, и спустился с коня и пошел по трупам искать. И видит: Архан Арханович перерублен пополам с конем. Сел и заплакал Иван-царевич. Конь и говорит:

— Иван-царевич, жалеешь брата крестового, дак не пожалей меня. Распори меня, вываль из меня кукшу, ночь проспи в ребрах, а потом все узнаешь.

Иван-царевич поре коня, вываливает кукшу, заходит в ребра и садится. Мало-помалу прилетают два ворона: один большой, а другой маленький. Маленький сел на кукшу и напал клевать. Большой кричит:

— Сын, не садись, тут тебе не обед, а чистый обман.

Иван-царевич в это время схватил маленького вороненка и начал таскать. А большой кричит:

— Иван-царевич, не рви моего сына. Привяжи мне кукшинчики, я слетаю за тридевять земель, принесу тебе живой воды и мертвой, оживишь ты брата крестового.

Иван-царевич бере кукшинчики, привязывает к вороненку, а маленького держит у себя. Этот ворон улетел. Мало-помалу прилетает, приносит воды живой и мертвой. Иван-царевич берет эти кукшинчики, схватил маленького вороненка и пополам его перервал. Сейчас мертвой водой помазал — он сроссе, а живой помазал — он спорхнулсе и полетел. Иван-царевич выходит

с коня, заваливает кукшу, мертвой водой помазал — конь сроссе, живой помазал — на ноги скочил. Сейчас подходит к Архану Архановичу, мертвой помазал — сроссе, живой помазал — на ноги стал и говорит:

— Ах, как я долго спал!

А Иван-царевич говорит:

— Ах, брат, не я — дак век бы проспал.

Садятся на коней и едут домой. Жили-пожили дома сколько ли времени, Архан Арханович говорит:

— Мне бы пожениться.

— Пожениться так пожениться, — отвечает Иван-царевич, — подыскивай невесту, а я поеду свататься.

Архан Арханович отвечает:

— У царя Катона есть Катон-девица, я хочу ее взять замуж.

Иван-царевич говорит:

— Приготовляй мне корабли и продукты, я поеду свататься.

Архан Арханович приказал матросам готовить корабли и забирать продукты. В это время Иван-царевич изымал кошку, вызолотил и научил, что ходит с плеча на плечо и равгает.

И вот сели на кораб и поехали они к царю Катону. Подъезжают к этому царству, кинули якоря, спустили паруса и устоялись у берега. Мало-помалу идет на берег Катон-девица с няньками-служанками. А у Ивана-царевича эта кошка ходит с плеча на плечо и равгает. Катон-девица спрашивает:

— Что это у вас за зверек?

— Этот зверек рассказывает, что у нас в государстве делается, так он мни вести приносит.

— Продайте мне его.

— Какие глупости! Идемте, у меня на корабле выбирайте любого.

Девница пошла на кораб, а няньки-служанки все вслед. Иван-царевич говорит:

— Нечего им там делать, мы вдвоем сходим.

Она им и говорит:

— Останьтесь, не нужно всем идти.

Заходя на кораб. А Иван-царевич приказал матросам:

— Когда придем на кораб — здымайте паруса и мчитесь в море.

Она-то зашла на кораб, а кораб помчалсе в море. Вот, день прошел, наступила ночь. Иван-царевич всех положил спать, сам стал на часы. Мало-помалу на кораб прилетела птица, села на мачту, мачта зашаталась, чуть не сломалась. И говорит птица человеческим голосом:

— Ну, Иван-царевич, увезли нашу Катон-девицу — да не обрадуетесь. Наша Катон-девица приеде в ваше золотое царство, а Архан Арханович выйде встретить, а она подас ему платочек и скаже: «На-ко, муж мой любезный, на, подотри усы». Как он подотрет, да так его и разорвет.

Еще птица повторила:

— Кто мои речи слышит, Архану Архановичу перенесет — тот по колен в камень уйдет.

И улетела. Все прошло. Иван-царевич разбудил своих матросов, а сам спать лег.

Прошел день, приходит вторая ночь. Иван-царевич становится на часы, а оны ложатся спать. Мало-помалу прилетает птица, села на мачту, мачта закачалась, чуть не сломалась. И говорит птица человеческим голосом:

— Ну, Иван-царевич, увезли нашу Катон-девицу — да не обрадуетесь. Наша Катон-девица приедет в ваше золотое царство. И пойдут они венчаться. Она подас шубу соболиную: «На-ко,

муж, шубу соболиную, пойдем венчаться». Как он возьмет, так его и разорвет.

Да еще повторила:

— Кто мои речи слышит, Архану Архановичу перенесё, тот по грёди в камень уйдет.

Вот все прошло, свет стал, он матросов разбудил, а сам пошел спать.

Вот приходит третья ночь. Он опять всех спать, а сам на часы. Мало-помалу прилетела птица, села на мачту, мачта закачалась, чуть не сломалась. И говорит птица человеческим голосом:

— Иван-царевич, увез ты нашу Катон-девицу — да не обрадуешься. Наша Катон-девица приеде в ваше золотое царство, обвенчается, и пойдут спать. Наш царь Катон прилетит огненным змеем, сяде на стену: раз лизнё — бревно вылизнё, другой лизнё — друго вылизнё, третий лизнё — третье вылизнё, и залетит в спальню, сглотнет Архана Архановича и унесет Катон-девицу в свое царство.

Еще птица повторила:

— Кто мои речи слышит да Архану Архановичу перенесет, тот с головой в камень уйдет.

И улетела.

Вот подъезжают к своему царству. Архан Арханович идет встречать. Эта Катон-девица подает ему платочек:

— На-ко, муж мой любезный, да подотри усы.

Хочет подтереть, а Иван-царевич вырвал платочек да и разорвал. Архан Арханович ему ничего не сказал. Иван-царевич таково же. Пришли они, поели, попили, запоходили к венцу. Катон-девица подает мужу шубу соболиную:

— На-ко, муж мой любезный, шубу соболиную и пойдем венчаться.

Архан Арханович взял эту шубу, хочет накинуть на плеча, а

Иван-царевич подскочил, разорвал шубу на клочья. Архан Арханович ему ничего не сказал, а Иван-царевич таково же.

Отстоловали, отпировали, сошли спать. А Иван-царевич стал на часы. В самую полночь царь Катон прилетел огненным змеем, сел на стену, раз лизнул — бревно вылизнул, второй лизнул — друго вылизнул, третьей лизнул — третье вылизнул. Хоче залететь в спальню, а Иван-царевич схватил саблю и отсек ему голову. Голова пала в спальню, а туловище на улицу.

И вот прошла ночь, всё спокойно. Утром встает Катон-девица и видит, что лежит отцова голова. Она и говорит:

— Ах, муж мой любезный, Архан Арханович, какой же у тебя брат крестовый: одиножды отец мой прилетел в гости, и он голову ему отсек.

Выходит Архан Арханович и говорит:

— Вот, брат крестовый, неладно ты сделал: одиножды тесть мой пришел в гости, и ты ему голову отсек.

Иван-царевич отвечает:

— Послушай, брат крестовый, что слышал, что видел — всё расскажу. Вот когда я увез Катон-девицу, прошел день, пришла ночь, я стал на часы. В самую полночь прилетела птица, села на мачту, мачта закачалась, чуть не сломалась, а говорит птица человеческим языком: «Ну, Иван-царевич, увезли нашу Катон-девицу — да не обрадуетесь. Наша Катон-девица приеде в ваше золотое царство, приде Архан Арханович встречать, она подас ему платочек: «На, муж мой любезный, подотри усы». Как он подотрет, да так его и разорвет. Вот поэтому я у тя и прйрвал. Да еще птица повторила: «Кто мои речи слышит да Архану Архановичу перенесет, тот по колен в камень уйдет».

Как сказал, так по колен в камень и ушел. Архан Арханович и говорит:

— Брат крестовой, что видел, что слышал — не говори никому.

— Вот на другую ночь я опять стал на часы. Опять тая же птица прилетела, такое же говорила. Села на мачту, мачта закачалась, чуть не сломалась, и говорит она человеческим голосом: «Иван-царевич, увез нашу Катон-девицу — да не обрадуешься. Наша Катон-девица приеде в ваше золотое царство, пойдут венчаться. Она подас шубу соболиную: «На-ко, муж, шубу соболиную, пойдём венчаться». Как он возьмет, накине, так его и разорвет. Еще птица повторила: «Кто мои речи слышал, Архану Архановичу перенесет, тот по грудям в камень и войдет».

Как сказал, так по грудям в камне и стал. Архан Арханович и сказал:

— Брат мой крестовой, что слышал, что видел — никому не говори.

Иван-царевич:

— Да теперь уж все расскажу. Вот на третью ночь, когда я стал на часы, в саму полночь прилетела та сама птица, села на мачту, мачта закачалась, чуть не сломалась. Говорит птица человеческим голосом: «Ну, Иван-царевич, увез ты нашу Катон-девицу — да не обрадуешься. Наша Катон-девица приеде в ваше золотое царство, обвенчается, отпируют, отстолуют, придут спать. Наш царь Катон прилетит огненным змеем, сяде на стену: раз лизнё — бревно вылизнё, другой лизнё — друго вылизнё, третьей лизнё — третье вылизнё, и залетит в спальню, сгложет Архана Архановича в себя, Катон-девицу унесе в свое царство». Вот поэтому я ему и голову отсек. Да еще птица повторила: «Кто мои речи слышит, Архану Архановичу перенесе, тот весь в камень уйдет».

Как проговорил, так весь в камень ушел. Архан Арханович заплакал, взял этот камень и положил себе в сголовье. Где-ни ходит, где-ни ездит — на камень спать ляжет. Вот.

Однажды приснился ему сон: «Ну, Архан Арханович, жалеешь брата крестового, дак не пожалей сына любимого. Клади на этот камень и отсеки голову, и потечет кровь по этому камню, и выйдет Иван-царевич жив-здоров».

Архан Арханович утром выстал и говорит:

— Ах, жена, я сегодня видел сон.

Рассказал жены сон. А когда рассказал, она ему и говорит:

— Ах, муж мой любимый, мы столько времени проживем, опять сына наживем, а не видать нам брата крестового.

Взяли этот камень, положили сына, отрубили голову, протекла кровь, камень вылопал, и вышел Иван-царевич жив-здоров.

Ну, тут у меня и всё. У их на свадьбе я была, мед-пиво пила, по усам текло, в рот не попало. Клала на ложку, во хлев на окошко, кто легок на ножку — во хлеви на окошки.

ПРИМЕЧАНИЯ

Здесь даются сведения о месте и времени записи каждого текста, основная информация об информанте и собирателях, а также о том, где хранится та или иная сказка. При указании на Научный архив КарНЦ РАН (НА) первой цифрой обозначается коллекция, второй цифрой — единица хранения; при указании на Фонограммархив ИЯЛИ КарНЦ РАН (ФА) первой цифрой обозначается кассета, второй цифрой — номер трека. Сюжетные типы сказок определены по СУС.

1. [Посулёныш.] Записали Т. И. Сенькина и Т. С. Курец в июне 1977 г. в д. Бостилово от Ю. М. Вершининой, 52 л. НА КарНЦ 184/77 = ФА 2501/1. СУС 425А *Амур и Психея*: родители обещают выдать дочь замуж первому, кто посватает ее (ср. мотив «отдай то, чего дома не знаешь» в СУС 313А *Чудесное бегство*); жена хочет взглянуть на мужа при свете; роняет горящую спичку на него; муж исчезает; она отправляется на поиски и находит его у Бабы-яги. Редкий сюжетный тип (в Указателе учитываются 7 русских вариантов), получивший широкое распространение в Водлозерье [ср.: № 31, № 50] и соседствующем Кенозерье [см.: Смирнов, № 35]. Имя главного героя (Финис) возникло под влиянием СУС 432 *Финист ясный сокол* [Ср.: № 69]. В июле 2003 г. А. Б. Ипполитова и А. Л. Топорков произвели повторную запись сказ-

ки Вершининой в рамках экспедиции Российско-французского учебно-научного центра исторической антропологии им. Марка Блока при РГГУ. Исполнительница сообщила, что слышала сказку от мамы.

2. [Молодильные яблоки.] Записали Т. И. Сенькина и Т. С. Курец в июне 1977 г. в д. Бостилово от Ю. М. Вершининой, 52 л. НА КарНЦ 184/79 = ФА 2501/3. СУС 551 *Молодильные яблоки*: три брата по очереди едут за молодильными яблоками и живой и мертвой водой по просьбе отца; два старших выбирают дорогу, где «с девицей спать»; оказываются в подполье; младший сын добывает диковинки и проникает во дворец к царевне; спасает братьев, они сталкивают его в подземелье; пасет стадо коров и избавляет жителей от Бабы-яги и ее дочерей; возвращается в свое царство на птице; царевна ищет отца своих детей. Популярный сюжетный тип (в Указателе отмечены 33 русских варианта), который встречается уже в сборниках XVIII в. [Лекарство, с. 94—107; Дедушкины прогулки, с. 144—153; Тимофеев, № 1]. Окончание сказки Вершининой не удалось записать из-за неисправной техники.

3. [Сказка про пастуха.] Записали Т. И. Сенькина и Т. С. Курец в июне 1977 г. в д. Бостилово от Ю. М. Вершининой, 52 л. НА КарНЦ 184/80 = ФА 2502/1. СУС 1003 *Пахота с собакой*: работник должен пахать с собакой, пока она не устанет; —1004** *Медведь в упряжке*: запрягает медведя вместо быка, приводит его в хлев; медведь убивает всех коров; 1120 *Хозяйка (поп) сброшена в воду вместо работника*: старик и старуха договариваются о том, что напоят героя и сбросят его в реку; работник слышит их разговор; старуха по ошибке сталкивает в реку старика; работник и ее кидает в реку; возвращается к отцу богачом. Первые

два сюжетных типа представлены в Указателе единичными записями, последний — достаточно популярен (учтены 26 русских вариантов). Подобная контаминация встречается в восточнославянской сказочной традиции. В июле 2003 г. А. Б. Ипполитова и А. Л. Топорков осуществили повторную фиксацию сказки Вершининой; в ней отсутствует эпизод с медведем; завершается она тем, что работник остается жить с женой нанявшего его хозяина.

4. Семеро овец. Записали Т. И. Сенькина и Т. С. Курец в июне 1977 г. в д. Бостилово от Е. И. Ладзяновой, 58 л. НА КарНЦ 184/36 = ФА 2499/12. СУС 163=АА *162 *Пение волка (реже — медведя)*: волк песней выманивает у старика животных (овцу, курочку, телку), пытается съесть старуху (выманить внучку). Популярный в русской сказочной традиции сюжетный тип (в Указателе учтены русских 26 вариантов). В Водлозерье он представлен в репертуаре нескольких исполнителей [ср.: № 40, № 57, № 73]. Сказки этого типа сближаются с СУС 162А* *Дед, баба и волк* [см. № 63].

5. [Сказка о золотой рыбке.] Записали Т. И. Сенькина и Т. С. Курец в июне 1977 г. в д. Бостилово от Е. И. Ладзяновой, 58 л. НА КарНЦ 184/39 = ФА 2499/15. СУС 555 *Коток золотой лобок (золотая рыбка, чудесное дерево)*: рыбка исполняет все желания жены бедного старика (хороший дом, важный чин и т. д.); когда она выражает желание стать морской владычицей, все пропадает: возвращается старая избушка и ломаное корыто. Популярный сюжетный тип (в Указателе отмечены русских 26 вариантов), известный в обработке А. С. Пушкина. В исполнении Ладзяновой представлен пересказ пушкинской сказки.

6. [Сивко-Бурко.] Записали Т. И. Сенькина и Т. С. Курец в июне 1977 г. в д. Бостилово от Е. И. Ладзяновой, 58 л. НА КарНЦ 184/40 = ФА 2499/16. СУС 530=АА 530А *Сивко-Бурко*: младший сын (запеченник) проводит три ночи с умершим отцом, получает за это волшебного коня; царь объявляет, что выдаст дочь только за того, кто доскачет до девятого бревна терема, где она находится; герой выполняет эту задачу с помощью коня; царевна дает ему кольцо; по атрибуту узнает своего жениха. Чрезвычайно распространенный сюжетный тип (в Указателе учтены 52 русских варианта), представленный уже в первых сборниках русских сказок, появившихся в конце XVIII в. [Лекарство, с. 107—124; Тимофеев, № 6]. В сказке Ладзяновой интересно обыгрывается ситуация непринятия царем жениха дочери: он отправляет молодых жить во вторую квартиру, которая у него имеется.

7. [По щучьему велению.] Записали Т. И. Сенькина и Т. С. Курец в июне 1977 г. в д. Бостилово от Е. И. Ладзяновой, 58 л. НА КарНЦ 184/41 = ФА 2499/17. СУС 675 *«По щучьему велению»*: дурак щадит щуку; «по щучьему велению» делается все, что он приказывает (ведра с водой сами идут домой, дрова сами рубятся, дровни сами едут). Популярный сюжетный тип (в Указателе учтены русских 22 варианта); впервые встречается в сборнике XVIII в. [Тимофеев, № 10]. Исполнительница сообщила, что усвоила сказку из книги. Ладзянова постоянно путает имя главного героя, называя его то Иваном, то Емелей; упоминает явления современной жизни: посмотреть на то, как дровни едут по деревне, сбегается вся *милиция*, героя ведут на суд к царю. Ср.: № 46.

8. [Чудесные дети.] Записали Т. И. Сенькина и Т. С. Курец в июне 1977 г. в д. Бостилово от Е. И. Ладзяновой, 58 л. НА КарНЦ 184/42 = ФА 2499/18. СУС 707 *Чудесные дети*: царь подслушива-

ет разговор трех девушек-сестер; женится на младшей, обещавшей родить богатыря; в отсутствие царя жену вместе с ребенком сажают в бочку и бросают в море; бочка приплывает к острову, где сын основывает царство чудес-дикувинок; царь едет посмотреть на дикувинки и встречается с женой и детьми; клеветницы наказываются. Очень распространенный сюжетный тип (в Указателе отмечены 79 русских вариантов); впервые опубликован в сборнике XVIII в. [Погудка, № 7, № 22, № 38]. Известна в обработке А. С. Пушкина. Именно пересказ «Сказки о царе Салтане» представлен в изложении Ладзяновой. Ср.: № 43.

9. [Курочку за уточку.] Записали Т. И. Сенькина и Т. С. Курец в июне 1977 г. в д. Бостилово от Е. И. Ладзяновой, 58 л. НА КарНЦ 184/43 = ФА 2499/19. СУС 170 *«За скалочку — гусочку»*: старушка ночует в чужой деревне; утром за якобы пропавшую курочку требует уточку, далее обменивает уточку на овечку, овечку на бычка; СУС 158 *Звери в саях у лисы (старушки)*: старушка едет на бычке; пока она ищет в лесу оглоблю, чтобы заменить сломавшуюся, медведь съедает бычка и оставляет только шкуру. Подобная контаминация сюжетных типов традиционна для русской сказочной традиции, встречается в 18 учтенных в Указателе русских вариантах. Впервые представлена в сборнике XVIII в. [Погудка, № 28]. В записанной от Ладзяновой сказке упоминаются явления современной жизни: старушка каждый раз собирается идти в суд, если не выполняют ее требования; после того как медведь съел бычка, она приходит и начинает плакать у *сельсовета*; ее отвозят в *престарелый дом*. Ср.: № 49, № 53.

10. [Мачеха и падчерица.] Записали Т. И. Сенькина и Т. С. Курец в июне 1977 г. в д. Бостилово от Е. И. Ладзяновой, 58 л. НА КарНЦ 184/46 = ФА 2499/22, 2500/1. СУС 480=АА 480*В *Мачеха и*

падчерица: падчерицу увозят в лес; Дед Мороз испытывает девушку (дает задание связать ему рукавицы) и награждает ее; мачеха отправляет в лес родную дочь; она отказывается вышивать воротничок на рубашке Деда Мороза, и тот ее морозит; падчерица выходит замуж. Популярный сюжетный тип (в Указателе учтен 41 русский вариант). Известен в литературной обработке А. Н. Толстого (сказка «Морозко»).

11. [Про попа.] Записали Т. И. Сенькина и Т. С. Курец в июне 1977 г. в д. Бостилово от Е. И. Ладзяновой, 58 л. НА КарНЦ 184/47 = ФА 2500/2. СУС 2300=АА *2020 *Докучные сказки*: не начать ли с конца (с начала), про белого бычка и т. п. Подобные сказки, объединенные отмеченным сюжетным типом, распространены в русской традиции. По словам исполнительницы, это бесконечная сказка, которую она усвоила от своей бабушки. Ср.: № 38, № 39, № 54, № 55.

12. [Волшебное зеркальце.] Записали Т. И. Сенькина и Т. С. Курец в июне 1977 г. в д. Бостилово от Е. И. Ладзяновой, 58 л. НА КарНЦ 184/51 = ФА 2500/6. СУС 709 *Волшебное зеркальце (Мертвая царица)*: узнав с помощью волшебного зеркальца, что краше всех на свете не она, а падчерица, мачеха приказывает убить ее, та спасается и живет в лесу у семи братьев (разбойников); мачеха выслеживает ее и отравляет; девушку кладут в прозрачный гроб, ее видит царевич и влюбляется; она оживает. Популярный сюжетный тип (в Указателе отмечены 28 русских вариантов). Впервые встречается в сборнике XVIII в. [Погудка, № 25]. Литературно обработана А. С. Пушкиным. В изложении Ладзяновой представлен пересказ «Сказки о мертвой царевне», о чем свидетельствуют детали (имя спасителя Елисей). Из-за проблем с техникой не было зафиксировано начало сказки.

13. [Лиса-плакальщица.] Записали Т. И. Сенькина, Т. С. Курец в июне 1977 г. в д. Бостилово от А. И. Яшовой. НА КарНЦ РАН 184, 60 = ФА 2500, 14. СУС 37 *Лиса-нянька (плачя)*: старик ищет плакальщицу для умершей старухи; нанимает лису; СУС 15 *Лиса-повитуха*: лиса съедает масло, обманывает старика, будто ее зовут бабить (принимать роды). Популярные сюжетные типы (в Указателе отмечены 20 и 23 русских варианта, соответственно). Начало сказки не записалось из-за проблем с техникой. Ср.: № 70.

14. [Присказка]. Записали Т. И. Сенькина, Т. С. Курец в июне 1977 г. в д. Бостилово от А. И. Яшовой. НА КарНЦ 184/70 = ФА 2500/23.

15. [Спор о верности жены.] Записали Т. И. Сенькина и Т. С. Курец в июне 1977 г. в д. Бостилово от А. И. Яшовой. НА КарНЦ 184/71 = ФА 2500/24. СУС 882А *Спор о верности жены*: купец женится на девушке из бедной семьи; дядя спорит с ним о ее верности; обманом достает доказательство неверности (клин от платья); муж выгоняет ее; она возвращается в мужской одежде; виновник обнаруживается и наказывается. Достаточно распространенный сюжетный тип (в Указателе отмечены 27 русских вариантов).

16. [Сказка о тулупе.] Записал В. Р. Дмитриченко в августе 1938 г. в д. Вама от Г. И. Коренева, 65 л. НА КарНЦ 2/9. СУС 1525К*=АА *1525 I *Кому должна достаться шуба (корона, кубок)*: трое воруют у барина енотовый тулуп; спорят при дележе, один забирается ночью к сонному барину, рассказывает ему о краже в виде сказки-сна, и тот определяет, кому должна достаться шуба. Популярный сюжетный тип (в Указателе учтены 26

русских вариантов), который встречается уже в первых сборниках русских сказок [Левшин, № 4; Погудка, № 35]. В произведении Коренева упоминается особый персонаж, рассказывающий сказки барину перед сном, — *посказитель*.

17. Про царя и солдата. Записала А. В. Белованова в июле 1945 г. в д. Гумарнаволок от П. Я. Леонтьева, 52 л. НА КарНЦ 16/125. СУС 927А* *Старое седло (Старый хомут)*: за усердную службу царь награждает солдата старым седлом; солдат просит к этому дару документ, по которому отнимает у помещика имение под названием «Старое седло»; 1557=АА *1637=К 928 «*Передай дальше!*»: чтобы наказать солдата, царь сажает его за обедом рядом с собой; начинают давать пощечины сидящему рядом человеку; очередь доходит до солдата, но он не ударяет царя, а возвращает пощечину своему соседу-помещику. Оба сюжетных типа относятся к числу редких (первый отмечен в Указателе 5, второй — 4 русскими вариантами). Подобная контаминация встречается лишь в двух учтенных в СУС текстах [Тамб., 29; Тумилевич, 23].

18. Сказка про знаменитого купца. Записала А. В. Белованова в июле 1945 г. в д. Гумарнаволок от П. Я. Леонтьева, 52 л. НА КарНЦ 16/126. СУС 567 *Чудесная птица*: дети купца съедают сердце и голову чудесной утки; один из них должен впоследствии стать царем, другой начинает плевать золотом; любовник матери хочет погубить детей, но им удается спастись; 449=АА *449А, В *Царская собака (Сиди-Науман)*: дочь купца похищает сердце утки у героя, проглотившего его; он превращает ее в кобылицу; возвращает себе сердце птицы; братья возвращаются домой, наказывают мать. Популярны в русской сказочной традиции сюжетные типы (первый отмечен в Указателе 44, второй — 30

русскими вариантами). Подобная контаминация не встречается в восточнославянских сказках. Сказка о чудесной птице публиковалась в некоторых изданиях XVIII в. [Погудка, № 33; Повествователь, с. 28—47; Сказка о утке...], а вот второй сюжетный тип, повествующий о превращении в животное, встречается в сборниках XIX в., подготовленных А. Н. Афанасьевым, И. А. Худяковым, Д. Н. Садовниковым.

19. О царе и солдате. Записала А. В. Белованова в июле 1945 г. в д. Гумарнаволоок от П. Я. Леонтьева, 52 л. НА КарНЦ 16/127. СУС —855*=АА *855 *Солдат и царевна (трактирщица)*: солдат берется добиться руки германской царевны; проникает к ней вместо ее любовника-принца и в конце концов женится на ней. Популярный сюжетный тип (в Указателе отмечены 19 русских вариантов), впервые встречается в изданиях конца XVIII в. [Хомяков, I, с. 88—103].

20. Волшебная лампа. Записали М. Нигметова, О. Устинская в июле 1974 г. в д. Канзанаволоок от М. П. Егоровой, 62 л. НА КарНЦ РАН 73/123 = ФА 2140/3. СУС 561 *Лампа Аладина*: герой с помощью чародея добывает лампу, которая дает ему власть над духом — исполнителем всех желаний; получает руку царевны и становится владельцем замка. Этот сюжетный тип достаточно редко встречается в русской устной сказочной традиции (в Указателе учитываются всего 7 вариантов). Сказка «Аладдин и волшебная лампа» входит в состав сборника «Тысяча и одна ночь». Исполнительница упоминает кольцо, которое присутствует в некоторых текстах: данный атрибут способствует подчинению герою другого духа, помогающего впоследствии вернуть похищенную чародеем царевну и волшебную лампу.

21. Сын-медведь. Записали М. Нигметова, О. Устинская в июле 1974 г. в д. Канзанаволок от М. П. Егоровой, 62 л. НА КарНЦ 73/124 = ФА 2140/4. СУС 430 *Муж-осел (баран, козел, пес)*: у старика и старухи нет детей; старик встречается в лесу медведя (заколдованного юношу), который становится их сыном; он отправляет мать сватать царскую дочь; медведь выполняет задания царя; мать царевны сжигает шкуру медведя, он исчезает; волшебник превращает юношу в льдину; царевна отправляется на поиски, оживляет жениха; они женятся. Редкий сюжетный тип (в Указателе отмечены 6 русских вариантов).

22. Спящая царевна. Записали М. Нигметова, О. Устинская в июле 1974 г. в д. Канзанаволок от М. П. Егоровой, 62 л. НА КарНЦ РАН 73/126 = ФА 2140/5. СУС 410 *Спящая царевна*: колдунья предсказывает дочери барина раннюю смерть от укола веретеном; после смерти дочери родители берут на воспитание дочь бедного человека; колдунья насыляет чары, и все засыпают; брат барина освобождает всех ото сна. Не характерный для русской сказочной традиции сюжетный тип (в Указателе к нему условно отнесен лишь один вариант). Сказка популярна в Западной Европе, встречается в сборниках Ш. Перро и бр. Гримм. Сюжет был использован В. А. Жуковским в его стихотворной сказке «Спящая царевна».

23. Злая невестка. Записали М. Нигметова, О. Устинская в июле 1974 г. в д. Канзанаволок от М. П. Егоровой, 62 л. НА КарНЦ 73/127 = ФА 2140/6. СУС 706 *Безручка*: из-за клеветы жены брат отрубает руки сестре, выгоняет ее из дома; она выходит замуж; вместе с мужем и сыном сражается на войне; чудесным образом исцеляется (руки вырастают вновь); когда истина выясняется, невестку наказывают. Распространенный сюжетный тип (в Указате-

ле учитываются 49 русских вариантов). Встречается в сборниках конца XIX в., составленных А. Н. Афанасьевым, И. А. Худяковым, Д. Н. Садовниковым.

24. Беда. Записали М. Нигметова, О. Устинская в июле 1974 г. в д. Канзанаволок от М. П. Егоровой, 62 л. НА КарНЦ 73/129 = ФА 2140/8. СУС 735А *Горе (Нужда)*: бедняк запирает его и богатеет; богатый брат из зависти выпускает Горе, но оно привязывается теперь к нему. Популярный сюжетный тип, представленный, согласно Указателю, 24 русскими вариантами. Впервые встречается в сборнике «Три сказки и одна побасенка, пересказанная Михаилом Максимовичем» (Киев, 1845). Персонифицированный образ Гора-Злосчастия имеется в древнерусской литературе.

25. Катенька, трехглазка и злая мачеха. Записали М. Нигметова и О. Устинская в июле 1974 г. в д. Канзанаволок от М. П. Егоровой, 62 л. НА КарНЦ 73/131г = ФА 2141/5. СУС 511 *Чудесная корова*: падчерица по заданию мачехи должна прясть много пряжи; ей помогает корова; дочь мачехи подсматривает и добивается того, что корову убивают; из платья, которое надевает падчерица во время убийства животного и потом закапывает, вырастает чудесная яблоня, плоды которого может сорвать только героиня; выходит замуж за барина. Распространенный сюжетный тип (в Указателе отмечены 23 русских варианта), который встречается уже в изданиях XVIII в. [Погудка, № 4].

26. Грушенька и Баба-яга. Записали Е. И. Русакова, В. П. Сухой (Кузнецова), М. Нигметова в июле 1974 г. в д. Канзанаволок от М. П. Егоровой, 62 л. КарНЦ 73/131ж = ФА 2141/8. СУС 314А* = АА *314 *Бычок (лось, вол, птицы)-спаситель*: заблудившаяся девочка попадает к Баба-яге; ее пытаются спасти звери

(волк, медведь); убежать помогает бычок; губит Бабу-ягу. Популярный сюжетный тип (в Указателе отмечены 23 русских варианта), встречается в сборниках А. Н. Афанасьева, И. А. Худякова, Д. Н. Садовникова.

27. Иванушка-дурачок. Записали Е. И. Русакова, В. П. Суховой (Кузнецова), М. Нигметова в июле 1974 г. в д. Канзанаволок от М. П. Егоровой, 62 л. НА КарНЦ 73/131з = ФА 2141/9. СУС 1696=АА 1696А *Набитый дурак*: делает и говорит все невпопад: солит в реке воду, бьет людей, которые молотят хлеб и несут покойника; говорит «царство небесное» — при пожаре; поливает свинью водой, когда ее палят; пытается помочь волку, который ест теленка; умирает от укусов волка. Распространенный сюжетный тип (в Указателе отмечен 31 русский вариант). Встречаются тексты в стихотворном изложении, как, например, сказка «Про дурня», включенная в сборник «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым». Сюжет был литературно обработан Л. Н. Толстым.

28. Лутонюшка. Записали Е. И. Русакова, В. П. Суховой (Кузнецова), М. Нигметова в июле 1974 г. в д. Канзанаволок от М. П. Егоровой, 62 л. НА КарНЦ 73/131и = ФА 2141/10. СУС 1540А*=АА *1541 I *Мужик выпрашивает у барыни свинью в гости*: кланяется свинье и зовет ее в гости, на свадьбу; глупая барыня отпускает свинью и дает обманщику также лошадей и карету, чтобы отвезти ее. Популярный сюжетный тип (в Указателе отмечены 35 русских вариантов), который встречается в изданиях конца XVIII в. [Друковцов, № 20; Хомяков, I, с. 78—87]. Имя героя заимствовано исполнительницей из другого сюжетного типа, зафиксированного в СУС под номером 327С, F *Мальчик (Ивась, Жихарко, Лутонюшка) и ведьма*.

29. Три брата. Записали Е. И. Русакова, В. П. Суховой (Кузнецова), М. Нигметова в июле 1974 г. в д. Канзанаволок от М. П. Егоровой, 62 л. НА КарНЦ 73/131к = ФА 2142/1. СУС 1535=АА 1535А и 1535*В *Дорогая кожа*: при дележе хозяйства братьями дураку ничего не достается; на ночевке снятая с овцы шкура якобы подсказывает ему, где хозяйка прячет вкусную еду; изгоняет попа (любовника хозяйки), выдав его за черта; получает за овчину большие деньги; братья режут свою скотину и разоряются; дурак сжигает свой дом; удачно продает пепел, спрятанный под несколькими монетами в горшке; братья жгут свои дома, убивают свои жены; хотят утопить дурака в проруби, но он сажает вместо себя в мешок барина; приезжает на его лошадях и уверяет, что добыл их под водой; топит братьев и барина в проруби; вместо него жены братьев убивают старосту. Чрезвычайно распространенный сюжетный тип (в Указателе учтены 72 русских варианта). Отдельные эпизоды встречаются в «Сказке о Нужде, о счастии и правде» казака Луганского (В. И. Даля). Ситуация, связанная с подменой того, кто должен быть утоплен в проруби, представлена также в другом тексте, записанном на Водлозере [ср.: № 48].

30. Про богатырей. Записали Б. Е. Марголис (Чистова) и К. В. Чистов в июне 1940 г. в д. Рагнозеро от М. Е. Болтушкиной, 72 л. За три года до этого исполнительница переехала сюда к своей дочери из д. Колгостров, где жила всю жизнь. НА КарНЦ 8/205. СУС 410*=АА *410 I *Окаменелое царство*: солдат приходит в царство, покрытое мхом; три ночи проводит за городом, не поддается уговорам чертей — мох исчезает; солдат женится на царевне; она уходит, и муж отправляется на поиски; в городе видит трех распятых богатырей; 508=АА 508 *Благодарный мертвец*: солдат хоронит богатырей и получает богатырскую

силу и власть над чудесным конем, с помощью чего побеждает принца, выступившего с войной; встречается со своей женой. Данные сюжетные типы не слишком популярны в русской сказочной традиции (первый отмечен в Указателе 11, второй — 10 русскими вариантами). Подобная контаминация не является традиционной. Сказка ранее была опубликована в отредактированном виде [Чистов, с. 162—167].

31. Про Фифилиста. Записали А. П. Разумова, Е. И. Русакова в июле 1973 г. в д. Колгостров от М. М. Ушковой, 71 г. НА КарНЦ 133/241 = ФА 1947/8. СУС 425А *Амур и Психея*. См. примеч. к № 1. Сказка ранее опубликована [Пудожье, № 21]. Ср.: № 50, № 69.

32. Маша и медведь. Записали М. Нигметова и О. Устинская в июле 1974 г. в д. Куганаволок от Светланы Бобковой, 6 л. НА КарНЦ 73/199 = ФА 2146/8. СУС 311 *Медведь (леший, чародей, разбойник) и три сестры*: девочка попадает в избушку к медведю; с помощью хитрости заставляет его отнести себя в родную деревню (прячется в корзине с пирогами). Популярный сюжетный тип (в Указателе отмечены 20 русских вариантов). В большинстве сказок события разворачиваются следующим образом: старшие сестры нарушают запрет входить в особое помещение и гибнут; младшая оживляет их, скрывает, что побывала в этом помещении, заставляет убийцу отнести сестер, а затем и себя в родной дом в мешке (корзине), запретив ему смотреть «подарки для родителей» (убегает, оставив на постели куклу. Сказка Бобковой чрезвычайно напоминает вариант из сборника, подготовленного Е. А. Авдеевой [Авдеева, № 3], рассчитан на детскую аудиторию. Текст ранее опубликован [Разумова, № 13]. Ср.: № 58.

33. Марья-царевна спородила сына. Записала Т. В. Краснопольская в августе 1993 г. в д. Куганаволок от О. С. Данилиной, 1924 г. р. НА КарНЦ 201/39 = ФА 3292/39. СУС 2016*, 2018=АА *2015 | *Кумулятивные (цепные) сказки разного рода*: вопросно-ответная прибаутка. Подобные тексты чрезвычайно распространены в русской сказочной традиции (в Указателе учитываются русских 47 вариантов). На территории Водлозерья они представлены в репертуаре нескольких исполнителей [ср.: № 47, № 59].

34. Про Астродамушку. Записала Т. В. Краснопольская в августе 1993 г. в д. Куганаволок от О. С. Данилиной. НА КарНЦ 201/40 = ФА 3292/40. СУС 1240 (*Глупец*) *рубит под собой сук*: сын идет в лес, залезает на сосну и начинает рубить сук, на котором сидит; продолжение не имеет соответствий в СУС: делает козлы, закапывает их в подполье; говорит матери, что убил попа. Первый сюжетный тип не очень распространен (в Указателе учтены 11 русских вариантов), но встречается уже в сборнике сказок В. А. Левшина [Левшин, № 5].

35. Петушок да курушка. Записали М. Нигметова и О. Устинская в июле 1974 г. в д. Куганаволок от А. Д. Егоровой, 74 л. НА КарНЦ 72/222 = ФА 2148/2. СУС 2021А=АА *241 I, 2032 *Смерть петушка*: петушок подавился зернышком; курочка просит воды у реки, лист у липы, масло у коровы, поясок у девушки и т. д. Популярный сюжетный тип (в Указателе учитываются 20 русских вариантов), представленный в сборниках XVIII в. [Погудка, № 13].

36. Волшебная осина. Записали М. Нигметова и О. Устинская в июле 1974 г. в д. Куганаволок от А. Д. Егоровой, 74 л. НА КарНЦ

73/233 = ФА 2148/4. СУС 564 *Чудесные дары (двое из сумы)*: бедный брат рубит осину, она дает краюшку хлеба, которая не убывает; богатый брат просит ее и не возвращает; бедный брат рубит осину и получает от нее сумку, в которой не кончаются деньги; богатый брат выпрашивает и ее; бедный брат рубит осину, она дает котомку, которая наделяет умом; богатый брат забирает и ее; из котомки выходят молодцы, избивают вымогателя; вещи возвращаются бедному брату. Популярный сказочный тип (в Указателе отмечены 26 русских вариантов), встречается в изданиях XVIII в. [Погудка, № 3].

37. Кот да петух. Записали М. Нигметова и О. Устинская в июле 1974 г. в д. Куганаволок от А. Д. Егоровой, 74 л. НА КарНЦ 73/225 = ФА 2148/5. СУС 61В=АА *61 II *Кот, петух и лиса*: в отсутствие кота лиса выманивает и уносит петуха; кот расправляется с лисой и освобождает петуха. Распространенный сказочный тип (в Указателе учтены 49 русских вариантов), представленный и в изданиях XVIII — начала XIX вв. [Погудка, № 13; Подснежник, 1858, № 1, с. 9—17; Авдеева, № 1]. Ср.: № 41.

38. Жил-был старичок. Записали Е. И. Русакова, В. П. Суховой (Кузнецова) в июле 1974 г. в д. Куганаволок от А. В. Елисеевой, 68 л. НА КарНЦ РАН 73/177 = ФА 2144/10. СУС 2300=АА *2020 *Докучные сказки*. См. примеч. к № 11. Ср.: № 39, № 54, № 55. Сказка ранее опубликована [Лойтер, № 225].

39. Жил-был поп. Записали Е. И. Русакова, В. П. Суховой (Кузнецова) в июле 1974 г. в д. Куганаволок от А. В. Елисеевой, 68 л. НА КарНЦ РАН 73/177 = ФА 2144/10. СУС 2300=АА *2020 *Докучные сказки*. См. примеч. к № 11. Ср.: № 38, № 54, № 55. Сказка ранее опубликована [Лойтер, № 236].

40. Про семь овечек, старика и старушку. Записали М. Нигметова, О. Устинская в июле 1974 г. в д. Куганаволок от О. А. Крюковой, 59 л. НА КарНЦ РАН 73, 197. СУС 163=АА *162 *Пение волка (реже — медведя)*. См. примеч. к № 4. Ср: № 57, № 73.

41. Петя-Петушок. Записали М. Нигметова, О. Устинская в июле 1974 г. в д. Куганаволок от О. А. Крюковой, 59 л. НА КарНЦ 73/198 = ФА 2146/7. СУС 61В=АА *61 II *Кот, петух и лиса*. См. примеч. к № 37.

42. Гуси-лебеди. Записали М. Нигметова и О. Устинская в июле 1974 г. в д. Куганаволок от Ольги Крюковой, 11 л. НА КарНЦ 73/266 = ФА 2150/18. СУС 480А*=АА 480*Е *Сестра (три сестры) отправляется спасать своего брата*: она ласково и внимательно обходится с рекой, яблоней, печью; ежик подсказывает, где искать брата; убегают от Бабы-яги; яблоня и печь помогают спрятаться брату и сестре. Не очень популярный в русской сказочной традиции сюжетный тип (в Указателе учитываются лишь 11 вариантов); впервые подобная сказка встречается в сборнике XVIII в. [Погудка, № 8].

43. [Чудесные дети.] Записала А. В. Белованова в 1945 г. в д. Куганаволок от М. П. Кузнецовой, 80 л. НА КарНЦ 16/128. СУС 707 *Чудесные дети*: царевич женится на одной из трех сестер; у них трижды рождается по три сына; Еги-баба подменяет их щенками; царевич сажает жену и одного сына в бочку, бросает в море; бочку прибывает к берегу, где они остаются жить; благодаря каликам переходим царевич узнает о судьбе своей жены; все возвращаются домой; Еги-баба наказана. Ср.: № 8.

44. Про Орину. Записала А. В. Белованова в 1945 г. в д. Куганаволок от М. П. Кузнецовой, 80 л. НА КарНЦ 16/129. Без СУС: в первую брачную ночь жена ищет еду, питье; моет руки в кувшине, не может вынуть их; разбивает по ошибке кувшин о свекра; убивает его; жених отказывается от нее. Сказка относится к числу анекдотов о глупых женах.

45. Сказка про колобок. Записали Е. И. Русакова, В. П. Суховой (Кузнецова) в июле 1974 г. в д. Куганаволок от Е. Ф. Лещёвой, 72 л. НА КарНЦ 73/101 = ФА 2137/6. СУС 2025=АА *296 *Колобок*: убегает от старика, старухи, зайца, волка, медведя; лиса съедает его. Популярный сюжетный тип, рассчитанный на детскую аудиторию (в Указателе учтены 16 русских вариантов); первые публикации относятся к середине XIX в. [Авдеева, № 2]. В сказке Лещёвой колобок встречается не только с животными, но также с молодыми женщинами, полощущими белье, и с девушками, идущими за водой с коромыслами. Ср.: № 71.

46. По щучьему веленью. Записали Е. И. Русакова и Е. М. Гин в июне 1973 г. в д. Куганаволок от Галины Мининой, 12 л. НА КарНЦ 133/122 = ФА 1939/12. СУС 675 *«По щучьему велению»*. См. примеч. к № 7.

47. Сказка-помазка. Записала Т. В. Краснопольская в августе 1993 г. в д. Куганаволок от А. С. Никифоровой, 1929 г. р. НА КарНЦ 201/29 = ФА 3292/29. СУС 2016*, 2018=АА *2015 | *Кумулятивные (цепные) сказки разного рода*. См. примеч. к № 33. Ср.: № 59.

48. [Мужик и поп.] Записали А. В. Окунев и В. П. Кузнецова в августе 1993 г. в д. Куганаволок от А. С. Никифоровой. НА КарНЦ 201/54 = ФА 3293/5. В СУС соответствия не обнаружены: мужи-

ка за долги сажают в мешок и несут к проруби, чтобы утопить; мимо проезжает поп; мужик обманом заставляет попа сесть в мешок; попа топят в проруби [ср. № 29].

49. Про лапоток. Записали В. П. Кузнецова и А. В. Окунев в августе 1993 г. в д. Куганаволок от А. И. Пименовой, 61 г. НА КарНЦ 201/311 = ФА 3300/25. СУС 170 *«За скалочку — гусочку»*: старушка находит лапоты; ночует в чужом доме; утром требует вернуть курочку, затем за курочку — гусочку и т. д.; 158 *Звери в саях у лисы (старушки)*: едет на быке; к ней присоединяются заяц, лиса, волк и медведь; пока старушка ищет в лесу дерево, чтобы заменить сломавшуюся оглоблю, звери съедают бычка. См. примеч. к № 9. Ср.: № 53. В 1997 г. В. П. Кузнецова и А. А. Лапин произвели повторную запись сказки [ФА, в/кассета № 10].

50. Про Зарю Света Ясного Сокола. Записали В. П. Кузнецова и А. В. Окунев в августе 1993 г. в д. Куганаволок от А. И. Пименовой, 61 г. НА КарНЦ 201/312 = ФА 3300/26. СУС 432 *Финист ясный сокол*: суженый жених Заря Свет трижды прилетает ночью к невесте; оставляет свой пояс на окне; она отправляется на его поиски. См. примеч. к № 1. В 1997 г. В. П. Кузнецова и А. А. Лапин осуществили повторную запись сказки Пименовой [ФА, видеокассета № 10]. Ср.: № 69.

51. О лисе и зайце. Записали Е. И. Русакова и В. П. Суховой (Кузнецова) в июле 1974 г. в д. Куганаволок от А. И. Рахмановой, 68 л. НА КарНЦ 73/16 = ФА 2127/9. СУС 36 *Лиса и волчиха (заяц и лиса)*: лиса застряла между деревьями; заяц пользуется этим и бесчестит ее. Очень редкий сюжетный тип, в Указателе учтен один вариант из сборника А. Н. Афанасьева «Заветные сказки», впервые опубликованного в Женеве в 1872 г. В архиве имеет-

ся повторная запись сказки А. И. Рахмановой «Про лисицу да про зайца», произведенная Т. И. Сенькиной и Т. С. Курец в июне 1977 г. [НА КарНЦ 184/19 = ФА 2498/6]. В этом тексте исполнительницей использован другой глагол — «вытырнкал».

52. О лисице. Записали Е. И. Русакова и В. П. Суховой (Кузнецова) в июле 1974 г. в д. Куганаволок от А. И. Рахмановой, 68 л. СУС 154=АА 154*, 154 I *Мужик, медведь и лиса*: лиса прячется в нору от погони; спрашивает свои ноги, глаза, хвост, кто что делал; хвост отвечает, что мешал, она высовывает его из норы и собаки ее вытаскивают. Распространенный сюжетный тип (в Указателе отмечены 27 вариантов). В архиве имеется повторная запись сказки А. И. Рахмановой «Про собаку и про волка, и про охотника», сделанная Т. И. Сенькиной и Т. С. Курец в июне 1977 г. [НА КарНЦ 184/18 = ФА 2498/5]. В данном варианте появляется образ охотника: *«Охотник пошел с собаками, увидел лисицу. Увидел, собаки погнали, ён остался»*, вместо картофельных ям упоминаются *«овощехранилищтя»* для репы и *«картовки»*.

53. Как мужик курушку на быка променял. Записали Е. И. Русакова, В. П. Суховой (Кузнецова) в июле 1974 г. в д. Куганаволок от А. А. Соловьевой, 64 л. НА КарНЦ 73/192 = ФА 2146/1. СУС 170 *«За скалочку — гусочку»*. См. примеч. к № 9, № 49. В сказке Соловьевой героем оказывается не старушка или лиса, а мужик. В июне 1977 г. Т. И. Сенькина и Т. С. Курец произвели повторную запись этой сказки [НА КарНЦ 184/17 = ФА 2498/4].

54. Расскажу тебе гуся. Записали В. П. Кузнецова и А. В. Окунев в августе 1993 г. в д. Куганаволок от Л. Н. Суховой, 73 л. НА КарНЦ 201/84 = ФА 3293/35. СУС 2300=АА *2020 *Докучные сказ-*

ки. См. примеч. к № 11. Вариант такой сказки опубликован: Новгород, № 2. Ср.: № 38, № 39, № 55.

55. Шел бык по льду. Записали В. П. Кузнецова и А. В. Окунев в августе 1993 г. в д. Куганаволок от Л. Н. Суховой, 73 л. НА КарНЦ 201/91 = ФА 3293/42. СУС 2300=АА *2020 *Докучные сказки*. См. примеч. к № 11. Ср.: № 38, № 39, № 54.

56. Про ленивую жену. Записали В. П. Кузнецова и А. В. Окунев в августе 1993 г. в д. Куганаволок от Л. Н. Суховой, 73 л. НА КарНЦ 201/239 = ФА 3298/29. СУС —1370Е* *Ленивая жена не хочет жать*: жена вместо жатвы спит; муж, пока она спит, обрезает ей волосы. Редкий сюжетный тип (в Указателе учтены лишь 2 русских варианта).

57. Семеро овец, соломенный хлевец. Записали В. П. Кузнецова и А. В. Окунев в августе 1993 г. в д. Куганаволок от Л. Н. Суховой, 73 л. НА КарНЦ 201/247 = ФА 3299/1. СУС 163=АА *162 *Пение волка (реже — медведя)*. См. примеч. к № 4. Ср.: № 40, № 73.

58. [Медведь и две сестры.] Записали В. П. Кузнецова и А. В. Окунев в августе 1993 г. в д. Куганаволок от Л. Н. Суховой, 73 л. НА КарНЦ 201/257 = ФА 3299/11. СУС 311 *Медведь и три сестры*. См. примеч. к № 32.

59. Сказка-помазка. Записали В. П. Кузнецова и А. А. Лапин в 1997 г. в д. Каганаволок от Л. Н. Суховой, 76 л. ФА, видеокассета № 10. СУС 2016*, 2018=АА *2015 | *Кумулятивные (цепные) сказки разного рода*. См. примеч. к № 33. Ср.: № 47.

60. Сказка про Хоньку. Записали А. П. Разумова, Е. И. Русакова в июне 1973 г. в д. Куганаволок от С. П. Фофанова, 80 л. НА КарНЦ 133/73 = ФА 1935/12. СУС 1164 *Злая жена в яме (Бельфагор)*: крестьянин сталкивает свою жену в яму, где живут черти; хочет ее вернуть, спускает веревку; вместо жены вытаскивает черта; черт помогает ему богатеть, изгоняет болезни; когда черт отказывается служить, крестьянин пугает его своей злой женой. В Указателе учтен 31 русский вариант.

61. Про попа. Записали А. П. Разумова, Е. И. Русакова в июне 1973 г. в д. Куганаволок от С. П. Фофанова, 80 л. НА КарНЦ 133/76 = ФА 1935/16. СУС 1539 *Шут*: продает глупым людям (попам) шапку (шляпу) «все заплачено», плетку, которая якобы оживляет мертвецов, горшок, масс варящий пищу, коня, приносящего золотые монеты, его изобличают и хотят утопить, но он спасается (дает себя похоронить и колет из могилы ножом). Чрезвычайно распространенный сюжетный тип: в Указателе учитываются 53 русских варианта.

62. Про попа и генеральскую жену. Записали А. П. Разумова, Е. И. Русакова в июне 1973 г. в д. Куганаволок от С. П. Фофанова, 80 л. НА КарНЦ 133/77 = ФА 1935/17. СУС 1360В *Спрятавшийся муж (посторонний) видит жену с любовником, пугает и прогоняет их*; происшествие рассказывается затем в виде сказки. Достаточно редкий сюжетный тип: в Указателе отмечены всего 7 русских вариантов, при этом 5 текстов отнесены к этому типу условно. Примечательно, что повествование в сказке Фофанова ведется от 1-го лица.

63. [Дед, баба и волк.] Записали А. П. Разумова, Е. И. Русакова в июле 1973 г. в д. Куганаволок от Т. Г. Фофановой, 76 л. НА

КарНЦ 133, 208 = ФА 1945, 6. СУС 162А* *Дед, баба и волк*: волк выпрашивает у них одну овцу за другой; дед и баба прячутся; дед падает с полатей на волка, волк бежит, ударяется о косяк и убивается. В Указателе отмечен один вариант, записанный в Чкаловской (Оренбургской) области. Этому сюжетному типу близок следующий, зафиксированный под номером 163=АА *162 *Пение волка (реже — медведя)*. Ср.: № 4, № 40, № 57, № 73.

64. Бывальщина. Записала А. В. Белованова в июле 1945 г в д. Нижняя Половина от М. В. Петровой, 58 л. НА КарНЦ 16/182. СУС 921 *Невестины (мальчика, мудрой девы Февронию) загадки*: к жене ходит умерший муж, отчего она стала худой; брат убивает мертвеца, после чего заболевает; ищет исцеления; его посланник встречает женщину, говорящую загадками; она обещает вылечить князя, если он на ней женится; 875 *Семилетка (Мудрая девушка)*: князь дает ей трудной задание, с которым она справляется; после свадьбы оба уходят в монастырь. Оба сюжетных типа принадлежат к числу популярных (в Указателе первый отмечен 32, второй — 22 русскими вариантами). Текст Петровой, по-видимому, связан с «Повестью о Петре и Февронии».

65. [Воровская обедня.] Записали Е. И. Русакова, Е. М. Гин в июле 1973 г. в д. Пёлгостров от А. П. Белой, 35 л. НА КарНЦ 133/195 = ФА 1943/21. СУС 1831 *Воровская обедня*: крестьянин ищет пропавшую корову; приходит к попу, чтобы тот помолился о ней; пономарь поет о том, что корова спрятана у попа. Не очень распространенный сюжет (в Указателе отмечены 8 русских вариантов).

66. [Мачеха и падчерица.] Записали Е. И. Русакова, Е. М. Гин в июле 1973 г. в д. Пёлгостров от Е. П. Белой, 80 л. НА КарНЦ 133/191 = ФА 1943/17. СУС 480=АА 480*С *Мачеха и падчерица*: мачеха приказывает старику-мужу отвезти его родную дочь в лес; кладет ей кирпичи вместо хлеба, песок вместо крупы, пепел вместо толокна; отец заменяет их продуктами; привозит ее в избушку; девушка кормит мышку; хочет убежать, но погибает. Популярный сюжетный тип (в Указателе учтены 24 русских варианта). Сказка Белой отличается своеобразием: в ней фигурирует только падчерица, родная дочь мачехи не упоминается; обычно падчерица получает вознаграждение, а родная дочь мачехи погибает.

67. [Мертвая царевна.] Записали Е. И. Русакова и Е. М. Гин в июле 1973 г. в д. Пёлгостров от М. И. Пименовой, 73 л. НА КарНЦ 133/134 = ФА 1940/6. СУС 709 *Волшебное зеркальце (Мертвая царевна)*: падчерица уходит из дома, попадает к 12 разбойникам, становится у них хозяйкой; старуха дарит ей платье и кольцо; девушка дважды умирает; разбойники снимают платье и оживляют ее; кольцо не замечают; кладут ее в хрустальный гроб; царевич возвращает ее к жизни, они женятся. См. примеч. к № 12.

68. Кощей Бессмертный. Записали Е. И. Русакова и Е. М. Гин в июле 1973 г. в д. Пёлгостров от М. И. Пименовой, 73 л. НА КарНЦ 133/136 = ФА 1941/1. СУС 552А=АА 552 *Животные-зятья*: царь выдает трех своих дочерей замуж за медведя, ястреба и орла; после их отъезда у царя рождается сын; отправляется на поиски сестер; 518 *Обманутые черти (лешие)*: по пути он встречает дерущихся ребят, которые не могут поделить между собой коня-орла, дубинку и шапку-невидимку; герой становится обла-

дателем этих вещей; приходит к сестрам; 302₁ *Смерть Кощея в яйце*: герой женится на Марье-королевне; ее похищает Кощей; Иван-царевич ищет его смерть; добывает заветное яйцо с помощью зятьев; освобождает жену. Данные сюжетные типы принадлежат к числу популярных (первый представлен в Указателе 36, второй — 42, третий — 56 русскими вариантами) и имеются в изданиях XVIII в. [Лекарство, с. 75—87; Дедушкины прогулки, с. 164—177]. Контаминация является традиционной для русской сказочной традиции.

69. Марья-запечница. Записали Е. И. Русакова и Е. М. Гин в июле 1973 г. в д. Пёлгостров от М. И. Пименовой, 73 л. НА КарНЦ 133/137 = ФА 1943/2. СУС 432 *Финист ясный сокол*: по просьбе дочерей купец привозит им подарки: двум старшим дорогие ткани, младшей (запечнице) — Филиста—ясного сокола; он живет с ней, превращает ее в красавицу; сестры узнают об этом и отбирают Филиста; он исчезает; героиня отправляется на его поиски; находит его у Еги-бабы. Распространенный сюжетный тип (в Указателе учитываются 20 русских вариантов), встречается в сборниках XVIII в. [Погудка, № 19]. Ср. № 50.

70. [Репка на баенке.] Записали Е. И. Русакова, Е. М. Гин в июле 1973 г. в д. Пёлгостров от М. И. Пименовой, 73 л. НА КарНЦ 133/165 = ФА 1942/14. СУС 2044=АА 1960*DI *Репка*: дед сажает репу на бане, не может ее вытянуть; ему помогают бабка, внучка, собака; падают с бани; старуха погибает; 37 *Лиса-нянька (плачая)*: дед идет искать плакальщицу; нанимает лису; 15 *Лиса-повитуха*: лиса съедает у старика масло. См. примеч. к № 13. Вариант такой сказки опубликован: Смирнов, № 30.

71. Колобок. Записали Е. И. Русакова, Е. М. Гин в июле 1973 г. в д. Пёлгостров от М. И. Пименовой, 73 л. НА КарНЦ 133/166 = ФА 1942/15. СУС 2025=АА *296 *Колобок*. См. примеч. к № 45.

72. Сказка про Аниточку. Записали Е. И. Русакова и Е. М. Гин в июле 1973 г. в д. Пёлгостров от М. И. Пименовой, 73 л. НА КарНЦ 133/168 = ФА 1942/16. СУС 955 *Жених-разбойник*: парень пытается увести девушку к себе; она говорит, что потеряла фартук и прячется под мостом; решает выяснить, кто он такой; попадает в дом к разбойникам; видит, как они убивают другую девушку; убегает; рассказывает увиденное, как сон; разоблачает разбойника. Популярный сюжетный тип (в Указателе отмечены 28 русских вариантов). В сказке Пименовой упоминаются вечерки.

73. Про медведя. Записали Е. И. Русакова и Е. М. Гин в июле 1973 г. в д. Пёлгостров от М. И. Пименовой, 73 л. НА КарНЦ 133/169 = ФА 1942/5. СУС 163=АА* 162 *Пение волка (реже — медведя)*. См. примеч. к № 4. Ср.: № 40, № 57.

74. Сказка про Кощея. Записали А. П. Разумова, Т. А. Коски, Е. И. Русакова в июне 1973 г. в д. Пога от Е. М. Лёвиной, 78 л. НА КарНЦ 133/97, 98 = ФА 1936/13, 1937/1. СУС 402 *Царевна-лягушка*: три царевича идут искать себе жен по направлению пущенных стрел; женой младшего становится старуха, нашедшая стрелу; она лучше других невесток выполняет поручения царя (спечь хлеб, сшить рубашку); приезжает красавицей на день рождения свекра; муж сжигает ее платье; жену похищает Кощей; 400₁=АА 400А=К 400А, В, С *Муж ищет исчезнувшую или похищенную жену*: нарушив запрет, герой идет на поиски; находит жену благодаря помощи ее теток; 302₁ *Смерть Кощея в яйце*: узнав, где находится смерть похитителя, Иван-царевич

отправляется в путешествие; 554 *Благодарные животные*: герой встречает на своем пути щуку, коршуна, волка и медведя, щадит их; они помогают добыть заветное яйцо; Иван-царевич возвращается к жене, они убивают Кощея. Все отмеченные сюжетные типы принадлежат к числу очень популярных (в Указателе первый отмечен 36, второй — 91, третий — 56, четвертый — 44 русскими вариантами), они представлены в изданиях XVIII в. [Дедушкины прогулки, № 13; Тимофеев, № 2, № 9]. Подобная контаминация является традиционной. В тексте Лёвиной сочетаются черты, идущие от книжной и устной фольклорной традиций: героиня оказывается старухой, но имеет «гажье» платье. В июне 1974 г. Е. И. Русакова, М. Нигметова и О. Устинская произвели повторную запись сказки [НА КарНЦ 73/34 = ФА 2130/2].

75. Царь Тьма. Записали А. П. Разумова, Т. А. Коски, Е. И. Русакова в июне 1973 г. в д. Пога от Е. М. Лёвиной, 78 л. НА КарНЦ 133/104 = ФА 1938/1. Без СУС: за гостеприимство хозяев старик дает им чудесное яблоко (ср.: СУС 750В *Чудесный странник*), у них рождается сын, наделенный золотым поясом и двумя кинжалами; жену-золотоволоску уносит Царь Тьма; сын ищет и находит мать; преодолевать препятствия ему помогают чудесные атрибуты, полученные при рождении; возвращаются домой. В июне 1974 г. Е. И. Русакова, М. Нигметова и О. Устинская повторно записали эту сказку от Лёвиной [НА КарНЦ 73/35 = ФА 2130/3, 2131/1].

76. Глиняный паренек. Записали А. П. Разумова, Т. А. Коски, Е. И. Русакова в июне 1973 г. в д. Пога от Е. М. Лёвиной, 78 л. НА КарНЦ 133/105 = ФА 1938/2. СУС 2028= АА 333*В *Глиняный Иванушка (Пыхтелка)*: старики делают мальчика из глины; он

очень прожорлив: съедает хлеб, овцу, барана, мамку с прялкой, отца с погонялкой, попа с кисой, попадью с квашней и т. д.; козел бежит с горы и разбивает глиняного парня; все выходят живыми. Достаточно популярный сюжетный тип (в Указателе отмечаются 19 русских вариантов). Дополнения: Смирнов, № 58. В архиве имеется повторная запись сказки Лёвиной, произведенная Е. И. Русаковой, М. Нигметовой и О. Устинской в июне 1974 г. [НА КарНЦ 73/38 = ФА 2131/3].

77. Теплушка. Записали А. П. Разумова, Т. А. Коски, Е. И. Русакова в июне 1973 г. в д. Пога от Е. М. Лёвиной, 78 л. НА КарНЦ РАН 133/106 = ФА 1938/3. СУС —161А**=АА *160 | *Медведь и старуха*: старуха трижды встречается в лесу с медведем, спасается от него, обещая «крепушку», «теплушку», «потомбалку»; толкует эти обещания; отрубает топором медведю лапы; с помощью жителей деревни убивает его и снимает с него шкуру. Не очень распространенный сюжетный тип (в Указателе учтены лишь 9 русских вариантов). Загадочные понятия, используемые старушкой, связаны со словами «крепко», «тепло» и «потом». Лёвина, объясняя их значение, говорит, что это разные виды выпечки.

78. Бур-Коровёр. Записали А. П. Разумова, Т. А. Коски, Е. И. Русакова в июне 1973 г. в д. Пога от Е. М. Лёвиной, 78 л. НА КарНЦ 133/107 = ФА 1938/1. СУС 303=К 300 *Два брата*: три брата рождаются чудесным образом (от съеденной рыбы) у царицы, служанки и коровы; большей силой обладает Бур-Коровёр; 300₁=АА 300А *Победитель змея*: сын коровы спасает царскую дочь от змеев; далее без СУС: царь отдает дочь за Ивана-царевича; она оказывается богатыршей; Бур-Коровёр ее укрощает; Ивана-царевича определяют в пастухи свиней; Бур-Коровёр возвращает его на

царство (ср. СУС 519 *Слепой и безногий*). Первые два сюжетных типа принадлежат к числу очень распространенных в русской сказочной традиции (в Указателе отмечены 50 и 107 вариантов соответственно), их контаминация является традиционной. В архиве имеется повторная запись сказки Лёвиной, которую осуществили в июне 1974 г. Е. И. Русакова, М. Нигметова и О. Устинская [НА КарНЦ 73/37 = ФА 2131/2].

79. Волк и лиса. Записали А. П. Разумова, Т. А. Коски, Е. И. Русакова в июне 1973 г. в д. Пога от Е. М. Лёвиной, 78 л. НА КарНЦ 133/112 = ФА 1939/2. СУС 1 *Лиса крадет рыбу с воза (саней)*: притворившись мертвой, лиса ложится на дорогу; старик кладет ее на воз; она сбрасывает рыбу и спрыгивает сама; 2 *Волк у проруби*: по совету лисы медведь ловит рыбу хвостом в проруби; хвост примерзает; медведя избивают бабы; 3 *Лиса обмазывает голову тестом (сметаной)*: лиса выливает на голову квашню, притворяется больной; 4 «*Битый небитого везет*»: медведь несет лису на себе. Отмеченные сюжетные типы принадлежат к числу популярных (в Указателе первый из них представлен 35, второй — 34, третий и четвертый — 15 русскими вариантами). Контаминация является традиционной и встречается уже в сборниках XVIII — начала XIX вв. [Погудка, № 13; Авдеева, № 6]. Сказка Лёвиной была зафиксирована повторно в июне 1974 г. Е. И. Русаковой, М. Нигметовой, О. Устинской [НА КарНЦ 73/62 = ФА 2134/5].

80. [Волшебное кольцо.] Записали А. П. Разумова, Т. А. Коски, Е. И. Русакова в июле 1973 г. в д. Пога от Е. М. Лёвиной, 78 л. НА КарНЦ 133/113 = ФА 1939/3. СУС 560 *Волшебное кольцо*: герой покупает собаку, кота, перстень; женится на царевне; она похищает кольцо и исчезает; собака и кот возвращают похищенный

предмет. Чрезвычайно популярный сюжетный тип (в Указателе учтены 55 русских вариантов), представлен и в сборниках XVIII в. [Тимофеев, № 5; Погудка, № 40]. Сказка Лёвиной записывалась повторно в июле 1974 г. Е. И. Русаковой, М. Нигметовой, О. Устинской [НА КарНЦ 73/33 = ФА 2130/1].

81. [Рога.] Записала Т. А. Коски в июле 1973 г. в д. Пога от Е. М. Лёвиной, 78 л. НА КарНЦ 133/305 = ФА 1951/17. СУС 566 *Рога*: братья получают волшебные предметы (кошелек-самотряс, шапку-невидимку, гривенник) от девушек, превращающихся в лебедей; этими предметами завладевает царевна; девушка-лебедь дает герою ягоды, дающие молодость и красоту, и ягоды, от которых вырастают рога; с помощью этих ягод он возвращает себе волшебные предметы и женится на царевне. Данный сюжетный тип принадлежит к числу популярных (в Указателе отмечаются 47 русских вариантов), представлен он и в изданиях XVIII в. [Погудка, № 33]. В июле 1974 г. Е. И. Русакова, М. Нигметова и О. Устинская произвели повторную запись сказки Лёвиной [НА КарНЦ 73/20 = ФА 2128/2].

82. Про Семёна. Записали Е. И. Русакова, М. Нигметова, О. Устинская в июне 1974 г. в д. Пога от Е. М. Лёвиной, 79 л. НА КарНЦ 73/21 = ФА 2128/3. СУС 665 *Скорый гонец*: за прилежный труд один из братьев получает способность превращаться в зайца, оленя, орла; во время войны доставляет царю меч-самосек; мечом овладевает другой персонаж, пока герой спит; истина выясняется; герой женится на царевне. Редкий сюжетный тип (в Указателе отмечены всего 5 русских вариантов). Лёвина усвоила эту сказку из книги, которую читала ей внучка Надежда. Вероятнее всего, источником является текст из сборника А. Н. Афанасьева. В пользу этого говорит, прежде всего, совпадение имени

главного героя (Семён) в обоих случаях. Сказка Лёвиной ранее опубликована [Лызлова, с. 9—11].

83. Лиса и заяц. Записали Е. И. Русакова, М. Нигметова и О. Устинская в июне 1974 г. в д. Пога от Е. М. Лёвиной, 79 л. НА КарНЦ 73/22 = ФА 2128/4. СУС 43 *Лубяная и ледяная хата*: лиса строит себе ледяную избушку, заяц — лубяную; летом избушка лисы тает; она выгоняет зайца; на помощь зайцу приходят медведь, волк; выгнать лису удастся петуху, который выклевывает ей глаза. Популярный сюжетный тип (в Указателе учтен 21 русский вариант), представленный и в сборниках XVIII в. [Погудка, № 18].

84. Как лиса вышла за кота замуж. Записали Е. И. Русакова, М. Нигметова и О. Устинская в июне 1974 г. в д. Пога от Е. М. Лёвиной, 79 л. НА КарНЦ 73/23 = ФА 2128/5. СУС 103 (103А и 103А*) *Кот и дикие животные*: лиса выходит замуж за кота; выдает его за сильного зверя; кот кричит «мяу», нагоняет страх на животных, они разбегаются. Распространенный сюжетный тип (представлен в Указателе 29 русскими вариантами).

85. Про неверную жену. Записали Е. И. Русакова, М. Нигметова, О. Устинская в июне 1974 г. в д. Пога от Е. М. Лёвиной, 79 л. НА КарНЦ 73/30 = ФА 2129/6. СУС 1380 *Неверная жена и муж, притворившийся ослепшим (Николай Дупленский)*: муж проверяет неверность жены; садится в дупло, дает оттуда совет жене накормить мужа колобами и пирогами и напоить киселем, отчего он ослепнет; притворяется ослепшим; убивает жену и ее любовника. Популярный сюжетный тип (в Указателе отмечены 30 русских вариантов). В сказке Лёвиной герой именуется Николаем Дубинским.

86. Заработанный рубль. Записали Е. И. Русакова, М. Нигметова, О. Устинская в июне 1974 г. в д. Пога от Е. М. Лёвиной, 79 л. НА КарНЦ 73/39 = ФА 2131/4. Нет соответствий в СУС: отец посылает сына заработать рубль; мать дает ему деньги дважды; отец бросает деньги в огонь и таким образом проверяет, своим ли трудом они достались. Ср.: № 89.

87. Пospорили два мороза, кто быстрее заморозит человека. Записали Е. И. Русакова, М. Нигметова, О. Устинская в июне 1974 г. в д. Пога от Е. М. Лёвиной, 79 л. НА КарНЦ 73/61 = ФА 2134/4. СУС 298А=АА*298 I=K 278 *Спор мороза с морозом*: один мороз хвастает, что заморозил барина в меховой шубе; другой предлагает заморозить мужика в плохой одежде, что ему и не удастся. Чрезвычайно редкий сюжетный тип, представленный в Указателе лишь двумя вариантами. Сказка Левиной ранее опубликована [Лызлова, с. 11].

88. Про Димку и старуху-людоедку. Записали Е. И. Русакова, М. Нигметова, О. Устинская в июне 1974 г. в д. Пога от Е. М. Лёвиной, 79 л. НА КарНЦ 73/74 = ФА 2135/9. СУС 327В *Мальчик с пальчик у ведьмы*: дети ночуют в лесу у старухи, она хочет их съесть; младший из детей отправляет старуху принести воды в решете; убегают. Популярный сюжетный тип (в Указателе учтен 21 русский вариант), встречается в изданиях XVIII в. [Погудка, № 20].

89. [Заработанный рубль.] Записали А. П. Разумова, Т. А. Коски, Е. И. Русакова в июле 1973 г. в д. Пога от Надежды Лёвиной, 11 л. НА КарНЦ 133/103 = ФА 1937/6. Без СУС. См. примеч. к № 86. Сказку девочка усвоила от своей бабушки, Е. М. Лёвиной, но передала ее в сокращенном виде, без особых подробностей. Текст ранее опубликован [Разумова, № 58].

90. Про Архана Архановича. Записала А. В. Белованова в июле 1945 г. в д. Чуюла от А. Г. Митрофановой, 62 л. НА КарНЦ 16/123. СУС 516 *Верный слуга*: царевич разыскивает любовника своей жены; находит и братается с богатырем; помогает ему в женитьбе, предотвращает смерть; сам превращается в камень; оживлен кровью богатыря. Не слишком распространенный сюжетный тип (в Указателе учтены 14 русских вариантов), впервые представлен в издании XVIII в. [Повествователь, с. 49—83].

ИСПОЛНИТЕЛИ СКАЗОК

- Белая Анна Прокопьевна, 1938 г. р. — № 65.
Белая Елена Петровна, 1893 г. р. — № 66.
Бобкова Светлана, 1968 г. р. — № 32.
Болтушкина Марья Егоровна, 1868 г. р. — № 30.
Вершинина Ювеналия Михайловна, 1926 г. р. — №№ 1—3.
Данилина Ольга Семеновна, 1924 г. р. — №№ 33—34.
Егорова Аксинья Дмитриевна, 1900 г. р. — №№ 35—37.
Егорова Мария Павловна, 1912 г. р. — №№ 20—29.
Елисеева Анна Васильевна, 1906 г. р. — №№ 38—39.
Коренев Герасим Игнатьевич, 1873 г. р. — № 16.
Крюкова Ольга Акимовна, 1915 г. р. — №№ 40—41.
Крюкова Ольга, 1963 г. р. — № 42.
Кузнецова Мария Павловна, 1865 г. р. — №№ 43—44.
Ладзянова Елена Ивановна, 1919 г. р. — №№ 4—12.
Леонтьев Петр Яковлевич, 1893 г. р. — №№ 17—19.
Лещёва Елизавета Федоровна, 1903 г. — № 45.
Лёвина Евдокия Макаровна, 1895 г. р. — №№ 74—88.
Лёвина Надежда, 1962 г. р. — № 89.
Минина Галина, 1961 г. р. — № 46.
Митрофанова Александра Ивановна, 1882 г. р. — № 90.
Никифорова Анна Степановна, 1929 г. р. — №№ 47—48.
Петрова Мария Васильевна, 1887 г. р. — № 64.
Пименова Анастасия Ивановна, 1932 г. р. — №№ 49—50.
Пименова Мария Ильинична, 1899 г. р. — №№ 67—73.
Рахманова Анна Игнатьевна, 1906 г. р. — №№ 51—52.
Соловьева Анна Андреевна, 1919 г. р. — № 53.
Сухова Лидия Николаевна, 1920 г. р. — №№ 54—59.
Ушкова Марфа Макаровна, 1902 г. р. — № 31.
Фофанов Степан Петрович, 1893 г. р. — №№ 60—62.
Фофанова Татьяна Григорьевна, 1898 г. р. — № 63.
Яшова Анна Ивановна — №№ 13—15.

СПИСОК НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ

Бостилово — №№ 1—15.

Вама — № 16.

Гумарнаволок — №№ 17—19.

Канзанаволок — №№ 20—29.

Колгостров — №№ 30—31.

Куганаволок — №№ 32—63.

Нижняя Половина — № 64.

Пёлгостров — №№ 65—73.

Пога — №№ 74—89.

Чуяла — № 90.

СЛОВАРЬ МЕСТНЫХ И МАЛОПОНЯТНЫХ СЛОВ

Ажно — даже.

Андель — удивление.

Бабить — принимать новорожденных.

Бажоный — милый, желанный.

Божатка — крестная мать.

Бурак — корзина из бересты с крышкой.

Верёх — верх.

Вместо — вместе.

Встречу — навстречу.

Выгонить — выгнать.

Выздынуть — поднять.

Выстать — встать.

Вышка — чердак.

Гад — змея.

Гажья — змеиная.

Гудок — музыкальный инструмент.

Даваться — проситься.

Дельницы — рукавицы.

Долонь — ладонь.

Дровни — сани для возки дров.

Е — есть, существует.

Жеребец-нутрец — молодой, необъезженный конь.

Житник — круглый хлеб.

Закуржаветь — покрыться инеем.

Запечница — домоседка.

Запоходить — собратся идти.

Запружить — зашуметь.

Заспать — заснуть.

Зень — земля.

Зыбка — колыбель.

Калитка — выпечка из ржаной муки с картофельной или пшенной начинкой.

Крестик — поклонный крест.

Кокшить — щекотать.

Копыл — брусok, скрепляющий нижнюю и верхнюю части саней.

Кут — угол.

Мясник — мясной суп.

Наиспашку — наотмашь.

Наб, нать — надо.

Наладить — приготовить.

Ночесь — прошлой ночью.

Нынь — теперь.

Обрадеть — обрадоваться.

Остатний — последний.

Перекупыться — превратиться.

Пешня — лом, которым пробивают лед.

Подорожник — еда в дорогу.

Пожня — сенокосный луг.

Полесовать — охотиться.

Полок — помост в бане, на котором парятся.

Порато — сильно, очень.

Порешить — убить.

Потомбалка — потом.

Походить — отправиться.

Пролуб — прорубь.

Протурить — выгнать.

Пуля — сопля, слюна.

Рибуши — рваная, старая одежда.

Розный — рваный.

Росстань — перекресток.

Рычать — громко звать, кричать.

Сечь, сичь — рубить.

Стоснуться — соскучиться.

Тукач — охапка, связка.

Ужахнуться — удивиться.

Урандать — храпеть.

Фатит — хватит.

Шаньги — ватрушки с кашей или картофелем.

Этта — здесь, тут.

Ю — её.

ОПИСЬ СКАЗОК ВОДЛОЗЕРЬЯ, НЕ ВОШЕДШИХ В СБОРНИК

В предлагаемом сборнике публикуются 90 сказок из Научного архива КарНЦ РАН. В данном разделе учитываются тексты, не вошедшие в издание. Основу его составляет описание А. П. Разумовой и Т. И. Сенькиной, где отмечены архивные материалы до 1976 г.⁷⁸, дополненная записями 1977 г. (коллекция 184), 1993 г. (коллекция 201), 1996—1997 гг. (видеокассеты № 10, 11).

БОСТИЛОВО

Анна Ивановна Яшова

Запись 1977 г. Т. И. Сенькиной, Т. С. Курец

1. Про ерша. Фрагмент. СУС 254**=АА 254* Ерш Ершович. НА КарНЦ 184/59 = ФА 2500/13.

2. Сказка. Человек приглашает двух охотников, умеющих играть на гармонии, на свадьбу сына; один из гармонистов просит хозяина показать черта и умирает; второй выясняет, что невеста была украдена вследствие проклятия родителей; спасает ее. Без СУС (ср.: СУС 813А=АА *813А Проклятая дочь). НА КарНЦ 184/61 = ФА 2500/15.

3. Солдат, прослуживший 25 лет, возвращается домой; ночует на кладбище, в гробе в пустой могиле; ночью приходит покойник (Господь); помогает впоследствии солдату шить сапоги, отгадать загадки царевны. Без СУС. НА КарНЦ 184/76 = ФА 2500/30.

⁷⁸ Описание коллекций текстов сказок Пудожского района Карельской АССР из Архива Карельского филиала АН СССР // Русские народные сказки Пудожского края. Петрозаводск, 1982. С. 323—331.

ГУМАРНАВОЛОК

Петр Яковлевич Леонтьев

Запись 1945 г. А. В. Беловановой

4. О царе и царском сыне. Царский сын нарушает запрет отца, улетает на деревянном орле в другое царство, овладевает девушкой, у них рождается сын, которого отдают на воспитание Бабе-яге; герой забывает жену, женится на другой; сын разыскивает родителей, в него влюбляется невеста отца; отец узнает в своем противнике сына, возвращается к первой жене. СУС 575 Деревянный орел (голубь), 873 Царь и купеческая дочь. НА КарНЦ 16/124.

КАНЗАНОВОЛОК

Мария Павловна Егорова

Запись 1974 г. М. Нигметовой, О. Устинской

5. Как царевич себе невесту искал. Младший из трех царских сыновей находит свою невесту с помощью бабы-яги, выполняет задания будущего тестя; спасаются от него бегством; по возвращении домой царевич забывает невесту, хочет жениться на другой; невеста напоминает о себе. СУС 313 А, В, С Чудесное бегство. НА КарНЦ 73/130 = ФА 2140/9.

6. Царевна-лягушка. Младший сын царя женится на лягушке; она выполняет задания царя лучше старших невесток; муж сжигает ее кожу, лягушка исчезает; царевич находит жену, губит Кощея. СУС 402 Царевна-лягушка, 400₁=АА 400 А Муж ищет исчезнувшую или похищенную жену. НА КарНЦ 73/131в = ФА 2141/4.

7. Конек-горбунок. Сыновья ловят вора на овсяном поле; младший сын останавливает коня, он приводит ему золотых же-

ребят и обещает достать коня-горбунка; братья крадут лошадей, продают царю; все выясняется; братья наказаны. СУС 531 Конек-горбунки. НА КарНЦ 73/131д = ФА 2141/6.

8. По щучьему веленью. Дурак щадит щуку; по ее велению делается все, что захочет герой (ведра с водой сами идут в дом, рубятся дрова и т. д.); дурак едет на печи к царю, возвращается обратно. СУС 675 «По щучьему велению». НА КарНЦ 73/131е = ФА 2141/7.

КУГАНОВОЛОК

Аксинья Дмитриевна Егорова

Запись 1974 г. М. Нигметовой, О. Устинской

9. Чертова невеста. Юноша не может сосватать невесту; произносит неосторожно: «черт бы дал невесту»; получает ее от лешего. СУС 813 А=АА *813А Проклятая дочь. НА КарНЦ 73/220 = ФА 2147/11.

10. Отдай, чего дома не знаешь. По требованию водяного купец отдает ему дочь; она с братом бежит от водяного; спасаясь от погони, бросают чудесные предметы, препятствующие водяному догнать их. СУС 313 А, В, С Чудесное бегство. НА КарНЦ 73/224 = ФА 2148/4.

11. Бурушко-Карюшко. Младший сын дежурит на могиле отца; получает в награду чудесного коня; с его помощью достает башмачок с ноги царевны; получает кольцо; женится на царевне. СУС 530=АА 530 Сивка-бурка. НА КарНЦ 73/226 = ФА 2148/6.

Анна Степановна Никифорова

Запись 1993 г. Т. В. Краснопольской

12. Сказка-небылица. Купец Баземский (реальное историче-

ское лицо. — А. Л.) женит сына Николая; угощает всех пьяниц округи; один из них — Петруха Коробов — рассказывает о том, как его проглотила щука-белуга в Пречистенском озере и как его спасли рыбаки, после чего он вернулся к жене. СУС 1889G Белуга поглощает человека. НА КарНЦ 201/31 = ФА 3292/31.

13. Сказка о купце Баземском. Повторная запись сказки: опись, № 12. СУС 1889G Белуга поглощает человека. НА КарНЦ 201/55 = ФА 3293/6.

Анастасия Ивановна Пименова

Запись 1997 г. В. П. Кузнецовой, А. А. Лапина

14. Заря-свет. Повторная запись сказки: сборник, № 50. СУС 432 Финист ясный сокол. ФА, в/кассета № 10.

15. Как девушки на пролубке пряли. Падчерица роняет веретено в прорубь; отправляется на поиски; за помощь получает от старичка лошадь с жеребенком, корову с теленком, овцу с ягненком и золотой сундучок; возвращается домой; ленивая дочь отправляется вслед за веретеном, но получает корзину с углями и золой. СУС —480*=АА 480А Мачеха и падчерица. ФА, в/кассета № 10.

16. Про лапотоx. Повторная запись сказки: сборник, № 49. СУС 170 «За скалочку — гусочку», 158 Звери в санях у лисы (старушки). ФА, в/кассета № 10.

Анна Игнатьевна Рахманова

Запись 1977 г. Т. И. Сенькиной, Т. С. Курец

17. Сказка про собаку, волка, охотника и лису. Повторная запись сказки: сборник, № 52. СУС 154=АА 154*, 154 I Мужик, медведь и лиса. НА КарНЦ 184/18 = ФА 2498/5.

18. Сказка про зайца и лису. Повторная запись сказки: сборник, № 51. СУС 36 Лис и волчиха (заяц и лиса). НА КарНЦ 184/19 = ФА 2498/6.

Анна Андреевна Соловьева

Запись 1977 г. Т. И. Сенькиной, Т. С. Курец.

19. Сказка про бычка. Повторная запись сказки: сборник, № 53. СУС 170 «За скалочку — гусочку». НА КарНЦ 184/17 = ФА 2498/4.

Лидия Николаевна Сухова

Запись 1993 г. Т. В. Краснопольской, В. П. Кузнецовой, А. В. Окунева

20. Сказка-анекдот. Мужик привез жену из Германии и заставил ее молоть на ручных жерновах. Без СУС. НА КарНЦ 201/85 = ФА 3293/36.

21. Сказка-помазка. Фрагмент вопросно-ответного текста. СУС 2016*, 2018=АА *2015 I Кумулятивные (цепные) сказки разного рода. НА КарНЦ 201/87 = ФА 3293/38.

22. Сказка-помазка. Повторная запись сказки: опись, № 19. СУС 2016*, 2018=АА *2015 I Кумулятивные (цепные) сказки разного рода. НА КарНЦ 201/115 = ФА 3294/23.

23. Шел бык по льду. Фрагмент. СУС 2300=АА *2020 Докучные сказки. НА КарНЦ 201/116 = ФА 3294/24.

ПЁЛГОСТРОВ

Мария Ильинична Пименова

Запись 1973 г. Е. М. Гин, Е. И. Ру사ковой

24. Конек-горбунук. Фрагмент. Младший сын отслеживает кобылицу-златолицу, которая топчет пшеницу; кобылица дарит герою Конька-горбунка. СУС 531 Конек-горбунук. НА КарНЦ 133/164 = ФА 1940/6.

ПОГА

Евдокия Макаровна Лёвина

Запись 1973 г. А. П. Разумовой, Т. А. Коски, Е. И. Русаковой

25. Про стеклянной гроб. Мачеха приказывает увезти падчерицу в лес, она попадает к охотникам, выходит замуж; мачеха дважды пытается отравить ее; девушка оживает, остается с мужем. СУС 709 Волшебное зеркальце (Мертвая царевна). НА КарНЦ 133/99 = ФА 1937/2.

26. Двенадцать разбойников. Девушка случайно попадает к разбойникам, видит изрубленные тела; спасается бегством; рассказывает сон, воспроизводя то, что видела в доме разбойников. СУС 956 В Девушка и разбойники. НА КарНЦ 133/102 = ФА 1937/5.

27. Как Иван-конюх достал царю невесту. Старший конюх царя имеет волшебного коня; другие конюхи лгут на него царю; царь посылает его достать жар-птицу, Марью-царевну; героя бросают в кипящее молоко; он выдерживает все испытания, становится царем. СУС 531 Конек-горбунук. НА КарНЦ 133/108 = ФА 1938/2.

Запись 1974 г. Е. И. Русаковой, М. Нигметовой, О. Устинской

28. Умная дочь. Девушка отвечает на вопросы, ставит судью в затруднительное положение; становится женой пана, судит за него; пан прогоняет ее; жена забирает пана с собой как самое для нее драгоценное. СУС 875 Семилетка (Мудрая девушка). НА КарНЦ 73/19 = 2128/1.

29. О трех братьях. Повторная запись сказки: сборник, № 81. СУС 566 Пога. НА КарНЦ 73/20 = ФА 2128/2.

30. Как старушка поменяла лапоток на курочку. Старуха ночует с лапотком; утром за якобы пропавший лапоток требует

курицу, потом барашка, бычка; запрягает бычка в сани; встречает зверей; они съедают бычка. СУС 170 «За скалочку — гусочку», 158 Звери в санях у лисы (старушки). НА КарНЦ 73/24 = ФА 2128/6.

31. Про Жар-птицу. Повторная запись сказки: опись, № 24. СУС 531 Конек-горбунок. НА КарНЦ 73/25 = ФА 2129/1.

32. Сказка-помазка. Вопросно-ответная конструкция. СУС 2016*, 2018=АА *2015 I Кумулятивные (цепные) сказки разного рода. НА КарНЦ 73/26 = ФА 2129/2.

33. Кот в сапогах. Младший сын получает в наследство кота; тот добывает для хозяина дворец людоеда; герой женится. СУС 545 В Кот в сапогах. НА КарНЦ 73/27 = ФА 2129/3.

34. Про Кузьму Скоробогатого. Бедный юноша обманывает царя, выдает себя за богатого; просит мерника измерить количество денег; просит пастухов говорить царю, что стадо принадлежит ему; женится на царевне. СУС 545 В Кот в сапогах. НА КарНЦ 73/28 = ФА 2129/4.

35. Про Сивушка-бурушка, вещего воронеюшка. Младший брат дежурит на могиле отца; получает в награду чудесного коня; добывает невесту; братья узнают его в качестве мужа царевны. СУС 530=АА 530 А Сивка-бурка. НА КарНЦ 73/31 = ФА 2129/7.

36. Жар-птица. Младший сын добывает жар-птицу; волк помогает ему добыть чудесного коня, царевну; дядя отрубает герою голову; воронята оживляют его; он женится на царевне. СУС 550 Царевич и серый волк. НА КарНЦ 73/32 = ФА 2129/8.

37. Волшебное кольцо. Повторная запись сказки: сборник, № 80. СУС 560 Волшебное кольцо. НА КарНЦ 73/33 = ФА 2130/1.

38. Царевна-лягушка. Повторная запись сказки: сборник, № 74. СУС 402 Царевна-лягушка, 400₁=АА 400 А Муж ищет исчезнувшую или похищенную жену, 302₁=АА 302 Смерть Кощея в яйце. НА КарНЦ 73/34 = ФА 2130/2.

39. Женщина с золотыми волосами. Повторная запись сказки: сборник, № 75. Без СУС. НА КарНЦ 73/35, 36 = ФА 2130/3.

40. Бур Коровёр. Повторная запись сказки: сборник, № 78. СУС 303=К 300 Два брата, 300₁=АА 300 А Победитель змея. НА КарНЦ 73/37 = ФА 2131/2.

41. Глиняный паренек. Повторная запись сказки: сборник, № 76. СУС 2028=АА 333*В Глиняный Иванушка (Пыхтелка). НА КарНЦ 73/38 = ФА 2131/3.

42. Мужик и водяной. Девушка отдана водяному, выходит за него замуж. СУС 313 А, В, С Чудесное бегство. НА КарНЦ 73/40 = ФА 2131/5.

43. Как отец женился на своей дочери. Отец хочет жениться на дочери; ее спасает мышка; отец напускает на дочь порчу, отказывается от нее; девушка выходит замуж, снова начинает говорить. СУС 510В Свиной чехол. НА КарНЦ 73/41 = ФА 2131/6.

44. Сулюс. Падчерицу-золотоволоску увозят в лес; звери приносят ей теплую одежду; она выходит замуж за юношу, который отвергает родную дочь мачехи. СУС 480=АА 480*С Мачеха и падчерица. НА КарНЦ 73/42 = ФА 2131/7.

45. Стеклойной гроб. Повторная запись сказки: опись, № 22. СУС 709 Волшебное зеркальце (Мертвая царица). НА КарНЦ 73/43 = ФА 2132/1.

46. Двенадцать разбойников. Повторная запись сказки: опись, № 23. СУС 956 В Девушка и разбойники. НА КарНЦ 73/44 = ФА 2132/2.

47. Молодец спасает от змея царицу и женится на ней. Герой трижды сражается со змеем; женится на царице. СУС 300₁=АА 300А Победитель змея. НА КарНЦ 73/45 = ФА 2132/3.

48. Сестрица Аленушка и братец Иванушка. Братец превращается в козленочка; сестра выходит замуж за царевича; баба-яга губит ее, заменяет своей дочерью, требует убить козленочка;

все выясняется; сестру поднимают из воды; бабу-ягу и ее дочь прогоняют. СУС 450 Братец и сестрица. НА КарНЦ 73/46 = ФА 2132/5, 2133/1.

49. Снегурочка. Старик и старуха лепят девочку из снега; она тает, прыгая через костер; лепят вторую, берегут ее. СУС 703*=АА *703 Снегурочка. НА КарНЦ 73/47 = ФА 2133/2.

50. Репка. Дед не может вытянуть репу, зовет на помощь бабу, мышку и др.; вытягивают репку. СУС 2044=АА 1960* D I Репка. НА КарНЦ 73/48 = ФА 2133/3.

51. Волк и семеро козлят. В отсутствие козы волк съедает козлят, хочет съесть козу; она предлагает ему прыгать через яму; волк попадает в нее, козлята освобождены. СУС 123 Волк и козлята. НА КарНЦ 73/49 = ФА 2128/4.

52. Маша и три медведя. Девочка попадает к медведям; ест и отдыхает у них; убегает; возвращается домой. Без СУС. Пересказ сказки А. Н. Толстого «Три медведя». НА КарНЦ 73/50 = ФА 2133/5.

53. Маша и медведь. Девушка попадает в дом к медведю; посылает его с гостинцами к своим родителям; сама садится в кошель, остается у родителей. СУС 311 Медведь (леший, чародей, разбойник) и три сестры. НА КарНЦ 73/51 = ФА 2133/6.

54. Гуси-лебеди. Сестра разыскивает пропавшего братца, по пути она не хочет есть яблок с яблоньки, хлеба из печки; находит братца, ласково обходится с печкой, яблоней, речкой; передает брата родителям. СУС 480А*=АА 480*Е Сестра (три сестры) отправляется спасать своего брата. НА КарНЦ 73/52 = ФА 2133/7.

55. Было у Нестера детей шестеро. Бедняк получает от старца кромку хлеба (от нее не убывает), скатерть-хлебосолку, котомку; чудесные предметы отнимает старший брат; молодцы из котомки бьют богатого; вещи возвращаются хозяину. СУС 563 Чудес-

ные дары, 564 Чудесные дары (Двое из сумы). НА КарНЦ 73/58 = ФА 2134/1.

56. Небо падё, само лоба даё. Петушок подавился бобом; курочка идет к липе за листом, к реке за водой; курица от шума распавшегося костра бежит в страхе («небо падё»); за ней бегут звери и птицы; попадают в яму; петух и курица бегут домой. СУС 2021А=АА *241 I, 2032 Смерть петушка, 20С Звери бегут от кончины мира (войны). НА КарНЦ 73/59 = ФА 2134/2.

57. Про попа и работника. Работник ворует у попа зерно; ставит к амбару умершую тещу попа; убивает корову попа, сажает мертвую тещу на лошадь, кладет ей в руки топор; поп и попадьа бегут от работника, ночуют у реки, поп тонет; работник живет с попадьей, воспользовавшись богатством; возвращается домой. СУС 1536 А=АА 1536 Покойница-воровка. НА КарНЦ 73/60 = ФА 2134/3.

58. Хитрая лиса. Повторная запись сказки: сборник, № 79. СУС 1 Лиса крадет рыбу с воза (саней), 2 Волк у проруби, 3 Лиса обмазывает голову тестом (сметаной), 4 «Битый небитого везет». НА КарНЦ 73/62 = ФА 2134/5.

59. Морозко. Мачеха требует отвезти падчерицу в лес; Мороз награждает ее теплой одеждой, постелью; за грубое обращение губит родную дочь мачехи. СУС 480=АА 480*В Мачеха и падчерица. НА КарНЦ 73/63 = ФА 2134/6.

60. Филипп ясный сокол. Герой попадает в руки бабы-яги; жена ищет его, с помощью доброй колдуньи находит и возвращает домой. СУС 425А Амур и Психея. НА КарНЦ 73/64 = ФА 2134/7.

61. Про кобылицу-золотицу 12 жеребцов. Сыновья короля должны поймать вора, который портит засеянные пшеницей поля; младший брат ловит кобылицу и жеребят; женится на царевне. СУС 531=К 531 Конек-горбунок. НА КарНЦ 73/65 = ФА 2134/8.

62. Лихая мачеха. Падчерице во всем помогает корова ее матери; мачеха приказывает убить корову, выкалывает глаза у падчерицы и вынимает ее сердце; девушка выздоравливает, выходит замуж. СУС 511 Чудесная корова. НА КарНЦ 73/66 = ФА 2135/1.

63. Золотое блюдечко и серебряное яблочко. Младшая дочь просит отца привезти ей нарядную одежду; при посещении церкви девушку замечает царский сын; на смоляном пороге она оставляет туфель, на скобе перчатку; выходит за царевича замуж; сестры узнают в ней запечницу. СУС 510А Золушка. НА КарНЦ 73/67 = ФА 2135/2.

ЧУЯЛА

Александра Гавриловна Митрофанова

Запись 1945 г. А. В. Беловановой.

64. Сказка про Ивана, купецкого сына. Юноша получает от змеи чудесный перстень и женится на царевне; царевна похищает кольцо; животные (кошка, собака) возвращают кольцо хозяину. СУС 560 Волшебное кольцо. НА КарНЦ 16/131.

УКАЗАТЕЛЬ СЮЖЕТНЫХ ТИПОВ

Сказки, представленные на страницах сборника и включенные в Опись не вошедших в издание текстов, соотносятся с сюжетными типами СУС.

СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ

- 1 *Лиса крадет рыбу с воза (саней)* — № 79, № 58 (оп.)
2 *Волк у проруби* — № 79, № 58 (оп.)
3 *Лиса обмазывает голову тестом (сметаной)* — № 79, № 58 (оп.)
4 *«Битый небитого везет»* — № 79, № 58 (оп.)
15 *Лиса-повитуха* — № 13, № 70
20С *Звери бегут от кончины мира (войны)* — № 56 (оп.)
36 *Лис и волчиха (заяц и лиса)* — № 51, № 18 (оп.)
37 *Лиса-нянька (плачя)* — № 13, № 70
43 *Лубяная и ледяная хата* — № 83
61В=АА *61 II *Кот, петух и лиса* — № 37, № 41
103 (103А и 103А*) *Кот и дикие животные* — № 84
123 *Волк и козлята* — № 51 (оп.)
154=АА 154*, 154 I *Мужик, медведь и лиса* — № 52, № 17 (оп.)
158 *Звери в саях у лисы (старушки)* — № 9, № 49, № 16 (оп.), № 30 (оп.)
—161А**=АА *160 I *Медведь и старуха* — № 77
162А* *Дед, баба и волк* — № 63
163=АА *162 *Пение волка (реже — медведя)* — № 4, № 40, № 57, № 73

170 «За скалочку — гусочку» — № 9, № 49, № 53, № 16 (оп.),
№ 19 (оп.), № 30 (оп.)

254**=AA 254* *Ерш Ершович* — № 1 (оп.)

298A=AA*298 I=K 278 *Спор мороза с морозом* — № 87

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

300₁=AA 300A *Победитель змея* — № 78, № 40 (оп.), №
47 (оп.)

302₁ *Смерть Кощея в яйце* — № 68, № 74

303=K 300 *Два брата* — № 78, № 40 (оп.)

311 *Медведь (леший, чародей, разбойник) и три сестры* —
№ 32, № 58, № 53 (оп.)

313 A, B, C *Чудесное бегство* — № 5 (оп.), № 10 (оп.), №
42 (оп.)

314A*=AA *314 I *Бычок (лось, вол, птицы)-спаситель* — №
26

327B *Мальчик с пальчик у ведьмы* — № 88

400₁=AA 400A=K 400A, B, C *Муж ищет исчезнувшую или по-
хищенную жену* — № 74, № 6 (оп.), № 38 (оп.)

402 *Царевна-лягушка* — № 74, № 6 (оп.), № 38 (оп.)

410 *Спящая царевна* — № 22

410*=AA *410 I *Окаменелое царство* — № 30

425A *Амур и Психея* — № 1, № 31, № 60 (оп.)

430 *Муж-осел (баран, козел, пес)* — № 21

432 *Финист ясный сокол* — № 50, № 69, № 14 (оп.)

449=AA *449A, B *Царская собака (Сиди-Науман)* — № 18

450 *Братец и сестрица* — № 48 (оп.)

480=AA 480*B *Мачеха и падчерица* — № 10, № 59 (оп.)

480=AA 480*C *Мачеха и падчерица* — № 66, № 44 (оп.)

- 480*=AA 480А *Мачеха и падчерица* — № 15 (оп.)
- 480А*=AA 480*Е *Сестра (три сестры) отправляется спасать своего брата* — № 42, № 54 (оп.)
- 508=AA 508 *Благодарный мертвец* — № 30
- 510А *Золушка* — № 63 (оп.)
- 510В *Свиной чехол* — № 43 (оп.)
- 511 *Чудесная корова* — № 25, № 62 (оп.)
- 516 *Верный слуга* — № 90
- 518 *Обманутые черти (лешие)* — № 68
- 530=AA 530А *Сивко-Бурко* — № 6, № 11 (оп.), № 35 (оп.)
- 531 *Конек-горбунок* — № 7 (оп.), № 24 (оп.), № 27 (оп.), № 31 (оп.), № 61 (оп.)
- 545В *Кот в сапогах* — № 33 (оп.), № 34 (оп.)
- 550 *Царевич и серый волк* — № 36 (оп.)
- 551 *Молодильные яблоки* — № 2
- 552А=AA 552 *Животные-зятья* — № 68
- 554 *Благодарные животные* — № 74
- 555 *Коток золотой лобок (золотая рыбка, чудесное дерево)* — № 5
- 560 *Волшебное кольцо* — № 80, № 37 (оп.), № 64 (оп.)
- 561 *Лампа Аладина* — № 20
- 563 *Чудесные дары* — № 55 (оп.)
- 564 *Чудесные дары (двое из суммы)* — № 36, № 55 (оп.)
- 566 *Рога* — № 81, № 29 (оп.)
- 567 *Чудесная птица* — № 18
- 575 *Деревянный орел (голубь)* — № 4 (оп.)
- 665 *Скорый гонец* — № 82
- 675 *«По щучьему велению»* — № 7, № 46, № 8 (оп.)
- 703*=AA *703 *Снегурочка* — № 49 (оп.)
- 706 *Безручка* — № 23
- 707 *Чудесные дети* — № 8, № 43

709 Волшебное зеркальце (Мертвая царевна) — № 12, № 67,
№ 25 (оп.), № 45 (оп.)

735А Горе (Нужда) — № 24

НОВЕЛЛИСТИЧЕСКИЕ СКАЗКИ

813А=АА *813А Проклятая дочь — № 9 (оп.)

—855*=АА *855 Солдат и царевна (трактирищица) — № 19

873 Царь и купеческая дочь — № 4 (оп.)

875 Семилетка (Мудрая девушка) — № 64, № 28 (оп.)

882А Спор о верности жены — № 15

921 Невестины (мальчика, мудрой девы Февронии) загадки
— № 64

927А* Старое седло (Старый хомут) — № 17

955 Жених-разбойник — № 72

956В Девушка и разбойники — № 26 (оп.), № 46 (оп.)

СКАЗКИ ОБ ОДУРАЧЕННОМ ЧЕРТЕ

1003 Пахота с собакой — № 3

—1004** Медведь в упряжке — № 3

1120 Хозяйка (поп) сброшена в воду вместо работника — № 3

1164 Злая жена в яме (Бельфагор) — № 60

АНЕКДОТЫ

1240 (Глупец) рубит под собой сук — № 34

1360В Спрятавшийся муж (посторонний) видит жену с любовником, пугает и прогоняет их — № 62

- 1370Е* *Ленивая жена не хочет жать* — № 56
- 1380 *Неверная жена и муж, притворившийся ослепшим (Николай Дупленский)* — № 85
- 1525К*=АА *1525 I *Кому должна достаться шуба (корона, кубок)* — № 16
- 1535=АА 1535А и 1535*В *Дорогая кожа* — № 29
- 1536А=АА 1536 *Покойница-воровка* — № 57 (оп.)
- 1539 *Шут* — № 61
- 1540А*=АА *1541 I *Мужик выпрашивает у барыни свинью в гости* — № 28
- 1557=АА *1637=К 928 *«Передай дальше!»* — № 17
- 1696=АА 1696А *Набитый дурак* — № 27
- 1831 *Воровская обедня* — № 65
- 1889 G *Белуга поглощает человека* — № 12 (оп.), № 13 (оп.)
- 2016*, 2018=АА *2015 I *Кумулятивные (цепные) сказки разного рода* — № 33, № 47, № 59, № 20 (оп.), № 21 (оп.), № 32 (оп.)
- 2021А=АА *241 I, 2032 *Смерть петушка* — № 35, № 56 (оп.)
- 2025=АА *296 *Колобок* — № 45, № 71
- 2028= АА 333*В *Глиняный Иванушка (Пыхтелка)* — № 76, № 41 (оп.)
- 2044=АА 1960*DI *Репка* — № 70, № 50 (оп.)
- 2300=АА *2020 *Докучные сказки* — № 11, № 38, № 39, № 54, № 55, № 23 (оп.)

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Авдеева — Сказки, изданные Е. А. Авдеевой // Русские сказки в записях и публикациях первой половины XIX века / сост., вступ. статья и коммент. Н. В. Новикова. Л., 1961. С. 157—173.

Афанасьев — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. / изд. подгот. Л. Г. Бараг и Н. В. Новиков. М., 1984.

Дедушкины прогулки — Дедушкины прогулки, или продолжение настоящих русских сказок (1786 г.) // Лекарство от задумчивости. Русская сказка в изданиях 80-х годов 18 века. СПб., 2001. С. 131—228. (Полное собрание русских сказок. — Т. 5).

Друковцов — Сава, ночная птица, повествующая русские сказки, из былей составленные господином статским советником и Вольного Санкт-петербургского экономического общества членом, Сергием Васильевичем Друковцовым. 1-м тиснением. СПб., 1779.

Левшин — Левшин В. А. Русские сказки. В 2 книгах. Кн. 1. СПб., 2008. (Полное собрание русских сказок. — Т. 16).

Лекарство — Лекарство от задумчивости и бессонницы, или настоящие русские сказки (1786 г.) // Лекарство от задумчивости. Русская сказка в изданиях 80-х годов 18 века. СПб., 2001. С. 39—130. (Полное собрание русских сказок. — Т. 5).

Лойтер — Русский детский фольклор Карелии / сост., автор вступ. ст. и коммент. С. М. Лойтер. Петрозаводск, 1991.

Лызлова — Лызлова А. С. Сказки Водлозерья: Репертуар Евдокии Макаровны Лёвиной (д. Пога) // Живая старина. 2011. № 2. С. 8—11.

Погудка — Старая погудка на новый лад. Русская сказка в изданиях конца XIX века. СПб., 2003. (Полное собрание русских сказок. — Т. 8).

Подснежник — Подснѣжник. Журналь для дѣтскаго и юноше-

скаго возрастовъ, издаваемый В. Н. Майковымъ. № 1. Январь. СПб., 1858.

Повествователь — Повествователь русских сказок. М., 1787.

Пудожье — Русские народные сказки Пудожского края / сост. А. П. Разумова и Т. И. Сенькина. Петрозаводск, 1982.

Разумова — Дети-сказочники / сост. И. А. Разумова. Петрозаводск, 1995.

Садовников — Сказки и предания Самарского края. Собраны и записаны Д. Н. Садовниковым. СПб., 2003. (Полное собрание русских сказок. — Т. 10).

Сказка о утке — Сказка о утке с золотыми яичками. Спб., 1789.

Смирнов — Сказки Кенского волочка / вступ. статья, подготовка текстов и примечания Ю. И. Смирнова. Архангельск, 2004.

СУС — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, Н. В. Новиков. Л. 1979.

Тимофеев — Сказки русские, содержащие в себе 10 различных сказок. Собраны и записаны Петром Тимофеевым (1787 г.) // Лекарство от задумчивости. Русская сказка в изданиях 80-х годов 18 века. СПб., 2001. С. 229—378. (Полное собрание русских сказок. — Т. 5).

Хомяков — Хомяков Е. Забавный рассказчик, повествующий разные истории, сказки и веселые повести. Сочинение одного россиянина. Ч. I—II. М., 1791.

Худяков — Худяков И. А. Великорусские сказки. Великорусские загадки. СПб., 2001. (Полное собрание русских сказок. — Т. 6).

Чистов — Перстенок — двенадцать ставешков (Избранные русские сказки Карелии) / сост., вступ. статья и коммент. К. Чистова. Петрозаводск, 1958.

Помощь в работе по подготовке сборника оказали многие люди. Особые слова благодарности адресуются сотрудникам национального парка «Водлозерский», и лично Е. Н. Холодовой, Н. А. Белкиной, Н. В. Червяковой, В. В. Мальбергу и Т. В. Мальберг. Большое спасибо всем жителям д. Куганаволок — родственникам и односельчанам исполнителей сказок. Также благодарю сотрудников ИЯЛИ КарНЦ РАН В. П. Кузнецову и К. К. Логинова.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ	3
О СКАЗОЧНОЙ ТРАДИЦИИ ВОДЛОЗЕРЬЯ	5

БОСТИЛОВО

Ювеналия Михайловна Вершинина

1. [ПОСУЛЁНЫШ]	47
2. [МОЛОДИЛЬНЫЕ ЯБЛОКИ]	54
3. [СКАЗКА ПРО ПАСТУХА]	61

Елена Ивановна Ладзянова

4. СЕМЕРО ОВЕЦ	64
5. [СКАЗКА О ЗОЛОТОЙ РЫБКЕ]	65
6. [СИВКО-БУРКО]	66
7. [ПО ЩУЧЬЕМУ ВЕЛЕНИЮ]	71
8. [ЧУДЕСНЫЕ ДЕТИ]	73
9. [КУРОЧКУ ЗА УТОЧКУ]	77
10. [МАЧЕХА И ПАДЧЕРИЦА]	80
11. [ПРО ПОПА]	82
12. [ВОЛШЕБНОЕ ЗЕРКАЛЬЦЕ]	83

Анна Ивановна Яшова

13. [ЛИСА-ПЛАКАЛЬЩИЦА]	86
14. [ПРИСКАЗКА]	88
15. [СПОР О ВЕРНОСТИ ЖЕНЫ]	89

ВАМА

Герасим Игнатьевич Коренев

16. [СКАЗКА О ТУЛУПЕ]	92
-----------------------------	----

ГУМАРНАВОЛОК

Петр Яковлевич Леонтьев

17. ПРО ЦАРЯ И СОЛДАТА	95
18. СКАЗКА ПРО ЗНАМЕНИТОГО КУПЦА	99
19. О ЦАРЕ И СОЛДАТЕ	115

КАНЗАНАВОЛОК

Мария Павловна Егорова

20. ВОЛШЕБНАЯ ЛАМПА	136
21. СЫН-МЕДВЕДЬ	140
22. СПЯЩАЯ ЦАРЕВНА	145
23. ЗЛАЯ НЕВЕСТКА	146
24. БЕДА	149
25. КАТЕНЬКА, ТРЕХГЛАЗКА И ЗЛАЯ МАЧЕХА	152
26. ГРУШЕНЬКА И БАБА-ЯГА	155
27. ИВАНУШКА-ДУРАЧОК	158
28. ЛУТОНЮШКА	161
29. ТРИ БРАТА	163

КОЛГОСТРОВ

Марья Егоровна Болтушкина

30. ПРО БОГАТЫРЕЙ	170
-------------------------	-----

Марфа Макаровна Ушкова

31. ПРО ФИФИЛИСТА	177
-------------------------	-----

КУГАНАВОЛОК

Светлана Бобкова

32. МАША И МЕДВЕДЬ	185
--------------------------	-----

Ольга Семеновна Данилина

33. МАРЬЯ-ЦАРЕВНА СПÓРОДИЛА СЫНА 188

34. ПРО АСТРОДАМУШКУ 189

Аксинья Дмитриевна Егорова

35. ПЕТУШОК ДА КУРУШКА 190

36. ВОЛШЕБНАЯ ОСИНА 192

37. КОТ ДА ПЕТУХ 196

Анна Васильевна Елисеева

38. ЖИЛ-БЫЛ СТАРИЧОК 199

39. ЖИЛ-БЫЛ ПОП 199

Ольга Акимовна Крюкова

40. ПРО СЕМЬ ОВЕЧЕК, СТАРИКА И СТАРУШКУ 200

41. ПЕТЯ-ПЕТУШОК 201

Ольга Крюкова

42. ГУСИ-ЛЕБЕДИ 203

Мария Павловна Кузнецова

43. [ЧУДЕСНЫЕ ДЕТИ] 205

44. ПРО ОРИНУ 207

Елизавета Фёдоровна Лещёва

45. СКАЗКА ПРО КОЛОБОК 209

Галина Минина

46. ПО ЩУЧЬЕМУ ВЕЛЕНЬЮ 212

Анна Степановна Никифорова

47. СКАЗКА-ПОМАЗКА 216
48. [МУЖИК И ПОП] 217

Анастасия Ивановна Пименова

49. ПРО ЛАПОТОК 219
50. ПРО ЗАРЮ СВЕТА ЯСНОГО СОКОЛА 223

Анна Игнатьевна Рахманова

51. О ЛИСЕ И ЗАЙЦЕ 230
52. О ЛИСИЦЕ 230

Анна Андреевна Соловьева

53. КАК МУЖИК КУРУШКУ НА БЫКА ПРОМЕНЯЛ 231

Лидия Николаевна Сухова

54. РАССКАЖУ ТЕБЕ ГУСЯ 234
55. ШЕЛ БЫК ПО ЛЬДУ 234
56. ПРО ЛЕНИВУЮ ЖЕНУ 234
57. СЕМЕРО ОВЕЦ, СОЛОМЕННЫЙ ХЛЕВЕЦ 235
58. [МЕДВЕДЬ И ДВЕ СЕСТРЫ] 236
59. СКАЗКА-ПОМАЗКА 238

Степан Петрович Фофанов

60. СКАЗКА ПРО ХОНЬКУ 240
61. ПРО ПОПА 241
62. ПРО ПОПА И ГЕНЕРАЛЬСКУЮ ЖЕНУ 243

Татьяна Григорьевна Фофанова

63. [ДЕД, БАБА И ВОЛК] 246

НИЖНЯЯ ПОЛОВИНА

Мария Васильевна Петрова

64. БЫВАЛЬЩИНА	247
----------------------	-----

ПЁЛГОСТРОВ

Анна Прокопьевна Белая

65. [ВОРОВСКАЯ ОБЕДНЯ]	250
------------------------------	-----

Елена Петровна Белая

66. [МАЧЕХА И ПАДЧЕРИЦА]	251
--------------------------------	-----

Мария Ильинична Пименова

67. МЕРТВАЯ ЦАРЕВНА	253
68. КОЩЕЙ БЕССМЕРТНЫЙ	256
69. МАРЬЯ-ЗАПЕЧНИЦА	264
70. [РЕПКА НА БАЕНКЕ]	269
71. КОЛОБОК	271
72. СКАЗКА ПРО АНИТОЧКУ	273
73. ПРО МЕДВЕДЯ	278

ПОГА

Евдокия Макаровна Лёвина

74. СКАЗКА ПРО КОЩЕЯ	280
75. ЦАРЬ ТЬМА	296
76. ГЛИНЯНЫЙ ПАРЕНЕК	306
77. ТЕПЛУШКА	307
78. БУР-КОРОВЁР	309
79. ВОЛК И ЛИСА	314
80. [ВОЛШЕБНОЕ КОЛЬЦО]	316
81. [РОГА]	321

82. ПРО СЕМЁНА	328
83. ЛИСА И ЗАЯЦ	334
84. КАК ЛИСА ВЫШЛА ЗА КОТА ЗАМУЖ	336
85. ПРО НЕВЕРНУЮ ЖЕНУ	338
86. ЗАРАБОТАННЫЙ РУБЛЬ	341
87. ПОСПОРИЛИ ДВА МОРОЗА, КТО БЫСТРЕЕ ЗАМОРОЗИТ ЧЕЛОВЕКА	344
88. ПРО ДИМКУ И СТАРУХУ-ЛЮДОЕДКУ	345

Надежда Лёвина

89. ЗАРАБОТАННЫЙ РУБЛЬ	350
------------------------------	-----

ЧУЯЛА

Александра Гавриловна Митрофанова

ПРО АРХАНА АРХАНОВИЧА	351
-----------------------------	-----

ПРИМЕЧАНИЯ	365
ИСПОЛНИТЕЛИ СКАЗОК	398
СПИСОК НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ	399
СЛОВАРЬ МЕСТНЫХ И МАЛОПОНЯТНЫХ СЛОВ	400
ОПИСЬ СКАЗОК ВОДЛОЗЕРЬЯ, НЕ ВОШЕДШИХ В СБОРНИК	403
УКАЗАТЕЛЬ СЮЖЕТНЫХ ТИПОВ	414
ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	419

Научное издание

Составитель Анастасия Сергеевна Лызлова

СКАЗКИ ВОДЛОЗЕРЬЯ

Памятники русского фольклора Водлозерья

*Утверждено к печати Учёным советом
Института языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН*

Компьютерная верстка *О. В. Макарова*
Корректор *Е. А. Барбашина*

Подписано в печать 14.06.2013
Формат 60х90/16. Усл.-печ. л. 27,0.
Тираж 1000 экз. Заказ

Издательство BAREA
ИП Барбашина Е. А.
e-mail barbashina.barea@yandex.ru

Сказки Водлозерья / сост.

С 42 Анастасия Лызлова. - Петрозаводск :

Барбашина Е. А., 2013. - 432 с.

ISBN 978-5-905699-07-8

В сборнике публикуются сказки из Научного архива КарНЦ РАН, записанные в 1930-40-е, 1970-е и 1990-е годы на территории Водлозерья. Аппарат издания включает в себя вступительную статью, примечания, словарь местных слов, опись не вошедших в сборник сказок, различные указатели (сюжетных типов, исполнителей, населенных пунктов). Книга будет интересна фольклористам, этнографам, лингвистам, краеведам и всем любителям русского устного народного творчества.

УДК 398

ББК 82.3(2=411.2)-442 +
82.3(2Рос.Кар)-442